

Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

*«Противникам государственности хотелось бы
избрать путь радикализма, путь освобождения
от исторического прошлого, освобождения от
культурных традиций... Им нужны великие
потрясения, а нам нужна великая Россия!»
П.А. Столыпин*

ВЕСТНИК

Калининградского филиала
Санкт-Петербургского
университета МВД России

№ 1 (83) 2026

Vestnik of the Kaliningrad Branch
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia

Калининград - 2026

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер - ПИ № ФС77-84264 от 26 декабря 2022 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ - Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (СПБУ МВД России).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР - доктор юридических наук, профессор М.В. Бавсун.

Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (83). Калининград: Калининградский филиал СПБУ МВД России, 2026. 164 с.

Журнал включен в Национальную библиографическую базу данных научного цитирования - Научную электронную библиотеку Elibrary.ru и систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки);*
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки);*
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки);*
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки);*
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),*
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).*

Научные публикации, включенные в «Вестник», представляют **точку зрения авторов** на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, экономики, образовательного процесса и гуманитарных наук, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии и редакции журнала.

Приказом МВД России от 16 декабря 2011 г. №1250 Калининградский юридический институт МВД России реорганизован в форме присоединения к Санкт-Петербургскому университету МВД России в качестве филиала. В связи с этим издаваемый учебным заведением журнал переименован в «Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России».

Информация о журнале, требованиях к статьям и порядке представления их для опубликования доступна на сайте журнала (переход по QR-коду)

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ ЖУРНАЛА
в сети Интернет: <https://vestnikkf.ru>.
Электронная версия журнала расположена в сети Интернет по адресу: https://klif.univer.mvd.ru/Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala (https://калининградский.университет.мвд.рф/Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala).

АДРЕС РЕДАКЦИИ, ИЗДАТЕЛЯ И ТИПОГРАФИИ:

Россия, 236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.

Телефон: 8 (4012) 53-93-51; e-mail: vestnikkf@yandex.ru.

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, научно-исследовательское и редакционно-издательское отделение.

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии -

БАВСУН Максим Викторович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе).

Заместитель председателя редакционной коллегии -

АЛЕКСЕЕВА Анна Павловна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

АСТАФИЧЕВ Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

АНИСИМОВ Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону);

ВЕКЛЕНКО Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

ВИШНЕВСКИЙ Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор факультета права и департамента частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва);

ГРИГОРЬЕВ Анатолий Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

ДРОНОВА Ольга Борисовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России;

ЗАЙЦЕВ Анатолий Александрович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой физической культуры Калининградского государственного технического университета;

ИВАНОВА Светлана Витальевна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина;

КАПЛУНОВ Андрей Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

КАТКОВ Сергей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России;

КОЖЕВИНА Марина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России;

КОЛОСОВИЧ Марина Сергеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России;

МЕЛИХОВ Александр Иванович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России (г. Москва);

ПРАЦКО Геннадий Святославович, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону);

ПРИМАК Татьяна Клавдиевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград);

РЕДЬКО Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России;

РЫЖЕНКОВ Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста);

УХОВ Владимир Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

ФАДЕЕВА Виолетта Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

The editorial board

Chairman of the Editorial Board, Editor in Chief -

BAVSUN Maxim Viktorovich, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia (for scientific work).

Deputy Chairman of the Editorial Board -

ALEKSEEVA Anna Pavlovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

ASTAFICHEV Pavel Aleksandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

ANISIMOV Alexey Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines of the Don State Technical University (Rostov-on-Don);

VEKLENKO Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

VISHNEVSKY Alexander Alexandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Faculty of Law and Department of Private Law of the National Research University Higher School of Economics (Moscow);

GRIGORIEV Anatoly Nikolaevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

DRONOVA Olga Borisovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Forensic Technology of the Educational and Scientific Complex of Expert-Forensic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

ZAYTSEV Anatoly Aleksandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Physical Culture, Kaliningrad State Technical University;

IVANOVA Svetlana Vitalievna, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Orenburg Institute (branch) of the University named after O.E. Kutafina;

KAPLUNOV Andrey Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KATKOV Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Associate Professor,

Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KOZHEVINA Marina Anatolyevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KOLOSOVICH Marina Sergeevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

MELIKHOV Alexander Ivanovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow);

PRATSKO Gennady Svyatoslavovich, Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Commercial and Entrepreneurial Law of the Don State Technical University (Rostov-on-Don);

PRIMAK Tatyana Klavdievna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law and Process, Baltic Federal University named after I. Kant (Kaliningrad);

REDKO Alexander Aleksandrovich, Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

RYZHENKOV Anatoly Yakovlevich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Process, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista);

UKHOV Vladimir Yurievich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative Law of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

FADEEVA Violetta Vladimirovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Содержание

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А.П. АНИСИМОВ Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными: междисциплинарный аспект	9
Е.Л.КОЗЛОВА, Е.Д. БАРИНОВА Нецелевое расходование бюджетных средств: уголовно-правовая характеристика объективных признаков преступления.....	18
О.В. ОБЕРНИХИНА Об инициативе по совершенствованию института обратной силы уголовного закона	25
А.Д. СМЫР Эволюция законодательства, регулирующего уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств	34
К.Н. СТРЕЛЬНИКОВ Коррупционный стговор: понятие, сущность и признаки	41

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.П.АЛЕКСЕЕВА, Н.Н. БУТЕРА Междисциплинарный подход к изучению цифровых преступлений	47
И.А. ГОРКОВЕНКО Цифровая трансформация оперативно-разыскного противодействия органов внутренних дел преступности несовершеннолетних	55

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. СРЕТЕНЦЕВ Использование возможностей машинного распознавания образов в практике борьбы с преступностью	64
Д.А. ГРИНЁВА, Д.В. КАЙРГАЛИЕВ Криминалистическая характеристика цифровых преступлений, совершаемых несовершеннолетними: от теоретической основы к практической значимости	71

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

А.В. ПОЛЯКОВ Техническое проникновение в жилище при проведении оперативно-разыскных мероприятий	82
С.В. ПОПОВ Негласное содействие адвокатов оперативным подразделениям органов внутренних дел.....	88
И.А. КРАВЦУН Эффективность обучения организации информационно-пропагандистской работы в органах внутренних дел в рамках служебной и морально-психологической подготовки.....	96
В.И. МАКАРОВ Правовые и организационные основы служебно-профессионального продвижения в органах внутренних дел Российской Федерации.....	104

Содержание

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

А.И. ТАМБОВЦЕВ, Н.В. ПАВЛИЧЕНКО

Происхождение и развития оперативно-разыскных мероприятий: от прото-ОРМ до современных способов получения оперативной информации 111

ГОСУДАРСТВО. ОБЩЕСТВО. ПРАВО

А.Я. РЫЖЕНКОВ

Принцип общей, но дифференцированной ответственности в международном экологическом праве: теоретико-правовой аспект 119

А.И. МЕЛИХОВ, С.С. БОСХОЛОВ

Безопасность многонационального народа России как общенациональная идея 129

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

К.С. СЕРДОБИНЦЕВ

Философия – фундамент формирования рационального мировоззрения, патриотического воспитания курсантов образовательных организаций МВД России 139

Т.В. АНИСИМОВА

Место практико-ориентированного подхода в новой концепции образования 147

УГОЛОК РЕЦЕНЗЕНТА

О.Б. ДРОНОВА

Отзыв официального оппонента на диссертацию Елены Сергеевны Ивановой «Получение образцов для сравнительного исследования при раскрытии и расследовании преступлений: теория и практика» 156

Contents

CRIMINAL LAW AND FEATURES OF QUALIFICATION OF CRIMES

<i>Alexey ANISIMOV</i> Criminal liability for animal cruelty: an interdisciplinary aspect	9
<i>Elena KOZLOVA, Elena BARINOVA</i> Misappropriation of budget funds: criminal law characteristics of the objective elements of the crime	18
<i>Olesya OBERNIKHINA</i> On the initiative to improve the institution of retroactive effect of criminal law	25
<i>Alisa SMYR</i> The evolution of legislation providing for criminal liability for violation of traffic rules and the operation of vehicles	34
<i>Kirill STRELNIKOV</i> Corruption conspiracy: concept, essence and signs	41

THEORY AND PRACTICE OF LAW ENFORCEMENT

<i>Anna ALEKSEEVA, Natalia BUGERA</i> An interdisciplinary approach to the study of digital crime	47
<i>Igor GORKOVENKO</i> Digital transformation of operational investigative counteraction of internal affairs agencies to juvenile delinquency	55

CRIMINALISTICS RESEARCHES

<i>Andrey SRETENTSEV</i> Using machine pattern recognition capabilities for crime-fighting practice.....	64
<i>Darya GRINYOVA, Daniyar KAIRGALIEV</i> Criminalistic characteristics of digital crimes committed by minors: from theoretical basis to practical significance	71

IMPROVING THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

<i>Alexey POLYAKOV</i> Technical penetration into a dwelling during operational investigative activities	82
<i>Sergey POPOV</i> The covert assistance of advocates to the operational units of the internal affairs bodies	88
<i>Igor KRAVTSUN</i> The effectiveness of training in organizing information and propaganda work in the internal affairs agencies within the framework of service and moral-psychological training.....	96
<i>Vladislav MAKAROV</i> Legal and organizational framework for career advancement in the internal affairs agencies of the Russian Federation.....	104

PAGES OF THE HISTORY OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

<i>Andrey TAMBOVTSEV, Nikolay PAVLICHENKO</i> The origin and development of operational investigative measures: from proto-OIM to modern ways of obtaining operational information	111
---	-----

Contents

STATE. SOCIETY. LAW

Anatoly RYZHENKOV

The principle of common but differentiated
responsibility in international environmental
law: theoretical and legal aspect 119

Alexander MELIKHOV, Sergey BOSKHOLOV

Security of the multinational people
of Russia as a pan-national idea 129

PEDAGOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL TRAINING

Kirill SERDOBINTSEV

Philosophy – the foundation for developing a rational
worldview and patriotic education in cadets of educational
institutions of the Ministry of the Interior of Russia 139

Tatyana ANISIMOVA

The place of a practice-oriented
approach in the new education concept 147

REVIEWER CORNER

Olga DRONOVA

Official Opponent's Review of Elena S. Ivanova's Dissertation
«Obtaining Samples for Comparative Research in Crime
Solving and Investigation: Theory and Practice» 156

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Алексей Павлович АНИСИМОВ,

доктор юридических наук, профессор, ORCID 0000-0003-3988-2066
Донской государственной технической университет (г. Ростов-на-Дону)
профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин
anisimovap@mail.ru

Научная статья
УДК 343.58

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Животные, жестокость, запрет, нравственность, гуманизм, насилие, благополучие.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Проблема жестокого обращения с животными сохраняет свою остроту в современном обществе. Во-первых, жестокость по отношению к животным – это удар по основам общественной нравственности и гуманизма. Во-вторых, результаты многочисленных исследований указывают на прямую связь между жестокостью к животным и насилием в отношении людей: жестокое обращение с животными нередко предшествует или сопутствует агрессии против человека. Понимание этой динамической взаимосвязи начинает формироваться в разных странах с XVII века. В настоящее время принятие законов о защите животных и об установлении уголовной ответственности за жестокое обращение с ними требует определения причин проявления неоправданной агрессии и обсуждения правовых мер, способных смягчить остроту проблемы. Для этого необходимо междисциплинарное исследование (с учетом специфики России), так как отношение к животным затрагивает вопросы не только права, но и психологии, этики, общественной нравственности. **Методы.** Проведение исследования было основано на сочетании историко-сравнительного и формально-догматического анализа с междисциплинарным подходом, что позволило комплексно рассмотреть проблему уголовной ответственности за жестокое обращение с животными в контексте правовых и этических категорий. **Результаты.** Жестокость к животным недопустима не только с этической точки зрения, она представляет собой угрозу обществу, порождая насилие и агрессию по отношению к людям. Сложившаяся практика применения ст. 245 УК РФ демонстрирует несоответствие нормативного регулирования гуманного обращения с животными реальным потребностям противодействия анализируемому виду преступности в сфере общественной нравственности. Следует уточнить, что в ст. 245 УК РФ под животными понимаются только млекопитающие позвоночные. Рыбы, земноводные и пресмыкающиеся в сферу охраны данной нормы не входят, что является правовым пробелом в исследуемой области.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема жестокого обращения с животными сохраняет свою остроту в современном обществе. Во-первых, жестокость по отношению к животным – это удар по основам общественной нравственности и гуманизма. Как писал Махатма Ганди, величие нации и степень ее духовного развития можно определить по тому, как эта нация обращается с животными. Законодательное преследование жестокого обращения с животными

ми отражает нетерпимое отношение общества и государства к подобному насилию. Во-вторых, многочисленные исследования выявляют прямую связь между жестокостью к животным и насилием в отношении людей: жестокое обращение с братьями нашими меньшими нередко предшествует или сопутствует агрессии против человека.

Понимание этой динамической взаимосвязи начало формироваться в разных странах с XVII века. Именно тогда в Англии был принят закон

Alexey P. ANISIMOV,

Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0003-3988-2066

Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia)

Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines

anisimovap@mail.ru

CRIMINAL LIABILITY FOR ANIMAL CRUELTY: AN INTERDISCIPLINARY ASPECT

KEYWORDS. Animals, cruelty, morality, humanism, violence, well-being, prohibition.

ANNOTATION. Introduction. The problem of animal cruelty remains pressing in modern society. First, cruelty to animals is an attack on the foundations of public morality and humanism. Second, numerous studies indicate a direct link between animal cruelty and violence against humans: cruelty to animals often precedes or accompanies aggression against humans. Understanding this dynamic relationship has been developing in various countries since the 17th century. Currently, the adoption of laws on animal protection and the establishment of criminal liability for cruelty to animals requires identifying the causes of unjustified aggression and discussing legal measures that can mitigate the severity of the problem. This requires interdisciplinary research (taking into account the specifics of Russia), as attitudes toward animals touch upon not only legal issues but also those of psychology, ethics, and public morality. **Methods.** The study was based on a combination of historical-comparative and formal-dogmatic analysis with an interdisciplinary approach, enabling a comprehensive examination of the issue of criminal liability for cruelty to animals within the context of legal and ethical categories. **Results.** Cruelty to animals is unacceptable not only from an ethical perspective but also poses a threat to society, giving rise to violence and aggression towards people. The current practice of applying Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation demonstrates a discrepancy between the legal regulation of the humane treatment of animals and the actual needs of combating this type of crime in the sphere of public morality. It should be clarified that Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation defines animals only as mammals and vertebrates. Fish, amphibians, and reptiles are not included within the scope of protection of this provision, which represents a legal gap in the area under study.

о защите животных (1654 год), содержащий прямые запреты на проведение петушинных боев, организацию собачьих схваток и травлю быков. Немногом позже правитель Японии сёгун Цунаёси издал указ «О запрете лишения жизни живых существ» (1687 год). В Российской империи появление законодательства, ориентированного на защиту животных, связано с реформами Петра I и Артикулом Воинским. Этот документ, введя запрет на жестокие действия в отношении лошадей и иного скота, впервые в отечественной правовой традиции установил уголовную ответственность за нарушение норм обращения с животными. Кроме того, следует обратить внимание на законодательное запрещение в 1785 году корриды в Испании (вскоре, однако, отмененное) и на английский «Акт о предотвращении жестокого и ненадлежащего обращения с животными» 1822 года (известный как «Закон Мартина»), ставший первым в мире специализированным правовым актом, установившим уголовную ответственность за причинение страданий сельскохозяйственным животным – крупному рогатому скоту, лошадям и овцам. В США с 1829 года в ряде штатов принимаются законы о запрете жестокого обращения с животными, начиная с закона штата Нью-Йорк. Этот закон стал важным шагом в деятельности по защите животных, поскольку запрещал избиение и пытки лошадей, крупного рогатого скота, овец независимо от того, кому они принадлежат. Впоследствии данный закон был пересмотрен и стал применяться в отношении всех животных, а не только коммерчески ценных.

Описанная тенденция получила продолжение в странах Европы, Азии и Америки. Однако процессы принятия законов о защите животных и установления уголовной ответственности за

жестокое обращение с ними всё еще оставляют открытыми немало вопросов. В первую очередь это касается выявления причин неоправданной жестокости и выработки правовых мер, способных смягчить остроту проблемы. Очевидно, что необходимы междисциплинарные исследования, поскольку анализ отношения к животным затрагивает проблемы не только правового характера, но и психологии, этики, общественной нравственности. При этом следует учитывать, что в России эти проблемы имеют свою специфику.

МЕТОДЫ

В ходе проведения исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, были использованы различные методы научного познания.

Историко-правовой метод оказался востребован при рассмотрении эволюции законодательства о защите животных с XVII века до настоящего времени: от первых инициатив, реализованных в Англии, Японии и России, до современных актов (таких как Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными»)). С его помощью изучался процесс формирования правовых норм под влиянием общественной морали и гуманистических идей.

Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления уголовно-правовых подходов разных стран (Великобритания, Германия, США, Россия и др.) к определению понятия «жестокое обращение с животными», видам деяний и санкциям. Было осуществлено сравнение критериев допустимого и недопустимого причинения стра-

даний животным, квалифицирующих признаков преступлений и дополнительных мер наказания.

Системно-структурный метод позволил изучить институт уголовной ответственности за жестокое обращение с животными как часть общей системы охраны общественной нравственности и гуманизма, а также проанализировать взаимосвязи между уголовным, административным, гражданским и специальным законодательством о животных.

Формально-юридический метод применялся при исследовании содержания ст. 245 УК РФ и определений, сформулированных в различных нормативных актах. Он способствовал выявлению юридических признаков состава преступления, критериев разграничения допустимого обращения с животными и жестокости по отношению к ним.

Доктринальный (теоретико-правовой) анализ осуществлялся при рассмотрении позиций российских правоведов (Ж.А. Тенгизовой, Е.Ю. Гаевской, М.А. Шабалиной и др.) по поводу содержания понятия «жестокое обращение», толкования терминов «увечье» и «вред здоровью животного», при обсуждении концепции прав животных и ее влияния на уголовное право.

Междисциплинарный подход в рамках проведения исследования опирался на данные биологии, этики, психологии, зоопсихологии. Они помогли формированию понимания природы страданий животных и связи между жестокостью к животным и насилием над людьми. Это обеспечило комплексное рассмотрение проблемы на стыке юридической и гуманитарных наук.

Прогностический метод был полезен для выработки предложений по совершенствованию законодательства, формулирования поправок, которые, на наш взгляд, необходимо внести в УК РФ (касаются определения понятий, расширения состава преступления, введения дополнительных мер защиты и профилактики).

РЕЗУЛЬТАТЫ

В уголовном законодательстве России ответственность за жестокое обращение с животными предусмотрена ст. 245 УК РФ. Данная норма в действующей редакции запрещает совершать деяния, влекущие гибель или увечье животного, в целях причинения ему боли и/или страданий (в том числе из хулиганских и корыстных побуждений). Максимальное наказание по ч. 1 – до 3 лет лишения свободы, а при наличии квалифицирующих признаков (групповое совершение преступления, присутствие малолетнего, садистские методы, публичная демонстрация, в отношении нескольких животных) – до 5 лет лишения свободы. Расположение статьи в гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», а не в гл. 26 УК РФ «Экологические преступления» указывает на главный объект охраны – общественные отношения по поводу общественной нравственности. Уголовный закон не содержит исчерпывающего перечня видов животных, подлежащих защите, поэтому под нее подпадает любое животное, вне зависимости от того, является ли оно домашним, диким или бродячим (без владельца). Это означает, что в сферу действия рассматриваемой статьи кодекса попадают

не только животные, имеющие хозяев и живущие в их домах, но и птицы, сельскохозяйственные и лабораторные животные, обитатели дикой природы и зоопарков. Именно так широко в правовой науке обычно и трактуют предмет преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ: любое позвоночное животное (млекопитающее, птица, пресмыкающееся, земноводное, рыба) [1, с. 93]. Между тем в доктрине продолжается дискуссия относительно самых низших организмов: некоторые ученые и представители судебной практики отмечают, что таковые не охватываются понятием «животное» в смысле уголовного закона [2]. Современная наука доказала, что животные всех видов ощущают боль, испытывают физические страдания и даже могут переживать примитивные формы страха [3]. Следовательно, предложение о распространении уголовно-правовой охраны на всех животных, способных испытывать страдания, вполне логично [4].

Российское законодательство делает шаги в этом направлении: Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными» закрепил положение о том, что животные подлежат защите от жестокого обращения в целях укрепления нравственности общества. Законом установлен прямой запрет на действия граждан и организаций, связанные с жестоким обращением с животными (например на проведение боев животных, а также иных зрелищных мероприятий, в ходе которых животным причиняются увечья либо допускается их гибель). Законодательное восприятие животных как существ, способных испытывать эмоции и физические страдания, установление правил содержания животных в домашних условиях и в зоопарках, их использования в культурно-массовых и иных мероприятиях, несомненно, указывает на улучшение нормативного подхода к обращению с животными [5, с. 153]. Можно говорить о том, что на уровне норм права признается моральная ценность жизни и благополучия любого животного.

Вместе с тем чрезмерно широкая трактовка категории «животные» имеет и уязвимые для критики моменты. Действительно, например, многие обитатели водоемов (рыбы, раки) могут испытывать боль и страдание. Однако распространение на них норм о запрете жестокого обращения с животными с привлечением граждан к уголовной ответственности едва ли реалистично. Во-первых, общество к этому не готово и нет возможности осуществлять фактический контроль за реализацией таких запретов. Во-вторых, не готовы и правоохранительные органы. В-третьих, не готов бизнес, так как это приведет к изменениям в работе пищевой индустрии. Думается, подобные реформы должны осуществляться постепенно, сейчас же первоочередная задача состоит в обеспечении соблюдения гуманных норм по отношению к животным в их классическом понимании – домашним, находящимся в зоопарках и т.д.

Что же следует считать жестоким обращением с животными? В российской правовой науке представлено несколько точек зрения по этому вопросу.

Ж.А. Тенгизова полагает, что под жестоким обращением с животными следует понимать такие

действия, как причинение им боли, физических страданий в результате их систематического избивания, использования для ненаучных опытов, причинение неоправданных страданий при научных опытах, использование мучительных способов умерщвления, осуществление в их отношении деяний сексуального характера, использование в схватках, натравливание их друг на друга и т.п. [6, с. 131]. Примечательно, что ряд зарубежных ученых обсуждают проблему сексуальной эксплуатации животных (в качестве разновидности жестокого обращения с ними), однако этот аспект почти полностью игнорируется в России.

Жестокое обращение может выражаться в бездействии, однако при этом обязательным условием является наличие у субъекта обязанности и возможности действовать. Чаще всего это оставление животного без пищи и воды на длительное время или в содержание в условиях, непригодных (неприспособленных) для его жизни.

Е.Ю. Гаевская отмечает, что жестокое обращение с животными – это действия, противоречащие принципам нравственности и гуманного обращения с животными, повлекшие за собой их гибель или страдания (побои, увечье, нанесение травм, истязание, лишение мест естественного обитания, другие действия, вызывающие у животных страх, боль или иные страдания)¹.

Как отмечает М.А. Шабалина, законодательство не дает пояснений по поводу того, что следует понимать под причинением животному увечий и чем увечья отличаются от причинения вреда здоровью. По ее мнению, необходимо разграничить эти понятия следующим образом: под увечьем надо понимать тяжкий вред здоровью животного, который опасен для его жизни или ведет к потере зрения, слуха, какого-то органа или полной (временной) утрате этим органом его функций, а под причинением вреда здоровью – легкий вред здоровью животного и вред средней тяжести [7, с. 77]. Со своей стороны хотелось бы заметить, что составить исчерпывающий перечень видов жестокого обращения с животными довольно сложно. Кроме общеизвестных случаев побоев и травм, жестокое обращение может проявляться, например, в проведении собачьих боев, корриды, религиозных жертвоприношений и т.д.

В продолжающуюся много лет дискуссию о содержании понятия «жестокое обращение» внес вклад и Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными». В его тексте указано, что под жестоким понимается такое обращение с животным, которое привело или может привести к гибели, увечью или иному повреждению здоровья животного (включая истязание животного, в том числе голодом, жаждой, побоями и иными действиями), нарушение установленных закононом требований к содержанию животных (в том числе отказ владельца от содержания животного), причинившее вред здоровью животного, либо не оказание владельцем при наличии возможности помощи животному, находящемуся в опасном для жизни или здоровья состоянии. Учитывая то, что

для животных существует три правовых режима (дикие, домашние, бродячие), вышеназванный закон, несомненно, способствовал совершенствованию понимания жестокого обращения с бродячими животными (в меньшей степени – с домашними), находящимися в сфере его действия.

На домашних животных в основном распространяются положения Гражданского кодекса Российской Федерации, на диких – Федерального закона от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире». Эти правовые акты никаких норм, закрепляющих критерии жестокого обращения с животными, не содержат. Поэтому в случае возникновения в судебной практике вопроса о критериях жестокого обращения, например, с дикими животными, определение, которым оперирует Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными», может быть использовано судами только в порядке аналогии закона.

Отдельный вопрос заключается в том, где проходит граница между жестоким и допустимым обращением с животными. Дело в том, что не всякое причинение животному боли образует состав преступления: российский уголовный закон требует выявления именно жестокого обращения, то есть бесчеловечного, неоправданного с точки зрения разумной необходимости. Отграничение жестокости от иных форм обращения с животными (дрессировка служебных собак, содержание животных в зоопарках, ветеринарные процедуры, научные опыты и т. д.) является сложной междисциплинарной проблемой, затрагивающей сферы юриспруденции, биологии и этики.

В законодательстве ряда стран закреплён принцип необходимости и обоснованности причинения животному страданий. Закон Великобритании 2006 года «Об охране благополучия животных» (Animal Welfare Act) вводит понятие неоправданного страдания, в связи с чем закрепляет положение о том, что причинение человеку страдания животному не наказуется, если оно обусловлено законной целью и соразмерно ей. В частности, страдание может быть признано допустимым, если оно причинено в интересах самого животного (например болезненная, но необходимая ветеринарная процедура), для защиты людей, имущества или других животных либо является пропорциональной реакцией на поведение самого животного. Во многих странах признаются законными традиционные практики: скученное содержание сельскохозяйственных животных, корректная дрессировка служебных собак и др. Научные опыты с участием животных допускаются при соблюдении особых правил. Так, опыты на животных не будут считаться преступными, если проводятся в рамках утвержденной программы научных исследований при условии выполнения требований о минимизации причиняемой боли и с использованием анестезии. В России такого рода подходы реализуются посредством издания специализированных нормативных актов. Статья 11 Федерального закона «Об ответственном обращении с животными»

¹ Гаевская Е.Ю. Уголовно-правовая охрана животного мира: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 9.

прямо запрещает процедуры, причиняющие животным боль (без анестезии).

Таким образом, можно говорить о двух критериях отграничения допустимого обращения с животными от жестокого – наличие гуманной цели и минимизация страданий. Исходя из этого, жестоким следует считать такое обращение, при котором причинение боли или мучений носит явно избыточный, садистский характер, осуществляется без достаточных оснований, а также из хулиганских или корыстных побуждений.

К сожалению, следует констатировать, что не все виды обращения с животными, рассматриваемые в качестве допустимых, полностью соответствуют сформулированным выше критериям:

- приемлемыми традиционно считаются дрессировка цирковых животных и использование их для развлечения. Современные зоозащитники отмечают, что многие методы дрессуры сопряжены с жестокостью. Законодательство некоторых стран запрещает использование диких животных в цирках, мотивируя это тем, что такого рода практики причиняют животным психические и физические страдания без достаточного оправдания. В России подобных запретов пока нет, но применение ст. 245 УК РФ возможно, если доказана жестокость применяемых методов дрессуры и содержания животных (избиение, истощение голодом);

- жесткую дисциплину предполагает дрессировка служебных и охотничьих собак. Однако преднамеренное причинение травм, боли, мучений не является нормальным методом их обучения. Различие с жестоким обращением здесь проводится по линии цели и меры воздействия: оно допустимо, если ограничивается необходимостью выработать у животного те или иные полезные навыки, жестокость же выходит за рамки обеспечения таких потребностей и выражается в издевательствах над животным. Если тренировочный прием является неоправданно болезненным и не способствует обучению, а лишь травмирует, он может быть квалифицирован как жестокое обращение с животным;

- использование животных в научно-исследовательских целях. Законодательство многих стран требует, чтобы эксперименты на животных проводились только при отсутствии альтернатив и с одобрения этических комиссий. Здесь крайне важен междисциплинарный подход: для оценки того, было ли страдание необходимым или чрезмерным, нужны экспертные знания представителей разных наук, в первую очередь биологии и этики.

Итак, современная общемировая тенденция заключается в признании того, что граница между допустимым обращением с животными и уголовно наказуемой жестокостью проходит по критериям гуманности и целесообразности: если причиняемые страдания не продиктованы разумной необходимостью или явно несоразмерны с ней, то речь идет о жестоком обращении.

В настоящее время в США законы, призванные противодействовать проявлениям жестокости в отношении животных, есть в каждом из пятидесяти

штатов. При этом определения понятия «жестокое обращение с животными» в них варьируются, по-разному устанавливается и наказание за совершенные такие преступления. Не менее строгие нормы действуют в странах Европы. В Германии жестокое обращение с животными криминализовано в Законе о защите животных 1972 года. Максимальное наказание – до 3 лет лишения свободы, причем суды вправе дополнительно запретить виновному лицу содержать животных в будущем. В Великобритании с 2021 года срок лишения свободы за жестокое обращение с животными достигает 5 лет. В уголовных кодексах стран Восточной Европы (Польша, Венгрия и др.) также имеются такого рода нормы, с санкциями до нескольких лет лишения свободы [8].

Сложившиеся в разных государствах законодательные модели, обеспечивающие охрану животных, имеют ряд отличий:

- *объект защиты*. В одних юрисдикциях это общечеловеческая мораль (традиционный подход заключается в том, что животные вызывают сострадание людей), тогда как в других – сами животные как чувствующие существа. По некоторым прогнозам, данные подходы со временем будут сближаться по мере нормативного признания концепции прав животных;

- *предмет преступления*. Уголовное законодательство большинства стран защищает от жестокого обращения домашних животных. Например, в США законы штатов фокусируются в основном на собаках и кошках, иногда в перечень включаются птицы, лошади, крупный рогатый скот. Впрочем, современная тенденция – это распространение защиты на диких (вне рамок охоты) и даже на бродячих животных. Российское законодательство охватывает всех животных, что следует признать весьма прогрессивным явлением;

- *составы преступлений*. Законодательство многих стран разграничивает активную жестокость (побои, пытки, убийство животного) и пассивную (систематическое лишение питания или ухода) [9, с. 12-14]. Например, закреплены такие составы преступлений, как «незаконное причинение страданий» и «неисполнение обязанностей по уходу» (последнее касается владельцев, чьи животные страдают от голода и болезней из-за их бездействия). В России прямо не рассматриваются как наказуемые жестокое содержание или оставление животного без присмотра, хотя эти деяния могут преследоваться в административном порядке (ст. 8.52 КоАП РФ) или по ст. 245 УК РФ при условии наличия у субъекта обязанности и возможности не допустить негативных для животного последствий¹;

- *квалифицирующие признаки*. Мировой опыт говорит об особом внимании к отягчающим обстоятельствам. Многие страны (Испания, Франция, США и др.) предусматривают более строгие наказания, если жестокость по отношению к животному проявлена в присутствии детей (в этом случае виновное лицо сознательно травмирует их психику). По этому пути законодатель пошел и в России, закрепив в п. «б» ч. 2 ст. 245 УК РФ в каче-

¹ Семенов К.П. Животные как предмет и средство преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2015. С. 92.

стве квалифицирующего признака присутствие малолетнего¹. За рубежом, как правило, тяжкими преступлениями признаются организация боев животных, садистские формы издевательств над ними, массовое их уничтожение. Статья 245 УК РФ во многом соответствует этому подходу: применение садистских методов, публичная демонстрация и совершение деяния в отношении нескольких животных также относятся к числу обстоятельств, существенно повышающих общественную опасность преступления (п.п. «в», «г», «д» ч. 2 ст. 245 УК РФ)²;

- *дополнительные меры охранительного характера*. В некоторых странах суд вправе не только назначить наказание, но и конфисковать животных у владельца, допускающего в их отношении жестокость, а также на определенный срок (или пожизненно) запретить ему содержать животных. Распространена практика направления осужденных на обязательное психолого-психиатрическое обследование. В США в ряде штатов суд назначает исследование психики и лечение лиц, признанных виновными в жестоком обращении с животными; кроме того, функционирует национальная система отслеживания лиц, проявляющих в отношении животных жестокость [10]. Всё это является отражением применения междисциплинарного подхода к решению рассматриваемой нами проблемы. На уровне государства признается, что за актом жестокости могут стоять психические отклонения.

Зарубежный опыт показывает, что для России может представлять интерес дополнение ст. 245 УК РФ квалифицирующими признаками, связанными с проявлением жестокого обращения с животным путем оставления его в опасности, а также вызвавшим у него страдания. Вместе с тем необходимо четко прописать критерии допустимости причинения вреда животному, чтобы отличать законные действия (охота в соответствии с установленными правилами, ветеринарная помощь) от жестокости. Превентивный эффект будет иметь установление дополнительных ограничений для осужденных (например временного запрета на владение животными). По нашему мнению, следует также рассмотреть возможность обязательного психиатрического лечения лиц, уличенных в совершении садистских действий в отношении животных, учитывая высокий уровень их опасности для общества.

Кроме того, важно включать в профессиональную подготовку сотрудников правоохранительных органов вопросы противодействия жестокому обращению с животными, прорабатывать меры профилактики [11, с. 27]. В некоторых странах созданы специальные подразделения полиции, функции которых связаны с защитой животных от жестокости, налажено сотрудничество полицейских с ветеринарными службами, что позволяет эффективно собирать доказательства и правильно квалифицировать противоправные деяния [12, с. 91]. Мировой опыт подтверждает, что

ужесточение ответственности и расширение толкования понятия «жестокость» приводит к уменьшению количества случаев насилия и способствует повышению уровня культуры обращения с животными.

Вопросы уголовной ответственности за совершение деяний рассматриваемого нами вида тесно переплетаются с идеями о правах животных. Концепция прав животных исходит из того, что у них есть собственная внутренняя ценность и интересы, которые человек обязан уважать. В самом широком виде она предлагает признать за животными определенные права (на жизнь, свободу от пыток, естественную среду обитания и др.), подобные правам человека. Несмотря на то, что в большинстве правовых систем животные в настоящее время не рассматриваются в качестве носителей прав в строгом юридическом смысле, влияние этой концепции с каждым годом ощущается всё сильнее. По сути, сейчас происходит своего рода сдвиг в рамках этических и юридических представлений, касающихся животных. Ранее законы, ориентированные на их защиту, обосновывались преимущественно с позиций антропоцентризма: важность охраны животных объяснялась необходимостью поддерживать общественную нравственность или предотвращать рост уровня агрессивности людей. Жестокость каралась не ради животных как таковых, а ради человечности общества. Однако с развитием зоозащитного движения и философии прав животных законодательство эволюционирует. Появляется понимание, что животные наделены чувствительностью, способны испытывать боль, страх, радость, они по-настоящему страдают от жестокого обращения, как и люди. Этот научный факт послужил основанием для закрепления принципа гуманного обращения с животными на законодательном уровне. Данное обстоятельство находит отражение и на конституционном уровне. Например, Германия в 2002 году включила в Основной закон обязанность государства защищать животных, а в Конституцию Эквадора внесена норма о правах даже не животных, а Природы в целом. Гражданское законодательство Франции в 2015 году признало животных одушевленными живыми существами, наделенными чувствами, и отказалось от их прежней квалификации в качестве вещей. Подобное изменение статуса также представляет собой результат влияния концепции прав животных.

Отражаются положения данной концепции и на уголовно-правовой сфере. Если принять идею о том, что у животных есть базовое право не подвергаться жестокости (говоря шире, – на гуманное обращение), то ст. 245 УК РФ оказывается механизмом защиты этого права. Однако пока в России животные рассматриваются с юридической точки зрения как особый объект. В частности, ст. 137 Гражданского кодекса Российской Федерации относит их к категории имущества, но делает оговорку, что другие законы могут устанавливать

¹ См., например, приговор Павлоградского районного суда Омской области от 24.10.2024 по делу № 1-34/2024.

² См., например, апелляционное постановление Калининградского областного суда от 26.03.2025 № 22-399/2025 по делу № 1-66/2025.

иные правила. Тем не менее существование уголовной ответственности за жестокое обращение с животными показывает: законодатель признает морально-этическую недопустимость нарушения определенных их интересов. Таким образом, следует констатировать, что, хотя формально о правах животных в УК РФ речи не идет, его нормы реализуют одно из ключевых требований защитников таких прав – устанавливают запрет бесхозяйственного и чрезмерного причинения животным страданий.

Концепция прав животных побуждает также к расширению перечня охраняемых законом отношений. Например, зоозащитники говорят о правах животных на жизнь, на естественное поведение, достаточное пространство, общение с себе подобными и др. В уголовно-правовом измерении это может означать, что в будущем закон станет строже наказывать за деяния, грубо нарушающие эти потребности (например за содержание в тесной клетке, изоляцию социальных животных и т.п.). Уже сейчас в некоторых странах (в Великобритании, Нидерландах) могут привлечь к ответственности владельца животного, который держит своего питомца в психологически жестких условиях, даже если и не причиняет при этом ему физических травм.

Вместе с тем сохраняет актуальность проблема конфликта прав животных и прав человека. Так, некий художник обмазал птицу клееподобным веществом, сделанным из яичного желтка и колбасного фарша, чтобы показать, как плохо обращаются с людьми в современном обществе. Птица лишилась возможности летать и была вынуждена ковзлять по выставке «в явном расстройстве». И хотя Кассельский суд (Германия) согласился с тем, что птица страдала и испытывала боль, он постановил, что конституционно охраняемая свобода художественного самовыражения имеет приоритет над нормами закона о защите животных [13, с. 294].

В процессе совершенствования российского законодательства учет идей, формирующих концепцию прав животных, может осуществляться в рамках перехода от рассмотрения их исключительно в качестве объектов со специальным статусом к признанию необходимости охраны их интересов ради них самих. И здесь большое значение имеет междисциплинарный подход к пониманию страданий животных. Традиционно законодательство сосредоточено на их физических страданиях – нанесении им побоев, ран, увечий, их умерщвлении. Именно физические боль и страдания прямо упоминаются в УК РФ. Однако современные зоопсихологические исследования доказывают, что животные способны испытывать не только физическую, но и психическую боль. Млекопитающие и птицы обладают развитой нервной системой, которая позволяет им переживать продолжительный стресс, страх и даже испытывать состояния, аналогичные депрессии. Такие переживания по своему деструктивному воздействию на организм сопоставимы с физической болью. Психические страдания животных могут быть вызваны действиями человека, не наносящими прямого вреда здоровью. Это, например, систематическое запу-

гивание животного, содержание в стрессовых условиях (в частности, постоянная привязь в месте, вызывающем страх), нахождение животного в ситуации, когда оно становится свидетелем насилия над другим животным. С этической точки зрения такие формы психологического мучения ничуть не менее значимы, чем физические страдания, и потому должны учитываться в ходе дальнейшего развития законодательства о защите животных [14, 15].

В настоящее время за рубежом постепенно расширяется юридическое толкование понятия «страдания животных», в него включаются не только физические, но и психические аспекты. Это отражает стремление к более комплексному подходу, учитывающему эмоциональные и поведенческие особенности животных. В мировой практике всё чаще признается, что длительное пребывание животного в состоянии страха, тревоги или стресса может рассматриваться как форма истязания, сопоставимая с физическим насилием. В Великобритании в «Законе о благополучии животных» подчеркивается, что они могут испытывать как физические, так и психические страдания. Следовательно, доведение животного до состояния страха может квалифицироваться судом как жестокое обращение, даже если телесных повреждений причинено не было. Сходным образом поступают судебные органы в Канаде. Там обвинительные приговоры по делам о жестоким обращении с животными выносятся с учетом результатов анализа их поведения, даже если у них не имеется видимых травм и увечий: наличие серьезных психических страданий признается на основании их реакции на раздражители. Аналогичные принципы получают закрепление и в других странах. В Венгрии закон признает животных разумными существами, способными чувствовать, страдать и радоваться, а законодательство Испании указывает на необходимость защиты животных с учетом их чувствительности – как физической, так и психической [16]. В Австралии этот подход подтверждается судебной практикой: результаты анализа так называемого проблемного поведения животных используются как показатель снижения уровня их благополучия. В США некоторые штаты включили психические аспекты страданий в нормы о допустимых способах содержания животных. В Таиланде «Закон о предотвращении жестокого обращения с животными и обеспечении их благополучия» 2014 года предусматривает уголовную ответственность за действия, причиняющие животным не только физические, но и психические страдания.

Однако развитие этой практики сопровождается объективными трудностями. До сих пор не разработано унифицированных научных методов и критериев оценки психического состояния животных, что осложняет юридическое доказывание. В результате психические страдания, если вместе с ними не выявлено физических повреждений или ухудшения здоровья, нередко исключаются из уголовных дел как недоказанные обстоятельства.

Для России рассмотренный подход пока представляется преждевременным: общественное со-

знание и правоприменительная практика еще не готовы воспринимать психические страдания животных как самостоятельное основание уголовной ответственности наравне с физическими повреждениями [17].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие уголовно-правовой защиты животных тесно связано с эволюцией представлений о гуманном обращении с ними и формированием концепции прав животных. Это создает основу для дальнейшего совершенствования ст. 245 УК РФ, регулирующей ответственность за жестокое обращение с животными.

В российском праве для животных существует три правовых режима (дикие, домашние, бродячие). Однако ст. 245 УК РФ не уточняет, к какой именно категории животных она применима, а определение жестокого обращения, предлагаемое Федеральным законом «Об ответственном обращении с животными», преимущественно охватывает лишь бродячих животных.

В целях обеспечения единообразного правоприменения необходимо выработать универсальное определение понятия «жестокое обращение с животными». Это может быть сделано двумя способами:

- путем включения в УК РФ соответствующего примечания к ст. 245;
- посредством разъяснения в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

При этом важно уточнить, что норма, закрепленная в ст. 245 УК РФ, охватывает животных всех трех категорий – и домашних, и диких, и безнадзорных. Под животными целесообразно понимать млекопитающих позвоночных, находящихся в любой форме собственности. Из сферы действия данной статьи следует исключить рыб, земноводных и пресмыкающихся, поскольку установление их уголовно-правовой защиты является вопросом будущего. Это позволит избежать абсурдных правовых ситуаций, когда, например, действия лица, готовящего рыбу или раков, окажутся формально подпадающими под признаки преступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Филиппов П.А. Жестокое обращение с животными: практика применения ст. 245 Уголовного кодекса РФ // Юридическая наука. 2019. № 12. С. 92-98.
2. Май М.Е. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Проблемы комплексного освоения полезных ископаемых. Материалы IV Молодежного экологического форума, посвященного 300-летию Кузбасса и 70-летию КузГТУ. Кемерово, 2019. С. 131-135.
3. Tafalla Gonzalez M. Fonaments Filosofics per al Reconeixement de Drets als Altres Animals // Revista Catalana de Dret Public. 2025. № 70. P. 4-21.
4. Абанина Е.Н., Алексеева А.П., Анисимов А.П. [и др.] Актуальные проблемы теории экологического права. М.: Юрлитинформ, 2019. 520 с. С. 181-190.
5. Мохов А.Ю., Абрамова Д.Д. Ответственность за нарушение законодательства об ответственном обращении с животными // Аграрное и земельное право. 2020. № 4. С. 152-155.
6. Генгизова Ж.А. К вопросу об уголовной ответственности за жестокое обращение с животными // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 2. С. 131-133.
7. Шабалина М.А. Проблемы квалификации жестокого обращения с животными (ст. 245 УК РФ) // Уголовное право. 2020. № 6. С. 77-82.
8. Hoffman I., Somody B. Animal Protection in Hungary: A Multilayer System Based on an Administrative Approach // Studia Iuridica Lublinensia. 2021. Vol. XXX. № 3. P. 109-118.
9. Arregui Montoya R. Analisis jurídico sobre la concurrencia del ensañamiento en el delito de maltrato animal // Derecho Animal (Forum of Animal Law Studies). 2022. № 13/1. P. 6-18.

Официальное толкование понятия «жестокое обращение с животными» могло бы звучать следующим образом: *это причинение человеком необоснованных физических страданий позвоночному (млекопитающему) животному, повлекшее его гибель, повреждение здоровья или увечье. Страдания могут быть вызваны механическим, термическим, химическим или иным воздействием, а также бездействием – например, оставлением животного без пищи, воды, тепла или ухода при наличии обязанности осуществлять заботу о нем.*

Пленум Верховного Суда Российской Федерации мог бы также для целей правоприменения предложить разъяснение понятия «садистские методы», что обеспечило бы более точную квалификацию деяний, связанных с издевательствами над животными.

Одновременно необходимо законодательно закрепить исключения, то есть определить ситуации, когда действия человека не образуют состава преступления. К числу таковых можно отнести: умерщвление животного ветеринаром при наличии медицинских показаний; добычу охотничьих ресурсов без применения запрещенных или калечащих животных способов; использование животных в научных целях при соблюдении установленных этических и правовых требований.

Таким образом, есть основания говорить о том, что проблема уголовной ответственности за жестокое обращение с животными находится на стыке права, этики, морали и биологии. Проявление жестокости к животным недопустимо не только с точки зрения морали: она представляет социальную угрозу, поскольку способствует распространению насилия по отношению к людям. Концепция прав животных исходит из признания за ними базового права на гуманное обращение, а уголовное право выступает инструментом защиты этого права. В то же время нынешняя практика применения ст. 245 УК РФ демонстрирует несоответствие обеспечиваемого ею правового регулирования общественным ожиданиям и потребностям противодействия преступлениям в сфере нравственности, что требует пересмотра законодателем ее положений. ■

10. Campbell D.M. A Call to Action: Concrete Proposals for Reducing Widespread Animal Suffering in the United States // *Animal Law*. 2009. Vol. 15. P. 141-147.
11. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2023. № 3 (66). С. 25-30.
12. Boiso Cuenca M. Analisis del delito de maltrato animal (art. 337 CP) // *Derecho Animal (Forum of Animal Law Studies)*. 2021. № 12/1. P. 89-93.
13. Natrass K.M. «...Und Die Tiere» Constitutional Protection for Germany's Animals // *Animal Law*. 2004. Vol. 10. P. 283-312.
14. Randour M.L. Animal Abuse as a Type of Trauma: Lessons for Human and Animal Service Professionals // *Trauma Violence Abuse*. 2021. Vol. 22 (2). P. 277-288.
15. Arkow P. Recognizing and Responding to Cases of Suspected Animal Cruelty, Abuse, and Neglect: What the Veterinarian Needs to Know // *Vet Med (Auckl)*. 2015. Vol. 5-6. P. 349-359.
16. Marques-Banque M. La Proteccio Penal i Administrativa dels Gats Comunitaris // *Revista Catalana de Dret Public*. 2025. № 70. P. 91-112.
17. Ledger R.A., Mellor D.J. Forensic Use of the Five Domains Model for Assessing Suffering in Cases of Animal Cruelty // *Animals (Basel)*. 2018. Vol. 8 (7). P. 1-19.

REFERENCES

1. Filippov P.A. Zhestokoye obrashcheniye s zhyvotnymi: praktika primeneniya st. 245 Ugolovnoy kodeksa RF // *Yuridicheskaya nauka*. 2019. № 12. S. 92-98.
2. May M.Ye. Ugolovnaya otvetstvennost' za zhestokoye obrashcheniye s zhyvotnymi // *Problemy kompleksnogo osvoyeniya poleznykh iskopayemykh. Materialy IV Molodezhnogo ekologicheskogo foruma, posvyashchennogo 300-letiyu Kuzbassa i 70-letiyu KuzGTU. Kemerovo, 2019. S. 131-135.*
3. Tafalla Gonzalez M. Fonaments Filosofics per al Reconeixement de Drets als Altres Animals // *Revista Catalana de Dret Public*. 2025. № 70. P. 4-21.
4. Abanina Ye.N., Alekseyeva A.P., Anisimov A.P. [i dr.] Aktual'nyye problemy teorii ekologicheskogo prava. M.: Yurlitinform, 2019. 520 s. S. 181-190.
5. Mokhov A.Yu., Abramova D.D. Otvetstvennost' za narusheniye zakonodatel'stva ob otvetstvennom obrashchenii s zhyvotnymi // *Agrarnoye i zemel'noye pravo*. 2020. № 4. S. 152-155.
6. Tengizova Zh.A. K voprosu ob ugolovnoy otvetstvennosti za zhestokoye obrashcheniye s zhyvotnymi // *Problemy v rossiyskom zakonodatel'stve*. 2019. № 2. S. 131-133.
7. Shabalina M.A. Problemy kvalifikatsii zhestokoye obrashcheniya s zhyvotnymi (st. 245 UK RF) // *Ugolovnoye pravo*. 2020. № 6. S. 77-82.
8. Hoffman I., Somody B. Animal Protection in Hungary: A Multilayer System Based on an Administrative Approach // *Studia Iuridica Lublinensia*. 2021. Vol. XXX. № 3. P. 109-118.
9. Arregui Montoya, R. Analisis jurı́dico sobre la concurrencia del ensanamiento en el delito de maltrato animal // *Derecho Animal (Forum of Animal Law Studies)*. 2022. № 13/1. P. 6-18.
10. Campbell D.M. A Call to Action: Concrete Proposals for Reducing Widespread Animal Suffering in the United States // *Animal Law*. 2009. Vol. 15. P. 141-147.
11. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov Yu.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyev sootnosheniya terminov, vkluyuchennykh v ponyatiynyy apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*. 2023. № 3 (66). S. 25-30.
12. Boiso Cuenca M. Analisis del delito de maltrato animal (art. 337 CP) // *Derecho Animal (Forum of Animal Law Studies)*. 2021. № 12/1. P. 89-93.
13. Natrass K.M. «...Und Die Tiere» Constitutional Protection for Germany's Animals // *Animal Law*. 2004. Vol. 10. P. 283-312.
14. Randour M.L. Animal Abuse as a Type of Trauma: Lessons for Human and Animal Service Professionals // *Trauma Violence Abuse*. 2021. Vol. 22 (2). P. 277-288.
15. Arkow P. Recognizing and Responding to Cases of Suspected Animal Cruelty, Abuse, and Neglect: What the Veterinarian Needs to Know // *Vet Med (Auckl)*. 2015. Vol. 5-6. P. 349-359.
16. Marques-Banque M. La Proteccio Penal i Administrativa dels Gats Comunitaris // *Revista Catalana de Dret Public*. 2025. № 70. P. 91-112.
17. Ledger R.A., Mellor D.J. Forensic Use of the Five Domains Model for Assessing Suffering in Cases of Animal Cruelty // *Animals (Basel)*. 2018. Vol. 8 (7). P. 1-19.

© Анисимов А.П., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Анисимов А.П. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными: междисциплинарный аспект // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2026. № 1 (83). С. 9-17.

Елена Лорисовна КОЗЛОВА,
кандидат юридических наук, ORCID 0000-0002-0623-1286
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала
k_elena1979@mail.ru

Елена Дмитриевна БАРИНОВА,
ORCID 0009-0009-4937-4840
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин
и информационного обеспечения органов внутренних дел
Калининградского филиала
elena.barinova.1998@mail.ru

Научная статья
УДК 343.2/.7:343.359

НЕЦЕЛЕВОЕ РАСХОДОВАНИЕ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Уголовно-правовая характеристика преступления, должностное преступление, бюджетные средства, государственные субсидии, коммерческая организация, нецелевое расходование средств, нецелевое использование средств.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье представлены результаты исследования уголовно-правовой характеристики объективных признаков преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ. Проанализированы соотношение бюджетно-правового и уголовно-правового понятий нецелевого расходования (использования) бюджетных средств, формальный характер состава преступления, признаки его объекта, предмета и объективной стороны. Особое внимание уделено различиям между полным и частичным нецелевым расходованием бюджетных средств, а также проблемам правоприменения ст. 285.1 УК РФ в отношении руководителей коммерческих организаций – получателей государственных субсидий. **Методы.** Методологическую основу исследования сформировали общенаучные (анализ, синтез, диалектический и системный подходы) и специально-юридические (формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический, толкование правоприменительной практики) методы. **Результаты.** Сформулированы предложения по приведению изучаемой уголовно-правовой конструкции в соответствие положениям бюджетного законодательства, разработана типология объективной стороны преступления с выделением четырех форм нецелевого расходования бюджетных средств (полное, частичное, совокупное, формально-целевое). Сделан вывод о наличии системных коллизий в уголовно-правовой конструкции ст. 285.1 УК РФ, препятствующих ее эффективному применению. Научно обоснована необходимость корректировки ч. 1 ст. 285.1 УК РФ и конкретизации перечня документов, являющихся основаниями для расходования средств.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие бюджетного законодательства, усложнение механизмов субсидирования и грантовой поддержки, а также цифровизация документооборота создают новые вызовы в сфере обеспечения национальных интересов в сфере публичных финансов. На протяжении двух десятилетий ст. 285.1 УК РФ (нецелевое расходование бюджетных средств) остается одним из основных инструментов их уголовно-правовой охраны. Данная норма закрепляет признаки должностного

преступления и преступления в бюджетной сфере. Она сконструирована как формальный состав, поэтому установления последствий общественно опасного деяния не требуется: акцент смещен на анализ действий по распоряжению бюджетными средствами.

Согласно судебной статистике за совершение преступлений, предусмотренных ст. 285.1 УК РФ, в 2019 году было вынесено 3 обвинительных приговора, в 2020 – 1, в 2021 – 3, в 2022 – 4, в 2023 – 1, в 2024 – 6¹. Динамика показателей за последние пять

¹ Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика РФ: сайт // URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 21.01.2026).

Elena L. KOZLOVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0000-0002-0623-1286
Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminology and Criminal-Executive Law of the Kaliningrad Branch
k_elenal1979@mail.ru

Elena D. BARINOVA,

ORCID 0009-0009-4937-4840
Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines
and Information Support for Internal Affairs Agencies of the Kaliningrad Branch
elena.barinova.1998@mail.ru

MISAPPROPRIATION OF BUDGET FUNDS: CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS OF THE OBJECTIVE ELEMENTS OF THE CRIME

KEYWORDS. Criminal law characteristics of the crime, official misconduct, budget funds, state subsidies, commercial organization, misappropriation of funds, misuse of funds.

ANNOTATION. Introduction. The article presents the results of a study of the criminal-legal characteristics of the objective elements of the crime provided for in Art. 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article analyzes the relationship between the budgetary-legal and criminal-legal concepts of misappropriation (use) of budgetary funds, the formal nature of the crime, the features of its object, subject and objective side. Particular attention is paid to the differences between full and partial misappropriation of budgetary funds, as well as the problems of applying Art. 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in relation to the heads of commercial organizations - recipients of state subsidies. **Methods.** The methodological basis of the study is formed by general scientific (analysis, synthesis, dialectical and systems approaches) and special legal (formal-legal, comparative-legal, statistical, interpretation of law enforcement practice) methods. **Results.** Proposals have been formulated to bring the criminal law framework under study into line with budget legislation provisions. A typology of the objective aspect of the crime has been developed, identifying four forms of misappropriation of budget funds (full, partial, aggregate, and formally targeted). A conclusion has been reached regarding the existence of systemic conflicts in the criminal law framework of Art. 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which hinder its effective application. A scientific justification is provided for the need to amend Part 1 of Art. 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and to specify the list of documents serving as grounds for the misappropriation of funds.

лет не демонстрирует резкого роста, в целом их можно охарактеризовать как стабильные. Это объясняется следующими причинами:

- во-первых, преступление совершается специальным субъектом. Им является должностное лицо получателя бюджетных средств. Поэтому круг потенциальных субъектов преступления существенно ограничен, поскольку не каждое должностное лицо имеет отношение к организации, обладающей правом на получение бюджетных средств;

- во-вторых, латентность преступлений рассматриваемого вида очень высока, поскольку их общественно опасные последствия нарушают права на улучшение (посредством расходования бюджетных средств) социальных и экономических условий неопределенного круга лиц.

Указанные обстоятельства предопределяют относительно низкий уровень выявляемой криминальной активности, квалифицируемой по признакам преступлений, предусмотренных ст. 285.1 УК РФ. Вместе с тем необходимо учитывать, что это не влияет на степень их общественной опасности: она остается высокой ввиду совершения противоправных деяний в крупном и особо крупном размерах, а также причинения значительного ущерба экономике отдельных регионов или всей

страны. Как справедливо отмечено С.Ю. Эльгайтаровым, в современных условиях одним из основных элементов экономической безопасности Российской Федерации является внешний контроль за эффективностью использования средств государственного бюджета [1, с. 124].

Целью исследования, результаты которого представлены в статье, было проведение анализа юридической конструкции, закрепленной в ст. 285.1 УК РФ, в части, касающейся объективной стороны состава преступления. В дальнейшем наша работа будет продолжена в направлении изучения его субъективных признаков, включая умысел, мотивы и роль субъекта преступления (должностного лица с властными полномочиями). Это позволит разработать рекомендации для правоприменителя по минимизации рисков недораскрытия преступления и обеспечению адресного воздействия, что, по нашему мнению, поможет сделать ст. 285.1 УК РФ «рабочей» и повысить статистику вынесения по ней обвинительных приговоров. Справедливым представляется замечание С.В. Изосимова и А.Г. Карпова о том, что незнание объективных и субъективных признаков составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 285.1 и 285.2 УК РФ, выступает одной из причин неудовлетворительной

работы по выявлению и расследованию общественно опасных деяний данного вида, а также проблем с отграничением их от смежных составов преступлений [2, с. 81].

МЕТОДЫ

В ходе исследования диалектический метод позволил рассмотреть ст. 285.1 УК РФ в контексте взаимосвязей уголовного и бюджетного права, выявить внутренние противоречия ее диспозиции и возможности их разрешения в судебной практике. Системный метод обеспечил анализ состава преступления как целостной структуры с выделением взаимосвязанных элементов (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона) и их наиболее актуальных для правоприменения особенностей. Анализ и синтез применялись при вычленении из диспозиции ст. 285.1 УК РФ основных признаков состава преступления и последующего формирования уголовно-правовой конструкции с учетом бюджетно-правовых дефиниций. Формально-юридический метод (нормативно-правовое толкование) использовался для анализа текста ст. 285.1 УК РФ, ее сопоставления с нормами Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) (ст.ст. 6, 21, 69, 78), выявления грамматических, системных и телеологических противоречий диспозиции. Сравнительно-правовой метод позволил соотнести уголовно-правовую дефиницию нецелевого расходования средств (ст. 285.1 УК РФ) с бюджетно-правовыми конструкциями (ст. 6 БК РФ). Метод изучения судебной практики (правовая статистика) был применен в рамках изучения приговоров и определений, вынесенных судами общей юрисдикции по уголовным делам, возбужденным по ст. 285.1 УК РФ, за 2019-2024 годы, а также при систематизации позиций Верховного Суда Российской Федерации.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Рассмотрение элементов состава преступления, заключающегося в нецелевом расходовании бюджетных средств, целесообразно начать с его объекта, поскольку именно он определяет сущность охраняемых общественных отношений и характер причиняемого вреда.

Согласно принятой в российской уголовно-правовой доктрине классификации *родовым объектом* нецелевого расходования бюджетных средств являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную и законную деятельность государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления. *Видовой объект* – отношения в сфере функционирования органов государственной власти и местного самоуправления, факультативно затрагиваются интересы бенефициаров бюджетных программ. *Непосредственный объект* преступления образуют общественные отношения, обеспечивающие установленный законом порядок целевого использования бюджетных средств должностными лицами получателей таких средств (государственных органов, учреждений, органов местного самоуправления).

Предметом преступления являются бюджетные средства федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных

образований, выделенные получателю в соответствии с утвержденным бюджетом, бюджетной росписью, уведомлением об ассигнованиях, сметой доходов и расходов либо иным документом, устанавливающим условия их получения.

Расширение форм публичного финансирования (субсидии бюджетным и автономным учреждениям, гранты, средства, выделяемые по госконтрактам) выявило проблему: далеко не все участники таких отношений однозначно охватываются понятием «получатель бюджетных средств» в контексте положений, закрепленных в ст. 285.1 УК РФ, что сужает сферу действия уголовного запрета при очевидной общественной опасности нецелевого освоения значительных объемов денежных средств.

В диспозиции ст. 285.1 УК РФ содержится указание на «получателя бюджетных средств», однако это понятие в уголовном законодательстве не раскрывается. За легитимным толкованием необходимо обратиться к Бюджетному кодексу. Здесь «получатель бюджетных средств» представлен как государственный орган, орган местного самоуправления, иное управляющее учреждение, казенное учреждение (ст.ст. 6, 21 БК РФ). При этом субсидии коммерческим организациям, индивидуальным предпринимателям и физическим лицам регулируются другими нормами (ст.ст. 69, 78 БК РФ), что исключает допустимость их квалификации в качестве «бюджетных средств» в смысле, заложенном в нормы ст. 285.1 УК РФ.

Результаты анализа судебной практики позволили выявить принципиальную позицию судов о невозможности привлечения к уголовной ответственности по ст. 285.1 УК РФ руководителей коммерческих организаций, индивидуальных предпринимателей и физических лиц, получивших государственные субсидии. Согласно определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2016 г. № 3-45/08, «статья 285.1 УК РФ предусматривает ответственность за нецелевое расходование лишь бюджетных средств. Действия руководителя коммерческой организации, получившей субсидию на выполнение государственного задания, не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ». Аналогичная позиция закреплена в Апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 марта 2023 г. № 5-УД23. Суд первой инстанции осудил руководителя общества с ограниченной ответственностью за нецелевое использование государственной субсидии в размере 15 миллионов рублей. Верховный Суд Российской Федерации отменил приговор, указав на отсутствие статуса «должностного лица получателя бюджетных средств» у руководителя коммерческой организации.

Таким образом, объектом нецелевого расходования бюджетных средств являются общественные отношения в сфере бюджетного финансирования государственных органов и учреждений, но не коммерческих структур.

Юридическая конструкция объективной стороны составов преступлений, предусмотренных

ст. 285.1 УК РФ, базируется на специальных экономико-правовых понятиях «бюджет» и «нецелевое расходование (использование) средств».

Определение бюджета нормативно закреплено в ст. 6 БК РФ. Это форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления. Законодатель установил целевое назначение бюджетных средств. Поэтому их использование, не обеспечивающее реализацию данного назначения, приобретает противоправный характер и в некоторых случаях является преступлением.

Бюджетный кодекс рассматривает «нецелевое использование бюджетных средств» как направление средств бюджетной системы Российской Федерации и оплату денежных обязательств в целях, не соответствующих полностью или частично тем, которые установлены законом (решением) о бюджете, сводной бюджетной росписью, сметой и иными документами. Уголовный кодекс формулирует схожее понятие, однако использует конструкцию «расходование бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям их получения».

Буквальное толкование положений Бюджетного и Уголовного кодексов выявляет различие, связанное с понятиями «использование» и «расходование» бюджетных средств. Вопросы, касающиеся их юридического содержания и обоснованности дифференциации, уже становились предметом научного анализа, его результаты изложены в ранее опубликованных нами работах [3, с. 78; 4, с. 119]. На терминологическое различие указывают и другие ученые, например Д.А. Бойков, Е.П. Ищенко, С.В. Изосимов [5, с. 13; 6, с. 122; 7, с. 235]. А.В. Минеев отмечает, что нецелевое использование и нецелевое расходование бюджетных средств сводятся к неправомерному высвобождению денежных средств из бюджета [8, с. 55].

В контексте нашего исследования акцент смещен с терминологических аспектов на содержание противоправности, которое детерминировано целевым назначением бюджетных средств. Именно отклонение от установленной цели (или несоблюдение условий, ее конкретизирующих) составляет сущностный признак деяния, объединяющий два представленных выше законодательных определения и позволяющий отграничить состав преступления от иных форм финансовых нарушений. Таким образом, дальнейший анализ логично сосредоточить на цели как на ключевом элементе правомерности распоряжения бюджетными финансами.

Представляется, что рассматриваемые определения, закрепленные в Бюджетном и Уголовном кодексах, являются истолкованиями одного и того же процесса. Однако есть некоторые расхождения, которые для уголовно-правовой квалификации весьма существенны. В нормативных положениях Бюджетного кодекса нецелевым использованием признается направление средств в целях, не соответствующих полностью или частично тем, которые установлены нормативными документами. В

уголовно-правовой трактовке законодатель под нецелевым расходованием средств видит «расходование на цели, не соответствующие условиям их получения».

Содержательный анализ показывает, что бюджетно-правовая дефиниция обладает большим охватом, чем уголовно-правовая. Она распространяется на два варианта противоправных действий, связанных с нецелевым использованием бюджетных средств:

- когда выделенные средства в полном объеме расходуются нецелевым образом;
- когда часть выделенных средств расходуеться по целевому назначению, а часть направляется на иные цели.

В научной среде нет единого мнения по данному вопросу. Некоторые правоведы широко толкуют понятие «нецелевое расходование средств», подразумевая под таковым и ситуации, в которых имеет место частичное несоответствие установленным целям [9, с. 43; 10, с. 183; 11, с. 112; 12, с. 205]. Другие придерживаются позиции, согласно которой недостижение при освоении выделенных средств хотя бы одной из поставленных целей следует признавать нецелевым их использованием, а следовательно, – окончательным преступлением [13, с. 290].

Буквальное толкование текста ст. 285.1 УК РФ ориентирует правоприменителя прежде всего на ситуации полного расхождения фактического использования средств с условиями их получения, что создает риск вывода из-под уголовно-правовой оценки случаев, когда допущены частичные нарушения при значительных объемах освоения финансирования.

Исправить данный законодательный просчет можно приведением уголовно-правового понятия в соответствие с бюджетно-правовым. Для этого необходимо ч. 1 ст. 285.1 УК РФ дополнить словами: «... на цели, не соответствующие полностью или частично целям (условиям) их получения, определенным законом (решением) о бюджете, сводной бюджетной росписью, лимитами бюджетных обязательств, бюджетной сметой, договором (соглашением) либо правовым актом, являющимся основанием для предоставления указанных средств, если это деяние совершено должностным лицом получателя бюджетных средств в крупном размере».

Проведение анализа мнений ученых и правоприменительной практики позволило выделить следующие формы проявления нецелевого расходования бюджетных средств:

- полное нецелевое использование – все выделенные средства направлены на цели, не соответствующие документу-основанию;
- частичное нецелевое использование – часть средств использована целевым образом, а часть – нет (наиболее спорная форма);
- нецелевое использование в совокупности – средства одного кода бюджетной классификации¹ (далее – КБК) тратятся по другому КБК без согласования;

¹ Приказ Минфина России от 24.05.2022 № 82н «О Порядке формирования и применения кодов бюджетной классификации Российской Федерации, их структуре и принципах назначения».

- формально-целевое, но фактически иное использование – средства формально идут по правильному КБК, но фактически используются не по назначению (закупка, например, оргтехники вместо учебников).

Критерии определения целевого характера расходования бюджетных средств обусловлены совокупностью требований ряда документов:

- 1) закон (решение) о бюджете и сводная бюджетная роспись (определяют глобальные цели КБК);
- 2) бюджетная смета и уведомление об ассигнованиях (конкретизируют цели для получателя);
- 3) соглашение о предоставлении субсидии (устанавливает условия целевого использования);
- 4) государственный/муниципальный контракт (определяет предмет закупки);
- 5) план финансово-хозяйственной деятельности (лимитирует направления расходов).

Таким образом, *нецелевым* расходование бюджетных средств признается, когда фактическое их использование:

- не соответствует цели, указанной в документе-основании (ремонт спортзала вместо учебного оборудования и т.п.);
- превышает установленные лимиты по статьям расходов (например на зарплату вместо материальных затрат);
- направлено на цели, не предусмотренные документами вообще (предпринимательская деятельность и др.);
- осуществлено без соблюдения условий, обязательных для получения средств (отчетность, софинансирование и т.д.).

С точки зрения юридической конструкции ст. 285.1 УК РФ закрепляет формальные составы преступлений. То есть для привлечения виновного к уголовной ответственности не требуется наступления общественно опасных последствий в результате нецелевого расходования бюджетных средств. Преступление считается оконченным с момента списания средств со счета, независимо от того, достигнута ли конечная цель их расходования (получены ли фактически товары, например).

Судебная практика исходит из того, что объективная сторона преступления характеризуется совершением конкретной платежно-расчетной операции по нецелевому расходованию средств, оно считается оконченным с момента осуществления такой операции. При этом последующее восстановление средств не отменяет факта их использования не по целевому назначению. Суды включают в размер ущерба, нанесенного преступлением, только ту часть средств, которая была расходована не соответствующим цели их выделения образом.

Так, например, согласно приговору Московского районного суда г. Москвы от 17 февраля 2019 г. № 1-4/2019, директору муниципального бюджетного учреждения инкриминировалось нецелевое расходование бюджетных средств в сумме 20 миллионов рублей, выделенных на капитальный ремонт учебных помещений школы в рамках

муниципальной программы. В ходе судебного разбирательства было установлено фактическое расходование денег: по целевому назначению – 12 миллионов рублей на ремонт учебных классов, нецелевое – 8 миллионов рублей на ремонт спортивного зала. Судом действия директора квалифицированы по п. «б» ч. 2 ст. 285.1 УК РФ, то есть как совершение преступления в особо крупном размере. В приговоре отмечено, что в этот размер включены только средства, фактически израсходованные нецелевым образом.

Объективная сторона преступления выражается в активных действиях по нецелевому расходованию бюджетных средств:

- подписание платежных поручений на цели, не соответствующие требованиям документа-основания;
- утверждение актов выполненных работ, если последние не имеют отношения к целям финансирования;
- перераспределение средств между статьями сметы вопреки установленным лимитам¹;
- перераспределение средств между целевыми программами без согласования с главным распорядителем.

Действия, составляющие объективную сторону преступления, направлены на нецелевое расходование бюджетных средств. Следовательно, ее признаком не может быть бездействие (например, когда виновный не израсходовал бюджетные средства и хранит их на банковском счете для увеличения инвестиционного дохода либо для подстраховки на случай недофинансирования в течение года) [14, с. 59].

Квалифицирующим признаком преступления является сумма средств, которые были расходованы не по целевому назначению: если крупным признается размер, превышающий 1,5 миллиона рублей, то особо крупным – превышающий 7,5 миллиона рублей. Здесь очевидна важность законодательного признания возможности частичного нецелевого расходования бюджетных средств, так как учету подлежит только та их часть, которая была потрачена не по целевому назначению.

Расходование средств в крупном или особо крупном размере – обязательный признак составов преступлений, предусмотренных ст. 285.1 УК РФ. Инфляционные процессы и изменение структуры бюджетных расходов актуализируют дискуссию о необходимости регулярной индексации сумм, закрепленных в примечании к рассматриваемой статье кодекса. Их «застывание» на долгое время может обернуться избыточной криминализацией финансовых нарушений, не обладающих большой общественной опасностью. Решение этой проблемы видится либо в периодической корректировке сумм, которыми оценивается размер ущерба, либо в его привязке к иным экономическим показателям (например к кратности какой-либо базовой величины) [15, с. 124].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования составов преступлений, предусмотренных ст. 285.1 УК РФ, демонст-

¹ Приказ Минфина России от 29.11.2017 № 209н «Об утверждении Порядка применения классификации операций сектора государственного управления».

рируют высокую социальную значимость уголовно-правового противодействия нецелевому расходованию бюджетных средств и существенную сложность правовой оценки такого рода деяний. Нами выявлен ряд требующих решения проблем:

- рассогласование бюджетно-правового и уголовно-правового понятий нецелевого использования бюджетных средств, в том числе в части частичного несоответствия фактических расходов установленным целям;
- формальность характера состава при высоком уровне требований, предъявляемых к доказыванию субъективной стороны преступления;
- необходимость учета при определении размера ущерба только доли средств, фактически расходовавшейся не по целевому назначению;

- неурегулированность вопросов индексации сумм, фиксирующих крупный и особо крупный размеры ущерба.

Перспективными направлениями научной и правотворческой деятельности, по нашему мнению, являются: приведение уголовно-правовой дефиниции нецелевого расходования бюджетных средств в соответствие с бюджетно-правовой; разработка критериев определения крупного и особо крупного размеров ущерба и порядка их индексации; конкретизация признаков субъекта преступления и границ сферы действия норм, закрепленных в ст. 285.1 УК РФ. Кроме того, необходимы разъяснения высшей судебной инстанции по вопросам разграничения видов ответственности и толкования признаков состава преступления. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Эльгайтаров С.Ю. Бюджетные средства как предмет преступного посягательства и субъект совершения преступления, связанного с нецелевым расходованием бюджетных средств // Юристы-правоведы. 2014. № 5 (66). С. 124-128.
2. Изосимов С.В., Карпов А.Г. Нецелевое расходование государственных бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: уголовно-правовой анализ // Бизнес в законе. 2006. № 1-2. С. 80-86.
3. Барина Е.Д., Беличенко Р.В. Тактика проведения отдельных следственных действий при расследовании преступлений по нецелевому расходованию бюджетных средств // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 4 (62). С. 77-84.
4. Козлова Е.Л. Современные проблемы толкования объективной стороны неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 119-120.
5. Бойков Д.А. Причины и условия нецелевого расходования бюджетных средств; характеристика лиц, осуществляющих нецелевое расходование бюджетных средств // Финансовое право. 2005. № 11. С. 11-15.
6. Ищенко Е.П. Проблемы первоначального этапа расследования преступлений. Краснодар, 1987. 167 с.
7. Изосимов С.В. Нецелевое использование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов (уголовно-правовое и криминологическое исследование): Монография. Н.Новгород: Волго-Вятская академия государственной службы, 2008. 301 с.
8. Минеев В.А. Разграничение нецелевого использования бюджетных средств и нецелевого расходования бюджетных средств: административный и уголовно-правовой аспекты // Бизнес в законе. 2008. № 3. С. 55-56.
9. Упоров И.В., Эффрикян Р.А., Бушков Д.В., Кумыков А.А. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов и проблемы законодательного регулирования: Монография. М., 2016. 144 с.
10. Попов С.В. О некоторых аспектах уголовной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств и проблемных вопросах оперативных подразделений, связанных с выявление и раскрытием преступлений данной категории // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: КрУ МВД России, 2021. С. 183-190.
11. Бойко Н.Н. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств: теория и практика на современном этапе // Право и государство: теория и практика. 2020. № 11 (191). С. 112-114.
12. Соловьев О.Г. Уголовно-правовые средства охраны бюджетных отношений: проблемы юридической техники: Монография. Ярославль: ЯрГУ, 2008. 306 с.
13. Иванов П.И. Особенности оперативно-розыскного предупреждения преступлений, совершаемых на объектах бюджетного финансирования // Аграрное и земельное право. 2024. № 4 (232). С. 289-293.
14. Фазылов Р.Р. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: Монография. Казань, 2005. 108 с.
15. Карагина Д.О. Конструирование санкций за квалифицированные составы нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 7 (152). С. 124-133.

REFERENCES

1. El'gaytarov S.Yu. Byudzhetynye sredstva kak predmet prestupnogo posyagatel'stva i sub'yekt soversheniya prestupleniya, svyazannogo s netselevym raskhodovaniyem byudzhetykh sredstv // Yurist"-pravoved". 2014. № 5 (66). S. 124-128.

2. Izosimov S.V., Karpov A.G. Netselevoye raskhodovaniye gosudarstvennykh byudzhethnykh sredstv i sredstv gosudarstvennykh vnebyudzhethnykh fondov: ugolovno-pravovoy analiz // *Biznes v zakone*. 2006. № 1-2. S. 80-86.

3. Barinova Ye.D., Belichenko R.V. Taktika provedeniya otdel'nykh sledstvennykh deystviy pri rassledovanii prestupleniy po netselevomu raskhodovaniyu byudzhethnykh sredstv // *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2025. T. 16. № 4 (62). S. 77-84.

4. Kozlova Ye.L. Sovremennyye problemy tolkovaniya ob'yektivnoy storony neispolneniya obyazannostey po vospitaniyu nesovershennoletnego // XIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 119-120.

5. Boykov D.A. Prichiny i usloviya netselevogo raskhodovaniya byudzhethnykh sredstv; kharakteristika lits, osushchestvlyayushchikh netselevoye raskhodovaniye byudzhethnykh sredstv // *Finansovoye pravo*. 2005. № 11. S. 11-15.

6. Ishchenko Ye.P. Problemy pervonachal'nogo etapa rassledovaniya prestupleniy. Krasnoyarsk, 1987. 167 s.

7. Izosimov S.V. Netselevoye ispol'zovaniye byudzhethnykh sredstv i sredstv gosudarstvennykh vnebyudzhethnykh fondov (ugolovno-pravovoye i kriminologicheskoye issledovaniye): Monografiya. N.Novgorod: Volgo-Vyatskaya akademiya gosudarstvennoy sluzhby, 2008. 301 s.

8. Mineyev V.A. Razgranicheniye netselevogo ispol'zovaniya byudzhethnykh sredstv i netselevogo raskhodovaniya byudzhethnykh sredstv: administrativnyy i ugolovno-pravovoy aspekty // *Biznes v zakone*. 2008. № 3. S. 55-56.

9. Uporov I.V., Efrikyan R.A., Bushkov D.V., Kumykov A.A. Ugolovnaya otvetstvennost' za netselevoye raskhodovaniye byudzhethnykh sredstv i sredstv gosudarstvennykh vnebyudzhethnykh fondov i problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya: Monografiya. M., 2016. 144 s.

10. Popov S.V. O nekotorykh aspektakh ugolovnoy otvetstvennosti za netselevoye raskhodovaniye byudzhethnykh sredstv i problemnykh voprosakh operativnykh podrazdeleniy, svyazannykh s vyyavleniye i raskrytiyem prestupleniy dannoy kategorii // Aktual'nyye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoy deyatelnosti: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2021. S. 183-190.

11. Boyko N.N. Ugolovnaya otvetstvennost' za netselevoye raskhodovaniye byudzhethnykh sredstv: teoriya i praktika na sovremennom etape // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2020. № 11 (191). S. 112-114.

12. Solov'yev O.G. Ugolovno-pravovyye sredstva okhrany byudzhethnykh otnosheniy: problemy yuridicheskoy tekhniki: Monografiya. Yaroslavl!: YarGU, 2008. 306 s.

13. Ivanov P.I. Osobennosti operativno-rozysknogo preduprezhdeniya prestupleniy, sovershayemykh na ob'yektakh byudzhethnogo finansirovaniya // *Agrarnoye i zemel'noye pravo*. 2024. № 4 (232). S. 289-293.

14. Fazylov R.R. Ugolovnaya otvetstvennost' za netselevoye raskhodovaniye byudzhethnykh sredstv i sredstv gosudarstvennykh vnebyudzhethnykh fondov: Monografiya. Kazan', 2005. 108 s.

15. Karagina D.O. Konstruirovaniye sanktsiy za kvalifitsirovannyye sostavy netselevogo raskhodovaniya byudzhethnykh sredstv i sredstv gosudarstvennykh vnebyudzhethnykh fondov // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2023. T. 18. № 7 (152). S. 124-133.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Козлова Е.Л., Баринаева Е.Д., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Козлова Е.Л., Баринаева Е.Д. Нецелевое расходование бюджетных средств: уголовно-правовая характеристика объективных признаков преступления // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2026. № 1 (83). С. 18-24.

Олеся Валерьевна ОБЕРНИХИНА,

ORCID 0000-0002-4122-9966

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (г. Казань)

соискатель ученой степени кандидата юридических наук

Olesia.obernihina@yandex.ru

Научный руководитель:

Антон Геннадьевич АНТОНОВ,

доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры уголовного права

Санкт-Петербургского университета МВД России

Научная статья

УДК 343.2:340.132.3

ОБ ИНИЦИАТИВЕ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ИНСТИТУТА ОБРАТНОЙ СИЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Обратная сила уголовного закона, уголовная политика, осуждённый, потерпевший, судимость, декриминализация, иное улучшение положения лица, правовое регулирование, законодательная инициатива.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В 2025 году Пленум Верховного Суда Российской Федерации впервые в истории принял постановление о практике применения ст. 10 УК РФ (обратная сила уголовного закона). Оно систематизировало правоприменительную практику и разъяснило критерии улучшения положения лица, совершившего общественно опасное деяние. Вместе с тем ряд ключевых проблем института обратной силы остается за рамками судебного толкования и требует законодательного решения. Этим обстоятельством обусловлена актуальность исследования, результаты которого излагаются в статье. *Методы.* Методологическую основу исследования составил комплекс междисциплинарных методов. Формально-юридический метод применен для анализа содержания ст. 10 УК РФ, корреспондирующих норм уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, а также для выявления пробелов в правовом регулировании. Сравнительно-правовой метод был востребован для сопоставления отечественного и зарубежного законодательства в части регулирования вопросов обратной силы уголовного закона. Статистический метод позволил обработать данные судебной статистики и подвести итоги анкетирования 435 сотрудников правоохранительных органов. Метод правового моделирования лег в основу разработки концепции законопроекта, инициирующей формирование двухэтапного алгоритма пересчета наказания. *Результаты.* Обоснована необходимость комплексного регулирования применения обратной силы уголовного закона. Предложена авторская концепция законопроекта, предусматривающая: систематизацию понятийного аппарата; распространение обратной силы на лиц с погашенной судимостью при декриминализации деяния; законодательное закрепление методики пересчета наказания (двухэтапный алгоритм); введение правила о применении наиболее благоприятного закона при его неоднократном изменении; установление императивной (вnezаявительной) процедуры пересмотра приговоров; обеспечение баланса интересов осуждённого и потерпевшего путем создания механизма извещения последнего. Принятие такого законопроекта способствовало бы усилению гарантий прав лиц, совершивших преступления, обеспечению системного единства уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, единообразию судебной практики, а также реализации конституционных принципов гуманизма и справедливости.

ВВЕДЕНИЕ

Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял 24 июня 2025 года постановление № 10 «О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 10). Это первое в истории постановление по вопросам применения ст. 10 УК РФ является признанием судебной системой и научной общественностью серьезных проблем, которые продол-

жают накапливаться в связи с развитием института обратной силы уголовного закона [1, с. 62].

В последнее время Уголовный кодекс корректировался весьма интенсивно. По данным Верховного Суда Российской Федерации, за последние пять лет в него были внесены изменения 98 федеральными законами. Причем в некоторых из них соседствовали положения как смягчающие, так и ужесточающие уголовно-правовые нормы. В таких условиях особую актуальность приобретает проблема единообразного и эффективного при-

Olesya V. OBERNIKHINA,

ORCID 0000-0002-4122-9966

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (Kazan, Russia)

Candidate for the degree Cand. Sci. (Jurisprudence)

Olesia.obernihina@yandex.ru

Scientific supervisor:

Anton G. ANTONOV,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Saint Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia

ON THE INITIATIVE TO IMPROVE THE INSTITUTION OF RETROACTIVE EFFECT OF CRIMINAL LAW

KEYWORDS. Retroactive effect of criminal law, criminal policy, convicted person, victim, criminal record, decriminalization, other improvements in the status of a person, legal regulation, legislative initiative.

ANNOTATION. *Introduction.* In 2025, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation adopted, for the first time in history, a resolution on the practical application of Art. 10 of the Criminal Code of the Russian Federation (retroactivity of criminal law). It systematized law enforcement practice and clarified the criteria for improving the situation of a person who has committed a socially dangerous act. At the same time, a number of key issues related to the institution of retroactivity remain beyond the scope of judicial interpretation and require a legislative solution. This circumstance determines the relevance of the study, the results of which are presented in the article. *Methods.* The methodological basis of the study consisted of a set of interdisciplinary methods. The formal legal method was applied to analyze the content of Art. 10 of the Criminal Code of the Russian Federation, corresponding provisions of criminal procedure and penal legislation, and to identify gaps in legal regulation. The comparative legal method was used to compare domestic and foreign legislation in terms of regulating issues of retroactivity of criminal law. A statistical method was used to process judicial statistics data and summarize the results of a survey of 435 law enforcement officers. A legal modeling method formed the basis for the development of a draft law concept that initiates the formation of a two-stage algorithm for recalculating punishment. *Results.* The need for comprehensive regulation of the application of retroactive criminal law is substantiated. The author's concept of the draft law is proposed, providing for: systematization of the conceptual apparatus; extension of retroactive effect to persons with an expunged conviction when an act is decriminalized; legislative consolidation of the punishment recalculation methodology (two-stage algorithm); introduction of a rule on the application of the most favorable law in the event of its repeated amendments; establishment of a mandatory (non-declaratory) procedure for reviewing sentences; ensuring a balance of interests between the convicted person and the victim by creating a mechanism for notifying the latter. The adoption of such a bill would strengthen guarantees of the rights of persons who have committed crimes, ensure the systemic unity of criminal, criminal procedural, and penal legislation, uniformity of judicial practice, and the implementation of constitutional principles of humanism and justice.

менения ст. 10 УК РФ, закрепляющей правило об обратной силе уголовного закона.

Ежегодно в суды районного уровня поступают тысячи ходатайств и представлений об освобождении от наказания и о его смягчении вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу. В 2025 году судами их было рассмотрено 4803¹. Результаты проведенного нами анкетирования 435 сотрудников правоохранительных органов показывают, что 60% респондентов сталкивались в своей деятельности с применением положений об обратной силе уголовного закона. При этом отсутствие четких законодательных механизмов их реализации отметили 78% опрошенных.

Постановление Пленума ВС РФ № 10 дало развернутые разъяснения по широкому кругу вопросов: что следует понимать под устранением преступности деяния, смягчением наказания и иным улучшением положения лица; как определять время совершения преступления для целей применения ст. 10 УК РФ; каковы правила пересмо-

тра приговоров при неоднократном изменении закона; в каких случаях возможен пересмотр после погашения судимости. Вместе с тем, несмотря на важность и своевременность этих разъяснений, целый ряд проблем правового регулирования института обратной силы уголовного закона остается за рамками судебного толкования и требует законодательного решения. К их числу относятся: зависимость реализации конституционного права на пересмотр приговора от юридической грамотности и инициативы осуждённого вследствие заявительного характера возбуждения данной процедуры; отсутствие механизма автоматического аннулирования судимости при декриминализации деяния; неопределённость правил пересчета наказания при изменении пределов санкций; отсутствие у государственных органов обязанности по инициативному пересмотру приговоров; отсутствие механизма извещения потерпевшего о пересмотре приговора в порядке ст. 10 УК РФ.

¹ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт // URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 28.02.2026).

Перечисленные обстоятельства во многом предопределяют содержание исследований, касающихся нормативного регулирования института обратной силы уголовного закона. Есть основания говорить о необходимости совершенствования законодательства в данной сфере. Результатом проведенных нами научных изысканий стала разработка концепции проекта федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» в части совершенствования института обратной силы уголовного закона». Размышления о нем приведены ниже.

МЕТОДЫ

При проведении исследования, результаты которого представлены в статье, в том числе при подготовке законопроекта, использовались: формально-юридический метод (для анализа содержания ст. 10 УК РФ и корреспондирующих норм, а также положений Постановления Пленума ВС РФ № 10), сравнительно-правовой метод (в рамках сопоставления отечественного и зарубежного законодательства), статистический метод (в целях обработки данных судебной статистики), а также метод правового моделирования (при разработке законодательных предложений).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» в части совершенствования института обратной силы уголовного закона» (далее – законопроект) ориентирован на комплексное совершенствование правового регулирования института обратной силы уголовного закона, устранение пробелов и противоречий в действующем законодательстве, а также усиление гарантий прав граждан при применении ст. 10 УК РФ. Законопроект разработан в целях формирования эффективной регуляторной среды, обеспечивающей реализацию конституционных принципов гуманизма, справедливости и правовой определенности при применении обратной силы уголовного закона.

1. Систематизация понятийного аппарата в соответствии с позициями Пленума Верховного Суда Российской Федерации

В законопроекте приводятся определения используемых в нем основных понятий, которые должны формировать фундамент установления правовых механизмов, регулирующих соответствующую область общественных отношений. Базовым и системообразующим является понятие «обратная сила уголовного закона».

В соответствии с п. 1 Постановления Пленума ВС РФ № 10 имеющим обратную силу признается уголовный закон, которым в нормы Общей и (или) Особенной частей УК РФ вносятся изменения, устраняющие преступность деяния, смягчающие наказание или иным образом улучшающие

положение лиц, совершивших общественно опасные деяния до вступления такого закона в силу, и в связи с этим подлежащие обязательному применению по конкретным уголовным делам в отношении указанных лиц, включая отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость.

Законопроект предлагает классификацию изменений, улучшающих положение перечисленных лиц, полностью соответствующую структуре ч. 1 ст. 10 УК РФ и разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации:

- изменения, устраняющие преступность деяния;
- изменения, смягчающие наказание;
- изменения, иным образом улучшающие положение лица.

В соответствии с п. 2 Постановления Пленума ВС РФ № 10 к числу устраняющих преступность деяния относятся такие изменения уголовного закона, которые исключают уголовную ответственность путем признания деяния не представляющим общественной опасности. При этом устранение преступности может осуществляться не только путем внесения соответствующих изменений в уголовный закон, но и путем отмены или изменения нормативных правовых актов иной отраслевой принадлежности, к которым отсылают бланкетные нормы уголовного закона (например вследствие повышения стоимости имущества, в случае присвоения которого наступает административная ответственность за мелкое хищение) [1, с. 62].

В эту же группу Пленум Верховного Суда Российской Федерации включил: дополнение статьи Особенной части УК РФ составом преступления с административной преюдицией и отнесение соответствующего деяния, совершенного впервые, к категории административных правонарушений; повышение возраста, с которого наступает уголовная ответственность за совершение деяния; повышение нижней границы размера ущерба или дохода, а равно степени тяжести вреда, причиненного здоровью, являющихся криминообразующими признаками деяния.

В соответствии с п. 3 Постановления Пленума ВС РФ № 10 смягчение наказания может быть выражено в изменении как санкции нормы Особенной части УК РФ (снижение нижнего и (или) верхнего пределов наказания, введение менее строгого вида или исключение более строгого вида основного наказания, исключение обязательного дополнительного наказания), так и норм Общей части УК РФ, касающихся применения наказания.

Пленум привел развернутый перечень случаев, когда закон признается смягчающим наказание:

- изменение в благоприятную для лица, совершившего общественно опасное деяние, сторону критериев определения категории преступления либо оснований и условий изменения судом категории преступления на менее тяжкую (ст. 15 УК РФ);
- изменение условий признания рецидива преступлений опасным или особо опасным (ст. 18 УК РФ);

- включение обстоятельства, установленного по делу, в перечень смягчающих наказание (ч. 1 ст. 61 УК РФ);

- исключение обстоятельства из числа отягчающих наказание (ст. 63 УК РФ);

- введение более мягких правил назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств (ст. 62 УК РФ), при рецидиве преступлений (ст. 68 УК РФ), по совокупности преступлений или совокупности приговоров (ст.ст. 69, 70 УК РФ);

- введение более мягких правил исчисления сроков наказаний и зачета наказания (ст. 72 УК РФ), применения условного осуждения (ст. 73 УК РФ).

В соответствии с п. 4 Постановления Пленума ВС РФ № 10 иным образом улучшающим положение лица, совершившего общественно опасное деяние, признается уголовный закон, которым в нормах Общей части УК РФ сокращаются сроки давности уголовного преследования (ст. 78 УК РФ) или сроки погашения судимости (ст. 86 УК РФ), в нормах Особенной части УК РФ исключается квалифицирующий признак совершения преступления, повышаются установленные для квалифицированных составов преступлений размерные значения (ущерба, дохода, задолженности), в Общую или Особенную части УК РФ вводятся нормы, предусматривающие новые основания освобождения от уголовной ответственности или от наказания.

Таким образом, понятийный аппарат законопроекта полностью согласован с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, что обеспечивает его органичную интеграцию в действующую систему правового регулирования.

2. Расширение круга лиц, на которых распространяется обратная сила уголовного закона

Ключевым положением законопроекта является распространение обратной силы уголовного закона на лиц, судимость которых снята или погашена, в случаях декриминализации деяния.

В п. 6 Постановления Пленума ВС РФ № 10 разъясняется, что по общему правилу пересмотр приговора по основаниям, предусмотренным ст. 10 УК РФ, возможен до погашения или снятия судимости. В отношении осуждённых, отбывших наказание, положения ст. 10 УК РФ об обратной силе уголовного закона применяются в части вопросов, касающихся определения наличия судимости и сокращения срока ее погашения. Вместе с тем в исключительных случаях допускается пересмотр приговора после погашения или снятия судимости, в частности когда данный приговор сохраняет значение для признания в действиях лица, совершившего новое преступление в течение срока погашения судимости, наличия рецидива преступлений и (или) определения его вида.

Законопроект идет дальше и предлагает императивное правило: лицо, осуждённое за совершение деяния, преступность и наказуемость которого были устранены новым уголовным законом, считается не имеющим судимости со дня вступления такого закона в силу, а правовые последствия, связанные с наличием судимости, аннулируются с указанной даты. Данное предложение обосновывается тем, что декриминализация деяния означает признание законодателем ошибочной самой оценки деяния как преступного. Негативные последствия такой ошибки не должны сохраняться даже после формального погашения судимости. Как справедливо отмечается в научной литературе, «общественно опасное последствие уже наступило, и его полная нейтрализация невозможна, однако это не должно препятствовать применению к виновному более мягкого закона» [2, с. 183]. В случае декриминализации речь идет не просто о смягчении наказания, а о полной утрате деянием общественной опасности, что должно вести к аннулированию всех правовых последствий осуждения.

В случае декриминализации речь идет не просто о смягчении наказания, а о полной утрате деянием общественной опасности, что должно вести к аннулированию всех правовых последствий осуждения.

3. Законодательное закрепление правил пересчета наказания

В п. 7 Постановления Пленума ВС РФ № 10 обращено внимание на то, что при разрешении вопроса о применении либо неприменении положений ст. 10 УК РФ судам следует не только исходить из самого факта принятия нового закона, но и учитывать, касаются ли лица предусмотренные данным законом изменения и в чем конкретно заключается улучшение его положения. Приводится пример: если лицо было осуждено к лишению свободы за преступление, за совершение которого также предусмотрено наказание в виде исправительных работ, то при смягчении новым законом наказания в виде исправительных работ или наказания другого вида, которое осужденному не назначалось, такой закон не улучшает его положение.

Однако в Постановлении Пленума ВС РФ № 10 не содержится методики пересчета наказания при изменении пределов санкции. Законопроект восполняет этот пробел, предлагая закрепить в ч. 3 ст. 10 УК РФ правило о том, что назначенное судом наказание подлежит сокращению в пределах, предусмотренных новым уголовным законом, с соблюдением общих начал назначения наказания, предусмотренных ст. 60 УК РФ, и с учетом всех обстоятельств, влияющих на индивидуализацию наказания.

Кроме того, важным элементом реализации предлагаемых законодательных новелл выступает методика пересчета наказания при изменении пределов санкции. В Постановлении Пленума ВС РФ № 10, несмотря на обширные разъяснения по вопросам применения ст. 10 УК РФ, не описано механизма (алгоритма) такого пересчета. В п. 7 указывается на необходимость индивидуализированного подхода, но не предлагается инструментария для обеспечения единообразия правоприменения.

В целях устранения данного недостатка нами разработан универсальный двухэтапный алгоритм пересчета наказания. Полагаем необходимым включить его в содержание Постановления Пленума ВС РФ № 10. Алгоритм носит рекомендательный характер и не ограничивает судебское усмотрение. Предлагается лишь научно обоснованная методика обеспечения баланса между принципом правовой определенности (единообразие пересчета) и принципом индивидуализации

ции наказания (учет данных о личности и обстоятельствах).

Первый этап (объективный математический расчет) предполагает пропорциональный пересчет назначенного наказания исходя из соотношения диапазонов старой и новой санкций. Выведенная нами формула имеет следующий вид:

$$H_{\text{новое}} = \frac{S_{\text{нов. макс}} - S_{\text{нов. мин}}}{S_{\text{стар. макс}} - S_{\text{стар. мин}}} \times (H_{\text{стар}} - S_{\text{стар. мин}}) + S_{\text{нов. мин}}$$

где:

$S_{\text{стар. мин}}$, $S_{\text{стар. макс}}$ – минимальный и максимальный пределы наказания по старому закону;

$S_{\text{нов. мин}}$, $S_{\text{нов. макс}}$ – минимальный и максимальный пределы наказания по новому закону;

$H_{\text{стар}}$ – наказание, фактически назначенное по старому закону;

$H_{\text{новое}}$ – предварительный результат пересчета.

Получаемый результат позволяет сохранить пропорцию, в которой назначенное наказание соотносилось с диапазоном старой санкции, и выступает отправной точкой для дальнейшего судебного усмотрения. Иными словами, рассчитанный срок является основой, но не окончательным решением.

На втором этапе (субъективная юридическая оценка) суд корректирует полученный в результате математического расчета срок с учетом всей совокупности обстоятельств, влияющих на назначение наказания: характера и степени общественной опасности преступления, данных о личности виновного, наличии смягчающих или отягчающих обстоятельств, поведения осуждённого после вынесения приговора (раскаяние, возмещение ущерба, добросовестное отношение к труду (учебе), наличие взысканий или поощрений в местах лишения свободы), а также общих начал назначения наказания (ст. 60 УК РФ) и принципов справедливости и гуманизма.

Включение данной методики в содержание Постановления Пленума ВС РФ № 10 позволит, по нашему мнению, обеспечить единообразие правоприменительной практики при пересмотре приговоров и существенно повысить эффективность реализации рассматриваемого проекта федерального закона. При этом алгоритм не претендует на подмену полномочий суда по реализации судебного усмотрения. Он предоставляет собой лишь научно обоснованный инструментарий, который может способствовать принятию судьями взвешенных и справедливых решений в строгом соответствии с законом.

4. Правило о применении наиболее благоприятного закона (в случае неоднократного внесения изменений)

Если действовавший во время совершения деяния уголовный закон в дальнейшем был изменен законом, смягчающим наказание или иным образом улучшающим положение лица, но ко времени рассмотрения дела в суде вступил в силу новый уголовный закон, усиливающий наказание или ухудшающий положение этого лица, применению подлежит указанный более мягкий уголовный закон. Такое разъяснение содержится в п. 7 Постановления Пленума ВС РФ № 10. Далее (в п. 8)

указано на то, что если новый закон в одной части смягчает наказание или иным образом улучшает положение лица, совершившего общественно опасное деяние, а в другой усиливает наказание или иным образом ухудшает положение лица, то деяние должно квалифицироваться по закону в редакции, действовавшей на момент его совершения, но при этом подлежат применению все предусмотренные новым законом изменения, смягчающие наказание или иным образом улучшающие положение указанного лица.

Законопроект предлагает закрепить это правило непосредственно в тексте УК РФ, дополнив ст. 10 частью 4 следующего содержания: «Если со времени совершения преступления до времени вынесения приговора уголовный закон изменялся неоднократно, применяется уголовный закон, наиболее благоприятный для лица, совершившего преступление». Данное правило, длительное время существовавшее в доктрине и правоприменительной практике, но не имевшее прямого отражения в законе, получит таким образом легальное закрепление, что внесет окончательную ясность в этот вопрос.

5. Императивная (внезаявительная) процедура пересмотра приговоров

В ходе проведения исследования нами было установлено, что одна из главных проблем реализации обратной силы уголовного закона – заявительный порядок ее применения. Результаты анкетирования свидетельствуют, что большинство осуждённых не обладают достаточными познаниями о том, как своевременно воспользоваться представленным им правом. Правоприменительные органы, – отмечает Д.А. Прошляков, – обязаны самостоятельно инициировать пересмотр вступивших в законную силу приговоров при появлении соответствующего закона [3, с. 17].

Законопроект предлагает комплексное решение этой проблемы посредством использования императивной (внезаявительной) процедуры:

- суд, а также по поручению суда учреждение или орган, исполняющие наказание, в месячный срок со дня вступления нового закона в силу обязаны проверить наличие оснований для приведения приговоров в соответствие с новым уголовным законом (ч. 2.2 ст. 399 УПК РФ);

- администрация учреждения или органа, исполняющего наказание, обязана информировать осуждённого о содержании нового уголовного закона и его праве на приведение приговора в соответствие с ним, а также направлять в суд представления о пересмотре приговоров в отношении осуждённых, чье положение новый уголовный закон улучшает безусловно (ч. 5 ст. 180 УИК РФ);

- прокурора в инициативном порядке обязана проверить законность и обоснованность ранее вынесенных приговоров при вступлении в силу нового уголовного закона, улучшающего положение лиц, совершивших общественно опасные деяния, и при наличии оснований обратиться в суд с представлением о приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом (ч. 4 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»).

Возложение обязанности инициативного пересмотра приговоров на прокурора (в рамках надзора за законностью) и администрацию учреждения или органа уголовно-исполнительной системы (в рамках защиты прав осуждённых) позволит реально, а не декларативно обеспечить действие принципа обратной силы уголовного закона.

6. Обеспечение баланса интересов осуждённого и потерпевшего

В п. 1 Постановления Пленума ВС РФ № 10 подчеркивается, что обратная сила распространяется на лиц, совершивших общественно опасные деяния до вступления закона в силу, включая отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость. Вопрос об участии потерпевшего в процедуре применения обратной силы в постановлении не затрагивается.

Между тем, как справедливо отмечается в научной литературе, потерпевший должен иметь возможность отстаивать свои права и законные интересы на всех этапах уголовного судопроизводства [4, с. 89]. Л.А. Шабалина указывает на наличие существенных процедурных пробелов в регулировании участия потерпевшего в решении вопросов, связанных с исполнением приговора [4, с. 91].

Законопроект восполняет этот пробел, устанавливая механизм извещения потерпевшего о рассмотрении вопроса о применении нового уголовного закона. Предлагается закрепить такой порядок, при котором суд должен извещать о дате, времени и месте судебного заседания потерпевшего, его законного представителя и (или) представителя не позднее чем за 14 суток до дня судебного заседания (ч. 4.1 ст. 399 УПК РФ). Потерпевшему следует предоставить право участвовать в судебном заседании непосредственно либо с использованием систем видео-конференц-связи. Законопроект предусматривает также наделение потерпевшего правом самостоятельно обращаться в суд с ходатайством о приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом (ч. 3 ст. 401 УПК РФ).

Реализация этих предложений, по нашему мнению, не нарушит императивной природы норм, закрепленных в ст. 10 УК РФ. Она обеспечит реализацию конституционного права потерпевшего на доступ к правосудию и получение информации.

ОБСУЖДЕНИЕ

Принятие Постановления Пленума ВС РФ № 10 стало важным этапом в развитии института обратной силы уголовного закона. Документ систематизировал многолетнюю практику, дал развернутые разъяснения по ключевым вопросам применения ст. 10 УК РФ, обеспечил единообразное понимание того, какие изменения закона следует считать устраняющими преступность деяния, смягчающими наказание или иным образом улучшающими положение лица, совершившего общественно опасное деяние.

Вместе с тем анализ постановления показывает, что ряд проблем остается за рамками судебного толкования и требует именно законодательного решения. К их числу относятся:

1. Проблема аннулирования правовых последствий судимости при декриминализации. Постановление Пленума ВС РФ № 10 (п. 6) допускает пересмотр после погашения судимости лишь в исключительных случаях (если это имеет значение для установления рецидива). Однако при декриминализации, то есть при полной, по оценке самого законодателя, утрате деянием общественной опасности, аннулирование всех правовых последствий должно быть не исключением, а правилом.

2. Проблема пересчета наказания. Постановление Пленума ВС РФ № 10 содержит разъяснения по поводу необходимости индивидуализированного подхода к решению этого вопроса (п. 7), но не предлагает методики пересчета, которая применялась бы в случае изменения пределов санкции, закрепленной уголовно-правовой нормой. Данное обстоятельство обуславливает сохранение риска субъективизма судейского усмотрения.

3. Проблема инициативного пересмотра приговоров. Постановление Пленума ВС РФ № 10 не решает проблемы заявительного характера этой процедуры, оставляя реализацию права на применение обратной силы уголовного закона в зависимости от юридической грамотности и инициативы осуждённого.

4. Проблема участия потерпевшего. Постановление Пленума ВС РФ № 10 не регулирует вопросы участия потерпевшего в процедуре применения обратной силы уголовного закона, что может создавать риски нарушения его конституционных прав.

Реализация представляемого нами законопроекта открывает возможности решения перечисленных проблем. При этом необходимо иметь в виду, что все его положения разработаны с учетом правовых позиций, сформулированных в Постановлении Пленума ВС РФ № 10, и не противоречат им.

В научной литературе высказываются различные точки зрения относительно необходимости расширения прав потерпевшего при применении обратной силы уголовного закона. Т.И. Нагаева и А.В. Ким, например, предлагают внести изменения в ст.ст. 4, 6, 7 и 14 УК РФ, распространить принципы равенства и гуманизма на потерпевшего и обязав правоприменителя учитывать его мнение при решении вопроса о малозначительности деяния [5, с. 100-101]. Представляется, однако, что учет мнения потерпевшего при применении ст. 10 УК РФ не должен влиять на само решение о применении более мягкого закона, поскольку это противоречило бы императивной природе данной нормы. В связи с этим законопроект ограничивается механизмом извещения и правом потерпевшего участвовать в рассмотрении вопроса, но не ставит применение обратной силы уголовного закона в зависимость от его волеизъявления.

Обсуждаются учеными и иные аспекты реализации обратной силы уголовного закона. Так, А.М. Ерасов, исследуя ее соотношение с принципами уголовного права, подчеркивает, что ретроактивность более мягкого закона является не самостоятельным принципом, а специальным

правилом, производным от конституционных начал законности, гуманизма и справедливости [6, с. 88]. Данный вывод согласуется с нашей позицией о необходимости разграничения принципов и механизмов их реализации.

Анализируя практику применения ст. 10 УК РФ, А.Е. Якубов обосновывает необходимость разработки формализованных критериев (своего рода шкалы) пропорционального снижения наказания при изменении санкций [7, с. 33]. Предложенный нами двухэтапный алгоритм пересчета наказания может рассматриваться как шаг в этом направлении. Однако в отличие от жесткой шкалы, он сохраняет за судом право на индивидуализацию наказания.

Классификация изменений, вносимых в Особенную часть УК РФ, составленная Л.Н. Бараташвили, включает в себя полную декриминализацию, частичную декриминализацию, изменение диспозиции и санкций и т.д. [8, с. 51]. Определенное сходство с ней имеет представленная нами классификация, но мы акцентируем внимание на трех основных категориях, предусмотренных ст. 10 УК РФ.

На затруднительность правовой оценки деяний при применении обратной силы, особенно в контексте изменения бланкетных норм, указывает А.А. Сосновский [9, с. 85]. В целом поддерживая данное мнение, полагаем, что предложенное нами распространение обратной силы уголовного закона на лиц с погашенной судимостью при декриминализации деяния способствует устранению такого рода сложностей.

Рассматривая институт обратной силы в историческом ракурсе, Е.В. Корнилова отмечает, что он прошел долгий путь развития и лишь в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года получил надлежащее закрепление [10, с. 191]. Это подтверждает необходимость его дальнейшего совершенствования.

На особенности квалификации при множественности преступлений в условиях изменения закона обращает внимание А.И. Рясов [11, с. 82]. В рассматриваемом им контексте, на наш взгляд, нормативно-правовое закрепление правила о применении наиболее благоприятного закона при неоднократном изменении (ч. 4 ст. 10 УК РФ в предлагаемой нами редакции) приобретает особую значимость.

Ряд проблем, связанных с приданием обратной силы промежуточному закону, а также с применением бланкетных диспозиций, исследуют В.А. Зелик и В.В. Чибизов [12, с. 175-176]. Наш законопроект, которым предлагается закрепить правило о наиболее благоприятном законе и распространении обратной силы на случаи изменения иных нормативных актов (через ст. 86 УК РФ), направлен на преодоление этих проблем.

Анализируя правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, А.Э. Жалинский подчеркивает, что государство обязано обеспечить механизм приведения приговоров в соответствие с новым, более мягким законом независимо от инициативы осужденного [13, с. 17]. Это полностью соответствует нашему предложению

о закреплении императивной (внезаявительной) процедуры.

Ситуации, когда изменения позитивного законодательства влекут за собой устранение преступности деяния в силу бланкетности уголовно-правовых норм, рассматривает В.С. Комиссаров [14, с. 29]. Мы разделяем его подход и считаем, что такие случаи должны охватываться действием ст. 10 УК РФ, что и обеспечивается предлагаемой нами редакцией ст. 86 УК РФ.

На необходимость законодательного закрепления обязанности учреждений уголовно-исполнительной системы инициировать пересмотр приговоров при появлении нового, более мягкого закона указывает А.А. Соколов [15, с. 39]. Данное предложение реализовано в нашем законопроекте путем дополнения ст. 180 УИК РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Принятие Постановления Пленума ВС РФ № 10 стало важным шагом на пути совершенствования практики применения ст. 10 УК РФ. Документ систематизировал накопленный опыт, дал четкие ориентиры правоприменителям, обеспечил единообразное понимание ключевых категорий института обратной силы уголовного закона. Вместе с тем результаты нашего исследования показывают, что целый ряд проблем этого института требует именно законодательного решения. Представленный проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» в части совершенствования института обратной силы уголовного закона» основан на системном и комплексном подходе к правовому регулированию применения обратной силы уголовного закона и направлен на формирование регуляторной среды, обеспечивающей эффективную реализацию конституционных принципов гуманизма, справедливости и правовой определенности.

Законопроект подготовлен с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащихся в постановлении от 24 июня 2025 г. № 10, результатов анализа судебной практики и анкетирования правоприменителей. По нашему мнению, его принятие будет способствовать усилению гарантий прав и законных интересов лиц, совершивших преступления, обеспечению системного единства уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, единообразию судебной практики, реализации конституционных принципов, повышению уровня информированности и защиты прав потерпевших, снижению количества жалоб и обращений граждан. Вниманию представителей правотворческих органов, государственных ведомств, научной общественности и практических работников предложен законопроект, направленный на совершенствование института обратной силы уголовного закона. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шалумов М.С., Борисов С.В., Полищук А.О. Позиции Пленума ВС РФ по вопросам применения норм об обратной силе уголовного закона // Уголовный процесс. 2025. № 9 (249). С. 62-69.
2. Тарасова Е.В. Потерпевший как адресат возмещения вреда и уголовно-правовое поощрение преступника // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3 (46). С. 182-187.
3. Прошляков Д.А. Применение статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации к осужденным, уклоняющимся от отбывания наказания // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 20. № 4. С. 14-19.
4. Шабалина Л.А. Об участии потерпевших в судебном заседании по делам об условно-досрочном освобождении // Вестник Кузбасского института. 2014. № 1 (18). С. 89-92.
5. Ким А.В., Нагаева Т.И. Охрана потерпевшего в институте освобождения от уголовной ответственности: реализация принципа справедливости и совершенствование законодательной регламентации // Fundamental Science and Technology: Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. Уфа, 2020. С. 97-104.
6. Ерасов А.М. Обратная сила уголовного закона и принципы уголовного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 3 (260). С. 75-89.
7. Якубов А.Е. Обратная сила уголовного закона и шкала уголовных наказаний // Законность. 2008. № 10 (888). С. 31-34.
8. Бараташвили Л.Н. Действие обратной силы уголовного закона в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2015. № 2 (4). С. 47-55.
9. Сосновский А.А. Особенности правовой оценки деяний с учетом применения положений уголовного кодекса об обратной силе уголовного закона // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2022. № 2. С. 84-86.
10. Корнилова Е.В. Обратная сила уголовного закона // Труды международного симпозиума «Надежность и качество». 2011. Т. 1. С. 190-192.
11. Рясов А.И. Особенности квалификации преступных деяний при обратной силе уголовного закона // Актуальные проблемы современной науки: Международная научно-практическая конференция. Ставрополь: Северо-Кавказский гуманитарно-технический институт, 2013. Т. 2. С. 80-83.
12. Зелик В.А., Чибизов В.В. Проблемы применения обратной силы уголовного закона // Институциональные основы уголовного права РФ: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 171-178.
13. Жалинский А.Э. Обратная сила уголовного закона: правовые позиции Конституционного Суда РФ // Уголовное право. 2006. № 4. С. 13-18.
14. Комиссаров В.С. Изменения позитивного законодательства в сфере предпринимательской деятельности и обратная сила уголовного закона // Уголовное право. 2008. № 2. С. 28-30.
15. Соколов А.А. Некоторые вопросы применения обратной силы закона в отношении лиц, отбывающих уголовное наказание // Юрист Юга России и Закавказья. 2019. № 4 (28). С. 36-40.

REFERENCES

1. Shalumov M.S., Borisov S.V., Polishchuk A.O. Pozitsii Plenuma VS RF po voprosam primeneniya norm ob obratnoy sile ugovolnogo zakona // Ugolovnyy protsess. 2025. № 9 (249). S. 62-69.
2. Tarasova Ye.V. Poterpevshiy kak adresat vzmeshcheniya vreda i ugovolno-pravovoye pooshchreniye prestupnika // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2025. № 3 (46). S. 182-187.
3. Proshlyakov D.A. Primeneniye stat'i 10 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii k osuzhdennym, uklonyayushchimsya ot otbyvaniya nakazaniya // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2020. T. 20. № 4. S. 14-19.
4. Shabalina L.A. Ob uchastii poterpevshikh v sudebnom zasedanii po delam ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2014. № 1 (18). S. 89-92.
5. Kim A.V., Nagayeva T.I. Okhrana poterpevshego v institute osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti: realizatsiya printsipa spravedlivosti i sovershenstvovaniye zakonodatel'noy reglamentatsii // Fundamental Science and Technology: Sbornik nauchnykh statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ufa, 2020. S. 97-104.
6. Yerasov A.M. Obratnaya sila ugovolnogo zakona i printsipy ugovolnogo prava // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. 2005. № 3 (260). S. 75-89.
7. Yakubov A.Ye. Obratnaya sila ugovolnogo zakona i shkala ugovolnykh nakazaniy // Zakonnost'. 2008. № 10 (888). S. 31-34.
8. Baratashvili L.N. Deystviye obratnoy sily ugovolnogo zakona v normakh Osobennoy chasti Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii // Penitentsiarnoye pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika. 2015. № 2 (4). S. 47-55.
9. Sosnovskiy A.A. Osobennosti pravovoy otsenki deyanii s uchetom primeneniya polozheniy ugovolnogo kodeksa ob obratnoy sile ugovolnogo zakona // Sledstvennaya deyatelnost': nauka, obrazovaniye, praktika. 2022. № 2. S. 84-86.
10. Kornilova Ye.V. Obratnaya sila ugovolnogo zakona // Trudy mezhdunarodnogo simpoziuma «Nadezhnost' i kachestvo». 2011. T. 1. S. 190-192.

11. Ryasov A.I. Osobennosti kvalifikatsii prestupnykh deyanii pri obratnoy sile ugovnogo zakona // Aktual'nyye problemy sovremennoy nauki: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Stavropol': Severo-Kavkazskiy gumanitarno-tekhnicheskii institut, 2013. T. 2. S. 80-83.
12. Zelik V.A., Chibizov V.V. Problemy primeneniya obratnoy sily ugovnogo zakona // Instruktsional'nyye osnovy ugovnogo prava RF: Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 2024. S. 171-178.
13. Zhalinskiy A.E. Obratnaya sila ugovnogo zakona: pravovyye pozitsii Konstitutsionnogo Suda RF // Ugolovnoye pravo. 2006. № 4. S. 13-18.
14. Komissarov V.S. Izmeneniya pozitivnogo zakonodatel'stva v sfere predprinimatel'skoy deyatel'nosti i obratnaya sila ugovnogo zakona // Ugolovnoye pravo. 2008. № 2. S. 28-30.
15. Sokolov A.A. Nekotoryye voprosy primeneniya obratnoy sily zakona v otnoshenii lits, otbyvayushchikh ugovnoye nakazaniye // Yurist Yuga Rossii i Zakavkaz'ya. 2019. № 4 (28). S. 36-40.

© **Обернихина О.В., 2026.**

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Обернихина О.В. Об инициативе по совершенствованию института обратной силы уголовного закона // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (83). С. 25-33.

Алиса Джамаловна СМЫР,
ORCID 0009-0004-4988-1563
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
адъюнкт
aliska.smyr@mail.ru

Научный руководитель:
Олег Валентинович СТРИЛЕЦ,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного
права учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

Научная статья
УДК 343.2/.7:343.346.2

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Уголовная ответственность, дорожно-транспортное преступление, нарушение правил дорожного движения, безопасность дорожного движения, эволюция законодательства, правовое регулирование.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Актуальность темы исследования, результаты которого излагаются в статье, обусловлена высокой общественной значимостью обеспечения безопасности дорожного движения, а также необходимостью совершенствования уголовного законодательства, регулирующего ответственность за правонарушения, совершаемые в этой сфере. Дорожно-транспортные преступления оказывают негативное влияние на уровень общественной безопасности, состояние правопорядка и качество жизни граждан. Данное обстоятельство обуславливает необходимость постоянного внимания к работе по противодействию таким преступлениям и их предупреждению со стороны государства и уголовно-правовой науки. В статье представлены исторические этапы формирования и развития отечественного законодательства в той его части, которая регулирует уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Эти этапы прослеживаются от Судебника 1497 года до современной редакции ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации. **Методы.** В ходе проведения исследования применялись историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы. Они позволили выявить тенденции эволюции законодательства и особенности правового регулирования в рассматриваемой сфере. **Результаты.** Автором систематизированы ключевые этапы становления законодательства, регулирующего уголовную ответственность за дорожно-транспортные преступления. Определены три таких этапа: дореволюционный (отсутствие специальных норм), постреволюционный (постепенная конкретизация, формирование самостоятельных составов преступлений) и современный (усиление санкций и развитие превентивных мер). Сделан вывод о том, что развитие законодательства в изучаемой сфере носит эволюционный, преемственный и социально ориентированный характер, отражающий приоритет охраны жизни и здоровья граждан.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы ответственности за нарушения правил дорожного движения относятся в современном обществе к числу наиболее острых. По данным МВД России, ежегодно на дорогах страны совершаются десятки тысяч дорожно-транспортных происшествий, в результате которых погибают и получают травмы тысячи человек¹. Это обуславливает необходимость научного

анализа развития законодательства в данной сфере и поиска путей его совершенствования. Целью проведенного нами исследования было выявление основных этапов эволюции нормативно-правового регулирования в России уголовной ответственности за транспортные преступления.

Развитие автомобильного транспорта и увеличение его значимости для жизнедеятельности общества ставят перед государством задачу укрепле-

¹ Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения: количество дорожно-транспортных происшествий // Госавтоинспекция: сайт // URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 07.10.2025).

Alisa Dzh. SMYR,

ORCID 0009-0004-4988-1563

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)

Adjunct

aliska.smyr@mail.ru

Scientific supervisor:

Oleg V. STRILETS,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on Preliminary Investigation in Law Enforcement Agencies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

THE EVOLUTION OF LEGISLATION PROVIDING FOR CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF TRAFFIC RULES AND THE OPERATION OF VEHICLES

KEYWORDS. Criminal liability, traffic crimes, traffic violation, road safety, evolution of legislation, legal regulation.

ANNOTATION. Introduction. The relevance of the research topic, the results of which are presented in the article, is due to the high social significance of ensuring road safety, as well as the need to improve criminal legislation regulating liability for offenses committed in this area. Road traffic crimes have a negative impact on the level of public safety, the state of law and order and the quality of life of citizens. This circumstance determines the need for constant attention to the work to combat such crimes and their prevention on the part of the state and criminal law science. The article presents the historical stages of the formation and development of the area of domestic legislation that regulates criminal liability for violations of traffic rules and the operation of vehicles. Its development is traced from the Code of Laws of 1497 to the current version of Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation. **Methods.** In the course of the study, historical-legal, comparative-legal, formal-legal and systemic methods were used. They made it possible to identify trends in the evolution of legislation and the features of legal regulation in the area under consideration.

Results. The author systematizes the key stages in the development of criminal liability for transport crimes. Three such stages are identified: pre-revolutionary (absence of specific norms), post-revolutionary (gradual specification, formation of independent crimes), and modern (strengthening sanctions and development of preventive measures). The author concludes that the development of legislation in this area is evolutionary, progressive, and socially oriented, reflecting the priority of protecting the lives and health of citizens.

ния правового регулирования в сфере безопасности дорожного движения. На разных этапах истории нормы уголовного законодательства изменялись в зависимости от уровня автомобилизации, социально-экономических условий и общественной опасности транспортных преступлений. Внимание законодателя в большей мере акцентировалось на ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, поскольку деяния именно этих видов чаще всего оказывались причиной дорожно-транспортных происшествий, приводивших к гибели или травмированию людей.

МЕТОДЫ

В процессе исследования применялись различные методы научного познания, обеспечивающие комплексный анализ этапов формирования и развития законодательства, регулирующего уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Историко-правовой метод позволил проследить эволюцию норм, предусматривающих уголовную ответственность за такого рода деяния, начиная с дореволюционного времени и заканчивая современным этапом развития законодательства Российской Федерации. Сравнительно-правовой метод использовался для установления особенностей правового регулирования в разные периоды (дореволюционный, постреволюционный и современный) и выявления исторической

преемственности. Формально-юридический метод применялся для анализа содержания законодательных актов, постановлений Пленумов Верховного Суда СССР и Российской Федерации, а также для определения специфики юридических конструкций, имеющих отношение к дорожно-транспортным преступлениям. Системно-структурный метод способствовал рассмотрению уголовной ответственности за совершение таких деяний как целостного правового института, включающего нормы, регулирующие как составы преступлений, так и виды наказания.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проблемы безопасности передвижения являются неотъемлемой частью истории человечества со времени изобретения колеса. Совершенствование транспортных средств и увеличение их скоростей постоянно обостряли потребность в обеспечении безопасности на дорогах. На одной из стадий социального развития решение этой задачи перешло на уровень правовой системы, являющейся регулятором общественных отношений: за грубые нарушения стали устанавливать строгие меры ответственности. В рамках исследования нами были последовательно рассмотрены основные этапы развития законодательства в этой сфере.

В дореволюционное время правовое регулирование вопросов, касающихся транспорта, имело фрагментарный характер. К числу ранних попы-

ток государства проявить здесь свою волю относительно ст. 30 Судебника 1497 года [1, с. 116]. Она названа «Указ о езде», в ней были закреплены размеры оплаты за пользование дорогами в зависимости от расстояния поездки из Москвы до других населенных пунктов¹. Существенную роль в развитии транспортной безопасности сыграло Соборное уложение 1649 года, ставшее первой в Русском государстве печатной кодификацией правовых норм. В нем обнаруживаются признаки установления уголовной ответственности за действия, создававшие опасность для движения и здоровья людей. Предусматривались суровые наказания за наезд и причинение увечий. В ст. 17 гл. 22 сказано: «А будет кто с похвалы, или с пьянства, или умыслом наскочет на лошад и на чью жену, и лошадыю ея стопчет и повалит, и тем ея обесчестит, или ея тем боем изувечит, и беременная будет жена от того его бою дитя родит мертво, а сама будет жива, а с суда сыщется про то допряма, и тому, кто так учинит, за такое его дело учинити жестокое наказание, велеть его бити кнутом нещадно, да на нем же доправити той жене бесчестие и увечье вдвое, да его же вкинути в тюрьму на три месеца. А будет от того его бою та жена и сама умрет, и его за такое его дело самого казнити смертию»². Кроме того, Соборное уложение содержало нормы, рассчитанные на предупреждение поведения, в результате которого передвижение по дорогам оказывалось бы невозможным либо представляло бы опасность [2, с. 11-12].

До 1917 года российское уголовное право не располагало специализированными нормами, защищающими именно дорожную безопасность. Ввиду очень небольшого количества используемых в стране автомобилей регулирование было сосредоточено главным образом на конном и железнодорожном транспорте.

Совершенствование средств передвижения и развитие дорожной инфраструктуры послужили в Российской империи катализатором для формирования новых правовых конструкций. Их основными целями были упорядочивание использования транспорта и повышение уровня безопасности. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года выделяется на фоне предыдущей законодательной практики обширным сводом норм, регулирующих ответственность за нарушение правил эксплуатации транспортных средств, в том числе связанных с обеспечением их безопасного функционирования. В целом XIX век ознаменован усилением нормативного контроля. Названный выше акт содержит множество положений, касающихся организации и безопасности транспортного сообщения. Тем самым был продемонстрирован системный подход государства к регулированию этой сферы деятельности. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года выделяются три группы правонарушений, имеющих непосредственное отношение к транспорту [3]:

1) связанные с сухопутными сообщениями (повреждение дорог, мостов; правила содержания дорог и шоссе; правила езды по шоссе и почтовым дорогам);

2) связанные с железнодорожным транспортом (включая ответственность за опасные действия на железной дороге);

3) связанные с судоходством по рекам и каналам (правила о форме и снабжении судов, правила судоходства и др.).

К концу XIX века в крупных городах Российской империи стали появляться правила дорожного движения. Их утверждали губернаторы и городские думы. В Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве и Одессе были установлены предельные скорости движения конных экипажей (12-15 верст в час – 13-16 км/ч), а также выделены специальные зоны, где их движение ограничивалось. Нарушение правил наказывалось в административном порядке – штрафом или кратковременным арестом.

Появление и распространение на дорогах России автомобилей потребовало новых правовых решений. В 1903 году в Санкт-Петербурге были утверждены Правила для движения самоходных экипажей. Данный нормативный акт обязывал водителя иметь «удостоверение о праве управления» и соблюдать установленные ограничения скорости. А при встрече с лошадыю водитель должен был «остановить машину и заглушить двигатель», чтобы не испугать животное [4, с. 48].

Разработчики Уголовного уложения 1903 года предприняли попытку дифференциации уголовной ответственности с учетом специфики субъектов преступления. В проекте документа нашли место нормы, регулирующие ответственность за посягательства на безопасное функционирование речного и морского транспорта [5, с. 22]. Так, ст. 557 предусматривала наказание за повреждение водных путей, шлюзов, водоспусков, мостов и иных сооружений, предназначенных для общественного пользования, при условии, что такие действия могли вызвать наводнение или приостановку транспортного движения [6, с. 295]. В ст. 558 закреплялась ответственность за нарушение правил обеспечения безопасности железнодорожного движения и судоходства; ч. 2 данной статьи касалась случаев, когда нарушение указанных правил приводило к крушению транспортного средства [7, с. 107].

Уголовное уложение 1903 года было введено в законную силу не в полном объеме. Тем не менее следует отметить, что включенные в его проект положения оказали концептуальное влияние на формирование уже в советское время уголовно-правовых норм, касающихся транспортных сообщений, став источником идей для регулирования ответственности за нарушение безопасности в этой сфере [8, с. 371].

Итак, дореволюционный период характеризуется отсутствием законодательного закрепления составов преступлений, связанных с нарушениями

¹ Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 80.

² Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов конца XVI - начала XVII века. М., 1985. С. 249-250.

ми правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Фактически в случае совершения такого рода деяний применялись нормы о неосторожных преступлениях. В Российской империи в начале XX века автомобили были еще новинкой и только начинали распространяться. Основным средством осуществления перевозок оставался гужевой транспорт. Подчеркнем, что дорожно-транспортные происшествия в это время случались редко, не носили системного характера, а юридическая доктрина еще не рассматривала безопасность дорожного движения в качестве самостоятельного объекта правовой охраны.

После революции 1917 года транспорт приобретал всё более возрастающее значение, в том числе в сферах хозяйственной и военной деятельности. Однако уголовное законодательство РСФСР не содержало специальных норм, которые предусматривали бы наказание за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации автотранспортных средств. В таких случаях ответственность за причинение ущерба или вреда здоровью наступала на основании общих положений о неосторожных деяниях, включая причинение смерти или телесных повреждений по неосторожности. В то же время отметим, что Уголовный кодекс РСФСР 1922 года устанавливал наказание за неисполнение или нарушение правил безопасности движения по железным дорогам и водным путям сообщения. Согласно санкции ст. 218 виновное лицо могло быть приговорено к принудительным работам или штрафу в размере до 300 рублей золотом [9, с. 36].

Пленум Верховного Суда СССР 15 сентября 1950 года в целях уточнения правоприменительной практики принял постановление № 16/12/У «О квалификации преступлений, связанных с нарушением правил движения на автотранспорте». Этот документ закрепил дифференцированный подход в зависимости от статуса субъектов преступления с разделением работников транспортной сферы и лиц, не осуществляющих в ней профессиональной деятельности [10, с. 356]. Пленум разъяснил, что деяния, совершенные лицами, не являющимися работниками транспорта, подлежат квалификации по статьям, предусматривающим ответственность за преступления против личности, с учетом характера деяния, его последствий и степени вины субъекта. Постановление способствовало формированию системного подхода к квалификации автотранспортных преступлений и закреплению правовых критериев оценки их тяжести.

В контексте изучаемой нами тематики важным событием стало принятие Уголовного кодекса РСФСР 1960 года (далее – УК РСФСР). В него была включена ст. 211 «Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта лицами, управляющими транспортными средствами». Эта статья предусматривала несколько квалифицированных составов преступлений, обусловленных особенностями наступивших последствий: причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью; смерть одного человека; смерть двух и более лиц. Таким образом, законодатель впервые признал высокую степень общественной опасно-

сти нарушений правил дорожного движения и сформулировал для них специализированные составы преступлений [11, с. 377].

В дальнейшем регулирование правоприменительной практики осуществлялось посредством актов официального толкования. Большое значение имело постановление Пленума Верховного Суда СССР от 9 апреля 1965 года № 2 «О судебной практике по делам, связанным с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта или городского электротранспорта». В него были включены разъяснения по вопросам формы вины (умысел, неосторожность), а также по оценке последствий дорожно-транспортных происшествий, которые в большинстве случаев квалифицировались как деяния, совершенные по неосторожности.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 июня 1968 года в УК РСФСР были внесены поправки, касающиеся уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Из кодекса исключалась ст. 212, а диспозиция ст. 211 претерпела существенные изменения [12, с. 66]. Новая редакция статьи предусматривала уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств лицом, управляющим автотранспортным или городским электротранспортным средством, трактором либо иной самоходной машиной, независимо от того, является ли субъект преступления профессиональным водителем [13, с. 48]. Кроме того, было ужесточено наказание за деяния, повлекшие гибель людей, что стало отражением тенденции к усилению защиты жизни и здоровья граждан в сфере транспорта.

Принятие УК РСФСР 1960 года и последующие его изменения привели к формированию специальных составов преступлений, ориентированных на обеспечение безопасности дорожного движения, а также к усилению уголовной ответственности в случае наступления тяжких последствий. Судебная практика и разъяснения Пленума Верховного Суда СССР способствовали выработке единообразных подходов к квалификации преступлений рассматриваемого нами вида. Можно говорить о том, что соответствующие уголовно-правовые нормы были систематизированы законодателем. Вместе с тем ответственность за совершение таких преступлений стала более дифференцированной: теперь она обуславливалась характером деяния и последствиями для пострадавших.

Таким образом, этот этап развития законодательства, регулирующего уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, охватывает период с 1917 по 1996 год. Для него характерно постепенное осознание усиления общественной опасности автотранспортных противоправных деяний. Законодатель в связи с этим переходит к формулированию самостоятельных составов таких преступлений. Именно тогда был заложен фундамент современной системы уголовно-правового регулирования в сфере обеспечения дорожной безопасности.

Акцент на охране жизни и здоровья граждан при формулировании норм изучаемого нами вида был сделан в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года. В нем появились положения об ответственности за причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, а также за совершение деяний, повлекших по неосторожности смерть человека, – ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств». Фактически произошла существенная модернизация системы уголовной ответственности, в том числе в части, касающейся дорожно-транспортных преступлений. Статья 264 УК РФ стала прямым преемником ст. 211 УК РСФСР, но получила более детализированную структуру [14, с. 19].

В дальнейшем процесс совершенствования норм уголовного законодательства, имеющих отношение к сфере обеспечения безопасности дорожного движения, был продолжен. Одним из наиболее важных в его рамках шагов стало введение в УК РФ новых статей с целью усиления ответственности за повторные и особо опасные нарушения правил дорожного движения. Так, Федеральным законом от 31 декабря 2014 года № 528-ФЗ¹, наряду с внесением изменений в ст. 264 УК РФ, в кодекс была включена ст. 264.1, криминализировавшая управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость за преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ. В 2021 году для ужесточения ответственности за нарушения правил дорожного движения в уголовный закон была введена ст. 264.2 УК РФ². Субъектом предусмотренного ею преступления является нарушившее правила дорожного движения лицо, подвергнутое административному наказанию и лишенное права управления транспортными средствами. В 2022 году законодатель дополнил кодекс статьей 264.3, регламентирующей ответственность за управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутому административному наказанию или имеющему судимость за совершение дорожно-транспортного правонарушения. Вместе с тем в ст. 104.1 УК РФ был включен п. «д», согласно которому принадлежащее обвиняемому транспортное средство, использованное им при совершении преступления, предусмотренного ст.ст. 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ, подлежит конфискации³.

Всё это свидетельствует о стремлении законодателя усилить ответственность за правонарушения в сфере дорожного движения, особенно в тех случаях, когда их совершают лица, ранее подвергавшиеся административному наказанию или имеющие судимость [15, с. 104]. Введение в УК РФ новых статей и закрепление в кодексе конфискации

транспортных средств направлены на повышение эффективности борьбы с дорожно-транспортными преступлениями и деятельности по обеспечению безопасности на дорогах страны. Для современного этапа развития законодательства в рассматриваемой нами сфере характерны усиление санкций и расширение круга охраняемых законом объектов. Эта тенденция отражает возросшую социальную значимость безопасного функционирования транспортной системы.

На основе выявленных в ходе исследования направлений исторического развития регламентации ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств можно сделать вывод о стремлении законодателя к совершенствованию правового регулирования в данной сфере. Результаты проведенного нами анализа позволяют выделить основные этапы эволюции отношения государства к транспортным преступлениям:

1. Дореволюционный (до 1917 года) – отсутствие специальных норм, регулирующих уголовную ответственность за нарушения правил дорожного движения, деяния квалифицировались согласно положениям о неосторожном причинении вреда.

2. Постреволюционный (1917-1996 годы) – постепенная конкретизация норм изучаемого нами вида, появление ст. 211 УК РСФСР, детализировавшей ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств.

3. Современный (с 1996 года) – ст. 264 УК РФ установила уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, введение в кодекс ст.ст. 264.1, 264.2, 264.3 позволило ее дифференцировать.

Научная новизна осуществленного нами исследования выражается в систематизации этапов развития законодательства, регулирующего уголовную ответственность за нарушения правил дорожного движения. Определение дополнительных характеристик каждого этапа позволяет рассматривать эволюцию такого законодательства не как процесс простого ужесточения санкций, а в качестве постепенного перехода от защиты имущественных интересов и общественного порядка к приоритетной охране жизни и здоровья граждан, включая использование профилактического подхода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования показывают, что развитие законодательства, регулирующего уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, носит эволюционный характер. В нем долгое время не было специальных норм изуча-

¹ Федеральный закон от 31.12.2014 № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения».

² Федеральный закон от 30.12.2021 № 458-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

³ Федеральный закон от 14.07.2022 № 258-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

емого нами вида, и только после революции 1917 года стали появляться уголовно-правовые положения, регулирующие безопасность в сфере транспорта. В середине XX века законодательство систематизировалось, а с конца XX - начала XXI века оно получило импульс современного развития. Сегодня особое внимание уделяется ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения, за совершение дорожно-транспортных правонарушений, повлекших тяжкие последствия. Тенденция последних

десятилетий – ужесточение санкций и усиление профилактики транспортных преступлений. Таким образом, очевидно, что законодательство в этой сфере продолжает адаптироваться к новым вызовам, в нем отражаются изменения, происходящие в общественных отношениях, и потребность в повышении уровня безопасности дорожного движения. Вместе с тем понимание эволюции уголовной ответственности может служить основой для дальнейшего совершенствования правоприменительной практики. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Охтова А.М. История становления и развития российского законодательства, предусматривающего уголовную ответственность за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта (от Русской правды до Уголовного кодекса 1922 года) // Юристъ-Правоведъ. 2014. № 6 (67). С. 116-119.
2. Головкин В.В. Развитие ответственности за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, в отечественном уголовном праве (от Соборного уложения 1649 г. до Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. №3. С. 11-13.
3. Коробеев А.И. История развития дореволюционного уголовного законодательства России об ответственности за транспортные преступления // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение (к 170-летию со дня принятия). Материалы международной научно-практической конференции. Геленджик, 2016. С. 188-193.
4. Зубенко Е.В. Генезис криминалистических рекомендаций в России по расследованию дорожно-транспортных преступлений до 60-х годов XX века // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 2. С. 47-53.
5. Грибков А.В. Дифференциация уголовной ответственности за автотранспортные преступления: исторический аспект // 4-я Международная научная конференция: сборник докладов. Современные проблемы права и управления. Тула, 2014. С. 21-26.
6. Атоян Г.Г. Исторические параллели в законодательстве о транспортных преступлениях // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). С. 294-296.
7. Горбунова Л.В. Некоторые аспекты развития законодательства об ответственности за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта в дореволюционной России // Марийский юридический вестник. 2008. № 6. С. 105-109.
8. Алиев В.М., Шахбазян О.А. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в России: историко-реминисцентный анализ // Право и управление. 2024. № 3. С. 369-373.
9. Токманцев Д.В. Становление и развитие уголовной ответственности за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2011. № 1 (9). С. 32-42.
10. Упоров И.В. Транспортно-автомобильные преступления в советском государстве: регулирование уголовной ответственности // Международный журнал гуманитарных и высокотехнологических наук. 2025. № 3-2 (102). С. 354-359.
11. Перов С.С. История развития законодательства об ответственности за совершение дорожно-транспортных преступлений // Современные вопросы государства, права, юридического образования. Сборник научных трудов по материалам XX Международной научно-практической конференции. Тамбов, 2025. С. 374-378.
12. Миргород М.Ю. История развития уголовного законодательства за преступления в сфере безопасности дорожного движения // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. 2015. Т. 2. С. 62-67.
13. Рублев А.Г. Становление уголовной ответственности за автотранспортные преступления в советском законодательстве // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 4. С. 45-51.
14. Ванеков И.С. История становления и развития уголовной ответственности за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств // Юридический факт. 2020. № 94. С. 17-20.
15. Каменова Н.А. От советского прошлого к современности: ретроспективный анализ законодательства об уголовной ответственности за автотранспортные преступления, повлекшие смерть // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. № 2 (60). С. 98-105.

REFERENCES

1. Okhtova A.M. Istoriya stanovleniya i razvitiya rossiyskogo zakonodatel'stva, predusmatrivayushchego ugovolnuyu otvetstvennost' za narusheniye pravil, obespechivayushchikh bezopasnuyu rabotu transporta (ot Russkoy pravdy do Ugolovnoy kodeksa 1922 goda) // Yurist'-Pravoved". 2014. № 6 (67). S. 116-119.

2. Golovko V.V. Razvitiye otvetstvennosti za narusheniye pravil, obespechivayushchikh bezopasnuyu rabotu transporta, v otechestvennom ugovnom prave (ot Sobornogo ulozheniya 1649 g. do Ugolvnogo kodeksa RSFSR 1960 g.) // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. 2009. №3. S. 11-13.

3. Korobeyev A.I. Istoriya razvitiya dorevolutsionnogo ugovnogo zakonodatel'stva Rossii ob otvetstvennosti za transportnyye prestupleniya // Ulozheniye o nakazaniyakh ugovnykh i ispravitel'nykh 1845 goda: kontseptual'nyye osnovy i istoricheskoye znacheniye (k 170-letiyu so dnya prinyatiya). Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Gelendzhik, 2016. S. 188-193.

4. Zubenko Ye.V. Genezis kriminalisticheskikh rekomendatsiy v Rossii po rassledovaniyu dorozhno-transportnykh prestupleniy do 60-kh godov XX veka // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2021. № 2. S. 47-53.

5. Gribkov A.V. Differentsiatsiya ugovnoy otvetstvennosti za avtotransportnyye prestupleniya: istoricheskiy aspekt // 4-ya Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya: sbornik dokladov. Sovremennyye problemy prava i upravleniya. Tula, 2014. S. 21-26.

6. Atoyan G.G. Istoriicheskiye paralleli v zakonodatel'stve o transportnykh prestupleniyakh // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2014. № 6 (49). S. 294-296.

7. Gorbunova L.V. Nekotoryye aspekty razvitiya zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za prestupleniya protiv bezopasnosti dvizheniya i ekspluatatsii transporta v dorevolutsionnoy Rossii // Mariyskiy yuridicheskiy vestnik. 2008. № 6. S. 105-109.

8. Aliyev V.M., Shakhbazyan O.A. Ugolvnaya otvetstvennost' za narusheniye pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnykh sredstv v Rossii: istoriko-reministsentnyy analiz // Pravo i upravleniye. 2024. № 3. S. 369-373.

9. Tokmantsev D.V. Stanovleniye i razvitiye ugovnoy otvetstvennosti za narusheniye pravil bezopasnosti dvizheniya i ekspluatatsii zheleznodorozhnogo, vozdušnogo ili vodnogo transporta v Rossii // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2011. № 1 (9). S. 32-42.

10. Uporov I.V. Transportno-avtomobil'nyye prestupleniya v sovetskom gosudarstve: regulirovaniye ugovnoy otvetstvennosti // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i vysokotekhnologichnykh nauk. 2025. № 3-2 (102). S. 354-359.

11. Perov S.S. Istoriya razvitiya zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za soversheniye dorozhno-transportnykh prestupleniy // Sovremennyye voprosy gosudarstva, prava, yuridicheskogo obrazovaniya. Sbornik nauchnykh trudov po materialam XX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Tambov, 2025. S. 374-378.

12. Mirgorod M.Yu. Istoriya razvitiya ugovnogo zakonodatel'stva za prestupleniya v sfere bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Nauchno-tekhnicheskoye i ekonomicheskoye sotrudnichestvo stran ATR v XXI veke. 2015. T. 2. S. 62-67.

13. Rublev A.G. Stanovleniye ugovnoy otvetstvennosti za avtotransportnyye prestupleniya v sovetskom zakonodatel'stve // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2015. № 4. S. 45-51.

14. Vanekov I.S. Istoriya stanovleniya i razvitiya ugovnoy otvetstvennosti za prestupleniya protiv bezopasnosti dvizheniya i ekspluatatsii transportnykh sredstv // Yuridicheskiy fakt. 2020. № 94. S. 17-20.

15. Kamenova N.A. Ot sovetskogo proshlogo k sovremennosti: retrospektivnyy analiz zakonodatel'stva ob ugovnoy otvetstvennosti za avtotransportnyye prestupleniya, povlekshiye smert' // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2025. № 2 (60). S. 98-105.

© Смыр А.Д., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Смыр А.Д. Эволюция законодательства, регулирующего уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (83). С. 34-40.

Кирилл Николаевич СТРЕЛЬНИКОВ,
ORCID 0009-0009-5333-0808
Краснодарский университет МВД России (г. Краснодар)
адъюнкТ
polyszolotta@yandex.ru

Научный руководитель:
Алексей Александрович КАШКАРОВ,
доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры
уголовного права и оперативно-разыскной деятельности
органов внутренних дел Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научная статья
УДК 343.352:[343.237:328.185]

КОРРУПЦИОННЫЙ СГОВОР: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ПРИЗНАКИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Коррупционный сговор, преступный сговор, коррупционная деятельность, совместная коррупционная деятельность, соучастие в преступлениях коррупционной направленности, материальная выгода, нематериальная выгода, совместность участия, двухсторонняя субъективная связь, институт соучастия.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Исследование, результаты которого представлены в статье, было посвящено сущности коррупционного сговора, лежащего в основе совместной коррупционной деятельности. Проанализированы особенности коррупционного сговора, включая обязательное участие специального субъекта преступления, предмет соглашения, связанного с незаконным получением материальной и нематериальной выгоды, а также характер самой выгоды. Подчеркивается значимость сговора для формирования устойчивых коррупционных связей, обеспечивающих координацию действий и единство преступного умысла соучастников. Обосновано введение в научный оборот термина «коррупционный сговор». *Методы.* Для достижения цели исследования применялся диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы сравнительный метод, общенаучные (анализ, синтез, дедукция) и частнонаучные методы. *Результаты.* Автор приходит к выводу о том, что коррупционный сговор представляет собой не просто соглашение о совместном совершении преступления, а качественно иную, более сложную разновидность преступного сговора. В данном случае сговор является не только юридическим фактом, связывающим участников, но и ключевым элементом, формирующим структуру коррупционных отношений и определяющим особенности их функционирования. Его уникальность проявляется в ряде специфических черт. Коррупционный сговор может не приводить к соучастию в преступлении в классическом юридическом понимании; может носить неявный, имплицитный характер; может осуществляться в виде прямого или косвенного инструктажа; предметом соглашения выступают действия (или бездействие), направленные на получение заинтересованными сторонами неправомерной выгоды. По итогам исследования автором сформулировано собственное определение понятия «коррупционный сговор».

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время коррупция трансформировалась из локальной социальной «болезни» в глобальную системную угрозу. Она подрывает основы государственности, искажает механизмы управления и создает серьезные препятствия на пути устойчивого и инновационного развития страны.

В условиях геополитической нестабильности и обострения международных проблем способность государства эффективно противостоять коррупции становится ключевым индикатором его «жиз-

неспособности» и стратегической конкурентоспособности. Сегодня в борьбе с ней всё более важную роль играет противодействие ее организованным формам [1, с. 44].

Коррупционный сговор представляет собой наиболее опасную из таких форм. Подобного рода кулуарные соглашения де-факто создают параллельную систему принятия решений, что подвергает государственные институты риску деградации, оборачивается нерациональным использованием бюджетных средств, ущемлением прав граждан. Поэтому изучение коррупционного

Kirill N. STRELNIKOV,

ORCID 0009-0009-5333-0808

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia (Krasnodar, Russia)

Adjunct

polysszolotta@yandex.ru

Scientific supervisor:

Alexey A. KASHKAROV,

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law

and Operational Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies of the

Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

CORRUPTION CONSPIRACY: CONCEPT, ESSENCE AND SIGNS

KEYWORDS. Corruption conspiracy, criminal conspiracy, corrupt activity, joint corrupt activity, complicity in corruption-related crimes, material benefit, non-material benefit, joint participation, two-party subjective connection, institution of complicity.

ANNOTATION. *Introduction.* The study, the results of which are presented in the article, was devoted to the essence of a corrupt conspiracy underlying joint corrupt activity. The features of a corruption conspiracy are analyzed, including the specific composition of subjects with the obligatory participation of a special subject, the specifics of the subject of the agreement related to the illegal receipt of material and non-material benefits, as well as the nature of the benefit itself. The importance of collusion in the formation of stable corrupt ties that ensure the coordination of actions and the unity of criminal intent of accomplices is emphasized. The introduction of the term «corruption conspiracy» into scientific circulation is substantiated. *Methods.* To achieve the goal of the study, a dialectical method of cognition of the surrounding reality was used, presupposing a full and comprehensive study of phenomena, consideration of the connections and contradictions between them. In addition, the comparative method, general scientific (analysis, synthesis, deduction) and specific scientific methods were used. *Results.* The author concludes that a corruption conspiracy is not simply an agreement to jointly commit a crime, but a qualitatively different, more complex type of criminal conspiracy. In this case, the conspiracy acts not only as a legal fact binding the participants, but also as a key element shaping the structure of corruption relations and determining the specifics of their functioning. Its uniqueness is manifested in a number of characteristic features: corruption conspiracy may not result in complicity in a crime in the classical legal sense; it may be implicit; it may be carried out in the form of direct or indirect instructions; the subject of the agreement in a corruption conspiracy is actions (or inactions) aimed at obtaining an illegitimate benefit by the interested parties. Based on the results of the study, the author formulated her own definition of the term «corruption conspiracy».

сговора, его юридической природы, сущностных характеристик и объективных признаков имеет высокую научную и практическую значимость.

МЕТОДЫ

В ходе исследования применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, анализ связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы общенаучные и частнонаучные методы: метод сравнения и сравнительно-правовой метод – для понимания юридической природы преступного и коррупционного сговора, выявления их основных сходств и различий; анализ – для изучения коррупционного сговора с целью выделения его структурных элементов и отличительных признаков; синтез и обобщение – для формулирования авторского определения понятия «коррупционный сговор»; формально-юридический метод – для анализа законодательства и нормативно-правовых актов, имеющих отношение к теме исследования, установления внешних признаков правовых явлений, их отличий друг от друга.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Преступный сговор является имманентным свойством и структурным элементом соучастия

в преступлении. Наличие сговора обеспечивает единство умысла, взаимосвязь и согласованность действий соучастников, а это, в свою очередь, – необходимые условия совместного участия в совершении уголовно наказуемого деяния [2, с. 95-96]. Понятие «сговор» в уголовном законе используется при описании только одной формы соучастия. В ч. 2 ст. 35 УК РФ речь идет о совершении преступления группой лиц по предварительному сговору. Такого рода договоренность возникает до начала непосредственной реализации преступного замысла. Для нее характерны планирование действий, распределение ролей между соучастниками, подготовка средств, необходимых для совершения преступления. В этом случае оно становится результатом тщательно спланированной и скоординированной деятельности. Данное обстоятельство отличает совершение преступления по предварительному сговору от случайного, неорганизованного участия в преступной деятельности нескольких лиц.

Однако, очевидно, что наличие сговора не ограничивается только этой формой соучастия. Он имеет место при совершении преступлений в составе организованных групп, а также при более сложных формах соучастия, когда осуществляется распределение ролей в преступных сообществах

(преступных организациях). Предварительный сговор усиливает общественную опасность преступления, так как обеспечивает единство и координацию действий соучастников, что придает криминальному акту большую организованность и повышает степень его эффективности.

Следует отметить, что совместность осуществления деятельности является основным признаком соучастия в преступлении. И в научной литературе четко обозначено, что эта совместность по своей природе предполагает наличие сговора между соучастниками. Фактически сговор выступает обязательным элементом любой формы соучастия, поскольку обеспечивает согласование действий и единство умысла соучастников [3, с. 70].

Сговор как уголовно-правовое понятие обладает двойственной природой и рассматривается одновременно и как процесс, и как результат взаимодействия. На стадии приготовления к преступлению сговор представляет собой деятельность нескольких лиц, осуществляемую с целью согласования решения о совместном совершении преступления. В данном случае он является процессом. В то же время сговор на этой стадии предусматривает достижение соучастниками договоренности о планируемых действиях и о распределении между ними преступных ролей. То есть теперь он выступает в качестве результата взаимодействия. Так же как и на стадии совершения уголовно наказуемого деяния, когда сговор рассматривается как результат, выражающийся в совместном участии нескольких лиц в преступлении и достижении общей общественно опасной цели.

Сговор, независимо от его формы, будь то устное соглашение, конклюдентные поступки, жесты или иные неявные способы коммуникации, играет ключевую роль в обеспечении согласованности и координации действий соучастников¹. Он является не только юридическим, но и психологическим механизмом, гарантирующим наличие между соучастниками двухсторонней субъективной связи, объединяющим их усилия для достижения общей преступной цели. Сговор формирует единый умысел и обеспечивает взаимное понимание и доверие, необходимые для эффективного совместного совершения преступления. Таким образом, представляется очевидным, что такой сговор выступает ключевым фактором совместной криминальной активности соучастников.

Традиционно признак «совместность участия» в теории уголовного права анализируется с учетом двух основных форм его проявления – объективной и субъективной. Речь о том, что совместность формируется не только в результате объективного факта совершения преступных действий несколькими лицами вместе, но и в силу складывающегося между соучастниками взаимопонимания и сознательного согласования их поступков, что подтверждается наличием общего умысла [4; 5; 6, с. 104; 7, с. 17; 8]. Такой подход позволяет комплексно оценивать конкретные уголовно-правовые ситуации для установления наличия или от-

сутствия совместности в действиях субъектов преступления.

Обращая более пристальное внимание на коррупционные преступления, совершаемые общими усилиями нескольких лиц, необходимо отметить, что в их основе лежит сговор о совместном совершении преступного деяния. Большинству коррупционных практик свойственна совместность действий группы лиц с распределением ролей между ними в рамках соучастия. Такое распределение позволяет сформировать четкую структуру преступной деятельности, в которой каждый отвечает за тот или иной конкретный ее этап или какую-то операцию – от организации условий для заключения коррупционных сделок до обеспечения их прикрытия и финансового вознаграждения. Структурированность преступной активности коррупционных групп, достигнутая в результате сговора, способствует упорядоченности и слаженности их действий, что значительно повышает устойчивость таких групп и снижает риск их разоблачения [9, с. 216-217].

А.А. Кваша подчеркивает, что предоставление и получение неправомерной выгоды представляют собой «классические» проявления коррупционного сговора в контексте необходимого соучастия. Когда речь идет о получении неправомерной выгоды одним лицом от другого, такие действия возможны исключительно при наличии сговора и двусторонней субъективной связи между его участниками [10]. Стороны тайно договариваются и согласовывают свои действия, что и формирует основу коррупционного сговора как устойчивого взаимодействия. Таким образом, сговор является неотъемлемым элементом коррупционной сделки, связывающим ее участников: он обеспечивает согласованность их действий, объединяет их усилия для достижения общей противоправной цели.

В контексте противодействия коррупции сговор рассматривается как умышленное создание условий для совершения преступлений коррупционной направленности. В п. 13.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» говорится, что «обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействие) по службе необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений ... в случае достижения договоренности».

Необходимо отметить, что природа коррупционных отношений обладает спецификой, в основе которой лежит коррупционное взаимодействие. Оно является главным элементом содержания коррупции, рассматриваемой в качестве политико-правового феномена. Данный вид взаимодействия сформировался давно, устойчиво закрепился в государственно-правовом опыте и стал неотъемлемой частью юридико-политической реальности, будучи отражением конфликта личных интересов должностных лиц властных

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

структур с интересами общества (экономическими, социальными и др.).

В современных исследованиях коррупционное взаимодействие чаще всего рассматривается в институционально-властном контексте, при этом внимание сосредоточивается на злоупотреблении властью в корыстных целях. Осмысление коррупции зачастую сводится к анализу фактов взяточничества и злоупотребления служебным положением, что значительно сужает восприятие многообразия ее незаконных практик и связанной с ними социальной динамики. Данный подход носит ограниченный характер, ведь коррупция представляет собой прежде всего отношения социально-политического, властно-правового и экономического порядка. Вместе с тем следует иметь в виду, что коррупция – это феномен, который развивается, трансформируется и полноценно проявляется исключительно в рамках социальных взаимоотношений [11, с. 653].

В отличие от «индивидуальных» преступлений коррупционной направленности (предусмотренных, например, ст.ст. 285, 286 УК РФ, и других, совершаемых с использованием служебного положения) коррупционный сговор представляет собой сложную и устойчивую систему взаимосвязей, объединяющих нескольких их участников в единую структуру. Это не просто случайное совпадение интересов, а осознанное и продолжительное взаимодействие, целью которого является достижение общих незаконных выгод посредством осуществления совместных действий. Именно поэтому такой сговор выступает фундаментом для формирования устойчивых коррупционных связей, обеспечивающих системный характер преступной деятельности. В связи с этим коррупционный сговор следует понимать как разновидность преступного сговора, имеющую уникальную специфику и особую глубину проявления наносимого с его помощью вреда.

Во-первых, коррупционный сговор отличается тем, что он может не приводить к соучастию в преступлении в классическом юридическом понимании (ст. 32 УК РФ). Например, дача взятки (ст. 291 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ) и посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) закреплены законодателем как самостоятельные составы преступлений. Взяткодатель и взяткополучатель, вступая в коррупционный сговор, совершают согласованные действия, направленные на достижение преступной цели. Однако с точки зрения уголовного права эти их действия не образуют соучастия в преступлении. В случае такого сговора речь, безусловно, идет и о совместной коррупционной деятельности, основанной на предварительной договоренности, и о совместности участия, и о согласованности действий. Но при этом дача и получение взятки квалифицируются как самостоятельные преступления с разными субъектами и разными уголовно-правовыми последствиями.

Говоря о посредничестве во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), необходимо иметь в виду, что с точки зрения уголовного закона посредник не является соучастником ни в даче, ни в получении

взятки. Это обусловлено тем, что он не выступает в роли исполнителя основного состава ни одного из данных преступлений. Посредник оказывает содействие в процессе их совершения. Он может способствовать достижению взяткодателя и (или) взяткополучателя цели либо реализации соглашения о получении или передаче предмета взятки. Очевидно, что его действия направлены на выполнение договоренностей, достигнутых сторонами сговора. И это, несомненно, укладывается в рамки совместной коррупционной деятельности. Однако деяние посредника требует самостоятельной уголовно-правовой квалификации.

Во-вторых, в некоторых случаях коррупционный сговор принимает специфические формы. Он может:

1) носить неявный, имплицитный характер, будучи основанным на взаимопонимании его участников и общности их коррупционных интересов. Сговор такого вида отличается тем, что одни его участники могут не обладать полной информацией обо всех деталях противоправной деятельности других, но при этом их действия всё равно остаются взаимосогласованными и направленными на достижение общей коррупционной цели – получение неправомерной выгоды;

2) существовать в виде прямого или косвенного «инструктажа», который выполняет функцию приобщения к коррупционной субкультуре. В таких ситуациях участнику сговора в прямой или завуалированной форме разъясняются неписанные «правила игры», языковые коды и эвфемизмы, принятые в коллективе.

В-третьих, при коррупционном сговоре направленность умысла его сторон может различаться по природе и содержанию, несмотря на то, что при соучастии, как правило, умысел всех соучастников одинаков и направлен на достижение общего для них преступного результата. Например, при взяточничестве умысел сторон оказывается разнонаправленным. Это отражает различия в мотивации и целях вступления в коррупционные отношения. Одна сторона сговора (взяткополучатель) стремится извлечь незаконную выгоду имущественного или неимущественного характера. Другая сторона (взяткодатель) заинтересована в достижении определенного результата: выполнение (или невыполнение) тех или иных действий, принятие управленческого решения, выдача разрешения в обход действующих процедур и т.д. Впрочем, несмотря на это, ключевым фактором вступления обеих сторон в коррупционные отношения является корыстная мотивация, стремление к личной выгоде.

В-четвертых, для сговора рассматриваемого нами вида характерно наличие предварительного соглашения между двумя или более лицами о совместном совершении коррупционных действий. Оно достигается на стадии приготовления к преступлению, до начала его фактического совершения. Такой сговор не возникает в процессе непосредственного осуществления противоправных действий или после совершения преступления, то есть постфактум. Напротив, он представляет собой заранее достигнутое, осознанное и тайное

соглашение заинтересованных лиц, направленное на координацию их совместных усилий для достижения преступной цели [12, с. 379]. Именно на стадии сговора, предваряющего преступление, происходит распределение ролей, формирование единого умысла и установление субъективной связи между его участниками.

В-пятых, коррупционный сговор предполагает связь преступного деяния со служебным положением субъекта. Достижение цели сговора в данном случае невозможно без нарушения должностным лицом правомерного порядка исполнения его прямых обязанностей или реализации предоставленных ему функциональных возможностей.

В-шестых, коррупционный сговор имеет особый субъектный состав. Его обязательным участником является должностное лицо органов публичной власти или муниципальный служащий (примечание к ст. 285 УК РФ) либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации (примечание к ст. 201 УК РФ).

В-седьмых, предметом соглашения при коррупционном сговоре выступают действия или бездействие, направленные на получение неправомерной выгоды посредством противоправного использования специальным субъектом своего служебного положения, властных полномочий или авторитета занимаемой им должности вопреки интересам службы или организации [13, 14].

В-восьмых, специфична выгода, получаемая от коррупционного сговора. Она представляет собой неправомерное получение материальных или нематериальных благ. Выгодой, представленной в нематериальной форме, могут быть такие преимущества, как продвижение по службе, доступ к закрытой информации, возможность заключения выгодных контрактов, принятие выгодных управленческих решений, услуги, способствующие повышению социального статуса или укреплению власти заинтересованных лиц [15; 16, с. 73-74; 17, с. 237].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, считаем необходимым отметить, что сговор является ключевым понятием для постижения правовой природы как совместной коррупционной деятельности, так и групповой и организованной преступности, поскольку именно посредством сговора формируется единый умысел и обеспечивается согласованность действий соучастников. В связи с тем, что подавляющее большинство коррупционных преступлений, ответственность за которые предусмотрена Уголовным кодексом Российской Федерации, совершается путем сговора двух или более лиц, коррупцию как социально-правовой феномен целесообразно рассматривать, опираясь на институт соучастия в преступлении. Такой подход обусловлен тем, что сама природа коррупционных преступлений предполагает согласованное взаимодействие нескольких лиц, объединенных общей целью получения неправомерной выгоды. При этом сговор выступает не только юридическим фактом, связывающим его участников, но и ключевым элементом структуры коррупционных отношений, предопределяющим особенности их функционирования.

По результатам исследования нами было сформулировано определение понятия «коррупционный сговор». *Это специфическая форма преступного взаимодействия, характеризуемая тайным, предварительным и умышленным соглашением между двумя или более лицами, одним из которых выступает должностное лицо органов публичной власти или муниципальный служащий либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, о совместном совершении одного или нескольких преступлений коррупционной направленности с целью получения незаконной выгоды материального и нематериального характера путем незаконного использования специальным субъектом своих должностных полномочий, служебного статуса или влияния вопреки интересам организации или службы.* ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева А.П. Антикоррупционная политика государства: достоинства и недостатки // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 1 (13). С. 44-49.
2. Благов Е.В. О сговоре в уголовном праве // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 95-100.
3. Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. 198 с.
4. Шеслер А.В. Содержание совместности при соучастии в преступлении // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 3. С. 342-354.
5. Шеслер А.В., Шеслер С.С. Совместность совершаемого преступления как признак соучастия // Вестник Сургутского государственного университета. 2018. № 3 (21). С. 59-65.
6. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. 208 с.
7. Шнейдер М.А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. М., 1958. 98 с.
8. Кухтина Т.В. К вопросу о признаках соучастия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 40 (173). С. 58-61.
9. Кособродов В.М., Труфанова Е.Г. Коррупционный сговор как проявление необходимого соучастия // Закон и право. 2024. № 10. С. 215-220.
10. Кваша А.А. Коррупция как составляющая организованной преступности // Вестник Национальной академии прокуратуры Украины. 2017. № 4/2 (52). С. 53-58.
11. Абезин Д.А., Алексеева А.П. Законодательные запреты как одно из направлений противодействия коррупции среди государственных гражданских служащих в России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 652-660.
12. Труфанова Е.Г. Квалификация состава соучастия в коррупционных преступлениях // Юридическая наука. 2025. № 6. С. 378-382.

13. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за должностные преступления. М., 1989.
14. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: Монография. М., 2015.
15. Лопашенко Н.А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // Следователь. 2009. № 6. С. 35-40.
16. Усенко А.С., Сейтягьяева Д.А. Актуальные проблемы квалификации взяточничества, предметом которого являются нематериальные блага // Вестник экономики и права. 2024. № 98. С. 70-78.
17. Петрашева Н.В., Вакуленко Н.А. Совершенствование уголовно-правовых мер, направленных на борьбу с коррупцией // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 236-239.

REFERENCES

1. Alekseyeva A.P. Antikorruptsionnaya politika gosudarstva: dostoinstva i nedostatki // Biblioteka ugovolnogo prava i kriminologii. 2016. № 1 (13). S. 44-49.
2. Blagov Ye.V. O sgovore v ugovolnom prave // Yuridicheskaya nauka. 2016. № 4. S. 95-100.
3. Galiakbarov R.R. Bor'ba s gruppovymi prestupleniyami. Voprosy kvalifikatsii. Krasnodar, 2000. 198 s.
4. Shesler A.V. Soderzhaniye sovmestnosti pri souchastii v prestuplenii // Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal. 2022. № 3. S. 342-354.
5. Shesler A.V., Shesler S.S. Sovmestnost' sovershayemogo prestupleniya kak priznak souchastiya // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 3 (21). S. 59-65.
6. Tel'nov P.F. Otvetstvennost' za souchastiye v prestuplenii. M., 1974. 208 s.
7. Shneyder M.A. Souchastiye v prestuplenii po sovetскому ugovolnomu pravu. M., 1958. 98 s.
8. Kukhtina T.V. K voprosu o priznakakh souchastiya // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2009. № 40 (173). S. 58-61.
9. Kosobrodov V.M., Trufanova Ye.G. Korruptsiyonnyy sgovor kak proyavleniye neobkhodimogo souchastiya // Zakon i pravo. 2024. № 10. S. 215-220.
10. Kvasha A.A. Korruptsiya kak sostavlyayushchaya organizovannoy prestupnosti // Vestnik Natsional'noy akademii prokuratury Ukrainy. 2017. № 4/2 (52). C. 53-58.
11. Abezin D.A., Alekseyeva A.P. Zakonodatel'nyye zaprety kak odno iz napravleniy protivodeystviya korruptsii sredi gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh v Rossii // Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2015. T. 9. № 4. S. 652-660.
12. Trufanova Ye.G. Kvalifikatsiya sostava souchastiya v korruptsiyonnykh prestupleniyakh // Yuridicheskaya nauka. 2025. № 6. S. 378-382.
13. Gaukman L.D., Maksimov S.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za dolzhnostnyye prestupleniya. M., 1989.
14. Lopashenko N.A. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: teoreticheskii i prikladnoy analiz: Monografiya. M., 2015.
15. Lopashenko N.A. Protivodeystviye rossiyskoy korruptsii: obosnovannost' i dostatochnost' ugovolno-pravovykh mer // Sledovatel'. 2009. № 6. S. 35-40.
16. Usenko A.S., Seytyag'yayeva D.A. Aktual'nyye problemy kvalifikatsii vzyatochnichestva, predmetom kotorogo yavlyayutsya nematerial'nyye blaga // Vestnik ekonomiki i prava. 2024. № 98. S. 70-78.
17. Petrasheva N.V., Vakulenko N.A. Sovershenstvovaniye ugovolno-pravovykh mer, napravlennykh na bor'bu s korruptsiyey // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2017. № 6. S. 236-239.

© Стрельников К.Н., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Стрельников К.Н. Коррупционный сговор: понятие, сущность и признаки // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (83). С. 41-46.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анна Павловна АЛЕКСЕЕВА,

доктор юридических наук, профессор, ORCID 0000-0002-4569-7564
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-
исполнительного права Калининградского филиала
Заслуженный юрист Российской Федерации
alexeeva.klg-mod@yandex.ru

Наталья Николаевна БУГЕРА,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-2459-7855
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
начальник кафедры уголовного права учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
knn.76@mail.ru

Научная статья
УДК 343.97:343.85

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЦИФРОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Цифровое преступление, цифровая характеристика преступления, междисциплинарный подход, модель познания цифровой преступности, противодействие цифровой преступности.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Актуальность междисциплинарного изучения цифровых преступлений обусловлена трансформацией преступности в цифровую эпоху, высокой латентностью киберугроз и недостаточной эффективностью традиционных методов противодействия. В статье представлены данные, полученные в ходе исследования комплекса характеристик (оперативно-разыскной, уголовно-правовой, криминалистической, криминологической), традиционно существующих в доктрине уголовно-правовых наук по отдельности. Предложена обобщенная модель познания цифровой преступности как динамического процесса, обеспечивающая целостное представление об этом феномене. **Методы.** При проведении исследования применялись диалектический, системный, логико-семантический методы, а также сравнительно-правовой анализ доктрины уголовно-правовых наук. **Результаты.** Особое внимание уделено эволюции цифровых преступлений, новые виды которых появляются быстрее, чем осуществляется законодательное реагирование на них. Оперативно-разыскная деятельность обеспечивает в этом случае разведку и поиск преступников. Уголовное право позволяет квалифицировать совершенные деяния и сформулировать предложения по криминализации новых посягательств. Криминалистика дает возможность зафиксировать доказательства, определить тактику производства конкретных следственных действий и выбрать подходящую методiku расследования цифровых преступлений. Криминология выявляет детерминанты их совершения, специфику личности преступника и жертвы, определяет направления противодействия цифровой преступности. Однако в виртуальной среде традиционные границы между отраслями уголовно-правовых наук размываются, поскольку цифровым преступлениям свойственен распределенный характер (во времени и пространстве). Классические характеристики преступления функционируют изолированно, что порождает фрагментацию знаний и утрату доказательств. Для адекватного описания гибридной реальности предлагается ввести и закрепить доктринально, а в дальнейшем законодательно новое понятие – цифровая характеристика преступления. Она является не дополнительным элементом, а интегрирующей основой, объединяющей все элементы существующих характеристик для решения задач, выходящих за рамки возможностей традиционного подхода.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения любых преступлений именно в комплексе четырех характеристик – оперативно-разыскной, уголовно-правовой, криминалистической и криминологической – продиктована самой природой их совершения. В доктринальных работах эти характеристики часто описываются относительно обособленно, поскольку ученые, проводящие исследования, часто специализируются на какой-то одной области теоретического познания. Хотя все науки уголовно-правового цикла фактически фокусируются на едином объекте – преступлении, каждая из них изучает его со своей стороны, с помощью своей методики, отвечая при этом на вопросы, интересующие именно эту науку. Так, оперативно-разыскная деятельность помогает выявлять и раскрывать криминальные посягательства, устанавливать лиц, причастных к их совершению [1, с. 73]. Уголовное право как отрасль материального права позволяет квалифицировать деяния, определяя, есть в нем состав преступления или нет [2, с. 25]. Криминалистика дает возможность фиксировать следы преступления без утраты их доказательственного значения, выбирать наиболее эффективные тактические приемы проведения следственных действий и методики расследования преступлений [3, с. 216]. Криминология изучает преступность как негативное социальное явление. Она основывает свои выводы на массовости исследуемых фактов, определяя общее развитие ситуации, тенденции и закономерности в поведении преступников, отвечая на вопрос о том, почему люди совершают преступления и как этому противодействовать [4, с. 244]. Уголовный процесс описывает специфику применения норм уголовно-процессуального права к расследованию и судебному рассмотрению преступлений той или иной категории. Эта наука обеспечивает понимание процессуальных особенностей, возникающих при доказывании, избрании мер пресечения, производстве следственных действий [5, с. 49].

Междисциплинарный подход позволяет не просто суммировать разрозненные знания, а сформировать целостное представление о преступлении и преступности. Это способствует выявлению закономерностей, тенденций и специфики преступности конкретных видов, а в итоге – определению наиболее эффективных направлений противодействия ей.

Необходимость изучения оперативно-разыскной, уголовно-правовой, криминалистической и криминологической характеристик цифровых преступлений в их единстве продиктована реалиями эпохи цифровизации и обусловлена тремя ключевыми факторами: трансформацией самой преступности, недостаточной эффективностью традиционных методов противодействия ей и технологическим развитием общества [6, с. 211]. Междисциплинарный подход заключается в создании принципиально новой, обобщенной модели познания криминальных угроз данного вида в целях разработки рекомендаций по всесторонней защите от них.

Цифровая преступность превратилась в массовое явление, охватывающее все сферы обществен-

ной жизни. Ее ключевой особенностью выступает высокая латентность. Значительная часть кибератак остается незамеченной, а жертвы – особенно корпоративные структуры – нередко утаивают факты посягательств на них во избежание репутационных потерь. Традиционные методы противодействия цифровой преступности, применяемые разрозненно, не дают ожидаемых результатов. Фрагментарное использование знаний разных отраслей науки приводит к существенным затруднениям в понимании специфики цифровых угроз, что способствует безнаказанности преступников [7, с. 60]. В связи с этим возрастает актуальность системного, междисциплинарного научного осмысления проблемы, необходимо объединение теоретических и методологических подходов для формирования полноценной характеристики цифровой преступности и цифровых преступлений.

МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования, результаты которого представлены в статье, составил междисциплинарный подход, комплексно учитывающий доктринальные положения теории оперативно-разыскной деятельности, уголовного права, криминалистики и криминологии в контексте изучения цифровых преступлений.

В ходе исследования применялись диалектический, системный и сравнительно-правовой анализ положений уголовно-правовых наук. Это позволило выявить разрозненность традиционных характеристик преступления и обосновать необходимость разработки такой объединяющей их модели, как цифровая характеристика преступления. Логико-семантический метод использовался для уточнения некоторых понятий.

Кроме того, проведен сравнительный анализ четырех характеристик (оперативно-разыскной, уголовно-правовой, криминалистической, криминологической) по различным критериям: цели, предмету, методам, временному фокусу и отношению к доказательствам. Синтез полученных данных реализован через изучение цифрового преступления как динамического распределенного процесса. Эмпирическую базу исследования сформировали результаты обобщения статистических показателей и рассмотрения примеров из правоохранительной практики.

Использованный комплекс методов обеспечил формулирование целостной характеристики цифрового преступления, ориентированной на практическое применение.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В условиях стремительной цифровизации общественных отношений классическая парадигма уголовно-правовых наук столкнулась с необходимостью пересмотра устоявшихся подходов к познанию преступности. Традиционно цифровые преступления рассматривались сквозь призму узкого дисциплинарного анализа: оперативно-разыскная деятельность фокусировалась на поиске фигуранта, уголовное право – на квалификации деяния, криминалистика – на изучении следов преступления, а криминология – на особенностях личности преступника и жертвы, детерминантах

Anna P. ALEKSEEVA,

Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0002-4569-7564
Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Professor of the Department of Criminal Law, Criminology
and Criminal Executive Law of the Kaliningrad Branch
Honored Lawyer of the Russian Federation
alexeeva.klg-mod@yandex.ru

Natalia N. BUGERA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0002-2459-7855
Volograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volograd, Russia)
Head of the Criminal Law Department of the Educational and Scientific
Complex on Preliminary Investigation in Internal Affairs Bodies
knn.76@mail.ru

AN INTERDISCIPLINARY APPROACH TO THE STUDY OF DIGITAL CRIME

KEYWORDS. Digital crime, digital characteristics of crime, interdisciplinary approach, model of digital crime cognition, counteracting digital crime.

ANNOTATION. Introduction. The relevance of the interdisciplinary study of digital crimes is determined by the transformation of crime in the digital age, the high latency of cyber threats, and the ineffectiveness of traditional countermeasures. The article presents data obtained during the study of a set of characteristics (operational-investigative, criminal-legal, criminalistic, criminological) traditionally existing separately in the doctrine of criminal-legal sciences. A generalized model of cognition of digital crime as a dynamic process is proposed, providing a holistic understanding of this phenomenon. **Methods.** The study utilized dialectical, systemic, logical-semantic methods, as well as a comparative legal analysis of the doctrine of criminal-legal sciences. **Results.** Particular attention is paid to the evolution of digital crimes, new types of which appear faster than the legislative response to them. In this case, operational-investigative activities ensure intelligence and the search for criminals. Criminal law allows for the classification of committed offenses and the formulation of proposals for the criminalization of new offenses. Criminalistics enables the recording of evidence, the determination of specific investigative tactics, and the selection of appropriate methods for investigating digital crimes. Criminology identifies the determinants of their commission, the specific personalities of the offender and victim, and identifies areas for combating digital crime. However, in a virtual environment, traditional boundaries between branches of criminal law are blurred, as digital crimes are inherently distributed (in time and space). Classical characteristics of crime function in isolation, leading to the fragmentation of knowledge and the loss of evidence. To adequately describe this hybrid reality, it is proposed to introduce and codify, doctrinally and subsequently legislatively, a new concept – the digital characterization of crime. This concept is not an additional element, but an integrating framework, uniting all elements of existing characteristics to address challenges that go beyond the capabilities of the traditional approach.

и превентивных мерах [8, с. 62]. Однако специфика цифровой среды, обусловленная анонимностью, трансграничностью и виртуальностью следообразования, требует выработки принципиально иной методологии исследования.

Если традиционные виды преступлений относительно статичны, то схемы совершения цифровых посягательств постоянно изменяются, они эволюционируют с опережением законодательного реагирования. Современный междисциплинарный подход трансформирует объект познания, представляя цифровое преступление¹ не как статичный акт, локализованный во времени, а как динамический распределенный процесс, который протекает одновременно в виртуальном и физическом пространствах, охватывая стадии от формирования преступного умысла до сокрытия следов преступления. Обоснование единого объекта познания позволяет преодолеть фрагментарность научного исследования, объединив данные

всех смежных дисциплин для создания целостной картины противоправного деяния.

Междисциплинарный подход позволяет адекватно реагировать на происходящие изменения: криминология выявляет актуальные тенденции (например использование дипфейк-технологий), криминалистика разрабатывает методы фиксации цифровых следов, оперативно-разыскная деятельность создает механизмы документирования, а уголовное право оценивает необходимость криминализации новых общественно опасных деяний. Такой синтез соответствует положениям ст. 13 УПК РФ о комплексности доказательств и создает основу для раскрытия цифровых преступлений, прогнозирования криминальных угроз и разработки превентивных стратегий [9, с. 25]. Таким образом, объединение отраслей знания обеспечивает как быстрое реагирование на текущие вызовы, так и формирование долгосрочных стратегий противодействия цифровой преступности.

¹ Под цифровыми преступлениями понимаются уголовно наказуемые деяния, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Одним из ключевых результатов применения междисциплинарного подхода является разработка классификаций, обеспечивающих унификацию понятийного аппарата. Преодолению терминологических барьеров в определенной мере способствовало принятие нормативных актов, формирующих единое понимание цифрового преступления. В частности, утвержденный в 2025 году Генпрокуратурой и МВД России перечень преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий¹, охватывает три категории цифровых преступлений: относящиеся к данному виду без каких-либо условий (например предусмотренные п. «г» ч. 3 ст. 158, ст.ст. 272-274.2 УК РФ, всего 19 составов); деяния с альтернативными квалифицирующими признаками, связанными с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (например п. «д» ч. 2 ст. 110, ст. 171.2 УК РФ, всего 35 составов); деяния, связанные с использованием тех или иных конкретных способов совершения цифровых преступлений (фишинг, вредоносные программы, бот-сети, DDoS-атаки, дипфейки, операции с криптовалютой и др., всего более 50 составов, включая закрепленные в ст.ст. 119, 272, 354 УК РФ). Такая систематизация отчасти устранила существовавшие противоречия, ранее препятствовавшие четкому пониманию сути цифровых преступлений.

Исключительная сложность расследования цифровых преступлений усугубляется виртуальным характером доказательств. Их процессуальное закрепление требует неразрывной цепочки действий: от обнаружения деяния оперативно-разыскным путем и фиксации данных криминалистическими средствами до признания доказательств допустимыми в уголовном судопроизводстве [10, с. 205]. Отсутствие синтеза элементов всех этапов этой деятельности ведет к разрушению доказательственной базы. Важно также иметь в виду, что цифровые преступления обладают дуалистической природой: виртуальная атака (взлом сервера, хищение данных и т.д.) неизбежно перетекает в физическую плоскость (обналичивание средств, вывод похищенного имущества, задержание преступника). Традиционный фрагментарный анализ игнорирует эту взаимосвязь. Междисциплинарный подход, напротив, объединяет данные о цифровом «почерке» преступника (стилистика кода, особенности коммуникации в сети и т.д.) с физическими следами (биометрические данные, транзакции и т.д.) и социальными характеристиками (круг общения, образование и т.д.). Это позволяет реконструировать полный механизм преступления – от посягательства, осуществляемого в виртуальной среде, до идентификации преступника в реальном пространстве, – благодаря чему существенно повышается эффективность противодействия криминальным угрозам данного вида [11].

Стоит обратить внимание на то, что традиционные характеристики цифровых преступлений (оперативно-разыскная, уголовно-правовая, криминалистическая, криминологическая) имеют много общего. Несмотря на то, что каждая из них выполняет свою уникальную функцию в системе междисциплинарного подхода, все они обладают схожими признаками. Это обстоятельство позволяет говорить о них как о взаимосвязанных элементах единой научной и практической парадигмы [12, с. 51].

Во-первых, все четыре характеристики ориентированы на изучение одного и того же явления – цифровой преступности (совокупности преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий). Каждая из них рассматривает деяние, совершенное в виртуальной среде, но под своим специфическим углом зрения.

Во-вторых, все характеристики оперируют сходными понятиями, связанными с цифровой средой: способы использования сетей, серверов, программного обеспечения; следы преступления – IP-адреса, логи, метаданные, криптовалютные транзакции; инструменты совершения преступления – VPN, TOR, вредоносное программное обеспечение, фишинг; способы сокрытия следов преступления.

В-третьих, несмотря на теоретическую основу, все четыре характеристики носят ярко выраженный прикладной характер и служат одной общей цели – поиску путей эффективного противодействия цифровой преступности. При этом оперативно-разыскная характеристика отвечает на вопросы о том, как выявить латентное преступление, как задокументировать факт его совершения и идентифицировать преступника; уголовно-правовая характеристика – как правильно квалифицировать содеянное; криминалистическая характеристика – как собрать и закрепить доказательства; криминологическая характеристика – почему деяния такого рода происходят и как предотвратить их совершение в будущем.

В-четвертых, перечисленные характеристики не существуют изолированно, они тесно переплетены и дополняют друг друга, образуя систему знаний. Результаты криминологических исследований (о личности преступника и жертвы, детерминантах преступности, направлениях противодействия и т.д.) служат основой для совершенствования уголовного закона (криминализации новых деяний), модернизации тактики оперативно-разыскной деятельности и криминалистических методов. Уголовно-правовая квалификация, в свою очередь, определяет предмет доказывания, что задает рамки для криминалистической тактики производства отдельных следственных действий и методики расследования цифровых преступлений. Сведения, получаемые посредством оперативно-разыскной деятельности, отражают способы сокрытия преступлений, чем обогащают

¹ Перечень № 25 преступлений, совершенных с использованием (применением) информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации: Указание Генпрокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28.07.2025 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

криминалистику (пониманием того, где и какие следы могут остаться) и криминологию (пониманием современных тенденций цифровой преступности).

В-пятых, каждая из характеристик вынуждена адаптироваться к вызовам цифровой эпохи, что проявляется в их содержании. Все они признают высокую латентность и сложность выявления преступлений рассматриваемого нами вида, учитывают анонимность в качестве ключевого фактора, влияющего на способы совершения и сокрытия преступлений, работают с понятием цифрового следа (информация в виде битов, метаданных, логов), который нужно обнаружить, правильно оценить с точки зрения права, закрепить в качестве доказательства и проанализировать в масштабах социума.

В-шестых, ни одна из характеристик не является статичной. Все они вынуждены постоянно развиваться вслед за совершенствованием технологий. Уголовное право криминализирует новые деяния. Криминалистика разрабатывает методики расследования цифровых преступлений новых видов. Оперативно-разыскная деятельность ищет методы выявления преступлений и фигурантов в цифровом пространстве. Криминология изучает новые типы преступников и жертв, детерминанты цифровой преступности, формулируя основные направления противодействия этому негативному социальному явлению.

Таким образом, сходство исследуемых характеристик заключается в том, что они представляют собой разные уровни (срезы) единого междисциплинарного знания о цифровом преступлении. Они объединены общими феноменами цифровой преступности и цифрового преступления, общей целью (противодействие цифровой преступности), общим понятийным аппаратом и необходимостью постоянно адаптироваться к изменениям технологической среды. Вместе они формируют целостную научную парадигму, необходимую для повышения эффективности правоохранительной деятельности.

Между тем между оперативно-разыскной, уголовно-правовой, криминалистической и криминологической характеристиками цифрового преступления существуют и значимые различия. Они заключаются в их целевом назначении, предмете исследования и методах познания [13, с. 45]. Данные различия обусловлены спецификой задач, которые каждая из соответствующих наук решает в общей системе противодействия криминальным угрозам.

Оперативно-разыскная характеристика отвечает на вопрос: «Где и как искать?» Ее цель – создание информационно-поисковой модели для выявления лиц, причастных к преступлению, и установления обстоятельств его совершения в условиях неочевидности, часто с использованием негласных методов.

Уголовно-правовая характеристика отвечает на вопрос: «Является ли совершенное деяние преступлением?» Ее цель – юридическая квалификация деяния. Она помогает точно определить, какой статьей Уголовного кодекса Российской Федера-

ции запрещено то или иное конкретное посягательство и каковы его формальные признаки (состав преступления).

Криминалистическая характеристика отвечает на вопрос: «Как расследовать и доказывать?» Ее цель – методическое обеспечение процесса расследования и доказывания, то есть определение того, какие следы оставляет преступление, как их правильно собрать, зафиксировать и исследовать.

Криминологическая характеристика отвечает на вопрос: «Почему это происходит и как этому противодействовать?» Ее цель – изучение преступности как социального явления (причины и условия, тенденции и закономерности, преступники и жертвы) и разработка мер предупреждения.

Кроме того, рассматриваемые нами характеристики различаются по объекту и предмету исследования [14]. *Оперативно-разыскная характеристика* фокусируется на поведении преступника в реальном времени и его связях. Предмет – оперативно значимые признаки: способы маскировки, контакты в виртуальном пространстве, места концентрации информации (форумы, чаты). *Уголовно-правовая характеристика* фокусируется на юридической конструкции уже совершенного деяния. Предмет – элементы состава преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), закрепленные в норме уголовного закона. *Криминалистическая характеристика* фокусируется на механизме следообразования. Предмет – криминалистически значимые признаки: типичные цифровые следы (логи, файлы, метаданные), обстановка совершения преступления (тип программного обеспечения), личность преступника как носителя идентифицирующих признаков (почерк, стиль кода). *Криминологическая характеристика* фокусируется на социальном портрете явления. Предмет – состояние и динамика преступности, личность преступника (социальный, а не идентификационный портрет), личность жертвы (виктимологический портрет), причины и условия (детерминанты), возможности предупреждения.

Различаются исследуемые характеристики также по методам познания и характеру информации [15, с. 35]. *Оперативно-разыскная характеристика* использует гласные и негласные методы (поисково-разведывательные). Информация часто носит закрытый (секретный) характер и предназначена только для внутреннего оборота в рамках деятельности оперативных подразделений. *Уголовно-правовая характеристика* использует формально-юридический метод (толкование норм права). Информация строго формализована, публична (содержится в Уголовном кодексе Российской Федерации) и обязательна для всех правоприменителей. *Криминалистическая характеристика* использует методы трасологии (учения о следах) и технико-криминалистические методы. Информация предназначена для следователей, экспертов и других специалистов, работающих с доказательствами. *Криминологическая характеристика* использует социологические и статистические методы (анализ данных, опросы, моделирование). Информация носит обобщенный, статистический харак-

тер и применяется для прогнозирования развития ситуации с преступностью и планирования мер противодействия ей.

Различия четырех характеристик обнаруживаются и в свойственном каждой из них специфическом временном фокусе [16, с. 35]. *Оперативно-разыскная характеристика* составляется для выявления подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, наблюдений за преступной активностью. *Уголовно-правовая характеристика* описывает квалификацию совершенного деяния. *Криминалистическая характеристика* исследует событие, имевшее место в прошлом, через его отражение в настоящем (следы), чтобы реконструировать механизм преступления. *Криминологическая характеристика* изучает произошедшие изменения для разработки мер противодействия преступности, которые необходимо реализовать в настоящем, чтобы снизить уровень преступности в будущем.

И, наконец, данные характеристики различаются по отношению к доказательствам [17, с. 83]. *Оперативно-разыскная характеристика* исходит из того, что результаты оперативно-разыскной деятельности сами по себе не являются доказательствами. Их процессуальный статус изменяется с помощью производства следственных действий. *Уголовно-правовая характеристика* устанавливает предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ), то есть определяет перечень обстоятельств, которые необходимо подтвердить доказательствами. *Криминалистическая характеристика* разрабатывает методы работы с доказательствами (их собирания, фиксации, исследования). *Криминологическая характеристика* не имеет прямого отношения к доказательствам, так как работает с социальными, а не с индивидуально-определенными фактами.

Таким образом, научная новизна междисциплинарного подхода состоит не в механическом суммировании знаний, а в создании качественно новой модели – целостной парадигмы противодействия цифровой преступности, учитывающей специфику виртуальной среды как места, средства и объекта преступления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В виртуальной среде традиционные границы между отраслями уголовно-правовых наук размываются, поскольку цифровые преступления приобретают распределенный во времени и пространстве характер. Для адекватного описания

гибридной реальности предлагается ввести в научный оборот и закрепить доктринально, а в дальнейшем законодательно новое понятие – цифровая характеристика преступления. Она представляет собой не дополнительный элемент системы, а основу, интегрирующую данные существующих характеристик преступления для решения задач, выходящих за рамки возможностей традиционного подхода.

Дуалистическая природа цифровых преступлений проявляется в виртуальности общественно опасного деяния, реальности преступника и общественно опасных последствий. Однако между этими феноменами нет фундаментального разрыва, наличие которого, казалось бы, должно быть обусловлено их природой. Дело в том, что это части единого гибридного процесса, где цифровое перетекает в материальное. И именно цифровая характеристика описывает механизм трансформации явления из виртуального мира в реальный.

Цифровая характеристика преступления описывает технологический процесс совершения преступления еще до его окончательной квалификации: на какой объект направлено посягательство, какие алгоритмы для этого использованы, какие ресурсы задействованы. Это позволяет лицам, осуществляющим предварительное расследование, понять суть преступления еще до того, как оно будет квалифицировано по конкретной статье Уголовного кодекса Российской Федерации.

Закрепление цифровой характеристики преступления как самостоятельной научной и прикладной категории необходимо, поскольку она выполняет функцию, которую не может охватить изолированно ни одна из существующих в уголовно-правовых науках характеристик. Цифровая характеристика преступления изучает виртуальную сущность деяния – логику движения информации, специфику воздействия и способы идентификации преступника в виртуальной среде. Она становится тем общим понятийным аппаратом и общей методологической базой, которая позволяет данным, полученным благодаря оперативно-разыскной деятельности, уголовному праву, криминалистике и криминологии, не просто суммироваться, а интегрироваться в единую, непротиворечивую картину расследования совершенных преступлений и предупреждения цифровой преступности. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мелихов А.И. Оперативно-розыскная деятельность в современной системе разделения полномочий между федеральной и региональной властями Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление: вчера, сегодня, завтра: Материалы научно-практической конференции. Луганск, 2024. С. 73-78.
2. Алексеева А.П. Перспективы развития уголовного законодательства в киберсфере // Подготовка сотрудников полиции к использованию информационных технологий в борьбе с преступностью: Сборник научных трудов по материалам всероссийской межвузовской научно-практической конференции. Волгоград: ВА МВД России, 2017. С. 24-31.
3. Попов С.В. К вопросу об особенностях обнаружения признаков мошеннических действий в сети Интернет // Межведомственный научно-практический Петербургский оперативно-розыскной форум: Материалы научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 216-219.
4. Мелихов А.И., Працко Г.С., Михайлов М.Я. Безопасность и защищенность как стратегии выживания и правовые ценности // Правовой порядок и юридическая деятельность: Сборник

научных статей всероссийской конференции. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2024. С. 243-246.

5. Мелихов А.И., Працко Г.С. Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс: институциональное размежевание // *Онтология и аксиология права: Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции*. Омск: ОМА МВД России, 2025. С. 48-52.

6. Поляков А.В., Гринева Д.А. О возможностях использования информационных технологий в решении задач оперативно-розыскной деятельности // *Межведомственный научно-практический Петербургский оперативно-розыскной форум: Материалы научно-практической конференции*. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 211-215.

7. Герасимов А.В., Поляков А.В. К вопросу информационного воздействия на объекты оперативной заинтересованности // *X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции*. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 60-61.

8. Попов С.В. О некоторых вопросах развития оперативно-розыскной науки // *XI Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции*. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2023. С. 62-63.

9. Глубоковских Р.В., Гринева Д.А. Характеристика оперативно-розыскного инструментария при раскрытии хищения денежных средств с банковских счетов // *XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции*. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 25-27.

10. Мелихов А.И., Харченко А.В. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел как институт двойного назначения в обеспечении национальной безопасности // *Государственное управление в правоохранительной сфере: Сборник статей*. М.: Академия управления МВД России, 2025. С. 204-209.

11. Глубоковских Р.В. Розыскная работа подразделений уголовного розыска (ситуационный подход): Монография. М., 2025. 207 с.

12. Самоделкин А.С., Мелихов А.И. Институциональные различия между оперативно-розыскной, разведывательной и контрразведывательной деятельностью в свете теории национальной безопасности // *Труды Академии управления МВД России*. 2025. № 3 (75). С. 46-57.

13. Поляков А.В. Разделение оперативно-розыскной, разведывательной и контрразведывательной деятельности. Так ли это необходимо? // *XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции*. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 45-46.

14. Абезин Д.А., Айрапетян Д.А., Алексеева М.В. [и др.]. Цифровизация права и образования в XXI веке: междисциплинарный аспект. М.: Юрлитинформ, 2025. 336 с.

15. Мелихов А.И., Капитанец Ю.В. Уголовная политика как борьба за право // *Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: Сборник статей по материалам международной конференции*. М.: Академия управления МВД России, 2025. С. 35-41.

16. Козлова Е.Л. Отдельные аспекты представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу предварительного расследования // *XII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции*. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2024. С. 35-36.

17. Гринева Д.А. Роль информационных технологий в розыске без вести пропавших лиц // *Использование современных информационных технологий в правоохранительной деятельности и актуальные проблемы информационной безопасности: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции*. Калининград: Калининградский ЮИ МВД России, 2005. С. 83-87.

REFERENCES

1. Melikhov A.I. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v sovremennoy sisteme razdeleniya polnomochiy mezhdu federal'noy i regional'noy vlastyami Rossiyskoy Federatsii // *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye: vchera, segodnya, zavtra: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Lugansk, 2024. S. 73-78.

2. Alekseyeva A.P. Perspektivy razvitiya ugolovnoy zakonodatel'stva v kibersfere // *Podgotovka sotrudnikov politzii k ispol'zovaniyu informatsionnykh tekhnologiy v bor'be s prestupnost'yu: Sbornik nauchnykh trudov po materialam vserossiyskoy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Volgograd: VA MVD Rossii, 2017. S. 24-31.

3. Popov S.V. K voprosu ob osobennostyakh obnaruzheniya priznakov moshennicheskikh deystviy v seti Internet // *Mezhvedomstvennyy nauchno-prakticheskyy Peterburgskiy operativno-rozysknoy forum: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 216-219.

4. Melikhov A.I., Pratsko G.S., Mikhaylov M.YA. Bezopasnost' i zashchishchennost' kak strategii vyzhivaniya i pravovyye tsennosti // *Pravovoy poryadok i yuridicheskaya deyatel'nost': Sbornik nauchnykh statey vserossiyskoy konferentsii*. Rostov-na-Donu: Rostovskiy gosudarstvennyy universitet putey soobshcheniya, 2024. S. 243-246.

5. Melikhov A.I., Pratsko G.S. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' i ugolovnyy protsess: institutsional'noye razmezhvaniye // *Ontologiya i aksiologiya prava: Tezisy dokladov i soobshcheniy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Omsk: OMA MVD Rossii, 2025. S. 48-52.

6. Polyakov A.V., Grineva D.A. O vozmozhnostyakh ispol'zovaniya informatsionnykh tekhnologiy v reshenii zadach operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Mezhdovedomstvennyy nauchno-prakticheskiy Peterburgskiy operativno-rozysknoy forum: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 211-215.

7. Gerasimov A.V., Polyakov A.V. K voprosu informatsionnogo vozdeystviya na ob'yekty operativnoy zainteresovannosti // X Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2022. S. 60-61.

8. Popov S.V. O nekotorykh voprosakh razvitiya operativno-rozysknoy nauki // XI Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2023. S. 62-63.

9. Glubokovskikh R.V., Grineva D.A. Kharakteristika operativno-rozysknogo instrumentariya pri raskrytii khishcheniya denezhnykh sredstv s bankovskikh schetov // XIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 25-27.

10. Melikhov A.I., Kharchenko A.V. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' organov vnutrennikh del kak institut dvoynogo naznacheniya v obespechenii natsional'noy bezopasnosti // Gosudarstvennoye upravleniye v pravookhranitel'noy sfere: Sbornik statey. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2025. S. 204-209.

11. Glubokovskikh R.V. Rozysknaya rabota podrazdeleniy ugolovnoy rozyska (situatsionnyy podkhod): Monografiya. M., 2025. 207 s.

12. Samodelkin A.S., Melikhov A.I. Institutsional'nyye razlichiya mezhdru operativno-rozysknoy, razvedyvatel'noy i kontrrazvedyvatel'noy deyatel'nost'yu v svete teorii natsional'noy bezopasnosti // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2025. № 3 (75). S. 46-57.

13. Polyakov A.V. Razdeleniye operativno-rozysknoy, razvedyvatel'noy i kontrrazvedyvatel'noy deyatel'nostey. Tak li eto neobkhodimo? // XIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 45-46.

14. Abezin D.A., Ayrapetyan D.A., Alekseyeva M.V. [i dr.]. Tsifrovizatsiya prava i obrazovaniya v XXI veke: mezhdistsiplinarnyy aspekt. M.: Yurlitinform, 2025. 336 s.

15. Melikhov A.I., Kapitanets Yu.V. Ugolovnaya politika kak bor'ba za pravo // Ugolovnaya politika Rossii na sovremennom etape: sostoyaniye, tendentsii, perspektivy: Sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy konferentsii. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2025. S. 35-41.

16. Kozlova Ye.L. Otdel'nyye aspekty predstavleniya rezul'tatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti organu predvaritel'nogo rassledovaniya // XII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2024. S. 35-36.

17. Grineva D.A. Rol' informatsionnykh tekhnologiy v rozyske bez vesti propavshikh lits // Ispol'zovaniye sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy v pravookhranitel'noy deyatel'nosti i aktual'nyye problemy informatsionnoy bezopasnosti: Sbornik materialov vsrossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: Kaliningradskiy YUI MVD Rossii, 2005. S. 83-87.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© **Алексеева А.П., Бугера Н.Н., 2026.**

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Алексеева А.П., Бугера Н.Н. Междисциплинарный подход к изучению цифровых преступлений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (83). С. 47-54.

Игорь Александрович ГОРКОВЕНКО,
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
начальник Калининградского филиала
ijhsy@mail.ru

Научный руководитель:
Андрей Иванович ТАМБОВЦЕВ,
доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научная статья
УДК 343.102:343.97

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Оперативно-разыскная деятельность, органы внутренних дел, преступность несовершеннолетних, содействие несовершеннолетних, оперативно-разыскные мероприятия, цифровизация.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье представлены основные результаты исследования проблем оперативно-разыскного противодействия преступности несовершеннолетних, изменяющейся под влиянием цифровизации общественных отношений. Актуальность данного исследования обусловлена противоречиями между трансформацией структуры подростковой преступности и сохранением традиционных методов оперативно-разыскной деятельности, ориентированных в основном на общеуголовные преступления. Особое внимание уделено несоответствию существующей практики реагирования на противоправные посяательства новым вызовам гибридного (онлайн-офлайн) характера современных преступлений несовершеннолетних. **Методы.** В ходе исследования был применен комплекс взаимодополняющих методов: диалектический метод – для выявления системных противоречий; метод заочного опроса в форме анкетирования оперативных сотрудников – для определения проблем в их работе; контент-анализ материалов, опубликованных в средствах массовой информации; метод изучения документов (материалов уголовных дел и дел оперативного учета); статистический метод – для установления объективных закономерностей и тенденций преступности несовершеннолетних. **Результаты.** Исследование показало, что неизменными в современной подростковой преступности остались групповые формы совершения преступлений. Среди тенденций выделяется постепенное замещение классических мотивов (корыстный, насильственный) теми, которые сформировались под воздействием цифровой среды (престижный, игровой). Главной проблемой представляется разрыв между необходимостью профилактики, предупреждения и пресечения криминальных проявлений потенциальных правонарушителей на основе цифровой разведки и отслеживания их онлайн-активности и фактической ориентацией оперативных подразделений на выявление и раскрытие уже совершенных преступлений. Для решения данной проблемы необходимы совершенствование законодательства в рассматриваемой сфере с учетом цифровизации общественных отношений, техническое переоснащение оперативных подразделений, привлечение к сотрудничеству IT-специалистов и психологов, а также повышение качества межведомственного взаимодействия.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие информационных технологий и процесс цифровизации общественных отношений значительно облегчили жизнь граждан. Однако внедрение электронных инструментов в повседневную практику обусловило появление новых форм противоправного поведения, связанных с использованием современных достижений научно-технологического прогресса в криминальных целях. Особое внимание здесь стоит уделить подросткам как социальной группе, наи-

более быстро осваивающей цифровые технологии и виртуальную среду. Высокая информационная насыщенность интернета образовательными, научными, методическими и иными развивающими ресурсами создает условия для самостоятельного приобретения несовершеннолетними знаний и навыков, необходимых для успешной социализации и профессионального самоопределения. Вместе с тем следует иметь в виду, что свободный доступ к интернет-ресурсам, содержащим запрещенную к распространению информацию и про-

Igor A. GORKOVENKO,
Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Head of the Kaliningrad Branch
ujhsy@mail.ru

Scientific supervisor:

Andrey I. TAMBOVTSEV,
Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Operational Investigative Activities in Internal Affairs Agencies of the
Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

**DIGITAL TRANSFORMATION OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE COUNTERACTION
OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES TO JUVENILE DELINQUENCY**

KEYWORDS. Operational investigative activities, internal affairs agencies, juvenile delinquency, assistance of minors, operational investigative measures, digitalization.

ANNOTATION. Introduction. The article presents the main results of a study of the problems of operational investigative counteraction to juvenile delinquency, which is changing under the influence of the digitalization of social relations. The relevance of this study is due to the contradictions between the transformation of the structure of juvenile delinquency and the preservation of traditional methods of operational investigative activities, focused mainly on general crimes. Particular attention is paid to the discrepancy between the existing practice of responding to unlawful encroachments and the new challenges of the hybrid (online-offline) nature of modern juvenile crimes. **Methods.** The study used a set of mutually complementary methods: the dialectical method – to identify systemic contradictions; the method of absentee survey in the form of a questionnaire among operational employees – to identify problems in their work; content analysis of materials published in the media, the method of studying documents (materials of criminal cases and operational records), the statistical method – to establish objective patterns and trends in juvenile delinquency. **Results.** The study found that group crime patterns remain unchanged in modern juvenile delinquency. Among the trends, a notable one is the gradual replacement of traditional motives (mercenary, violent) with those shaped by the digital environment (prestige, gaming). The main problem is the gap between the need to prevent, deter, and suppress criminal activity by potential offenders based on digital intelligence and monitoring their online activity, and the actual focus of operational units on identifying and solving crimes that have already been committed. To address this issue, it is necessary to improve legislation in this area, taking into account the digitalization of public relations, technically re-equip operational units, engage IT specialists and psychologists, and improve the quality of interdepartmental interaction.

тивоправный контент, формирует риски вовлечения подростков в криминальную деятельность и способствует развитию отклоняющихся форм поведения в цифровом пространстве.

Изучение статистических данных о лицах, совершивших противоправные деяния, позволило выявить тенденцию устойчивого снижения числа несовершеннолетних, вовлеченных в преступную деятельность. Так, если в 2020 году их количество составляло 33575 человек, то в последующие годы наблюдалось поэтапное уменьшение данного показателя: в 2021 году – 29126, в 2022 году – 26305, в 2023 году – 22340, в 2024 году – 21069 человек. Однако в 2025 году количество несовершеннолетних, вовлеченных в преступную деятельность, выросло сразу на 5,5% – 22231 человек.

Обращает на себя внимание и противоположная динамика числа несовершеннолетних, совершивших преступления в составе организованных групп или преступных сообществ (преступных организаций): с 80 человек в 2020 году до 521 человека в 2025 году (в 2021 году было 122 человека, в 2022 – 191, в 2023 – 208, в 2024 – 335)¹. Это свидетельствует о качественном изменении структуры подростковой преступности. Результаты проведенного нами контент-анализа² материалов, опубликованных в федеральных средствах массовой информации («Российская газета»³, Российское агентство правовой и судебной информации⁴, «Известия»⁵), а также экспертные оценки специалистов [1, 2, 3] указывают на то, что деяния, совершаемые подростками, с каждым годом ста-

¹ Состояние преступности: статистика и аналитика // МВД России: сайт // URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 30.12.2025).

² Контент-анализ материалов, посвященных преступности несовершеннолетних, опубликованных федеральными средствами массовой информации, проводился нами в 2025 году. Всего было изучено 189 сообщений на эту тему.

³ Лапин Д. Инсценировка похищения, или почему подростки так легко верят аферистам // Российская газета: сайт. 25.01.2026 // URL: https://rg.ru/2026/01/25/reg-sibfo/inscenirovka-pohishcheniia-ili-pochemu-podrostki-tak-legko-veriat-aferistam.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 25.01.2026).

⁴ Асоциальное поведение подростков: как не пропустить заболевание // Российское агентство правовой и судебной информации: сайт. 02.02.2026 // URL: <https://rapsinews.ru/publications/20260202/311560680.html> (дата обращения: 02.02.2026).

⁵ Гурьянов С. Мониторная политика: должны ли учителя следить за соцсетями школьников // Известия: сайт. 13.06.2024 // URL: <https://iz.ru/1711163/sergei-gurianov/monitornaia-politika-dolznyi-li-uchitelia-sledit-za-sotcsetiami-shkolnikov> (дата обращения: 05.02.2026).

новятся всё более тяжкими и жестокими, повышается уровень вовлеченности в противоправную деятельность детей младшего возраста. Ученые сходятся во мнении, что подобные трансформации подростковой преступности произошли под воздействием информационно-телекоммуникационной сети Интернет [4, 5], которая из средства коммуникации превратилась в пространство, используемое для вербовки, подстрекательства, планирования и непосредственного совершения преступлений [6, с. 63]. Широкие возможности интернета и социальных сетей создали благоприятные условия для совершения подростками противоправных действий в цифровой среде. Киберпреступления отличаются высокой степенью анонимности, сложностью установления личности правонарушителей, а также многообразием форм их совершения. Наиболее частыми вариантами таких преступлений стали: пропаганда радикальной идеологии среди несовершеннолетних, вовлечение подростков в незаконный оборот наркотиков (в основном в качестве закладчиков при дистанционном сбыте), интернет-мошенничество (например дропперство – обналичивание похищенных денег), распространение вредоносного программного обеспечения и т.д.

Существенные изменения в структуре подростковой преступности обусловили трансформацию ее мотивационной составляющей. Если ранее доминирующими стимулами противоправного поведения являлись преимущественно корыстные побуждения, то в современных условиях цифровой среды наблюдается усиление роли социально-психологических и личностных факторов. К числу новых мотив относятся: престиж (желание подростков самоутвердиться в группе сверстников); деформированное стремление к самореализации (ощущение внутренней пустоты и отсутствие устойчивых жизненных целей и ценностных ориентиров); интерес к компьютерным играм (поиск острых ощущений, желание развлечения, а также перенос конфликтных отношений из онлайн-пространства в реальную жизнь). Под воздействием перечисленных мотивов в поведении несовершеннолетних формируется конформистская зависимость, способствующая появлению феномена «цифрового подростка». Она выражается в потребности одобрения и признания в социальных сетях, в стремлении подтвердить свой статус в неформальном подростковом сообществе. Такая зависимость делает несовершеннолетних уязвимыми для манипуляций со стороны членов преступных сообществ, стремящихся использовать молодежь в своих интересах. Можно говорить о том, что цифровая среда выполняет целый комплекс функций, оказывающих влияние на процессы социализации и формирование моделей поведения подростков, в том числе посредством интернет-контента. Она является инструментом коммуникации и координации действий в онлайн-пространстве (мессенджеры, чаты и форумы), механизмом манипуляции и средством получения признания со стороны других людей за публикацию сообщений и видеозаписей.

В силу недостаточной зрелости психики подростков и незавершенности процессов формирования у них системы саморегуляции поведения в киберпространстве популярность приобретают материалы с агрессивным или деструктивным содержанием. В сознании несовершеннолетних происходит подмена ценностных ориентиров: наглость и насилие воспринимаются как проявления смелости и храбрости, нецензурная лексика рассматривается как индикатор взрослости и т.п. В результате формируется искаженное представление о социальной реальности, в рамках которого деструктивные модели поведения позиционируются как престижные нормы, подкрепляемые виртуальным одобрением сверстников. Эмоционально насыщенный негативный контент не только удерживает внимание аудитории, но и выступает в качестве образца для подражания в реальной жизни, одновременно усиливая конформное давление окружающих.

В этих условиях складывается новый тип несовершеннолетнего преступника – «цифровой адепт», чьи поведенческие нормы и ценностные установки определяются преимущественно онлайн-аудиторией и субкультурами, с которыми он находится в состоянии высокой эмоциональной вовлеченности. Традиционные институты социализации – семья и школа – в этой системе постепенно утрачивают свою доминирующую роль, уступая место виртуальному сообществу.

В связи с этим обостряется необходимость государственного регулирования цифровой среды посредством разработки и внедрения инструментов превентивной защиты детей и подростков от киберугроз. Система противодействия преступности несовершеннолетних, в том числе и оперативно-разыскными средствами, сталкивается с новыми вызовами, требующими пересмотра методологических подходов, совершенствования организационно-правовых механизмов и разработки инновационных цифровых инструментов профилактики и выявления криминальной активности подростков [7, с. 46].

Целью исследования, результаты которого представлены в статье, было выявление специфики современной преступности несовершеннолетних с учетом цифровизации общественных отношений и недостаточной эффективности действующей системы оперативно-разыскных мер противодействия. При этом ставилась задача предложить научно обоснованные рекомендации по адаптации данной системы к условиям цифровой среды.

МЕТОДЫ

Методологическую основу проведенной работы составил комплекс взаимодополняющих исследовательских подходов. Диалектический метод использован для выявления и осмысления ключевых системных противоречий в рассматриваемой сфере. Сбор первичных эмпирических данных осуществлялся посредством анкетирования сотрудников оперативных подразделений, что позволило выявить существующие в их деятельности проблемы и субъективные оценки оперативной обстановки. Объективные закономерности и

структурно-динамические тенденции преступности несовершеннолетних были установлены благодаря изучению материалов уголовных дел и дел оперативного учета (документальный метод), официальных статистических сведений (статистический метод), контент-анализу публикаций средств массовой информации.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Под оперативно-разыскным противодействием преступности несовершеннолетних понимается специализированная, системная деятельность уполномоченных оперативных подразделений, основанная на комплексном использовании гласных и негласных сил, средств и методов, регламентированных Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности», реализуемая с учетом современной специфики преступности и возрастных психологических особенностей детей и подростков (незавершенность процессов социализации, повышенная внушаемость и вовлеченность в цифровую среду), а также приоритета превентивных мер над репрессивными. Такая работа направлена на выявление и блокировку источников криминогенного влияния (деятельность взрослых подстрекателей, например), каналов распространения деструктивного контента, механизмов вербовки; предупреждение (нейтрализация причин и условий, способствующих формированию у несовершеннолетних криминальных намерений в цифровой среде и реальной жизни), пресечение (на ранних стадиях реализации умысла – приготовления и покушения) и раскрытие преступлений (установление лиц, причастных к уже совершенным посягательствам, и документирование их деятельности).

В связи с этим в доктрине обсуждается вопрос о правомерности применения оперативно-разыскного инструментария в целях противодействия преступности несовершеннолетних в виртуальной и реальной жизни в ситуациях, когда подросток является потенциальным нарушителем (объектом оперативно-разыскной деятельности) и когда он выступает в качестве потенциального помощника оперативных сотрудников.

В научной литературе обосновывается допустимость применения оперативно-разыскных средств в отношении несовершеннолетних как объектов оперативно-разыскной деятельности. При этом ученые исходят из превентивного характера оперативно-разыскных мероприятий. А.Ю. Шумилов считает, что именно превентивная направленность оперативно-разыскной деятельности служит одной из ключевых гарантий обеспечения безопасности общества и реализации воспитательной функции государства. Он отмечает, что использование оперативно-разыскных методов возможно не только при наличии признаков совершенного преступления, но и при выявлении потенциально опасного поведения несовершеннолетнего, которое может перерасти в уголовно наказуемое деяние [8]. Такая практика, по мнению многих ученых, оправдана необходимостью раннего оперативного вмешательства, направленного

на предотвращение и пресечение преступлений как в виртуальной среде, так и в реальной жизни, защиту потенциальных жертв, а также выявление и нейтрализацию взрослых подстрекателей [9]. С данной позицией стоит согласиться, так как подобный подход способствует формированию комплексной превентивной системы, минимизирующей риски перерастания единичных случаев нарушения подростками установленных норм в систематическое противоправное поведение.

Результаты проведенного нами анкетирования¹ отражают неоднозначность мнений по поводу определения пределов допустимости применения оперативно-разыскных средств воздействия в отношении несовершеннолетних. Половина респондентов (51%) придерживается прагматичной позиции, согласно которой оперативно-разыскные мероприятия могут проводиться в отношении лиц любого возраста, если ими подготавливается или уже совершено общественно опасное деяние, вне зависимости от достижения возраста привлечения к уголовной ответственности. Такой подход представляется наиболее убедительным, поскольку отвечает превентивной сущности оперативно-разыскной деятельности, направленной на выявление, предупреждение и пресечение преступлений. Вместе с тем 19% опрошенных связывают возможность проведения оперативно-разыскных мероприятий в отношении подростков с достижением ими 14-летнего возраста – порога уголовной ответственности по специальным основаниям. Эта точка зрения выглядит ограниченной, так как игнорирует превентивную функцию оперативно-разыскной деятельности. Жесткое соотнесение допустимости оперативного вмешательства с возрастом привлечения к уголовной ответственности фактически лишает правоохранительные органы возможности своевременно реагировать на ранние формы девиантного поведения подростков. Между тем именно оперативное выявление, предупреждение и пресечение подобных посягательств позволяет не допустить формирования устойчивой криминальной направленности личности, защитить потенциальных жертв и выявить взрослых, вовлекающих несовершеннолетних в противоправную деятельность. Следовательно, отказ от раннего оперативного вмешательства противоречит задачам профилактики преступности и снижает эффективность мер по обеспечению общественной безопасности как в виртуальной среде, так и в реальной жизни.

Рассмотрение вопроса о правомерности использования оперативно-разыскных средств в целях противодействия преступности несовершеннолетних, когда подросток выступает потенциальным помощником оперативных сотрудников, также вызывает активные научные дискуссии. В доктрине сформировалось несколько концептуально различных подходов к определению возраста, с которого допустимо привлечение несовершеннолетних к содействию оперативно-разыскным подразделениям.

¹ Заочный опрос в форме анкетирования проводился нами в 2025 году среди оперативных сотрудников УУР, УКОИ, УЭБиПК, ЦЭП Управления МВД России по Калининградской области. Всего было опрошено 108 человек.

Наиболее радикальную позицию занимает Г.М. Решетов, предлагающий использовать возможности содействия лиц оперативным подразделениям с 12-летнего возраста¹. Свою инициативу он связывает с необходимостью снижения до того же порога возраста привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений некоторых видов. Г.М. Решетов считает, что такая мера способна обеспечить внутреннюю согласованность правовой системы, сбалансировав потенциал профилактического воздействия государства и степень правовой ответственности несовершеннолетних.

Иную точку зрения представляет О.А. Вагин, полагающий, что оказание несовершеннолетним содействия оперативным подразделениям должно обуславливаться возрастом наступления уголовной ответственности за то преступление, раскрытию которого способствует подросток [10]. Впрочем, ряд ученых подчеркивают, что возраст сам по себе не может выступать достаточным критерием правомерности таких действий. Исследователи указывают на необходимость учета индивидуальных характеристик несовершеннолетнего – уровня его психического, эмоционального и социального развития, определяющего способность осознанно участвовать в оперативно-разыскных мероприятиях, особенно тех, которые проводятся с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [11, 12, 13].

Результаты проведенного нами анкетирования оперативных сотрудников подтверждают наличие существенных расхождений во мнениях по вопросу определения возрастных параметров допустимости содействия несовершеннолетним оперативным подразделениям. Данные расхождения могут рассматриваться как следствие правовой неопределенности, отмечаемой современной доктриной. Анализ полученных ответов позволил выделить позиции, отражающие противоречие между ведомственными потребностями, этическими ограничениями и отсутствием четких законодательных ориентиров.

Так, при определении минимального возраста, с которого возможно гласное содействие несовершеннолетним оперативным подразделениям, мнения респондентов распределились следующим образом:

- 44% из них считают, что оптимальным является возраст 16 лет, увязывая это с возрастом трудовой дееспособности;

- 38% говорят о возрасте 14 лет, аргументируя свою позицию тем, что таков порог уголовной ответственности за некоторые преступления, и необходимостью работы с подростками в киберпространстве;

- 18% полагают, что возраст – второстепенный фактор, и отдают приоритет наличию информированного письменного согласия законных представителей несовершеннолетнего, подчеркивая значение гарантий безопасности и правовой защищенности содействующих лиц.

Вместе с тем опрос выявил еще более выраженную осторожность при оценке возраста, с которо-

го допустимо конфиденциальное содействие несовершеннолетних:

- 56% респондентов считают возможным привлечение к содействию подобной формы только лиц, достигших 16 лет, и лишь при наличии специальных гарантий их безопасности, обеспечивающих защиту как в реальном мире, так и в виртуальной среде;

- 33% ограничивают возможность конфиденциального содействия исключительно кругом совершеннолетних лиц;

- 11% допускают привлечение подростков к конфиденциальному содействию с 14 лет в порядке исключения, например в целях противодействия организованной киберпреступности.

Разнообразие мнений свидетельствует о недостаточной определенности законодательства, регулирующего рассматриваемую сферу, что осложняет реализацию превентивных и оперативно-разыскных мероприятий в подростковой среде, особенно в цифровом пространстве. Отсутствие нормативно закрепленных возрастных критериев, обуславливающих возможность привлечения несовершеннолетних к содействию (гласному или конфиденциальному), приводит к разрозненности ведомственных подходов и снижает доверие к правовым механизмам оперативно-разыскной деятельности. Это не только ограничивает применение эффективных цифровых инструментов противодействия подростковой преступности, но и повышает риск признания полученных результатов недопустимыми в уголовном процессе. Таким образом, нормативная неопределенность препятствует формированию единообразной практики и снижает уровень правовой защищенности несовершеннолетних, вовлекаемых в содействие. Устранение данного пробела позволит создать правовые и этические предпосылки для обеспечения эффективности помощи несовершеннолетним оперативно-профилактической деятельности, что будет способствовать укреплению законности и безопасности в работе оперативных подразделений.

Другой принципиальной проблемой оперативно-разыскного противодействия преступности несовершеннолетних является необходимость трансформации оперативно-разыскных мероприятий, реализуемых в сети Интернет, а также совершенствования их правового регулирования, возникшая под влиянием современных тенденций развития цифрового общества. Эта проблема на протяжении последних лет выступает предметом активных научных дискуссий [14, 15]. Большинство исследователей сходятся во мнении о том, что интернет следует рассматривать как эффективную площадку для реализации оперативно-разыскных задач. Поддерживая такую позицию, в свою очередь, подчеркнем, что данное направление деятельности имеет значительный потенциал, в том числе в сфере профилактики преступности среди несовершеннолетних и недопущения их вовлечения во взрослую криминальную среду с помощью виртуальных средств.

¹ Решетов Г.М. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними (на примере Северо-Западного региона): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2008. С. 8.

Содержание современного оперативно-разыскного противодействия преступности несовершеннолетних в глобальной телекоммуникационной сети должно выходить за рамки традиционного перечня оперативно-разыскных мероприятий и охватывать новые, специфические для цифровой среды направления механизмы. Речь в данном случае идет прежде всего об ориентированной на подростковую среду цифровой разведке, предполагающей:

- мониторинг социальных сетей, поиск по открытым базам данных, анализ сайтов, форумов и средств массовой информации, а также сканирование сетей и пассивный сбор метаданных с целью выявления признаков преступной активности, агрессивных сообществ, фактов кибербуллинга, способного трансформироваться в реальные конфликты;

- аналитическую обработку цифровых следов, включая построение сетевых связей между участниками виртуальных и реальных групп, анализ метаданных, геолокации и иных цифровых признаков, что позволяет выявлять структурные связи внутри преступных сообществ и маршруты распространения противоправного контента;

- проведение оперативных комбинаций в гибридной среде, подразумевающее синхронное взаимодействие оперативных подразделений в реальном и виртуальном пространствах (например одновременное наблюдение за местом встречи участников группы и снятие информации с технических каналов связи – контроль их коммуникаций в онлайн-чате).

Комплексное исследование, в рамках которого были проведены анализ материалов дел оперативного учета и уголовных дел, а также анкетирование сотрудников оперативных подразделений, позволило выявить системные противоречия между применяемыми в настоящее время моделями противодействия подростковой преступности, обусловленной спецификой виртуальной среды, и объективно необходимым подходом к решению данной задачи. Большинство преступлений, совершаемых несовершеннолетними, характеризуется высокой степенью цифровой вовлеченности. Так, 92% изученных нами уголовных дел¹ содержали материалы о криминалистически значимых цифровых следах:

- об организации противоправных действий посредством социальных сетей, мессенджеров и т.д. – 71%;

- о наличии предшествовавшего совершению преступления кибербуллинга – 38%;

- о фиксации совершения преступления и распространении таких записей в интернете – 34%.

Приведенные данные свидетельствуют о формировании устойчивой тенденции, заключающейся в том, что значительная часть преступлений, совершаемых несовершеннолетними под воздействием виртуальных сообществ, имеет вы-

раженную цифровую предысторию. В частности, такие преступления нередко предваряются активной деятельностью в сети. Например участием подростков в форумах или игровых сообществах, где они осваивают методы несанкционированного получения цифровых сведений. Это впоследствии приводит к совершению киберпреступлений, объективная сторона которых выражается в незаконном доступе к персональным данным, аккаунтам или виртуальным активам, завладении ими и последующей перепродаже. Кроме того, фиксируются случаи, когда такого рода деяния сопровождаются созданием и распространением цифровых материалов, документирующих процесс коммуникации между участниками криминальных действий (например в чатах или сообществах, пропагандирующих так называемые «игры на выживание» либо опасные стрим-активности, инициирующие саморазрушительное или асоциальное поведение подростков). Следовательно, своевременный мониторинг и анализ действий, совершаемых в режиме онлайн, могут стать ключевыми элементами превентивной оперативно-разыскной деятельности.

Изучение дел оперативного учета² выявило преимущественно запоздалый характер проводимых мероприятий. В 73% случаев оперативная разработка начиналась после поступления информации о совершенном преступлении, тогда как лишь 17% дел были инициированы по результатам выявления первичных признаков подготовки к осуществлению правонарушений с использованием интернета.

Результаты анкетирования сотрудников оперативных подразделений подкрепляют сделанный нами вывод. Так, абсолютное большинство респондентов (81%) отметили недостаточность использования только традиционных методов противодействия преступности в условиях цифровизации общественных отношений и проблемы, с которым сталкивается реализация оперативно-разыскных мероприятий в цифровом пространстве. В числе основных барьеров были названы:

- правовые ограничения (сложности санкционирования и контроля онлайн-коммуникаций несовершеннолетних – 62%);

- технические затруднения (отсутствие специализированного программного обеспечения и инструментов аналитики – 71%);

- кадровый дефицит (недостаток специалистов, обладающих компетенциями в сферах высоких технологий и подростковой психологии – 66%).

При этом только 26% респондентов оценили взаимодействие оперативных служб правоохранительных органов с подразделениями по делам несовершеннолетних, образовательными организациями и подростковыми психологами как эффективное, что подтверждает отсутствие интегрированного подхода к профилактике девиантного поведения несовершеннолетних в цифровой среде.

¹ В ходе нашего исследования было изучено 129 уголовных дел, возбужденных в отношении несовершеннолетних на территории Калининградской области в 2025 году, по которым были вынесены обвинительные приговоры суда.

² В ходе нашего исследования было изучено 112 дел оперативного учета, заведенных в 2025 году оперативными подразделениями УУР, УКОИ, УЭБиПК, ЦЭП Управления МВД России по Калининградской области, в результате реализации которых были возбуждены уголовные дела, где в качестве фигурантов выступали несовершеннолетние.

Таким образом, есть основания сделать вывод о том, что для обеспечения эффективности оперативно-разыскного противодействия преступности несовершеннолетних в современном информационном пространстве необходима системная переориентация деятельности оперативных подразделений на использование превентивных методов, основанных на цифровой аналитике, межведомственном взаимодействии и подготовке специалистов с компетенциями в сферах кибербезопасности и подростковой психологии. Только комплексное внедрение адаптированных правовых, технических и организационных механизмов позволит обеспечить своевременное выявление угроз, предотвращение и пресечение преступлений на самых ранних стадиях (приготовления и покушения).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного нами исследования подтвердили, что процессы цифровизации общества существенно преобразовали не только формы и методы коммуникации, но и характер преступности несовершеннолетних. Возникновение феноменов «цифрового подростка» и «цифрового адепта» свидетельствует о формировании новой социокультурной среды, в которой деструктивное влияние виртуальных сообществ оказывает прямое воздействие на ценностные установки и модели поведения несовершеннолетних. При сохранении общего снижения уровня подростковой преступности отмечается качественное усложнение ее структуры: увеличивается доля организованных форм преступной деятельности, растет удельный вес преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (и как средств коммуникации, и как инструментов реализации преступного замысла).

Цифровая среда выполняет одновременно конструктивные и деструктивные функции, оказываясь не только источником социализации и самореализации несовершеннолетних, но и платформой для криминогенного влияния на их сознание. Анонимность, возможность манипуляции и простота распространения противоправного контента способствуют вовлечению несовершеннолетних в преступную деятельность. Современная мотивация подростковой преступности всё чаще определяется социально-психологическими детерминантами: потребностью в признании, самоутверждении, игровой заинтересованностью и др. Данное обстоятельство обуславливает необ-

ходимость развития адресных превентивных мер педагогического и правового характера.

Анализ данных оперативно-разыскной практики выявил несоответствие потенциальных возможностей, которыми располагают субъекты оперативно-разыскной деятельности в цифровой среде, и фактически применяемых подходов, связанных преимущественно с реагированием на уже совершенные преступления. Отсутствие нормативной определенности в вопросах привлечения несовершеннолетних к содействию оперативным подразделениям, а также правовых механизмов регулирования оперативно-разыскных мероприятий в цифровой среде снижает эффективность оперативно-разыскного противодействия преступности несовершеннолетних и приводит к неоднозначности правоприменительной практики. В результате исследования нами обоснована необходимость переориентации оперативно-разыскной деятельности на превентивную модель ее осуществления, основанную на:

- использовании цифровой аналитики и технологий цифровой разведки для раннего выявления угроз;
- совершенствовании правовых механизмов, регулирующих оперативно-разыскную деятельность в сетевом пространстве;
- повышении уровня компетенций оперативных сотрудников в сферах кибербезопасности и подростковой психологии;
- формировании этически выверенных стандартов привлечения несовершеннолетних к содействию оперативным подразделениям;
- развитии межведомственного взаимодействия между субъектами оперативно-разыскной деятельности, подразделениями по делам несовершеннолетних, образовательными организациями, IT-структурами и подростковыми психологами.

Эффективность оперативно-разыскного противодействия преступности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации непосредственно зависит от способности государства создать комплексную систему превентивной безопасности, сочетающую применение оперативно-разыскных, воспитательных и технологических инструментов. Только в таких условиях оперативно-разыскная деятельность сможет выполнять, помимо правоохранительной, профилактическую и воспитательную функции, помогая формированию безопасной цифровой среды и снижению рисков криминализации подростков. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Семенчук В.В., Ларичев В.Д. Участие несовершеннолетних в оперативно-розыскных отношениях // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77. № 9 (214). С. 62-71.
2. Дубова М.Е. Преступность несовершеннолетних и молодежи: понятие, тенденции, особенности предупреждения. М.: Директ-Медиа, 2022. 72 с.
3. Желудков М.А., Алексеева А.П. Кризис семейных отношений в современном обществе как одно из условий низкой эффективности профилактики преступности несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (98). С. 131-139.
4. Поляков А.В., Гринева Д.А. О возможностях использования информационных технологий в решении задач оперативно-розыскной деятельности // Межведомственный научно-практический Петербургский оперативно-розыскной форум: Материалы межведомственной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 211-215.

5. Самоделкин А.С., Тимофеев С.В. Современные методы выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 206-215.

6. Попов С.В. К вопросу о нормативно-правовом регулировании в сфере противодействия экстремизму // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 63-64.

7. Горковенко И.А. Перспективы оперативно-розыскного предупреждения преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Оперативно-розыскная деятельность: актуальные вопросы теории и практики: Сборник научных трудов всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2025. С. 41-47.

8. Шумилов А.Ю., Спасенников Б.А. Оперативно-разыскная криминология: pro et contra // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 43-50.

9. Алексеева А.П., Анисимова Т.В. Законодательные инициативы в части усиления защиты несовершеннолетних от преступных посягательств: проблемы и перспективы // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. СПб: Астерион, 2023. С. 110-115.

10. Вагин О.А. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, к которым применяется особый порядок производства по уголовным делам // Оперативник (сущик). 2006. № 2 (7). С. 19-23.

11. Попов С.В. Формы содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Актуальные проблемы современного российского государства и права: Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 45-48.

12. Осипенко А.Л. Участие граждан в противодействии преступности в сфере информационных технологий // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2025. № 2 (68). С. 6-15.

13. Захаров Н.Д. Оперативно-розыскная деятельность в сети Интернет как объект правового регулирования // Оперативно-розыскная деятельность в современных условиях: Материалы межведомственной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2023. С. 57-61.

14. Шаров В.И. «Цифровая оперативно-розыскная деятельность» и цифровизация противодействия преступлениям // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 171-178.

15. Глубоковских Р.В. Особенности и проблемы проведения отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в ходе выявления и раскрытия преступлений в сфере компьютерной информации // Оперативно-розыскная деятельность: актуальные вопросы теории и практики: Сборник научных трудов всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2025. С. 34-40.

REFERENCES

1. Semenchuk V.V., Larichev V.D. Uchastiye nesovershennoletnikh v operativno-rozysknykh otnosheniyakh // Lex Russica (Russkiy zakon). 2024. T. 77. № 9 (214). S. 62-71.

2. Dubova M.Ye. Prestupnost' nesovershennoletnikh i molodezhi: ponyatiye, tendentsii, osobennosti preduprezhdeniya. M.: Direkt-Media, 2022. 72 s.

3. Zheludkov M.A., Alekseyeva A.P. Krizis semeynykh otnosheniy v sovremennom obshchestve kak odno iz usloviy nizkoy effektivnosti profilaktiki prestupnosti nesovershennoletnikh // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 2 (98). S. 131-139.

4. Polyakov A.V., Grineva D.A. O vozmozhnostyakh ispol'zovaniya informatsionnykh tekhnologiy v reshenii zadach operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Mezhhvedomstvennyy nauchno-prakticheskiy Peterburgskiy operativno-rozysknoy forum: Materialy mezhhvedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 211-215.

5. Samodelkin A.S., Timofeyev S.V. Sovremennyye metody vyyavleniya i raskrytiya prestupleniy, sovershayemykh s ispol'zovaniyem tsifrovyykh tekhnologiy // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 2 (101). S. 206-215.

6. Popov S.V. K voprosu o normativno-pravovom regulirovanii v sfere protivodeystviya ekstremizmu // X Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2022. S. 63-64.

7. Gorkovenko I.A. Perspektivy operativno-rozysknogo preduprezhdeniya prestupleniy, sovershayemykh nesovershennoletnimi // Operativno-rozysknaya deyatel'nost': aktual'nyye voprosy teorii i praktiki: Sbornik nauchnykh trudov vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Rostov-na-Donu: RYuI MVD Rossii, 2025. S. 41-47.

8. Shumilov A.Yu., Spasennikov B.A. Operativno-razysknaya kriminologiya: pro et contra // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. 2018. T. 12. № 1. S. 43-50.

9. Alekseyeva A.P., Anisimova T.V. Zakonodatel'nyye initsiativy v chasti usileniya zashchity nesovershennoletnikh ot prestupnykh posyagatel'stv: problemy i perspektivy // Ugolovnaya politika i pravoprimeritel'naya praktika: Sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: Asterion, 2023. S. 110-115.

10. Vagin O.A. Osobennosti provedeniya operativno-rozysknykh meropriyatiy v otnoshenii lits, k kotorym primenyayetsya osobyuy poriyadok proizvodstva po ugolovnym delam // Operativnik (syshchik). 2006. № 2 (7). S. 19-23.
11. Popov S.V. Formy sodeystviya grazhdan organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost' // Aktual'nyye problemy sovremenno go rossiyskogo gosudarstva i prava: Materialy yezhegodnoy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 45-48.
12. Osipenko A.L. Uchastiye grazhdan v protivodeystvii prestupnosti v sfere informatsionnykh tekhnologiy // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2025. № 2 (68). S. 6-15.
13. Zakharov N.D. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v seti Internet kak ob'yekt pravovogo regulirovaniya // Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v sovremennykh usloviyakh: Materialy mezhdomeystvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2023. S. 57-61.
14. Sharov V.I. «Tsifrovaya operativno-rozysknaya deyatel'nost'» i tsifrovizatsiya protivodeystviya prestupleniyam // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2025. № 3 (107). S. 171-178.
15. Glubokovskikh R.V. Osobennosti i problemy provedeniya otdel'nykh sledstvennykh deystviy i operativno-rozysknykh meropriyatiy v khode vyyavleniya i raskrytiya prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii // Operativno-rozysknaya deyatel'nost': aktual'nyye voprosy teorii i praktiki: Sbornik nauchnykh trudov vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Rostov-na-Donu: RYuI MVD Rossii, 2025. S. 34-40.

© Горковенко И.А., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Горковенко И.А. Цифровая трансформация оперативно-разыскного противодействия органов внутренних дел преступности несовершеннолетних // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (83). С. 55-63.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Андрей Николаевич СРЕТЕНЦЕВ,
кандидат юридических наук, ORCID 0000-0002-6891-1826
Орловский юридический институт
МВД России имени В.В. Лукьянова (г. Орёл)
профессор кафедры криминалистики и предварительного
расследования в органах внутренних дел
tarkatanalien@yandex.ru

Научная статья
УДК 343.98:004.89

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ МАШИННОГО РАСПОЗНАВАНИЯ ОБРАЗОВ В ПРАКТИКЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Компьютерное зрение, машинное распознавание образов, борьба с преступностью, искусственный интеллект, идентификация, криминалистические учеты, розыск, профилактика скулшутинга.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Компьютерное (техническое) зрение является одной из наиболее зрелых технологий искусственного интеллекта. Она уже находит применение в правоохранительной деятельности. В связи с этим актуальными научными задачами представляются: изучение имеющегося отечественного и зарубежного опыта экспериментального внедрения данной технологии; разработка классификации систем компьютерного зрения; определение путей их дальнейшего совершенствования и перспектив использования в практике борьбы с преступностью. *Методы.* В ходе исследования, результаты которого излагаются в настоящей статье, были востребованы методы описания, абстрагирования и обобщения, анализа и синтеза, а также формально-юридический и историко-правовой методы. *Результаты.* Рассмотрены возможности систем компьютерного зрения, оказывающиеся полезными в работе по противодействию преступности, осуществляемой в России и за рубежом. Проведена классификация таких систем. В отдельные группы отнесены системы детекции и идентификации; системы криминального профилирования и предсказательной аналитики; системы, используемые для криминалистической регистрации; системы, используемые в исследовании доказательств. Автор приходит к выводу о том, что потенциал технологии компьютерного зрения в настоящее время реализуется в борьбе с преступностью лишь в незначительной мере. Для более широкого внедрения систем данного вида необходимо повышение уровня доверия общества к достижениям научно-технического прогресса в этой сфере. Вместе с тем очевидна потребность в четких стандартах разработки технологий искусственного интеллекта и их применения в правоохранительной деятельности.

ВВЕДЕНИЕ

К числу наиболее типичных задач, которые приходится решать в практике раскрытия и расследования преступлений, относятся классификация и идентификация объектов. Самым распространенным способом решения данных задач является изучение морфологических свойств объектов. В связи с этим достаточно

перспективными представляются возможности технологии машинного обучения, которые могут быть использованы для распознавания образов, а также решения иных задач в рамках осуществления борьбы с преступностью.

Самой первой из технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) стало так называемое компьютерное зрение. В 1957 году американский

Andrey N. SRETENTSEV,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0000-0002-6891-1826

Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after V.V. Lukyanov (Oryol, Russia)

Professor of the Department of Forensic Science and Preliminary Investigation in the Internal Affairs Agencies
tarkatanalien@yandex.ru

USING MACHINE PATTERN RECOGNITION CAPABILITIES FOR CRIME-FIGHTING PRACTICE

KEYWORDS. Computer vision, machine pattern recognition, crime fighting, artificial intelligence, identification, forensic records, criminal investigation, school shooting prevention.

ANNOTATION. Introduction. Computer (technical) vision is one of the most mature artificial intelligence technologies. It is already finding application in law enforcement. In this regard, the following are relevant scientific tasks: studying the existing domestic and foreign experience in the experimental implementation of this technology; developing a classification of computer vision systems; determining the ways of their further improvement and prospects for use in crime prevention practice. **Methods.** The study, the results of which are presented in this article, utilized methods of description, abstraction and generalization, analysis and synthesis, as well as formal-legal and historical-legal methods. **Results.** The article considers the capabilities of computer vision systems that are useful in crime prevention efforts carried out in Russia and abroad. A classification of such systems is provided. Separate groups include detection and identification systems; criminal profiling and predictive analytics systems; systems used for forensic registration; systems used in evidence examination. The author concludes that the potential of computer vision technology in crime prevention is currently only marginally realized. For systems of this type to be more widely adopted, public confidence in scientific and technological advances in this field must be increased. At the same time, there is a clear need to establish clear standards for the development of artificial intelligence technologies and their application in law enforcement.

нейрофизиолог Фрэнк Розенблатт сформулировал теоретическое описание устройства, моделирующего процесс человеческого восприятия, – перцептрона¹. В 1960 году оно было использовано при создании нейрокомпьютера «MARK 1». Аппарат был способен распознавать визуальные образы букв английского алфавита. Фактически это была первая попытка научить машину выполнять функции глаза человека и области коры головного мозга, обрабатывающей поступающие по зрительному нерву сигналы. Использованный в перцептроне подход к обработке информации получил впоследствии широкое распространение в конструировании систем компьютерного зрения.

В настоящее время технологии ИИ данного вида являются наиболее развитыми и глубоко изученными, их применение отличается стабильным получением позитивных показателей. Компьютерное зрение уже востребовано и в деятельности по охране правопорядка, оно помогает достаточно эффективно решать задачи по обеспечению общественной безопасности, розыску лиц, раскрытию преступлений [1, с. 180; 2, с. 179]. При этом следует отметить, что в большинстве случаев внедрение этой технологии в правоохранительную практику носит экспериментальный характер. Поэтому его результаты нуждаются в изучении и анализе. Вместе с тем важными научными задачами представляются: выработка единого подхода к классификации интеллектуальных систем компьютерного зрения; исследование их потенциала и перспектив более широкого использования.

МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования, наиболее значимые итоги которого представлены в настоящей статье, составили методы описания, абстрагирования, обобщения, анализа, синтеза, формально-логический и формально-юридический. Анализ и описание применялись при рассмотрении результатов научных исследований и иных материалов, имеющих отношение к проблематике внедрения технологии компьютерного зрения. Формально-юридический метод был необходим при работе с нормативными актами, регламентирующими отдельные вопросы использования этой технологии. Абстрагирование и обобщение, а также формально-логический метод способствовали построению классификации систем компьютерного зрения. Для подведения итогов исследования мы воспользовались методами синтеза и обобщения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В п. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта² (далее – Стратегия) в число технологий, основанных на использовании ИИ, включено, кроме прочего, и компьютерное зрение. Однако разъяснений по поводу того, что это такое, Стратегия не содержит.

Некоторую ясность вносит Перечень технологических задач, на реализацию которых может быть направлен проект в сфере искусственного интеллекта (приложение к критериям определения принадлежности проектов к проектам в сфере искусственного интеллекта, утвержденным Приказом Минэкономразвития России от 29 июня

¹ Rosenblatt F. The Perceptron: a Probabilistic Model for Information Storage and Organization in the Brain // Psychological review. 1958. Vol. 65. № 6. P. 386-408; URL: <https://homepages.math.uic.edu/~lreyzin/papers/rosenblatt58.pdf> (дата обращения: 20.06.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») (ред. от 15.02.2024).

2021 г. № 392). Здесь, в частности, перечисляются направления реализации технологии компьютерного зрения. Таковых довольно много. Обратим внимание лишь на те из них, которые могут раскрыть свой потенциал в сфере борьбы с преступностью. На наш взгляд, наиболее перспективны:

- детекция и идентификация объектов в сложной окружающей среде, в том числе для систем охраны и обеспечения безопасности;
- высокоскоростная идентификация большого количества объектов в различных частях электромагнитного спектра, в том числе для систем охраны, обеспечения безопасности и сбора данных о городском трафике и их анализа;
- психографический и эмоциональный анализ поведения людей и животных на основе систем видеоаналитики, в том числе для системы сбора и классификации данных об эмоциях;
- событийный анализ с использованием систем видеоаналитики (выявление нарушений использования средств индивидуальной защиты, возникновения признаков и факторов аварий (например горения, парения) и др.);
- анализ информации об удаленных объектах с помощью активных оптических систем, в том числе лидаров.

Технологии компьютерного зрения уже внедрены в правоохранительную деятельность в рамках некоторых из перечисленных направлений. Вместе с тем отметим, что имеются и иные, не вошедшие в приведенный перечень, направления реализации исследуемой нами технологии в интересах практики борьбы с преступностью.

Ниже рассмотрим функциональную классификацию существующих и перспективных интеллектуальных систем компьютерного зрения.

Системы детекции и идентификации, функционирующие на базе технологии компьютерного зрения

В настоящее время наибольшее развитие получили системы биометрической идентификации. Отечественные разработки в области распознавания лиц находятся на достаточно высоком уровне. Так, например, популярный сервис «Find Face» компании «NTechLab», позволяющий связывать фотографию человека с его профилем в соцсетях, будучи свободно распространяемой программой, активно использовался правоохранителями. Применение «Find Face» во время проходившего в России Чемпионата мира по футболу 2018 года помогло полиции задержать более 180 правонарушителей (некоторые из них находились в федеральном розыске), при этом были продемонстрированы высокая точность и эффективность системы¹.

Данная технология была использована при разгребывании сети уличных камер в Москве. Муниципальная система интеллектуального видеонаблюдения, функционирующая в столице, позволяет: осуществлять идентификацию лич-

ности по видеоизображению и выявлять людей, находящихся в розыске; фиксировать потенциально опасные ситуации и противоправные действия; обнаруживать оставленные без присмотра предметы [3, с. 254]. Только за первые два года работы эта система позволила раскрыть более трех тысяч преступлений [4, с. 39].

Современные технологии предоставляют возможность идентифицировать даже тех людей, у которых частично скрыты лица, а также тех, чья внешность изменилась по естественным причинам (в результате старения) либо была изменена искусственно (например посредством пластической операции). Так, обученная с помощью нейросети немецкая система, по заявлениям ее разработчиков, позволяет проводить идентификацию человека с частично скрытым лицом по изображению. Программа анализирует множество фотографий одного человека, где он запечатлен как с закрытым, так и с открытым лицом. При наличии более одного фотоизображения полностью видимого лица человека система способна в дальнейшем идентифицировать его с точностью 69,6%, а если есть десять таких фотографий, точность увеличивается до 91,5% [5, с. 176]. Здесь следует также отметить, что с помощью ИИ можно распознавать разыскиваемых преступников и правонарушителей даже по походке и образцам голоса [6, с. 30].

Существуют нейросетевые алгоритмы, способные искусственно «состаривать» и «омолаживать» человека на изображении. Технология позволяет осуществлять идентификацию даже по фото, изготовленному много лет назад. Примечателен произошедший в Китае случай установления местонахождения похищенного в четырехлетнем возрасте мальчика спустя 29 лет. Были сопоставлены его фотографии, сделанные до похищения, с выложенными в социальной сети неким мужчиной снимками, на которых он запечатлен в десятилетнем возрасте. Благодаря использованию алгоритмов ИИ удалось установить, что сфотографирован один и тот же человек. В дальнейшем это факт был подтвержден с помощью ДНК-экспертизы. После данного случая руководство социальной платформы «Baidu» вышло с предложением о создании базы данных, где концентрировались бы сведения о пропавших детях, с целью выявления местонахождения похищенных людей².

В настоящее время функционал подобных систем активно расширяется, ведется работа над добавлением возможности идентификации по полному образу, осанке, походке, мимике и татуировкам [7, с. 135]. Рассматриваются вопросы, связанные с адаптацией сети интеллектуальных камер к решению задач по распознаванию в видеопотоке более широкого круга объектов. В первую очередь речь идет о потенциально опасных предметах, в частности об огнестрельном оружии [8, с. 73]. Данная функция может быть реализована на базе

¹ Рощепий И. Система распознавания лиц помогла задержать более 180 преступников на ЧМ-2018 // Парламентская газета: сайт. 26.07.2018 // URL: <https://www.pnp.ru/social/sistema-raspoznvaniya-lic-pomogla-zaderzhat-bolee-180-prestupnikov-na-chm-2018.html> (дата обращения: 25.10.2024).

² Красильникова Ю. ИИ от Baidu нашел пропавшего ребенка спустя 27 лет // Хайтек: сайт. 17.04.2017 // URL: https://hightech.fm/2017/04/17/baidu_abducted_child_search (дата обращения: 01.08.2025).

тех же принципов, по которым осуществляется распознавание лица человека. Алгоритмом предусматривается определение контура, геометрии и размеров объекта, их сопоставление с заложенными в базу данных эталонными изображениями потенциально опасных предметов, а также мгновенное информирование о выявленном совпадении операторов системы. Всё это способствует принятию своевременных решений и снижению вероятности наступления тяжких последствий.

Использование подобного рода алгоритмов в системах интеллектуального видеонаблюдения было бы полезно для предотвращения случаев скулшутинга. Функционирование таких систем уменьшило бы вероятность повторения трагедии, которая произошла 11 мая 2021 года в казанской гимназии № 175. В тот день преступник, прежде чем приступить к реализации своего умысла, преодолел значительное расстояние, открыто демонстрируя оружие, и несколько раз попал в поле зрения стационарных камер видеонаблюдения. Тогда погибло девять человек, в том числе семь несовершеннолетних. Еще трое взрослых и 18 детей были ранены. Аналогичные вооруженные нападения имели место в Перми в 2021 году, в Ижевске в 2022 году, в Брянске в 2023 году. Подключение камер наружного видеонаблюдения к нейросети, обученной распознавать потенциально опасные предметы и информировать об их обнаружении оператора, существенно повысило бы защищенность образовательных организаций и иных социально значимых объектов.

Системы компьютерного зрения могут работать не только с биометрией. Примером служит аппаратно-программный комплекс «Паутина», который является агрегатором информации, поступающей с камер фото- и видеофиксации, установленных на автомобильных дорогах и стоянках. «Паутина» позволяет распознавать номер транспортного средства, его тип, цвет [9, с. 175]. Комплекс применяется для розыска автомобилей и в целях установления факта нахождения того или иного автомобиля в конкретный промежуток времени в определенном месте.

Системы криминального профилирования и предсказательной аналитики, функционирующие на базе технологии компьютерного зрения

Еще одним направлением развития технологий рассматриваемого нами вида является интеграция в разрабатываемые системы алгоритмов анализа эмоционально-психического состояния человека по внешним признакам¹. Дистанционный инструментальный профилинг может быть востребован в рамках решения задач по повышению уровня защищенности инфраструктурных объектов и мест массового пребывания людей, по предупреждению угроз террористического характера, а также для выявления признаков лжи в сведениях, получаемых в ходе допросов (опросов) при раскрытии и расследовании преступлений.

Разработки в области инструментального профилинга с использованием возможностей нейросетей ведутся уже более десяти лет. В 2016 году было создано приложение для мобильных платформ «Verity». Оно анализирует по видеоизображению движение зрачков человека, его мимику и даже пульс, что позволяет делать вывод о наличии признаков лжи². Сходный по функционалу продукт разработан российской компанией «Tselina Data LAB». Ее комплекс бесконтактного анализа правдивости ответов «Fraudoscope» функционирует на основе алгоритма машинного обучения. Заявлено, что программа способна определять ложь по эмоциям, отражающимся на лице человека, анализируя достаточно широкий круг параметров: дыхание, пульс, расширение зрачка, лицевые тики.

Высказываются предложения об использовании подобного рода технологий для выявления людей, склонных к совершению преступления, по их изображениям. Компьютерный алгоритм ученых из Шанхайского университета транспорта Сюялиня Ву и Си Джана, созданный на базе сверхточной нейронной сети, предназначен для распознавания преступников. По заявлению авторов, их система демонстрирует точность на уровне 90%. Однако используемые для обучения датасеты и методология обучения нейросети вызывают опасения по поводу возможной «предвзятости» генерируемых ею результатов [5, с. 222].

Перспективным направлением развития компьютерного зрения остается прогнозирование поведения с использованием видеоданных. Одним из примеров применения рассматриваемой нами технологии является разрабатываемая Массачусетским технологическим институтом система ИИ, обученная предсказывать варианты социального взаимодействия между людьми на основе их видеоизображений. Такая система могла бы найти применение и в борьбе с преступностью, однако в пока точность ее прогнозов ниже, чем у человека [5, с. 64].

Системы компьютерного зрения, используемые для криминалистической регистрации

Как отмечалось ранее, технология компьютерного зрения востребована для распознавания не только лиц и иных биометрических данных людей, но и образов других объектов, представленных в виде изображения. С учетом этого обстоятельства можно вести речь о целесообразности ее интеграции в систему криминалистических учетов.

Системы искусственного интеллекта в настоящее время чаще всего используются для решения задач по распознаванию и сопоставлению изображений (графических и видео). Вместе с тем при использовании возможностей ряда криминалистических учетов как раз и происходит сравнение материала, уже находящегося в базе данных, с объектом, который представлен в различных со-

¹ Скобелев В. Биометрия пошла по пекинскому пути // РБК: сайт. 24.02.2020 // URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/02/25/5e4fb5af9a7947cfd5e1e3> (дата обращения: 01.08.2025).

² Приложение Verity: первый мобильный детектор лжи // Рейтинг Рунета: сайт. 16.11.2016 // URL: <https://ratingruneta.ru/cases/case-3222/?ysclid=mgiaobmuux628982128> (дата обращения: 01.08.2025).

четаниях форматов сопоставления («след - след», «дактилокарта - след», «след - оттиск» и т.п.). Согласимся с мнением Д.В. Бахтеева, отметившего, что объем данных, находящихся сегодня в российских криминалистических учетах, вполне достаточен для машинного обучения и может обеспечить в перспективе выход комплексов криминалистической регистрации на новую ступень развития¹. Уже накопленные сведения об объектах учета, содержащиеся в информационных массивах, могут быть использованы в качестве обучающих датасетов нейронных сетей. Интересен в связи с этим опыт Информационного центра Федерального бюро расследований США. Здесь ведется более двадцати баз данных. При их модернизации в систему включаются блоки интеллектуального анализа больших данных [5, с. 33].

В настоящее время МВД России ведет работу по внедрению Федеральной информационной системы биометрических учетов. Одна из ее задач – поиск и идентификация преступников и подозреваемых с помощью городских камер видеонаблюдения. Предполагается, что в будущем эта система объединит ресурсы различных баз данных, содержащих биометрическую информацию, включая дактилоскопическую и фоноскопическую, лабораторий ДНК-анализа, систем проверки по оперативно-справочным, розыскным и криминалистическим учетам [10, с. 180]. Однако реализация проекта осложняется затруднениями с адаптацией специализированного программного обеспечения – биометрического процессора для дактилоскопии «Сонда» AFIS Enterprise Edition 9.1» и биометрических процессоров для распознавания лиц «FindFace» и «VisionLabs Luna Platform» – к работе на отечественных процессорах «Эльбрус»².

Системы компьютерного зрения, используемые в исследовании доказательств

Технологии распознавания образов могут быть востребованы и в деятельности по исследованию доказательств. В Уральском государственном юридическом университете разрабатывается искусственная нейронная сеть для предэкспертного исследования почерковых объектов, осуществляемого с целью предварительного выявления признаков подлога подписей [11, с. 106]. В качестве источника для обучения нейросети используется датасет, включающий в себя 34 тысячи оригинальных и 71 тысячу подложных подписей [12, с. 7]. Авторы проекта отметили ряд факторов, имеющих наибольшее значение для обучения их нейросети. Во-первых, для обеспечения приемлемой точности распознавания необходимо

собрать в обучающем датасете много объектов, и они в рамках обучения решению той или иной конкретной задачи должны быть однородными. Во-вторых, обучение нейросети решению различных задач должно носить последовательный характер. И, наконец, необходимо обеспечить репрезентативность выборки объектов, используемых для обучения. Авторы получили от каждого из более чем шестисот человек, привлеченных к проекту, по 56 оригинальных подписей. Кроме того, были изготовлены корреспондирующие им подложные подписи в количестве, превышающем число подлинных в среднем в два раза (от 56 до 144) [13, с. 69].

В перспективе компьютерное зрение может найти применение и в области судебной экспертизы. Ученые видят в таких технологиях потенциал для повышения эффективности некоторых видов криминалистических экспертных исследований, в первую очередь дактилоскопических [14, с. 25], а также трасологических, габитоскопических, почерковедческих и др.³

«Внедрение информационных компьютерных технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта, в системе МВД России представляет собой важнейшую задачу, – отмечает Н.В. Павличенко, – решение которой может существенно повысить эффективность правоохранительной деятельности в Российской Федерации» [15, с. 14].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Технология компьютерного зрения в настоящее время уже находит применение в практике борьбы с преступностью. Развиваются основанные на ней системы детекции и идентификации. Она используется для видеопрофилирования и предсказательной видеоаналитики, в целях криминалистической регистрации и исследования доказательств. Вместе с тем, очевидно, что потенциал данной технологии значительно больше. Следует обратить внимание на то, что представители правоохранительной сферы занимают осторожную позицию в отношении ИИ. Как представляется, это обусловлено недостаточным уровнем доверия к технологиям такого рода со стороны общественности в целом, а также отсутствием четких стандартов разработки и внедрения основанных на них систем. В настоящее время на пути более широкого внедрения компьютерного зрения в деятельность правоохранительных органов стоят проблемы правового, технического, этического характера. Для них должны быть найдены решения, способствующие снижению уровня опасности рисков, сопутствующих внедрению исследуемой нами технологии. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чаплыгина В.Н., Москвичев А.А. Применение лицевой биометрии для информационно-аналитической поддержки розыскных мероприятий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1 (21). С. 177-187.

¹ Бахтеев Д.В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений: Дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 354-355.

² Создание федеральной системы биометрических учетов МВД на процессорах «Эльбрус» привело к судебной тяжбе // Tadviser: Государство. Бизнес. Технологии: сайт // URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Проект:СТиС_НПО_ФКУ_\(Информационная_система_биометрических_учетов_-_ФИСБУ\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Проект:СТиС_НПО_ФКУ_(Информационная_система_биометрических_учетов_-_ФИСБУ)) (дата обращения: 01.08.2025).

³ Бахтеев Д.В. Указ. соч. С. 336.

2. Сретенцев Д.Н., Шильцов Д.А. Возможности использования современных технических средств в расследовании преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 3 (80). С. 177-180.

3. Сретенцев А.Н. Технологии искусственного интеллекта, применяемые в правоохранительной сфере: современное состояние и перспективы развития // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 3 (100). С. 250-257.

4. Волкова В.Р., Сретенцев Д.Н. Перспективы внедрения систем искусственного интеллекта в сферу расследования преступлений // Российский следователь. 2021. № 11. С. 38-40.

5. Овчинский В.С. Технологии будущего против криминала. М.: Книжный мир, 2017. 288 с.

6. Дашков Т.К., Домышева Т.В., Комоско А.А. К вопросу о применении алгоритмов искусственного интеллекта при установлении лиц, совершивших преступление // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 4 (20). С. 27-37.

7. Пучков Г.Ю. Анализ исследований в области искусственного интеллекта, проведенных в системе МВД России в период с 2020 по 2024 год // Охрана, безопасность, связь. 2025. № 10-1. С. 132-138.

8. Холостов К.М. Направления и проблемы внедрения в деятельность органов внутренних дел технологий искусственного интеллекта и робототехнических систем // Искусственный интеллект на службе полиции: Сборник статей Международной научно-практической конференции. М.: Академия управления МВД России, 2021. С. 71-78.

9. Кольчева А.Н. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в раскрытие и расследование преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3 (92). С. 172-179.

10. Канокова Л.Ю. Зарубежный опыт развития технологии распознавания лиц в обеспечении общественной безопасности // Право и управление. 2023. № 1. С. 178-182.

11. Бахтеев Д.В. Большие данные и искусственный интеллект в следственной и экспертной деятельности // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2019. С. 104-107.

12. Бахтеев Д.В. Предэкспертная верификация подложных подписей: человеческий и машинный подходы // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 4. С. 4-10.

13. Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде: Монография / Под ред. С.В. Зуева, Д.В. Бахтеева. М.: Юрлитинформ, 2022. 216 с.

14. Россинская Е.Р. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3 (115). С. 21-33.

15. Павличенко Н.В. Правовое и организационное обеспечение внедрения технологий искусственного интеллекта в систему МВД России // Искусственный интеллект на службе полиции: Сборник статей Международной научно-практической конференции. М.: Академия управления МВД России, 2021. С. 13-19.

REFERENCES

1. Chaplygina V.N., Moskvichev A.A. Primeneniye litsevoy biometrii dlya informatsionno-analiticheskoy podderzhki rozysknykh meropriyatiy // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2022. № 1 (21). С. 177-187.

2. Sretentsev D.N., Shil'tsov D.A. Vozmozhnosti ispol'zovaniya sovremennykh tekhnicheskikh sredstv v rassledovanii prestupleniy // Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2019. № 3 (80). С. 177-180.

3. Sretentsev A.N. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta, primenyayemye v pravookhranitel'noy sfere: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya // Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2024. № 3 (100). С. 250-257.

4. Volkova V.R., Sretentsev D.N. Perspektivy vnedreniya sistem iskusstvennogo intellekta v sferu rassledovaniya prestupleniy // Rossiyskiy sledovatel'. 2021. № 11. С. 38-40.

5. Ovchinskiy V.S. Tekhnologii budushchego protiv kriminala. М.: Knizhnyy mir, 2017. 288 с.

6. Dashkov T.K., Domyшева T.V., Komosko A.A. K voprosu o primeneni algoritmov iskusstvennogo intellekta pri ustanovlenii lits, sovershivshikh prestupleniye // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2021. № 4 (20). С. 27-37.

7. Puchkov G.Yu. Analiz issledovaniy v oblasti iskusstvennogo intellekta, provedennykh v sisteme MVD Rossii v period s 2020 po 2024 god // Okhrana, bezopasnost', svyaz'. 2025. № 10-1. С. 132-138.

8. Kholostov K.M. Napravleniya i problemy vnedreniya v deyatel'nost' organov vnutrennikh del tekhnologiy iskusstvennogo intellekta i robototekhnicheskikh sistem // Iskusstvennyy intellekt na sluzhbe politsii: Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. М.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. С. 71-78.

9. Kolycheva A.N. Perspektivy vnedreniya iskusstvennogo intellekta v raskrytiye i rassledovaniye prestupleniy // Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2022. № 3 (92). S. 172-179.

10. Kanokova L.Yu. Zarubezhnyy opyt razvitiya tekhnologii raspoznavaniya lits v obespechenii obshchestvennoy bezopasnosti // Pravo i upravleniye. 2023. № 1. S. 178-182.

11. Bakhteyev D.V. Bol'shiye dannyye i iskusstvennyy intellekt v sledstvennoy i ekspertnoy deyatel'nosti // Aktual'nyye problemy kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Irkutsk: Vostochno-Sibirskiy institut MVD Rossii, 2019. S. 104-107.

12. Bakhteyev D.V. Predekspertnaya verifikatsiya podlozhnykh podpisov: chelovecheskiy i mashinnyy podkhody // Rossiyskoye pravo: obrazovaniye, praktika, nauka. 2023. № 4. S. 4-10.

13. Ispol'zovaniye iskusstvennogo intellekta pri vyyavlenii, raskrytii, rassledovanii prestupleniy i rassmotrenii ugovolnykh del v sude: Monografiya / Pod red. S.V. Zuyeva, D.V. Bakhteyeva. M.: Yurlitinform, 2022. 216 s.

14. Rossinskaya Ye.R. Neyroseti v sudebnoy ekspertologii i ekspertnoy praktike: problemy i perspektivy // Vestnik Universiteta imeni O.Ye. Kutafina (MGYUA). 2024. № 3 (115). S. 21-33.

15. Pavlichenko N.V. Pravovoye i organizatsionnoye obespecheniye vnedreniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v sistemu MVD Rossii // Iskusstvennyy intellekt na sluzhbe politzii: Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. S. 13-19.

© Сретенцев А.Н., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сретенцев А.Н. Использование возможностей машинного распознавания образов в практике борьбы с преступностью // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (83). С. 64-70.

Дарья Алексеевна ГРИНЁВА,

кандидат юридических наук

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)

начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности

органов внутренних дел Калининградского филиала

995095@mail.ru

Данияр Вулкайрович КАЙРГАЛИЕВ,

кандидат биологических наук, доцент

ООО «Экспертные технологии и сертификация продукции» (г. Саратов)

эксперт

danchem@mail.ru

Научная статья

УДК 343.985

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦИФРОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ: ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ К ПРАКТИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Цифровое преступление, несовершеннолетний цифровой преступник, жертва несовершеннолетнего цифрового преступника, типичная личность, способы подготовки преступления, способы совершения преступления, способы сокрытия преступления, время и место совершения преступления, мотивация, форма вины.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье представлены результаты исследования, цель которого заключалась в системном описании типовых признаков криминалистической характеристики цифровых преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Актуальность темы обусловлена значительной распространенностью таких преступлений, особенностями онлайн-среды, психологией несовершеннолетних и широкой доступностью интернета. Изучение практики расследования преступлений позволило выявить важнейшую роль цифровых следов (записей входов в соцсети, данных подключений, банковских переводов) в доказывании вины преступника. Данное обстоятельство находит подтверждение в обвинительных приговорах судов. **Методы.** В основу исследования был положен диалектический метод познания. Кроме того, комплексно применялись общенаучные, специально-юридические и эмпирические методы: анализ и синтез, формально-юридический, сравнительный, статистический, документальный, метод обобщения приговоров. **Результаты.** По итогам изучения научной литературы, официальной статистики и судебной практики были определены шесть ключевых элементов криминалистической характеристики цифровых преступлений несовершеннолетних. В совокупности они представляют собой систематизированное описание типичных признаков преступной деятельности. Это обуславливает возможность, исходя из анализа цифровых следов, проводить предварительную диагностику, связывая зафиксированные в уголовном деле следы с конкретной личностью преступника, прогнозировать наличие неустановленных в ходе расследования преступления обстоятельств, планировать розыск подозреваемых, осуществлять оценку полноты расследования и подготовку к суду.

ВВЕДЕНИЕ

Криминалистическая характеристика преступления определяется как систематизированное, научно обоснованное описание типичных, криминалистически значимых признаков конкретного вида преступной деятельности, позволяющее прогнозировать неустановленные в ходе расследования преступления обстоятельства

на основе анализа типовых следов и иной информации. В контексте современных цифровых преступлений (киберпреступлений), совершаемых несовершеннолетними, данная характеристика приобретает особую актуальность, обусловленную спецификой виртуальной среды (анонимность, глобальность доступа), особенностями подростковой психологии (импульсивность, недооценка

Darya A. GRINYOVA,
Cand. Sci. (Jurisprudence)
Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Head of the Department of Operational Investigative
Activities of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch
995095@mail.ru

Daniyar V. KAIRGALIEV,
Cand. Sci. (Biology)
LLC «Expert technologies and product certification» (Saratov, Russia)
Expert
danchem@mail.ru

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF DIGITAL CRIMES COMMITTED BY MINORS: FROM THEORETICAL BASIS TO PRACTICAL SIGNIFICANCE

KEYWORDS. Digital crime, juvenile digital offender, victim of juvenile digital offender, typical personality, methods of crime preparation, methods of crime commission, methods of crime concealment, time and place of digital crime, motivation, type of guilt.

ANNOTATION. Introduction. This article presents the results of a study aimed at providing a systematic description of typical forensic characteristics of digital crimes committed by minors. The relevance of this topic is determined by the significant prevalence of such crimes, the specifics of the online environment, the psychology of minors, and the widespread availability of the internet. A study of crime investigation practices revealed the crucial role of digital traces (social media login records, connection data, bank transfers) in proving the guilt of the offender. This fact is confirmed by the guilty verdicts of the courts. **Methods.** The study is based on the dialectical method of cognition. In addition, general scientific, specialized legal, and empirical methods were comprehensively applied: analysis and synthesis, formal legal, comparative, statistical, documentary, and summary of verdicts. **Results.** Based on the study of scientific literature, official statistics, and judicial practice, six key elements of the forensic characteristics of digital crimes committed by minors were identified. Together, they represent a systematized description of typical features of criminal activity. This makes it possible, based on the analysis of digital traces, to conduct preliminary diagnostics, linking traces recorded in a criminal case to the specific identity of the perpetrator, to predict the presence of circumstances not established during the investigation of the crime, to plan the search for suspects, to assess the completeness of the investigation and prepare for trial.

рисков) и повсеместной доступностью технологий (смартфоны, мессенджеры, облачные сервисы). По данным МВД России, каждое двадцать девятое преступление (3,4%) в 2025 году было совершено несовершеннолетними или при их соучастии, причем каждое пятое из них являлось киберпреступлением¹, что подчеркивает необходимость адаптации криминалистической характеристики к цифровым следам.

Результаты анализа практики расследования преступлений, предусмотренных п. «Г» ч. 3 ст. 158, ст. 159.3, ст. 159.6, п. «В» ч. 3 и п. «В» ч. 5 ст. 222, п. «В» ч. 3 и п. «В» ч. 5 ст. 222.1, п. «В» ч. 3 и п. «В» ч. 5 ст. 222.2, п. «Д» ч. 2 ст. 230, п. «Г» ч. 2 ст. 242.2, ст.ст. 272, 272.1, 273, 274, 274.1, 274.2², позволяют выделить ключевые цифровые следы, которые требуют установления и фиксации: логи авторизации³ в социальных сетях и мессенджерах («ВКон-

такте», «Telegram» – 81% случаев), метаданные устройств (IP-адреса, MAC), транзакционные записи (банковские переводы), поведенческие модели (поисковые запросы, переписка в чатах). Статистика свидетельствует о росте количества направленных в суд дел по киберпреступлениям (в 2025 году их было 164038, +1,1% по сравнению с показателем 2024 года, удельный вес в общем массиве раскрытых преступлений – 91,6%), возмещение ущерба достигло 1,2 млрд рублей, что иллюстрирует востребованность знаний о цифровых следах и криминалистической характеристике в целом в расследовании киберпреступлений несовершеннолетних [1, с. 212].

Судебная практика подтверждает необходимость установления цифровых следов по каждому преступлению, совершенному с использованием (применением) информационно-телекоммуника-

¹ Состояние преступности: статистика и аналитика // МВД России: сайт // URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 30.01.2026).

² Перечень № 25 преступлений, совершенных с использованием (применением) информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации // Указание Генпрокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28.07.2025 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

³ Лог авторизации в соцсетях (логи аккаунтов) – это файлы, которые хранят информацию о действиях пользователя на платформе.

ционных технологий или в сфере компьютерной информации. Так, в июне 2025 года Семилукский районный суд Воронежской области вынес приговор 17-летнему местному жителю, деяния которого были квалифицированы по ч. 2 ст. 272, ч. 1 ст. 159 и ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159 УК РФ. Молодой человек обвинялся в мошенничестве и неправомерном доступе к компьютерной информации посредством купленных им обезличенных SIM-карт. Их он использовал для восстановления телефонных номеров. Идентифицировать преступника помогли цифровые следы (логи операторов, банковские переводы)¹. Их фиксация в этом случае сыграла решающую роль для установления события преступления, его исполнителя и формирования доказательственной базы. Логи операторов связи зафиксировали последовательность восстановления телефонных номеров с использованием обезличенных SIM-карт. Эти записи (дата, время, IP-адреса подключений, IMEI устройств) однозначно связали совершенные действия с конкретным лицом и его техническими средствами, что опровергло возможность случайного совпадения и подтвердило умысел на несанкционированный доступ. Банковские переводы отразили движение похищенных средств, связав мошеннические операции с реквизитами, использованными злоумышленником. Метаданные транзакций (суммы, получатели, временные метки) подтвердили причинно-следственную связь между взломом и попыткой обогащения, что имело ключевое значение для квалификации преступления по ст. 159 УК РФ. Поскольку киберпреступление совершалось удаленно, без очевидцев, цифровые следы заменили традиционные показания, обеспечив реализацию принципа непосредственности исследования доказательств (ст. 274 УПК РФ) и исключив сомнения в подлоге.

В июне 2022 года Северодвинский городской суд Архангельской области вынес обвинительный приговор пятерым несовершеннолетним, осужденным по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ за хищение 35 тысяч рублей посредством банковских переводов². В данном случае в доказательственной базе по уголовному делу имелись электронно-цифровые следы нескольких видов. Транзакционные записи банковских систем (логи переводов, содержащие сведения о датах, суммах и реквизитах счетов отправителей и получателей) позволили установить неразрывную связь между финансовыми операциями и конкретными устройствами, идентифицированными по IP-адресам, принадлежащим осужденным, а также зафиксировать временные параметры их активности. Сведения, полученные от интернет-провайдеров (IP-логи домашних Wi-Fi-сетей и мобильного интернета), обеспечили возможность геолокационной привязки преступных действий к месту нахождения исполнителей

и их персонификации. Цифровые следы коммуникативного характера (сообщения в мессенджере «Telegram» и социальной сети «ВКонтакте») помогли раскрыть содержание переписки, касавшейся распределения похищенных средств и координации совместных действий, что послужило подтверждением наличия такого квалифицирующего признака, как совершение преступления группой лиц по предварительному сговору. На основе результатов анализа остаточных данных, обнаруженных на электронных устройствах (кэш браузера, сведения об удаленных учетных записях), была восстановлена полная картина механизма преступления, включая этапы сбора информации о потенциальных жертвах, получения неправомерного доступа к счетам и последующего осуществления переводов. Принципиальное значение цифровых следов в этом уголовном деле обусловлено спецификой предмета доказывания: в отсутствие традиционных материальных следов на физическом месте происшествия именно виртуальная следовая картина оказалась основным средством установления события преступления, виновности конкретных лиц и механизма хищения. Благодаря совокупности перечисленных доказательств удалось неопровержимо подтвердить причинно-следственную связь между действиями осужденных и наступившими последствиями.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о высокой криминалистической значимости системного подхода к собиранию, фиксации и анализу цифровой информации для формирования полноценной доказательственной базы. Надлежащее процессуальное закрепление электронно-цифровых следов обеспечило возможность вынесения обвинительных приговоров, последующего возмещения имущественного ущерба и реализации превентивного потенциала уголовного судопроизводства. Всё это позволяет говорить о последовательной адаптации криминалистической науки и практики к условиям цифровой трансформации современной преступности.

МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования, результаты которого представлены в статье, составил диалектический подход к научному познанию. Он был использован для всестороннего изучения интересующей авторов тематики. При формировании криминалистической характеристики цифровых преступлений, совершаемых подростками, мы опирались на общенаучные, специально-юридические и эмпирические методы.

В процессе исследования анализировалась официальная статистика МВД России, формально-юридический метод оказался востребован при рассмотрении норм УК РФ. Это помогло выделить ключевые признаки криминалистической характеристики цифровых преступлений несовершенно-

¹ В Семилукском районе вынесен приговор несовершеннолетнему за мошенничество и неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации // Администрация Губарёвского сельского поселения Семилукского муниципального района Воронежской области: сайт // URL: https://gubarevskoe-r20.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_470.html (дата обращения: 01.02.2026).

² Уголовное дело № 1-602/2024 // Северодвинский городской суд Архангельской области: сайт // URL: https://seversud-arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=222648606&case_uid=4ee99dbc-8d2f-47ec-9d47-9ae7a7740a85&delo_id=1540006&new=# (дата обращения: 01.02.2026).

нолетних и составить ее шестиэлементную структуру. Главным эмпирическим инструментом стал сравнительный анализ судебной практики: изучено 58 приговоров районных и городских судов Российской Федерации, вынесенных за 2021-2025 годы, где цифровые следы играли роль ключевых доказательств. На основе этих материалов были сформулированы представления о характерных чертах несовершеннолетних преступников, их типичных мотивах и способах совершения ими киберпреступлений.

Общенаучные методы анализа и синтеза связали разрозненные данные – от умысла до обстоятельств совершения преступления, – что имеет прогностическую ценность для практики расследования преступлений рассматриваемого вида. Отсутствие в исследовании экспериментальной части компенсируется репрезентативной документальной базой, что полностью соответствует методологическим основам криминалистики как прикладной науки.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В криминалистической доктрине устоявшейся является позиция, согласно которой структура криминалистической характеристики преступлений представляет собой совокупность взаимосвязанных типичных элементов. К числу таковых традиционно относят:

- типичные свойства личности преступника, включая социально-демографические данные (пол, возраст, уровень образования, профессиональная принадлежность), наличие криминального опыта и степень организованности преступной деятельности;
- типичные свойства личности потерпевшего, связанные с его социально-демографическим статусом (возраст, род занятий, образ жизни), а также особенностями поведения, способствующими виктимизации;
- типичные способы совершения преступления, охватывающие систему действий виновного на этапах подготовки, непосредственного совершения противоправного деяния и сокрытия его следов;
- типичные временные и пространственные характеристики (хронология преступления): время суток, дни недели, сезонность, территориальная локализация события (жилое помещение, общественное место, офис, объект транспортной инфраструктуры и пр.);
- обстановку и иные обстоятельства совершения преступления, под которыми понимается совокупность условий окружающей среды (степень многолюдности, открытость или закрытость пространства), влияющих на механизм преступления и процесс его расследования;
- типичную мотивацию, целеполагание и форму вины, раскрывающие внутреннее содержание

деяния (доминирующие мотивы – корыстные, хулиганские и пр., конкретные цели – неправомерное обогащение, самоутверждение, форма вины – прямой или косвенный умысел, неосторожность).

В научных трудах неоднократно подчеркивалось, что содержание криминалистической характеристики базируется на изучении материальных и идеальных следов преступления. Они фиксируются на месте происшествия, в документах, в поведенческих актах участников события и становятся информационной основой, отражающей содержание перечисленных выше элементов [2, с. 112]. Рассматривать специфику криминалистической характеристики цифровых преступлений, совершаемых несовершеннолетними, целесообразно с учетом изложенных теоретических положений.

1. Типичная личность несовершеннолетнего киберпреступника

Обобщение результатов изучения судебной практики позволяет выделить устойчивые социально-демографические, психологические и профессиональные признаки, образующие типичный криминалистический портрет несовершеннолетнего, совершающего преступления в цифровой сфере.

В структуре данной категории преступников доминируют лица мужского пола (в пределах от 80% до 90%), преимущественно в возрасте 16-17 лет. Для них характерно городское происхождение, принадлежность к семьям со средним уровнем дохода, что обеспечивает беспрепятственный доступ к интернету и современным цифровым устройствам. Как свидетельствуют изученные приговоры, более чем в 60% случаев преступления совершались с использованием собственных персональных компьютеров, смартфонов или планшетных устройств¹.

Образовательный статус несовершеннолетних киберпреступников, как правило, связан с обучением в общеобразовательных организациях либо в учреждениях среднего профессионального образования технической направленности (специализация в области информатики и программирования). Отличительной чертой лиц данной категории является повышенный уровень компьютерной грамотности, включая владение базовыми навыками программирования (например на языке «Python») и осведомленность о методах эксплуатации уязвимостей информационных систем (осуществление SQL-инъекций² и др.). Формирование указанных компетенций происходит в основном в ходе самостоятельной деятельности: посредством изучения специализированных онлайн-ресурсов либо в рамках участия в гейминг-сообществах (в том числе на платформах «Discord»), где проводится коллективный обмен опытом и осуществляются экспериментальные действия.

¹ Здесь и далее наши выводы основаны на результатах изучения в 2026 году 58 приговоров районных и городских судов, вынесенных за 2021-2025 годы на территории России, в которых цифровые следы рассматривались в качестве доказательств.

² Эксплуатация уязвимостей посредством SQL-инъекции – это способ манипуляции SQL-запросами, используемый для получения несанкционированного доступа к конфиденциальной информации, хранящейся в базе данных. Основной механизм – вставка вредоносного кода через поля пользовательского ввода: текстовые поля в цифровых формах, параметры URL, значения cookie. Если приложение не проверяет или не очищает пользовательский ввод перед его включением в SQL-запрос, вредоносные элементы могут изменить структуру запроса.

Психологический профиль лиц рассматриваемой категории характеризуется наличием устойчивой киберзависимости (ежедневное пребывание в виртуальной среде продолжительностью свыше шести часов), заниженной самооценкой, а также конфликтными отношениями в офлайн-среде (школьная дезадаптация, буллинг, асоциальные связи). Отсутствие либо незначительность предшествующего криминального опыта обуславливает импульсивный характер первичных преступных посягательств [3, с. 64].

Механизм индивидуального преступного поведения несовершеннолетних киберпреступников включает в себя корыстные побуждения, выражающиеся в стремлении к получению материальной выгоды для приобретения внутриигровых предметов, «скинов»¹ либо криптовалюты [4, с. 63]; статусные стремления, связанные с потребностью в самопрезентации и укреплении авторитета в виртуальной субкультуре (посредством демонстрации успешных взломов в чатах мессенджеров «Discord», «Telegram») [5, с. 138]; идеологическую основу, обусловленную влиянием деструктивных сообществ и распространением противоправного контента в социальных сетях [6, с. 101].

Результаты анализа уровня организованности преступной деятельности свидетельствуют о преобладании одиночных форм совершения преступлений, реже это происходит в составе малочисленных групп (от 3 до 5 участников), взаимодействие в которых осуществляется посредством мессенджеров и не сопровождается созданием сложных иерархических структур.

Выявленные закономерности находят подтверждение в материалах изученных нами приговоров. Так, Омским районным судом в октябре 2025 года был осужден 17-летний Д., совершивший неправомерный доступ к учетным записям пользователей портала «Госуслуги» с последующим оформлением микрозаймов². В данном случае отчетливо проявились корыстная основа криминальной деятельности (целенаправленное стремление к незаконному обогащению) и самостоятельность приобретения навыков, позволивших реализовать объективную сторону преступления без соучастников. Обнаруженные в ходе расследования цифровые следы (поисковые запросы, логи скачивания базы данных утерянных SIM-карт) помогли раскрыть механизм подготовки и совершения противоправного деяния.

Другой характерный пример обнаружен нами в материалах рассмотренного Верховным судом Республики Калмыкия уголовного дела, возбужденного по ст. 272 УК РФ. В январе 2023 года несовершеннолетний калининградец осуществил не-

правомерный доступ к аккаунту жителя Элисты в социальной сети «ВКонтакте», после чего направил знакомой потерпевшего сообщение с просьбой о переводе денежных средств в размере одной тысячи рублей³. Изучение обстоятельств преступления позволяет говорить об импульсивности осуществления деяния (отсутствие тщательной подготовки, выбор удаленной цели, незначительность ущерба) и доминировании у несовершеннолетнего желания повысить свой статус. Использование взломанного аккаунта для получения денежных средств под видом законного обращения демонстрирует стремление к социальному признанию в подростковой среде, тогда как незначительность затребованной суммы указывает на второстепенный характер корыстной составляющей по отношению к потребности в самоутверждении.

2. Типичная личность жертвы цифровых преступлений несовершеннолетних

На основе изучения судебной практики нами определены устойчивые признаки, свойственные типичной жертве цифровых преступлений, совершаемых подростками. В возрастной структуре потерпевших преобладают (более 70%) сверстники преступников – лица в возрасте от 12 до 17 лет. В 20% случаев потерпевшими оказываются родители или иные родственники самого преступника. Оставшаяся доля приходится на случайных пользователей. Это преимущественно взрослые, имеющие банковские карты, с недостаточно высоким уровнем цифровой компетентности.

Результаты виктимологического анализа свидетельствуют о том, что повышенная уязвимость потенциальных жертв киберпреступлений обусловлена следующими обстоятельствами: наивностью и недостаточной критичностью при оценке онлайн-контента (переход по фишинговым ссылкам, распространяемым через социальные сети «ВКонтакте» и мессенджер «Telegram»); неосмотрительным раскрытием учетных данных в многопользовательских онлайн-играх («Roblox», «Brawl Stars» и аналогичных); участием в мошеннических сделках на электронных торговых площадках («Avito» и др.). К числу характерных признаков типичной жертвы преступлений рассматриваемой категории относятся: активное использование социальных сетей при отсутствии двухфакторной аутентификации, высокая степень вовлеченности в игровую онлайн-среду, избыточная доверчивость при коммуникации с незнакомыми пользователями.

В рамках совершения цифровых преступлений несовершеннолетними выбор жертвы представляет собой целенаправленный процесс, сочетающий

¹ «Скины» являются символом социального статуса в геймерской субкультуре, где обладание редкими экземплярами внутриигровых предметов (например ножами стоимостью от 100 до 1000 долларов США в «Counter-Strike 2») сигнализирует об игровом успехе и привлекает внимание участников состязаний. Приобретение «скинов» осуществляется за реальные деньги (через платформу «Steam») на специализированных торговых площадках («CS.MONEY», «Skinout»), а обмен – в рамках внутриигровой экосистемы, что формирует полноценный виртуальный рынок с оборотом в миллиарды долларов США.

² Вынесен приговор Д. за 23 удачных взлома «Госуслуг» через «брошенные» телефонные номера // Коммерческие вести: сайт. 16.10.2025 // URL: <https://kvnews.ru/news-feed/200440> (дата обращения: 01.02.2026).

³ Суд назначил год исправительных работ за взлом чужого аккаунта // РАПСИ: сайт. 11.03.2024 // URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20240311/309688537.html (дата обращения: 01.02.2026).

использование технических методов геолокации и приемов психологического воздействия в виртуальной среде [7, с. 145]. Такой механизм позволяет повысить эффективность преступной деятельности за счет локализации целей одновременно в географическом и социальном измерениях. Это обстоятельство находит подтверждение в материалах судебной практики. На первоначальном этапе преступник устанавливает местонахождение потенциальных жертв посредством анализа IP-адресов и иных сетевых идентификаторов, доступных в открытых профилях социальных сетей и игровых платформ [8, с. 66]. Данный подход позволяет преступнику ограничить круг поиска лицами, проживающими в одном с ним регионе или населенном пункте, что упрощает реализацию психологического давления и снижает риски изобличения. Это особенно характерно для преступлений, совершаемых в условиях локальных подростковых сообществ, где территориальная общность усиливает эффект воздействия на психику [9, с. 60].

После определения жертвы преступник инициирует общение через региональные чаты или тематические группы сверстников, позиционируя себя как представителя той же социальной среды – ровесника либо обладателя схожих интересов. Формирование доверительных отношений достигается путем демонстрации общих ценностей, обсуждения тем, значимых для подростковой аудитории, и предложений о взаимовыгодном сотрудничестве [10, с. 217]. Результатом становится раскрытие жертвой конфиденциальной информации либо совершение действий, объективно способствующих реализации преступного замысла, что обусловлено эксплуатацией свойственной подросткам в условиях виртуальной общности открытости.

В криминалистическом аспекте принципиальное значение имеет то обстоятельство, что описанные действия, связанные с поиском жертвы и общением с ней, оставляют устойчивые цифровые следы в истории коммуникаций на виртуальных платформах и в данных о сетевых подключениях. Фиксация и последующий анализ таких следов создают основу для идентификации лица, совершившего преступление, и восстановления полной картины противоправного деяния.

3. Типичные способы совершения и сокрытия преступления

В структуре криминалистической характеристики преступлений рассматриваемого нами вида центральное место занимают типичные способы подготовки, совершения и сокрытия противоправных деяний. Эти элементы образуют систему взаимосвязанных действий, составляющих характерные цифровые следы и предопределяющих особенности расследования.

Подготовка несовершеннолетних к совершению киберпреступлений начинается, как правило, с создания условий для последующей реализации преступного замысла. К числу наиболее распространенных подготовительных мероприятий относятся: сбор общедоступных сведений о потенциальной жертве посредством мониторинга

профилей в социальных сетях и анализа информации, утекшей из баз данных; изучение уязвимостей учетных записей с целью определения возможных способов неправомерного доступа; создание поддельных веб-страниц, имитирующих интерфейсы легальных онлайн-сервисов (банковских учреждений, платежных систем, игровых платформ) [11, с. 42]. Перечисленные действия характеризуются относительно низкой степенью технической сложности, инструкции по их осуществлению доступны в открытых источниках, можно использовать автоматизированные инструменты, не требующие наличия глубоких знаний в сфере программирования.

Изучение эмпирического материала позволило нам выделить следующие основные способы совершения преступлений рассматриваемого вида:

- фишинг – побуждение потерпевшего к переходу по гиперссылкам, ведущим на поддельные веб-страницы, с последующим вводом конфиденциальных данных (логинов, паролей, реквизитов банковских карт); реализация данного способа предполагает использование методов социальной инженерии, адаптированных к подростковой аудитории;

- неправомерный доступ к учетным записям (аккаунтам) в социальных сетях, игровых сервисах и на порталах государственных услуг; техническая реализация требует подбора паролей, использования украденных баз данных, эксплуатации уязвимостей процедур восстановления доступа;

- мошенничество под видом торговых операций – размещение заведомо ложных объявлений о продаже товаров (цифровых товаров, игровых ценностей, аккаунтов) на электронных площадках («Avito» и аналогичных) с последующим получением предоплаты и неисполнением обязательств.

Противодействие расследованию и сокрытие следов киберпреступлений осуществляется несовершеннолетними преступниками посредством применения следующих способов:

- использование средств анонимизации сетевых подключений (VPN-сервисы, прокси-серверы, браузер «Tor»), затрудняющих идентификацию реального IP-адреса;

- удаление истории действий на используемых устройствах (очистка кэша браузеров, журналов сообщений, файлов подкачки);

- создание подставных (фейковых) учетных записей для коммуникации с жертвами и получения похищенного [12].

Вместе с тем необходимо обратить внимание на типичные ошибки, допускаемые несовершеннолетними при сокрытии следов преступления. Исходя из результатов проведенного нами анализа правоприменительной практики, к числу таковых следует отнести: использование одних и тех же идентификаторов (никнов, адресов электронной почты) в различных эпизодах преступной деятельности; раскрытие геолокационной информации через метаданные публикуемых изображений; сохранение остаточных данных в облачных хранилищах, синхронизированных с мобильными устройствами.

Криминалистически значимым обстоятельством является то, что в ряде случаев несовершеннолетние действуют не как самостоятельные субъекты преступной деятельности, а играют роль исполнителей общественно опасных деяний под руководством взрослых организаторов. Вознаграждением за совершение такого рода деяний становится доля от похищенного имущества либо заранее оговоренная выплата. Эти обстоятельства обуславливают дополнительную квалификацию по ст. 150 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления), что должно учитываться при планировании расследования для достижения цели установления всех участников преступной деятельности.

4. Типичное время и место совершения преступления

Изучение материалов судебной практики позволило выявить устойчивые закономерности, характеризующие временные параметры и пространственную локализацию цифровых преступлений несовершеннолетних. Эти элементы криминалистической характеристики имеют существенное значение для организации расследования, построения версий и планирования оперативно-разыскных мероприятий.

Результаты анализа эмпирических данных свидетельствуют об отсутствии строгой корреляции преступной активности и какого-либо определенного времени суток. При этом очевидно, что есть выраженные пиковые периоды. Наибольшая интенсивность противоправных действий рассматриваемого вида фиксируется в ночное время – в интервале с 22:00 до 4:00, на него приходится около 70% от общего числа зарегистрированных деяний. Второй по значимости пик активности наблюдается в вечерние часы после окончания учебных занятий (с 15:00 до 20:00), что обусловлено наличием у подростков свободного времени и отсутствием родительского контроля.

Отчетливо прослеживается зависимость интенсивности преступной деятельности от календаря: значительный рост числа киберпреступлений отмечается в выходные дни, а также в периоды школьных каникул. Сезонный анализ позволяет констатировать, что максимальные показатели преступной активности приходятся на летние месяцы, что объясняется увеличением времени пребывания несовершеннолетних в цифровой среде в связи с отсутствием учебной нагрузки.

Специфичным признаком преступлений рассматриваемого вида является исключительно виртуальный характер места их совершения. Противоправные деяния осуществляются посредством использования различных цифровых устройств, чаще всего это: персональные компьютеры – в 65% случаев; смартфоны (преимущественно на платформах «Android» и «iOS») – в 55% случаев. Возможно использование для достижения криминальной цели нескольких устройств.

К числу основных площадок (виртуальных пространств), в рамках которых разворачивается преступная деятельность, относятся: социальная сеть «ВКонтакте» (фигурирует в 60% изученных приговоров); мессенджер «Telegram» (в 30% случа-

ев); платформы «Discord», многопользовательские онлайн-игры и электронные доски объявлений (в 10% случаев в совокупности).

Принципиальным для расследования обстоятельством выступает то, что при всей виртуальности места совершения преступления физическая локализация цифровых следов осуществляется через привязку к конкретным сетевым адресам. В подавляющем большинстве случаев используются IP-адреса домашних Wi-Fi-сетей либо мобильного интернет-подключения. Такая особенность, с одной стороны, обуславливает возможность идентификации абонентского устройства и его владельца, а с другой – способствует формированию доказательственной базы, приобщаемой к материалам уголовного дела в установленном законом процессуальном порядке. Наличие устойчивой связи между виртуальным действием и физическим сетевым адресом существенно облегчает процесс расследования преступления и изобличения виновных [13, с. 45].

5. Обстановка и иные обстоятельства совершения преступления

Специфика цифровой среды придает обстановке, в которой осуществляется общественно опасное деяние рассматриваемого вида, ряд специфических черт, имеющих существенное значение для понимания механизма преступления и организации его расследования.

Обстановка преступной деятельности детерминируется свойствами анонимности виртуального пространства, реализуемой посредством функционирования тематических чатов и закрытых онлайн-форумов. Анонимность выполняет криминогенную функцию, значительно ослабляя морально-психологические барьеры и создавая предпосылки для эскалации противоправного поведения. В такой ситуации актуализируется феномен группового давления, проявляющийся в форме публичных вызовов (челленджей) и провокационных действий, демонстрируемых в социальных сетях [14, с. 387; 15, с. 160].

Результаты анализа организационных форм преступной деятельности свидетельствуют о доминировании двух моделей:

- совершение преступлений в одиночку в условиях изолированного домашнего пространства, обеспечивающего конфиденциальность действий и отсутствие внешнего контроля;

- координация преступных действий в малых группах сверстников с использованием средств видеосвязи и мессенджеров, позволяющих синхронизировать усилия участников без необходимости физического присутствия в одном месте [16, с. 741].

К числу криминалистически значимых обстоятельств, объективно облегчающих реализацию несовершеннолетними преступных замыслов, относятся: недостаточный уровень защищенности учетных записей потенциальных жертв (отказ от двухфакторной аутентификации, установка простых паролей, игнорирование настроек приватности); отсутствие надлежащего родительского контроля за деятельностью несовершеннолетних в цифровой среде, в частности за использованием банковских карт и иных платежных инструмен-

тов; криминогенное влияние популярных видеоблогеров, контент-мейкеров и других авторитетных в онлайн-пространстве лиц, транслирующих в сети модели поведения, сопряженные с нарушением законодательства либо провоцирующие противоправные действия [4, с. 63].

Наряду с обстоятельствами, облегчающими деятельность криминального характера, в обстановке совершения киберпреступлений есть элементы, объективно затрудняющие реализацию умысла и повышающие риск изобличения преступников. Прежде всего это оперативное реагирование жертв преступлений, выражающееся в направлении жалоб в службы поддержки соответствующих цифровых платформ и сервисов; сохранение интернет-провайдером журналов (логов) сетевых подключений, обеспечивающее возможность последующего установления реальных IP-адресов и идентификации абонентских устройств.

Характерной чертой преступлений рассматриваемого вида является их кратковременность. Результаты анализа эмпирического материала позволяют констатировать, что продолжительность активной фазы противоправных действий, как правило, не превышает 30 минут. Такая особенность обусловлена спецификой механизма преступления: получение неправомерного доступа, совершение необходимых операций (например перевода денежных средств) и немедленный вывод похищенного на электронные кошельки либо в иные платежные системы, не требующие длительной идентификации получателя.

6. Типичные мотивация, цели и форма вины выступают необходимыми элементами криминалистической характеристики преступлений, поскольку позволяют раскрывать внутреннее содержание противоправного деяния, устанавливать механизм формирования преступного умысла и определять обстоятельства, подлежащие доказыванию в ходе расследования.

Вина в составе цифровых преступлений исследуемого нами вида представлена в форме прямого умысла: несовершеннолетний осознает общественную опасность совершаемых им действий (неправомерного доступа к компьютерной информации, модификации данных, нарушения целостности учетных записей), предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления (получения доступа к чужим денежным средствам, завладения конфиденциальной информацией, достижения иного преступного результата). Осознание противоправности деяния у несовершеннолетних, как правило, носит абстрактный характер и не сопровождается полноценным пониманием степени общественной опасности содеянного и возможных правовых последствий.

Что касается мотивов совершения преступлений рассматриваемого вида, то результаты анализа судебной практики показывают, что корыстные побуждения доминируют в 50% случаев. Они выражаются в стремлении к получению материальной выгоды (завладению денежными средствами, цифровыми активами, внутриигровыми ценностями). Хулиганские и статусные мотивы,

связанные с потребностью в самоутверждении, демонстрации превосходства, завоевании авторитета в подростковой субкультуре, отмечены в 40% случаев. Идеологические установки, обусловленные влиянием деструктивных сообществ, распространением экстремистской или иной запрещенной информации [7, с. 145], зафиксированы в 10% случаев. Выявленное распределение мотивов коррелирует с возрастными психологическими особенностями подростков, к числу которых относятся повышенная потребность в признании, склонность к рискованному поведению и подверженность групповому влиянию.

Анализ целеполагания несовершеннолетних киберпреступников позволяет констатировать краткосрочный характер преследуемых целей. Получаемая материальная выгода, как правило, ограничена незначительными суммами – от ста до пяти тысяч рублей. Данная особенность имеет принципиальное значение для квалификации деяния и понимания его причин. В связи с этим необходимо отметить, что классической корыстной мотивации, предполагающей осознанное стремление к обогащению с учетом долгосрочного эффекта, не усматривается у подростков в полной мере. Похищенные денежные средства расходуются ими импульсивно, без планирования и понимания отдаленных правовых и социальных последствий. Такое поведение объясняется комплексом факторов: это и свойственная подростковому возрасту незрелость мышления, проявляющаяся в затруднениях с прогнозированием результатов собственных действий; и восприятие киберпространства как условной, игровой среды, в которой можно игнорировать опасность наступления ответственности; и размывание границ между виртуальным экспериментированием и реальным противоправным поведением. Перечисленные особенности восприятия должны учитываться при планировании расследования, построении следственных версий, а также при решении вопросов, связанных с индивидуализацией ответственности и назначением наказания несовершеннолетним киберпреступникам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Криминалистическая характеристика цифровых преступлений, совершаемых несовершеннолетними, представляет собой систематизированное описание типичных признаков их преступной деятельности. Она позволяет на основе анализа цифровых следов проводить предварительную диагностику, связывая зафиксированные в деле следы с конкретной личностью преступника, прогнозировать наличие неустановленных обстоятельств, планировать розыск подозреваемых, осуществлять оценку полноты расследования и подготовку к суду. Роль криминалистической характеристики цифровых преступлений заключается в обеспечении методологической основы для оперативно-разыскных мероприятий и доказывания вины. Это особенно актуально в условиях распространенности киберпреступности в подростковой среде.

Изучение элементов криминалистической характеристики цифровых преступлений несовер-

шеннолетних способствует разработке мер предупреждения, включая родительский контроль и повышение цифровой грамотности потенциальных жертв. В экспертной практике криминалистическая характеристика предоставляет вспомогательную информацию для составления заключений, повышая убедительность доказательной базы в контексте виртуальности пространства, в котором

совершаются преступления и где некоторые традиционные методы сбора доказательств неприменимы. Сформированная нами криминалистическая характеристика цифровых преступлений несовершеннолетних трансформирует фрагментарные данные в целостную картину, что может способствовать повышению раскрываемости и реализации принципа неотвратимости ответственности. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Поляков А.В., Гринева Д.А. О возможностях использования информационных технологий в решении задач оперативно-розыскной деятельности // Межведомственный научно-практический Петербургский оперативно-розыскной форум: Материалы научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 211-215.
2. Алексеева А.П., Анисимова Т.В. Законодательные инициативы в части усиления защиты несовершеннолетних от преступных посягательств: проблемы и перспективы // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. СПб: Астерион, 2023. С. 110-115.
3. Горковенко И.А. Отдельные аспекты противодействия преступности несовершеннолетних оперативно-розыскными мерами // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: КрУ МВД России, 2025. С. 63-66.
4. Попов С.В. К вопросу о нормативно-правовом регулировании в сфере противодействия экстремизму // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 63-64.
5. Желудков М.А., Алексеева А.П. Кризис семейных отношений в современном обществе как одно из условий низкой эффективности профилактики преступности несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (98). С. 131-139.
6. Попов С.В. О некоторых вопросах бифуркации дефиниции «экстремистская деятельность» в российском законодательстве // XII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2024. С. 100-102.
7. Герасимов А.В., Поляков А.В. Психологические особенности оперативно-розыскного обеспечения проведения отдельных следственных действий // VIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2020. С. 144-146.
8. Горковенко И.А. Оперативно-розыскное противодействие преступным проявлениям среди несовершеннолетних: проблемы и подходы к их решению // Криминалистика – наука без границ: традиции и новации: Материалы международной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 66-68.
9. Герасимов А.В., Поляков А.В. К вопросу информационного воздействия на объекты оперативной заинтересованности // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 60-61.
10. Попов С.В. К вопросу об особенностях обнаружения признаков мошеннических действий в сети Интернет // Межведомственный научно-практический Петербургский оперативно-розыскной форум: Материалы научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 216-219.
11. Горковенко И.А. Некоторые проблемы оперативно-розыскного противодействия преступности несовершеннолетних // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Сборник научных трудов межведомственной научно-практической конференции. М.: МосУ МВД России, 2024. С. 41-44.
12. Глубоковских Р.В. Розыскная работа подразделений уголовного розыска (ситуационный подход): Монография. М., 2025. 207 с.
13. Горковенко И.А. Перспективы оперативно-розыскного предупреждения преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Оперативно-розыскная деятельность: актуальные вопросы теории и практики: Сборник научных трудов всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Ростовский ЮИ МВД России, 2025. С. 41-47.
14. Попов С.В. О некоторых вопросах привлечения граждан к гласному содействию оперативными аппаратами ОВД // Актуальные проблемы права и пути их решения: Материалы международной научно-практической конференции. Донецк: Академия МВД ДНР, 2022. С. 385-388.

15. Попов С.В. Хавала на службе террористических организаций как современная угроза безопасности государства // VIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2020. С. 159-161.

16. Попов С.В. Конфиденциальное содействие: проблемы реализации и перспективы трансформации // Санкт-Петербургские встречи молодых ученых: Материалы всероссийского конгресса. СПб: СПбУ МВД России, 2024. С. 740-745.

REFERENCES

1. Polyakov A.V., Grineva D.A. O vozmozhnyakh ispol'zovaniya informatsionnykh tekhnologiy v reshenii zadach operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Mezhdedomstvennyy nauchno-prakticheskiy Peterburgskiy operativno-rozysknoy forum: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 211-215.

2. Alekseyeva A.P., Anisimova T.V. Zakonodatel'nyye initsiativy v chasti usileniya zashchity nesovershennoletnikh ot prestupnykh posyagatel'stv: problemy i perspektivy // Ugolovnaya politika i pravoprimeritel'naya praktika: Sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: Asterion, 2023. S. 110-115.

3. Gorkovenko I.A. Otdel'nyye aspekty protivodeystviya prestupnosti nesovershennoletnikh operativno-rozysknymi merami // Aktual'nyye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoy deyatel'nosti: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2025. S. 63-66.

4. Popov S.V. K voprosu o normativno-pravovom regulirovanii v sfere protivodeystviya ekstremizmu // X Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: Kf SPbU MVD Rossii, 2022. S. 63-64.

5. Zheludkov M.A., Alekseyeva A.P. Krizis semeynykh otnosheniy v sovremennom obshchestve kak odno iz usloviy nizkoy effektivnosti profilaktiki prestupnosti nesovershennoletnikh // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 2 (98). S. 131-139.

6. Popov S.V. O nekotorykh voprosakh bifurkatsii definitsii «ekstremistskaya deyatel'nost'» v rossiyskom zakonodatel'stve // XII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: Kf SPbU MVD Rossii, 2024. S. 100-102.

7. Gerasimov A.V., Polyakov A.V. Psikhologicheskiye osobennosti operativno-rozysknogo obespecheniya provedeniya otdel'nykh sledstvennykh deystviy // VIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: Kf SPbU MVD Rossii, 2020. S. 144-146.

8. Gorkovenko I.A. Operativno-rozysknoye protivodeystviye prestupnym proyavleniyam sredi nesovershennoletnikh: problemy i podkhody k ikh resheniyu // Kriminalistika – nauka bez granits: traditsii i novatsii: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 66-68.

9. Gerasimov A.V., Polyakov A.V. K voprosu informatsionnogo vozdeystviya na ob'yekty operativnoy zainteressovannosti // X Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: Kf SPbU MVD Rossii, 2022. S. 60-61.

10. Popov S.V. K voprosu ob osobennostyakh obnaruzheniya priznakov moshennicheskikh deystviy v seti Internet // Mezhdedomstvennyy nauchno-prakticheskiy Peterburgskiy operativno-rozysknoy forum: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 216-219.

11. Gorkovenko I.A. Nekotoryye problemy operativno-rozysknogo protivodeystviya prestupnosti nesovershennoletnikh // Aktual'nyye voprosy teorii i praktiki operativno-rozysknoy deyatel'nosti: Sbornik nauchnykh trudov mezhdedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.: MosU MVD Rossii, 2024. S. 41-44.

12. Glubokovskikh R.V. Rozysknaya rabota podrazdeleniy ugolovnogo rozyska (situatsionnyy podkhod): Monografiya. M., 2025. 207 s.

13. Gorkovenko I.A. Perspektivy operativno-rozysknogo preduprezhdeniya prestupleniy, sovershayemykh nesovershennoletnimi // Operativno-rozysknaya deyatel'nost': aktual'nyye voprosy teorii i praktiki: Sbornik nauchnykh trudov vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Rostov-na-Donu: Rostovskiy YuI MVD Rossii, 2025. S. 41-47.

14. Popov S.V. O nekotorykh voprosakh privlecheniya grazhdan k glasnomu sodeystviyu operativnymi apparatami OVD // Aktual'nyye problemy prava i puti ikh resheniya: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Donetsk: Akademiya MVD DNR, 2022. S. 385-388.

15. Popov S.V. Khavala na sluzhbe terroristicheskikh organizatsiy kak sovremennaya ugroza bezopasnosti gosudarstva // VIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: Kf SPbU MVD Rossii, 2020. S. 159-161.

16. Popov S.V. Konfidentsial'noye sodeystviye: problemy realizatsii i perspektivy transformatsii // Sankt-Peterburgskiye vstrechi molodykh uchenykh: Materialy vserossiyskogo kongressa. SPb: SPbU MVD Rossii, 2024. S. 740-745.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© **Гринёва Д.А., Кайргалиев Д.В., 2026.**

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Гринёва Д.А., Кайргалиев Д.В. Криминалистическая характеристика цифровых преступлений, совершаемых несовершеннолетними: от теоретической основы к практической значимости // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (83). С. 71-81.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Алексей Витальевич ПОЛЯКОВ,
кандидат педагогических наук, ORCID 0009-0009-5680-989X
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной
деятельности органов внутренних дел Калининградского филиала
alexpolakov1503@mail.ru

Научная статья
УДК 343.102:351.745.7

ТЕХНИЧЕСКОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В ЖИЛИЩЕ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскное мероприятие, наблюдение, неприкосновенность жилища, ограничение конституционных прав, судебное решение, физическое проникновение, техническое проникновение, специальные технические средства.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Проникновение в жилище традиционно трактуется как физическое пересечение его границ. Однако развитие технологий существенно расширило определение данного понятия. Современные приборы наблюдения, обладающие возможностью получения информации на расстоянии, без физического вторжения, позволяют правоохранительным органам использовать нестандартные формы проникновения в жилище. Оперативные подразделения органов внутренних дел располагают обширным арсеналом методов и средств оперативно-разыскной деятельности и успешно применяют их в борьбе с преступностью. Это относится и к оперативно-разыскным мероприятиям, требующим судебного санкционирования в зависимости от места их проведения. В контексте исследования, результаты которого представлены в статье, использование специальных технических средств в ходе таких мероприятий, как наблюдение и обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, включая жилища, рассматривается как техническое проникновение. **Методы.** Методологическую основу исследования составили диалектический метод познания окружающей действительности и системный подход. Кроме того, был востребован комплекс научных методов, в том числе описание, классификация, обобщение. **Результаты.** Юридическая литература проанализирована с позиций конституционных гарантий неприкосновенности жилища. Особое внимание автором уделено необходимости нормативно-правового закрепления терминологии, связанной с применением сотрудниками оперативных подразделений специальных технических средств. Речь идет прежде всего о термине «техническое проникновение». Его предлагается использовать в ситуациях, когда проникновение в жилище при проведении оперативно-разыскных мероприятий осуществляется при помощи технических средств. Реализация данного предложения потребует внесения изменений в ч. 2 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», посвященную условиям проведения оперативно-разыскных мероприятий. Это будет способствовать совершенствованию правового механизма реализации предоставленных органам внутренних дел прав.

ВВЕДЕНИЕ

Деятельность органов внутренних дел (далее – ОВД), в частности их оперативных подразделений, непосредственно сопряжена с необходимостью ограничения в тех или иных ситуациях прав граждан. Конституция Российской Федерации гарантирует неприкосновенность жилища (ст. 25), право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22) и ограничивает возможность сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его на то согласия (ст. 23). В ст. 55 Основного закона установлено универсальное правило: права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Таким образом, данная конституционная норма допускает ограничение прав и свобод, но исключительно на основании федерального закона. Что, безусловно, касается и проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ).

МЕТОДЫ

Методологическую базу исследования, результаты которого представлены в статье, составили диалектический метод познания окружающей действительности и системный подход. Кроме того, был использован комплекс научных методов, в том числе описание, классификация, обобщение, призванные систематизировать выявленные факты и способствовать их толкованию. Это позволило обеспечить объективность и достоверность выводов, а также разработать научно обоснованные рекомендации для дальнейшего совершенствования оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») развивает конституционно-правовые нормы в сфере обеспечения прав и законных интересов граждан. Здесь установлена обязанность лиц, проводящих ОРМ, соблюдать гарантированные Конституцией права и свободы, в том числе право на неприкосновенность жилища, тайну переписки, личную и семейную тайну.

Положения, закрепленные ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и ст. 2 ФЗ «Об ОРД», обеспечивают правомерность применения технических средств при выполнении возложенных на полицию обязанностей. Так, сотрудники ОВД при документировании противоправных действий имеют право «использовать видео- и аудиотехнику, кино- и фотоаппаратуру, а также другие технические и специальные средства», в том числе и при проведении ОРМ. ФЗ «Об

ОРД» устанавливает обязательные для исполнения в ходе осуществления ОРД нормы, касающиеся применения специальных технических средств (далее – СТС). Они должны отвечать требованиям безопасности и соответствовать перечню, утвержденному Правительством Российской Федерации¹.

Согласно ФЗ «Об ОРД» оперативно-разыскная деятельность реализуется путем проведения ОРМ. В то же время оно возможно лишь при наличии определенных законом условий и оснований. Исследуя вопросы противодействия радикальным субкультурам в контексте ограничения конституционных прав граждан, С.В. Попов отмечает, что для организации негласного контроля за членами неформальных движений посредством таких ОРМ, как наблюдение, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (далее – обследование), подразумевающих, в частности, необходимость проникновения в жилище, требуется судебное решение [1, с. 63-64]. И.А. Горковенко в связи с этим констатирует, что без такого решения любое применение СТС в целях проникновения в жилище недопустимо и влечет за собой наступление юридической ответственности, что подчеркивает баланс между обеспечением безопасности и защитой прав граждан [2, с. 46].

Благодаря достижениям технического прогресса сегодня есть гораздо более совершенные СТС, предназначенные для негласного получения информации при проведении ОВД специальных мероприятий: существенно изменились их возможности, появились принципиально новые устройства. Например, используются инновационные технические средства, которые способны просвечивать оптически непрозрачные преграды, позволяющие, не проникая в помещение физически, фиксировать количество находящихся в нем людей, их расположение и перемещения.

В ФЗ «Об ОРД» не дается четкого ответа на вопрос о том, что обозначается термином «проникновение». Обращается лишь внимание на необходимость наличия судебного решения при проведении ОРМ, ограничивающих перечисленные в Конституции права, в частности право на неприкосновенность жилища. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) нарушение такой неприкосновенности трактуется как «незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица» (ст. 139). Причем речь идет именно о физическом проникновении, осуществляемом лицом, не имеющим на то законных оснований.

Вместе с тем, как отмечается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации 2018 года, «незаконное проникновение в жилище может иметь место и без вхождения в него, но с применением технических или иных средств, когда такие средства используются в целях наруше-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 01.07.1996 № 770 «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности физических и юридических лиц, не уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, связанной с разработкой, производством, реализацией, приобретением в целях продажи, ввоза в Российскую Федерацию и вывоза за ее пределы специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, и перечня видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности».

Alexey V. POLYAKOV,
Cand. Sci. (Pedagogy), ORCID 0009-0009-5680-989X
Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Senior Lecturer at the Department of Operational Investigative
Activities of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch
alexpolyakov1503@mail.ru

TECHNICAL PENETRATION INTO A DWELLING DURING OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

KEYWORDS. Investigative operations, investigative measures, surveillance, inviolability of the home, restriction of constitutional rights, court decision, physical penetration, technical penetration, special technical means.

ANNOTATION. Introduction. Home invasion is traditionally defined as the physical crossing of a home's boundaries. However, technological advances have significantly expanded the definition of this concept. Modern surveillance devices, capable of obtaining information remotely without physical intrusion, allow law enforcement agencies to employ innovative methods of home invasion. Internal affairs agencies' operational units possess a wide range of investigative methods and tools, which are successfully used in the fight against crime. This also applies to investigative activities requiring judicial authorization, depending on the location where they are conducted. In the context of the study, the results of which are presented in this article, the use of specialized technical means during activities such as surveillance and inspection of premises, buildings, structures, terrain, and vehicles, including dwelling, is considered technical penetration. **Methods.** The methodological basis of the study was formed by the dialectical method of cognition of the surrounding reality and a systems approach. In addition, a combination of scientific methods was required, including description, classification, and generalization. **Results.** Legal literature was analyzed from the standpoint of constitutional guarantees of the inviolability of the home. The author places particular emphasis on the need for legally codified terminology related to the use of special technical equipment by operational units. This primarily concerns the term «technical penetration». It is proposed to use it in situations where entry into a home during operational investigative activities is accomplished using technical means. Implementation of this proposal will require amendments to Part 2 of Article 8 of the Federal Law «On Operational Investigative Activities», which addresses the conditions for conducting operational investigative activities. This will facilitate the improvement of the legal mechanism for implementing the rights granted to internal affairs agencies.

ния неприкосновенности жилища (например, для незаконного установления прослушивающего устройства или прибора видеонаблюдения)¹.

Рассматривая вопросы обеспечения права на неприкосновенность жилища, О.А. Овчинко обращает внимание на понятие «проникновение». Она приводит пример фиксации на видео- или аудио-устройство, установленное на стене смежного помещения, информации о событиях, происходящих в жилище. При этом лицо, проводящее ОРМ, границы жилища не пересекает [3, с. 56]. О том, что «проникновение может быть осуществлено без физического вхождения в помещение», пишут также А.Д. Сайфутдинова и А.М. Айгозина: информацию о том, что происходит в жилище можно получить «с помощью технических средств аудио- и видеозаписи» [4, с. 36].

В современных условиях требует уточнения, на наш взгляд, само понятие неприкосновенности жилища. Очевидно, что она может быть нарушена в ходе применения СТС не только путем физического проникновения. Речь, в частности, идет об использовании технических средств удаленного визуального или акустического контроля, то есть

не требующих установки непосредственно в интересующем организаторов ОРМ помещении.

Исследуя Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» в контексте вопросов регламентации проникновения в жилые и иные помещения, Ю.П. Соловей говорит о допустимости такой его формы, которая предусматривает использование специальных приспособлений или технических средств [5, с. 20]. Д.А. Гринева, изучая специальный уровень тактики розыска лиц, выделяет нетрадиционные методы получения информации, включая проведение ОРМ, затрагивающих конституционные права и свободы личности [6, с. 83].

Заслуживает внимания особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Кононова². Анализируя сложившуюся практику, а также сопоставляя положения п. 6 ч.1 ст. 6 и ст.ст 8, 10 ФЗ «Об ОРД», он указал на то, что наблюдение как вид ОРМ не требует судебного разрешения. Вместе с тем им было подчеркнуто, что оно может быть связано с вмешательством в частную жизнь конкретного человека, так как при его проведении не исключено использование СТС, ко-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.1998 № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой».

торые способны осуществлять сбор информации внутри жилого помещения без проникновения в него. Это фактически является нарушением его неприкосновенности. Следовательно, подобного рода наблюдение, несомненно, требует судебного санкционирования.

С точки зрения А.А. Черных и Ф.В. Безгачева¹, императив, закрепленный ст. 25 Конституции Российской Федерации, охватывает, помимо самого жилища, все предметы и любые сведения, которые находятся внутри жилища. При этом отмечается, что нарушение неприкосновенности жилища может быть связано и с иными способами проникновения в него.

Слово «проникнуть» означает «попасть, пробраться куда-нибудь внутрь, достичь чего-нибудь»², следовательно, проникновение, на наш взгляд, будет иметь место и тогда, когда посредством СТС, установленного за границами жилища, проводится, например, наблюдение за тем, что происходит внутри него.

В рамках исследования оснований ограничения прав при проведении ОРМ О.Н. Ходасевич подчеркивает, что применение СТС, способных фиксировать информацию о событиях в жилище, включая и те, эксплуатация которых не подразумевает физического пересечения его границ, требует соответствующего судебного разрешения [7, с. 4318]. Рассматривая применение технических средств в контексте положений ст. 139 УК РФ, А.В. Курсаев обращает внимание на квалификацию нефизического проникновения [8, с. 124]. Некоторые ученые считают, что проникновением является также и установление для сбора информации СТС в жилище помимо воли проживающих в нем лиц³ [9, с. 21]. А.Е. Чететин, изучая ОРМ в контексте необходимости обеспечения соблюдения прав граждан, указывает на то, что при проведении таких мероприятий наблюдение за лицом, находящимся в жилом помещении, с использованием технических средств следует считать проникновением в жилище [10].

Интересным является предположение о том, что законодатель подразумевал нечто подобное, давая разъяснения по поводу понятия СТС. Так, в примечании к ст. 138.1 УК РФ в качестве специальных технических средств для негласного получения информации предлагается рассматривать «приборы, системы, комплексы, устройства, специальные инструменты для проникновения в помещения»⁴. Кроме того, следует иметь в виду и точку зрения Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В его постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, разбое и грабеже» отмечается, что «проникновение может быть осуществ-

влено и тогда, когда похищаемые предметы извлекаются без вхождения в соответствующее помещение».

Говоря о проведении обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, Н.С. Железняк приходит к выводу о том, что суть данного ОРМ заключается в проникновении в перечисленные объекты и дальнейшем «визуальном, слуховом, электронном или иным изучении посредством применения органов чувств и специальных технических средств» [11, с. 75].

Поддерживая мнения В.А. Гусева [12, с. 147], А.В. Чуркина [13, с. 22], С.И. Давыдова [14, с. 132], М.В. Архиповой [15, с. 85], А.Г. Бондарь [16, с. 246], А.П. Алексеевой [17, с. 85], изучавших вопросы, касающиеся ограничения права на неприкосновенность жилища, отметим, что проникновением в жилище является любой способ технического контроля за обстановкой внутри него. Такое мнение проникновение, не связанное с пересечением границ жилища, является разновидностью ОРМ наблюдение и обследование [18, с. 212].

В связи с этим считаем, что следует сформулировать определения понятий «физическое проникновение» и «техническое проникновение». Физическое проникновение в жилище, по нашему мнению, представляет собой фактическое пересечение его границ вопреки воле проживающих в нем лиц в целях решения задач ОРД. Техническое проникновение – это действия, направленные на получение необходимой в целях решения задач ОРД информации о событиях, происходящих внутри жилища, и находящихся там лицах помимо их воли путем использования специальных технических средств, установленных как внутри жилища, так и вне его пределов, уполномоченным на осуществление ОРД лицом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Термин «техническое проникновение» предлагается использовать в ситуациях, когда проникновение в жилище в рамках ОРМ производится при помощи технических средств. Реализация данного предложения требует внесения изменений в ч. 2 ст. 8 ФЗ «Об ОРД», в которой перечисляются условия проведения ОРМ. По нашему мнению, целесообразно изложить ее в следующей редакции:

«Проведение оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища путем физического или технического проникновения, допускается на

¹ Черных А.А., Безгачев Ф.В. Использование технических средств при проведении оперативно-разыскных мероприятий в сетях связи: Учебное пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. 104 с.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

³ Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов: Полиграфист, 1996. 211 с.; Серебренникова А.В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии. М.: ЛексЭст, 2005. 303 с.

⁴ Федеральный закон от 02.08.2019 № 308-ФЗ «О внесении изменения в статью 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

основании судебного решения и при наличии информации:

1. О признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно.
2. О лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно.
3. О событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной,

экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации».

Содержание понятий, обозначаемых терминами «физическое проникновение» и «техническое проникновение», целесообразно, на наш взгляд, раскрыть в примечании к ст. 8 ФЗ «Об ОРД».

Подводя итог, подчеркнем, что ОРМ, связанные с техническим проникновением в жилище, даже если для их проведения не требуется физического проникновения, должны осуществляться на основании судебного решения. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Попов С.В. К вопросу о нормативно-правовом регулировании в сфере противодействия экстремизму // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 63-64.
2. Горковенко И.А. Перспективы оперативно-розыскного предупреждения преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Оперативно-розыскная деятельность: актуальные вопросы теории и практики: Сборник научных трудов всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Ростовский ЮИ МВД России, 2025. С. 41-47.
3. Овчинко О.А. К вопросу о понятии жилища и проникновения в жилище в контексте обеспечения права на его неприкосновенность // Научный компонент. 2023. № 2 (18). С. 52-59.
4. Сайфутдинова А.Д., Айгозина А.М. Особенности реализации принципа неприкосновенности жилища в условиях расширения полномочий сотрудников полиции (вопросы правового регулирования и практики) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 33-39.
5. Соловей Ю.П. Вхождение (проникновение) сотрудников полиции в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории как мера государственного принуждения, предусмотренная Федеральным законом «О полиции» // Административное право и процесс. 2012. № 3. С. 17-25.
6. Гринева Д.А. Выдвижение и проверка версий при безвестном исчезновении лица // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел на современном этапе: Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 1. Домодедово: ВИПК МВД России, 2007. С. 78-84.
7. Ходасевич О.Н. Ограничения права личности при проведении отдельных видов ОРМ. Примерные пути решения // Концепт. 2015. Т. 13. С. 4316-4320.
8. Курсаев А.В. Незаконное проникновение в жилище с применением технических или иных средств (статья 139 УК РФ) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 122-128.
9. Новиков В.А. Неприкосновенность частной жизни как конституционное право и объект уголовно-правовой охраны // Юридический мир. 2014. № 7. С. 18-21.
10. Четчин А.Е. Оперативно-розыскные мероприятия и права личности. Барнаул: Барнаулский ЮИ МВД России, 2006. 147 с.
11. Железняк Н.С. Проникновение в жилище как значимый элемент оперативно-розыскной деятельности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 2 (47). С. 70-76.
12. Гусев В.А. Оперативно-розыскное проникновение в помещения, здания, сооружения, на участки местности и в транспортные средства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2 (32). С. 147-152.
13. Чуркин А.В. Возвращаясь к вопросу о понятии жилища в оперативно-розыскной деятельности и правовых аспектах проникновения в жилище оперативных работников // Оперативник (сыщик). 2007. № 4 (13). С. 21-26.
14. Давыдов С.И. Проблемы соблюдения конституционных прав граждан при разрешении типичных оперативно-розыскных ситуаций // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности: Сборник материалов всероссийского круглого стола. СПб: Петрополис, 2012. С. 131-137.
15. Архипова М.В., Редькина Е.А. Ограничение права на неприкосновенность жилища // Вестник Российского университета кооперации. 2024. № 1 (55). С. 84-88.
16. Бондарь А.Г. Проблемные особенности применения отдельных видов проверочных мероприятий в деятельности оперативного состава МВД России // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 242-246.
17. Алексеева А.П., Смагоринский Б.П., Третьяков В.И. Нейросети как инструмент работы органов внутренних дел: криминологический аспект // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3 (96). С. 85-92.

18. Поляков А.В., Гринева Д.А. О возможностях использования информационных технологий в решении задач оперативно-розыскной деятельности // Межведомственный научно-практический Петербургский оперативно-розыскной форум: Материалы межведомственной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 211-215.

REFERENCES

1. Popov S.V. K voprosu o normativno-pravovom regulirovanii v sfere protivodeystviya ekstremizmu // X Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2022. S. 63-64.
2. Gorkovenko I.A. Perspektivy operativno-rozysknogo preduprezhdeniya prestupleniy, sovershayemykh nesovershennoletnimi // Operativno-rozysknaya deyatel'nost': aktual'nyye voprosy teorii i praktiki: Sbornik nauchnykh trudov vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Rostov-na-Donu: Rostovskiy YuI MVD Rossii, 2025. S. 41-47.
3. Ovchinko O.A. K voprosu o ponyatii zhilishcha i proniknoveniya v zhilishche v kontekste obespecheniya prava na yego neprikosnovennost' // Nauchnyy komponent. 2023. № 2 (18). S. 52-59.
4. Sayfutdinova A.D., Aygozina A.M. Osobennosti realizatsii printsipa neprikosnovennosti zhilishcha v usloviyakh rasshireniya polnomochiy sotrudnikov politzii (voprosy pravovogo regulirovaniya i praktiki) // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. T. 13. № 4 (50). S. 33-39.
5. Solovey Yu.P. Vkhozhdeniye (proniknoveniye) sotrudnikov politzii v zhilye i inyye pomeshcheniya, na zemel'nyye uchastki i territorii kak mera gosudarstvennogo prinuzhdeniya, predusmotrennaya Federal'nyim zakonom «O politzii» // Administrativnoye pravo i protsess. 2012. № 3. S. 17-25.
6. Grineva D.A. Vydvizheniye i proverka versiy pri bezvestnom ischeznoventii litsa // Aktual'nyye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoy deyatel'nosti organov vnutrennikh del na sovremennom etape: Sbornik materialov mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. V 2 ch. Ch. 1. Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2007. S. 78-84.
7. Khodasevich O.N. Ogranicheniya prava lichnosti pri provedenii otdel'nykh vidov ORM. Primernyye puti resheniya // Kontsept. 2015. T. 13. S. 4316-4320.
8. Kursayev A.V. Nezakonnoye proniknoveniye v zhilishche s primeneniyem tekhnicheskikh ili inykh sredstv (stat'ya 139 UK RF) // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 4 (98). S. 122-128.
9. Novikov V.A. Neprikosnovennost' chastnoy zhizni kak konstitutsionnoye pravo i ob'yekt ugolovno-pravovoy okhrany // Yuridicheskiy mir. 2014. № 7. S. 18-21.
10. Chechetin A.Ye. Operativno-rozysknyye meropriyatiya i prava lichnosti. Barnaul: Barnaul'skiy YuI MVD Rossii, 2006. 147 s.
11. Zheleznyak N.S. Proniknoveniye v zhilishche kak znachimyy element operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 2 (47). S. 70-76.
12. Gusev V.A. Operativno-rozysknoye proniknoveniye v pomeshcheniya, zdaniya, sooruzheniya, na uchastki mestnosti i v transportnyye sredstva // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2015. № 2 (32). S. 147-152.
13. Churkin A.V. Vozvrashchayas' k voprosu o ponyatii zhilishcha v operativno-rozysknoy deyatel'nosti i pravovykh aspektakh proniknoveniya v zhilishche operativnykh rabotnikov // Operativnik (syshchik). 2007. № 4 (13). S. 21-26.
14. Davydov S.I. Problemy soblyudeniya konstitutsionnykh prav grazhdan pri razreshenii tipichnykh operativno-rozysknykh situatsiy // Konstitutsionno-pravovyye problemy operativno-rozysknoy deyatel'nosti: Sbornik materialov vserossiyskogo kruglogo stola. SPb: Petropolis, 2012. S. 131-137.
15. Arkhipova M.V., Red'kina Ye.A. Ogranicheniye prava na neprikosnovennost' zhilishcha // Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii. 2024. № 1 (55). S. 84-88.
16. Bondar' A.G. Problemnyye osobennosti primeneniya otdel'nykh vidov proverochnykh meropriyatiy v deyatel'nosti operativnogo sostava MVD Rossii // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2020. T. 13. № 4. S. 242-246.
17. Alekseyeva A.P., Smagorinskiy B.P., Tret'yakov V.I. Neyroseti kak instrument raboty organov vnutrennikh del: kriminologicheskii aspekt // Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2023. № 3 (96). S. 85-92.
18. Polyakov A.V., Grineva D.A. O vozmozhnostyakh ispol'zovaniya informatsionnykh tekhnologiy v reshenii zadach operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Mezhvedomstvennyy nauchno-prakticheskii Peterburgskiy operativno-rozysknoy forum: Materialy mezhvedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 211-215.

© Поляков А.В., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Поляков А.В. Техническое проникновение в жилище при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (83). С. 82-87.

Сергей Викторович ПОПОВ,

ORCID 0000-0002-1240-6046

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)

преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел

Калининградского филиала

psv270181@gmail.com

Научная статья

УДК 343.102:343.985

НЕГЛАСНОЕ СОДЕЙСТВИЕ АДВОКАТОВ ОПЕРАТИВНЫМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Оперативно-разыскная деятельность, негласное содействие, статус адвоката, содействие адвоката, правовое регулирование, правовая коллизия.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В рамках исследования, результаты которого представлены в статье, рассматривалась правовая и этическая допустимость негласного содействия адвокатам субъектам оперативно-разыскной деятельности. Выявлена юридическая коллизия между предписаниями ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» и п. 5 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», произведено их сопоставление с положениями Кодекса профессиональной этики адвоката. Обосновывая возможность ограниченного содействия адвокатов подготовке и проведению оперативно-разыскных мероприятий, автор обращается к конституционным принципам, обеспечивающим права граждан на безопасность, справедливое судопроизводство и участие в защите общественного порядка. **Методы.** В ходе исследования применялись: диалектический метод познания, анализ и синтез, индукция и дедукция, системный подход, формально-юридический (догматический) и сравнительно-правовой методы. **Результаты.** Автор доказывает, что отечественное законодательство допускает негласное содействие адвокатов оперативно-разыскной деятельности на бесконтрактной основе при условии, что оно осуществляется вне рамок адвокатской деятельности, не затрагивает интересы доверителей и не нарушает принципа независимости адвокатуры. Позиция Конституционного Суда Российской Федерации, изложенная в определении от 29 мая 2018 г. № 1397-О, подтверждает законность такого содействия. В статье раскрываются критерии его допустимости: добровольность, информированность, конфиденциальность, отсутствие конфликта интересов, соблюдение профессиональных гарантий. Сделан вывод о том, что негласное содействие адвоката представляет собой форму исполнения гражданского долга, совместимую с принципами адвокатской этики и конституционными правами граждан.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время повышается уровень требований, предъявляемых к обеспечению правопорядка и безопасности. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема участия граждан, в том числе лиц, обладающих специальным правовым статусом, в оперативно-разыскной деятельности. Одним из наиболее дискуссионных в этом контексте является вопрос о допустимости и правовых пределах негласного содействия адвокатов субъектам оперативно-разыскной деятельности. Сложность ответа на него обусловлена необходимостью согласования конституционного права граждан на участие в обеспечении безопасности общества с профессиональными гарантиями независимости адвокатуры и защитой интересов доверителей.

Актуальность исследования, результаты которого представлены в статье, определяется существованием правовой коллизии между положениями ч. 3 ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – ФЗ Об ОРД) и п. 5 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской

деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – ФЗ Об адвокатуре). Противоречия в толковании этих законов порождают неопределенность в правоприменительной практике и требуют комплексного научного анализа для формирования единых подходов к оценке правомерности негласного содействия адвокатов. Кроме того, проблема имеет эτικο-правовую значимость: она затрагивает вопрос о соразмерности обязанности граждан способствовать защите общественных интересов и обязанности адвоката сохранять профессиональную тайну и независимость.

Научная новизна проведенного нами исследования заключается в уточнении правовой и этической природы негласного содействия адвокатов субъектам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, а также в разграничении понятий «негласное содействие» и «негласное сотрудничество». Предлагается рассматривать негласное содействие адвоката как допустимую, ограниченную форму оказания им помощи правоохранительным органам, осуществляемого на бесконтрактной основе, вне рамок профессиональной

Sergey V. POPOV,
ORCID 0000-0002-1240-6046
Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Lecturer at the Department of Operational Investigative
Activities of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch
psv270181@gmail.com

THE COVERT ASSISTANCE OF ADVOCATES TO THE OPERATIONAL UNITS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

KEYWORDS. Operational investigative activities, covert assistance,
advocate status, assistance of advocate, legal regulation, legal conflict.

ANNOTATION. Introduction. The study, the results of which are presented in the article, examined the legal and ethical admissibility of the covert assistance of advocates to subjects of operational-search activities. A legal conflict between the provisions of Art. 17 of the Federal Law «On Operational Investigative Activities» and par. 5 of Art. 6 of the Federal Law «On Advocacy and the Bar in the Russian Federation» was identified, and their correlation with the provisions of the Code of Professional Ethics of Advocates was established. Justifying the possibility of limited participation of advocates in the preparation and conduct of operational search activities, the author turns to constitutional principles that ensure the rights of citizens to security, fair trial and participation in the protection of public order. **Methods.** The study used the following: dialectical method of cognition, analysis and synthesis, induction and deduction, systems approach, formal-legal (dogmatic) and comparative-legal methods. **Results.** The author demonstrates that domestic legislation permits the covert assistance of advocates in operational investigative activities on a non-contractual basis, provided that it is carried out outside the scope of legal practice, does not affect the interests of clients, and does not violate the principle of the independence of the advocate profession. The position of the Constitutional Court of the Russian Federation, set out in its ruling of May 29, 2018, № 1397-О, confirms the legality of such assistance. The article discusses the criteria for its permissibility: voluntariness, informed consent, confidentiality, the absence of a conflict of interest, and compliance with professional guarantees. It is concluded that the covert assistance of a advocates is a form of fulfilling a civic duty, consistent with the principles of advocate ethics and the constitutional rights of citizens.

деятельности и при соблюдении принципов адвокатской этики.

Целями исследования были выявление правовых пределов, условий допустимости и этических рамок негласного содействия адвокатов субъектам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, а также разработка критериев разграничения допустимого содействия и недопустимого сотрудничества. Для достижения этих целей потребовалось осуществить анализ нормативного регулирования, этических стандартов адвокатуры, судебной практики и позиций Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ).

МЕТОДЫ

В ходе работы нами применялись разнообразные методы научного познания, обеспечивающие комплексное и системное изучение предмета исследования. Общей методологической основой стал диалектический метод, позволивший рассмотреть развитие и функционирование института негласного содействия в контексте общественных отношений и правового регулирования деятельности различных государственных структур.

Общенаучные методы сформировали фундамент для обработки информации и формулирования выводов. Анализ и синтез обеспечили проведение разбора отдельных норм законодательства (ст. 17 ФЗ Об ОРД, п. 5 ст. 6 ФЗ Об адвокатуре) с последующим объединением полученных результатов в целостную картину коллизии для поиска путей ее разрешения. Системный подход дал возможность исследовать нормы, находившиеся в фокусе нашего внимания, в контексте Консти-

туции Российской Федерации, отраслей права и этических кодексов для выявления иерархии и приоритетов. С помощью индукции и дедукции была обобщена судебная практика, что позволило предложить общие правила разрешения коллизий.

Среди нашедших применение специально-юридических методов можно выделить формально-юридический (догматический) – буквальное толкование текста норм, грамматический и системный анализ (разграничение «содействия» и «сотрудничества»). Сравнительно-правовой метод применялся для сопоставления ФЗ Об ОРД (общая норма), ФЗ Об адвокатуре (специальная) и Кодекса этики адвоката.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Конституция Российской Федерации в ст. 2 провозглашает, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства. Основной закон признает за каждым гражданином ряд прав, в том числе право на безопасность, право на справедливое судопроизводство и право на участие в деятельности общественных организаций и государственных органов [1, с. 124; 2, с. 155]. Вместе с тем конституционно гарантировано (ст. 33) право граждан обращаться в государственные органы и органы местного самоуправления с жалобами, предложениями и заявлениями. Это право охватывает и возможность сообщения гражданами информации о совершенных или готовящихся преступлениях, а также оказание содействия органам, занимающимся борьбой с преступностью [3, с. 26].

Правовую основу для привлечения граждан к негласному содействию органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, закрепляет ст. 17 ФЗ Об ОРД [4, с. 46]. Ею предоставляется гражданам, в том числе и адвокатам, право содействовать органам, уполномоченным осуществлять оперативно-разыскную деятельность. Оно основывается на конституционном праве граждан участвовать в защите безопасности общества и государства и является конкретизацией общеправовой обязанности граждан соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации [5, с. 60]. Согласно ч. 1 ст. 17 ФЗ Об ОРД, «отдельные лица могут с их согласия привлекаться к подготовке или проведению оперативно-разыскных мероприятий с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, в том числе по контракту». Данное положение акцентирует внимание на добровольности выбора граждан и предусматривает возможность как гласного, так и негласного содействия [6, с. 211].

Обязанности лиц, оказывающих содействие субъектам оперативно-разыскной деятельности, закреплены ч. 2 ст. 17 ФЗ Об ОРД: сохранять в тайне сведения, ставшие известными в ходе подготовки или проведения оперативно-разыскных мероприятий, не предоставлять оперативным подразделениям заведомо ложную информацию [7, с. 67]. Они распространяются, в частности, и на адвокатов.

Существенное значение имеет ч. 3 ст. 17 ФЗ Об ОРД, которая запрещает привлекать адвокатов к негласному содействию на контрактной основе. Запрета на бесконтрактное содействие адвокатов здесь не установлено. В то же время п. 5 ст. 6 ФЗ Об адвокатуре предусматривает запрет на «негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность».

Соотношение норм, содержащихся в ч. 3 ст. 17 ФЗ Об ОРД и п. 5 ст. 6 ФЗ Об адвокатуре, характеризуется наличием юридической коллизии. Данные нормы противоречат друг другу: общая норма предопределяет возможность негласного содействия гражданам, в том числе адвокатов, органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, тогда как специальная норма содержит запрет на негласное сотрудничество в контексте профессиональной адвокатской деятельности. Специфика коллизии заключается в том, что нормы регулируют различные аспекты правоотношений: одна закрепляет правомочия субъектов оперативно-разыскной деятельности и граждан, другая ограничивает профессиональную деятельность адвокатов. То есть налицо расхождение по сфере применения. Это позволяет говорить не о непреодолимом противоречии, а о различиях в границах действия норм.

В соответствии с выработанными в юридической теории правилами разрешения коллизий

норм равной юридической силы при наличии между ними противоречия следует применять правило отраслевого приоритета. Согласно этому правилу при противоречии норм различных отраслей законодательства приоритет отдается норме той отрасли, к предмету которой относится регулируемое правоотношение [8, с. 150].

ФЗ Об адвокатуре является специальным законом, регулирующим вопросы адвокатской деятельности и защиты прав адвокатов. Правовая сила его норм ограничена: она проявляется лишь в сфере профессиональной адвокатской деятельности. Негласное содействие, осуществляемое адвокатом вне ее рамок и не затрагивающее интересы доверителя, не подпадает под действие специальной нормы ФЗ Об адвокатуре и, следовательно, остается в пределах действия общей нормы, содержащейся в ст. 17 ФЗ Об ОРД.

При возникновении неопределенности в применении противоречащих друг другу норм следует применять принцип, согласно которому приоритет отдается нормам, обеспечивающим реализацию конституционных прав граждан [9, с. 43]. Возможность участия адвокатов в борьбе с преступностью посредством негласного содействия органам, уполномоченным на осуществление оперативно-разыскной деятельности, соответствует конституционному праву граждан на безопасность, праву на справедливое разрешение споров и праву на участие в деятельности государственных органов по защите общественного порядка и безопасности [10, с. 19]. Ограничение возможностей адвокатов участвовать в борьбе с преступностью, реализуя конституционное право, предоставленное всем гражданам, было бы нарушением принципа справедливости и недопустимым сужением объема конституционных прав.

Пункт 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – Кодекс)¹ также содержит ограничение, касающееся осуществления адвокатской деятельности. Здесь закреплено требование соблюдать запрет на сотрудничество с органами, являющимися субъектами оперативно-разыскной деятельности. Из формулировок Кодекса следует, что негласное содействие адвокатом таким органам возможно при условии, что эта помощь не связана с осуществлением адвокатских функций и не затрагивает интересы доверителей. Следует подчеркнуть, что действие Кодекса распространяется только на адвокатов и регулирует их поведение лишь в условиях осуществления ими своей профессиональной деятельности (ч. 1 ст. 3). Это позволяет говорить о том, что участие адвоката в подготовке и проведении оперативно-разыскных мероприятий вне рамок профессиональной деятельности не подпадает под действие запрета. Такое участие должно рассматриваться как исполнение гражданского долга, не зависящее от профессионального статуса [11, с. 69].

Согласно принципу, закрепленному в ч. 2 ст. 2 Кодекса, ни одно его положение не должно тол-

¹ Принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. Содержит корпоративные этические нормы, регулирующие поведение адвокатов при осуществлении профессиональной деятельности. Согласно п. 2 ч. 5 ст. 18.2 этого кодекса его положения распространяются исключительно на сферу адвокатской практики и предназначены для упорядочения внутрипрофессиональных отношений.

коваться как допускающее совершение деяний, противоречащих федеральному законодательству. В то же время ничто в Кодексе не запрещает совершения деяний, разрешенных федеральным законодательством, вне рамок адвокатской деятельности.

Для того чтобы точнее определить содержание перечисленных выше запретов, необходимо разобратсья в терминологии, используемой в законодательстве.

В контексте адвокатской деятельности негласное сотрудничество следует рассматривать как скрытое участие адвоката в подготовке и проведении оперативно-разыскных мероприятий в качестве конфиденнта, осуществляемое под видом профессиональной адвокатской деятельности или при оказании юридической помощи доверителю. При этом предоставление субъектам оперативно-разыскной деятельности сведений, полученных в рамках адвокатской практики от доверителей, обусловливается договорными обязательствами между адвокатом и этими субъектами. «Негласность», когда речь идет о негласном сотрудничестве адвоката, означает скрытость, отсутствие явного признания факта сотрудничества. Таким образом, нарушается принцип адвокатской тайны, что способствует утрате доверия к институту адвокатуры. Вместе с тем возникает моральный конфликт между требованиями профессиональной этики и обязанностями, связанными со статусом конфиденнта. Конфиденциальность как базовый принцип адвокатуры предполагает защиту доверителя от несанкционированного раскрытия информации, полученной в рамках профессиональной деятельности адвоката. Профессиональная этика адвоката подразумевает наличие долга перед клиентом, коллегами и обществом, включая ответственность за сохранение доверия и избегание конфликта интересов. В условиях негласного сотрудничества с субъектами оперативно-разыскной деятельности этические принципы адвокатуры сталкиваются с требованиями контракта, в котором прописаны границы разглашаемой адвокатом информации. Данные обстоятельства позволяют сделать вывод о невозможности осуществления адвокатом содействия такого вида. Логика наших рассуждений согласуется с целью установления запрета на привлечение адвокатов к негласному содействию на контрактной основе. Такой целью является обеспечение защиты прав доверителей и независимости адвокатуры. Запрет направлен не против участия адвоката как гражданина в борьбе с преступностью, а против использования статуса адвоката и доверия, оказываемого обществом адвокату, в интересах оперативно-разыскной деятельности.

В отличие от негласного сотрудничества негласное содействие адвоката предполагает осуществление им действий вне рамок его профессиональной деятельности, на основе информированного письменного согласия, при условии соблюдения гарантий защиты информации и сохранения профессиональной независимости.

В условиях бесконтрактных отношений с субъектами оперативно-разыскной деятельности адвокат сохраняет возможность самостоятельно определять пределы предоставления информации, исходя из императивных требований о неразглашении адвокатской тайны, недопустимости конфликта интересов и необходимости поддержания доверия к адвокатскому сообществу. Адвокат не связан ведомственными инструкциями и не подчинен внутреннему порядку оперативного подразделения, что позволяет ему самостоятельно оценивать допустимость передачи тех или иных конкретных сведений с точки зрения их правового статуса, потенциальных последствий для доверителя и соответствия фундаментальным принципам адвокатской деятельности. В результате при негласном содействии адвокат, оказывая помощь вне рамок конкретного поручения по защите или представительству, осуществляет ограниченную и контролируруемую им самим коммуникацию с субъектами оперативно-разыскной деятельности, не утрачивая при этом профессиональной независимости и не выходя за рамки установленного законом режима охраны информации.

Таким образом, рассматривая вопрос о допустимости содействия адвоката субъектам оперативно-разыскной деятельности, важно четко определить статус его участия в подготовке или проведении оперативно-разыскных мероприятий: реализуется ли оно при оказании юридической помощи доверителю или никак не затрагивает его интересы.

Сопоставление предписаний, содержащихся в ст. 17 ФЗ Об ОРД, п. 5 ст. 6 ФЗ Об адвокатуре и п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, позволяет выявить различия в предметах правового регулирования данных норм.

ФЗ Об ОРД регламентирует полномочия органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, в области привлечения граждан к негласному содействию [12, с. 63]. Им определены процедура привлечения граждан, объем их прав и обязанностей, а также специальные ограничения, касающиеся формы закрепления правоотношений [13, с. 42]. Запрет сотрудничества с адвокатами на контрактной основе направлен на недопущение коммерциализации содействия лиц, обладающих специальным статусом.

ФЗ Об адвокатуре устанавливает пределы осуществления адвокатской деятельности и закрепляет профессиональные запреты, обеспечивающие защиту прав доверителей и независимость адвокатуры. Им регулируются исключительно вопросы, связанные с оказанием адвокатской помощи и профессиональной деятельностью адвокатов.

Здесь необходимо обратить внимание на разъяснение, которое по вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса дала Комиссия Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам¹ (далее – Разъяснение). В документе отмечено, что адвокат «вправе разово содействовать (сотрудничать) в оперативно-разыскной деятельности на бесконтрактной основе». Разъяснением

¹ Разъяснение Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката от 28.01.2016 № 01/16.

установлены следующие критерии допустимости негласного содействия:

- наличие реальной угрозы – основанием для рассмотрения возможности оказания адвокатом конфиденциального содействия органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, служит возникновение реальной угрозы причинения вреда доверителю;
- обсуждение с доверителем альтернатив – адвокат должен обсудить с доверителем меры по ликвидации возникшей угрозы, не связанные с обращением в органы, правомочные осуществлять оперативно-разыскную деятельность;
- информирование доверителя о правовых ограничениях – адвокат обязан уведомить доверителя о запретах на сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, установленных федеральным законом и Кодексом профессиональной этики;
- обеспечение участия третьих лиц – адвокат должен постараться обеспечить участие в оперативно-разыскных мероприятиях других лиц, в том числе самого доверителя, если это возможно.

Итак, Разъяснение допускает разовое содействие адвоката субъектам оперативно-разыскной деятельности на бесконтрактной основе, если оно мотивировано исключительно защитой интересов доверителя и без него угрозу причинения вреда доверителю устранить невозможно. Разъяснение не противоречит требованиям законодательства при условии его интерпретации в соответствии с положениями ст. 17 ФЗ Об ОРД и буквального толкованием норм ФЗ Об адвокатуре и Кодекса. Возможность разово содействовать органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, на бесконтрактной основе соответствует положениям ч. 3 ст. 17 ФЗ Об ОРД, допускающим такое содействие граждан, в том числе адвокатов. Условие, предусматривающее наличие реальной угрозы и необходимость защиты интересов доверителя, обеспечивает соблюдение требований п. 5 ст. 6 ФЗ Об адвокатуре о недопустимости использования профессионального статуса адвоката и доверия общественности в целях, противоречащих интересам доверителя. Содействие допустимо также тогда, когда оно требуется для защиты самого адвоката или его близких, но не обусловлено общегражданским долгом. Дисциплинарная практика и суды подтверждают: в таких случаях зачастую нарушений не усматривается, если оперативно-разыскные мероприятия проведены законно. Интересы доверителя и независимость адвокатуры гармонизируются с опорой на позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека.

Существенным обстоятельством является установление критериев, позволяющих отграничить допустимое содействие на бесконтрактной основе от недопустимого негласного сотрудничества:

- критерий первый – характер осуществляемой деятельности. Негласное содействие адвоката субъектам оперативно-разыскной деятельности является соответствующим законодательству при условии, что оно не осуществляется в рамках профессиональной адвокатской деятельности,

понимаемой как оказание юридической помощи доверителю. Содействие, которое имеет место вне рамок такой помощи и не затрагивает интересы доверителя, не подпадает под запреты, содержащиеся в п. 5 ст. 6 ФЗ Об адвокатуре и п. 3.1 ст. 9 Кодекса;

- критерий второй – наличие согласия и информированность. Негласное содействие должно основываться на добровольном, осознанном и письменно оформленном согласии адвоката, которое должно быть получено в условиях его полной информированности о характере предстоящих мероприятий, о рисках, связанных с содействием, и о пределах ограничений, установленных законодательством. Необходимо, чтобы адвокат отчетливо понимал, что в рассматриваемом случае его действия не будут являться профессиональной деятельностью и он не сможет пользоваться льготами и гарантиями, предоставляемыми адвокатам;

- критерий третий – сохранение профессиональной независимости. Содействие субъектам оперативно-разыскной деятельности не должно подрывать профессиональную независимость адвоката, ограничивать его право на справедливую защиту интересов доверителей или создавать конфликт интересов. Осуществление адвокатом негласного содействия не должно препятствовать надлежащему выполнению им адвокатской деятельности и не может быть использовано в целях оказания влияния на нее;

- критерий четвертый – форма закрепления отношений. Согласно ч. 3 ст. 17 ФЗ Об ОРД негласное содействие адвокатов допускается только на бесконтрактной основе, что предполагает отсутствие договора о сотрудничестве, регистрационных процедур и официального признания статуса содействующего лица. Исключений для лиц, обладающих специальным статусом, ч. 1 ст. 17 не предусматривает. Это означает, что данная норма не проводит различий между обычными гражданами и адвокатами при определении круга лиц, которые могут быть привлечены к негласному содействию. Система обозначения субъектов (в диспозиции используется слово «лица» без уточнений) свидетельствует об универсальном характере предоставленного права Единственное ограничение – запрет на сотрудничество с адвокатами на основе контракта – устанавливает ч. 3 ст. 17 ФЗ Об ОРД. Данное ограничение касается формы закрепления правоотношений, а не самой возможности осуществления адвокатами негласного содействия. Отсутствие в диспозиции названной статьи абсолютного запрета на предоставление конфиденциальной помощи подчеркивает допустимость бесконтрактного содействия.

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2018 г. № 1397-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белоуса Виталия Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 17 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности»» было сформулировано важное уточнение относительно допустимости участия адвокатов в оперативно-разыскных мероприятиях. В п. 2 этого определения Консти-

туционный Суд отметил, что ч. 3 ст. 17 ФЗ Об ОРД «ограничивает использование содействия лиц, имеющих статус адвоката, органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, исключая возможность заключения с ними контракта, но не запрещает использовать их содействие для подготовки или проведения оперативно-разыскных мероприятий на бесконтрактной основе». Данное официальное толкование подтверждает возможность негласного содействия адвокатов субъектам оперативно-разыскной деятельности при соблюдении условия бесконтрактности. Такая позиция соответствует букве и духу ч. 3 ст. 17 ФЗ Об ОРД и обеспечивает применение норм закона в соответствии с конституционными принципами, гарантирующими права и свободы граждан.

В свою очередь, органы, уполномоченные на осуществление оперативно-разыскной деятельности, при привлечении адвокатов к негласному содействию обязаны обеспечить следующие гарантии прав и свобод граждан, оказывающих эту помощь:

- неприкосновенность адвокатского кабинета и профессиональной тайны адвоката. Адвокатский кабинет, согласно ФЗ Об адвокатуре, пользуется неприкосновенностью, а сведения, сообщенные доверителем адвокату при оказании юридической помощи, являются профессиональной тайной;
- недопущение использования информации, полученной в ходе адвокатской деятельности. Субъекты оперативно-разыскной деятельности не должны использовать информацию, полученную в рамках осуществления адвокатом содействия, для проведения следственных действий в отношении самого адвоката или его доверителей без соответствующих оснований [14, с. 144];
- уважение к независимости адвоката в принятии решений. Адвокат сохраняет право в любой момент отказать в дальнейшем содействии и при

этом не может быть подвергнут мерам давления или дисциплинарному воздействию [15, с. 48];

- исключение связи между содействием и профессиональной деятельностью. Факт оказания адвокатом негласного содействия не должен использоваться как основание для ограничения его профессиональных прав или как предлог для надзора за его адвокатской деятельностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Статья 17 ФЗ Об ОРД предусматривает возможность привлечения граждан, в том числе лиц, обладающих статусом адвоката, к негласному содействию субъектам оперативно-разыскной деятельности. Единственное ограничение устанавливает ч. 3 ст. 17: запрещено его оказание на контрактной основе. Абсолютного запрета на бесконтрактное содействие в законодательстве не имеется.

Запрет на «негласное сотрудничество», закрепленный в п. 5 ст. 6 ФЗ Об адвокатуре, при правильном его толковании означает запрещение участия адвоката в подготовке и проведении оперативно-разыскных мероприятий в рамках его профессиональной деятельности, а не воспрепятствование любому негласному содействию.

Действие Кодекса профессиональной этики адвоката распространяется исключительно на сферу адвокатской деятельности. Следовательно, вне ее рамок допускается негласное содействие, осуществляемое адвокатом как гражданином.

Конституционное право граждан на участие в борьбе с преступностью и право на безопасность обеспечивают конституционно-правовую основу для легитимности негласного содействия адвокатов, как и любых других граждан. Позиция Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированная в определении от 29 мая 2018 г. № 1397-О, подтверждает возможность бесконтрактного содействия адвокатов субъектам оперативно-разыскной деятельности при соблюдении установленных ограничений. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Катков С.В., Семенов Г.М., Костенко Н.С., Алексеева А.П. О мерах совершенствования организации работы оперативных и следственных подразделений МВД России по выявлению, раскрытию и расследованию хищений денежных средств с использованием банковских карт на территории Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4 (55). С. 123-128.
2. Анисимова А.П. К вопросу о специфике правосознания в российском обществе на современном этапе // Органы правопорядка: история и современность: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Екатеринбург: Уральский ЮИ МВД России, 1998. С. 155-157.
3. Глубоковских Р.В., Гринева Д.А. Характеристика оперативно-розыскного инструментария при раскрытии хищения денежных средств с банковских счетов // XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 25-27.
4. Попов С.В. Формы содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Актуальные проблемы современного российского государства и права: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 45-48.
5. Герасимов А.В., Поляков А.В. К вопросу информационного воздействия на объекты оперативной заинтересованности // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 60-61.
6. Поляков А.В., Гринева Д.А. О возможностях использования информационных технологий в решении задач оперативно-розыскной деятельности // Межведомственный научно-практический

Петербургский оперативно-розыскной форум: Материалы межведомственной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 211-215.

7. Горковенко И.А. Оперативно-розыскное противодействие преступным проявлениям среди несовершеннолетних: проблемы и подходы к их решению // Криминалистика – наука без границ: традиции и новации: Материалы международной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 66-68.

8. Желудков М.А., Алексеева А.П. Общественный контроль в деятельности по противодействию коррупции в России: проблемы и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (102). С. 146-154.

9. Горковенко И.А. Перспективы оперативно-розыскного предупреждения преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Оперативно-розыскная деятельность: актуальные вопросы теории и практики: Сборник научных трудов всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Ростовский ЮИ МВД России, 2025. С. 41-47.

10. Алексеева А.П. Деятельность полиции Волгоградской области в оценках общественности // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 16-25.

11. Поляков А.В., Герасимов А.В. Оперативная комбинация: провокация или нет? // IX Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2021. С. 68-70.

12. Горковенко И.А. Отдельные аспекты противодействия преступности несовершеннолетних оперативно-розыскными мерами // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: КрУ МВД России, 2025. С. 63-66.

13. Горковенко И.А. Некоторые проблемы оперативно-розыскного противодействия преступности несовершеннолетних // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Сборник научных трудов межведомственной научно-практической конференции. М.: МосУ МВД России им. В.Я. Кикотя, 2024. С. 41-44.

14. Герасимов А.В., Поляков А.В. Психологические особенности оперативно-розыскного обеспечения проведения отдельных следственных действий // VIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2020. С. 144-146.

15. Кутуев Э.К., Глубоковских Р.В. Заключение под стражу как мера пресечения: особенности и возможности правового применения в розыскной работе // Российский следователь. 2022. № 9. С. 48-52.

REFERENCES

1. Katkov S.V., Semenenko G.M., Kostenko N.S., Alekseyeva A.P. O merakh sovershenstvovaniya organizatsii raboty operativnykh i sledstvennykh podrazdeleniy MVD Rossii po vyavleniyu, raskrytiyu i rassledovaniyu khishcheniy denezhnykh sredstv s ispol'zovaniyem bankovskikh kart na territorii Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2020. № 4 (55). S. 123-128.

2. Anisimova A.P. K voprosu o spetsifike pravosoznaniya v rossiyskom obshchestve na sovremennom etape // Organy pravoporyadka: istoriya i sovremennost': Materialy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Yekaterinburg: Ural'skiy YuI MVD Rossii, 1998. S. 155-157.

3. Glubokovskikh R.V., Grineva D.A. Kharakteristika operativno-rozysknogo instrumentariya pri raskrytii khishcheniya denezhnykh sredstv s bankovskikh schetov // XIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 25-27.

4. Popov S.V. Formy sodeystviya grazhdan organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost' // Aktual'nyye problemy sovremennogo rossiyskogo gosudarstva i prava: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 45-48.

5. Gerasimov A.V., Polyakov A.V. K voprosu informatsionnogo vozdeystviya na ob'yekty operativnoy zainteressovannosti // KH Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2022. S. 60-61.

6. Polyakov A.V., Grineva D.A. O vozmozhnostyakh ispol'zovaniya informatsionnykh tekhnologiy v reshenii zadach operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Mezhhvedomstvennyy nauchno-prakticheskiy Peterburgskiy operativno-rozysknoy forum: Materialy mezhhvedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 211-215.

7. Gorkovenko I.A. Operativno-rozysknoye protivodeystviye prestupnym proyavleniyam sredi nesovershennoletnikh: problemy i podkhody k ikh resheniyu // Kriminalistika – nauka bez granits: traditsii i novatsii: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 66-68.

8. Zheludkov M.A., Alekseyeva A.P. Obshchestvennyy kontrol' v deyatelnosti po protivodeystviyu korrupsii v Rossii: problemy i perspektivy // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 2 (102). S. 146-154.

9. Gorkovenko I.A. Perspektivy operativno-rozysknogo preduprezhdeniya prestupleniy, sovershayemykh nesovershennoletnimi // Operativno-rozysknaya deyatelnost': aktual'nyye voprosy teorii i praktiki: Sbornik nauchnykh trudov vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Rostov-na-Donu: Rostovskiy YuI MVD Rossii, 2025. S. 41-47.

10. Alekseyeva A.P. Deyatel'nost' politsii Volgogradskoy oblasti v otsenkakh obshchestvennosti // Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava. 2015. № 4. S. 16-25.

11. Polyakov A.V., Gerasimov A.V. Operativnaya kombinatsiya: provokatsiya ili net? // IX Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2021. S. 68-70.

12. Gorkovenko I.A. Otdel'nyye aspekty protivodeystviya prestupnosti nesovershennoletnikh operativno-rozysknymi merami // Aktual'nyye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoy deyatelnosti: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2025. S. 63-66.

13. Gorkovenko I.A. Nekotoryye problemy operativno-rozysknogo protivodeystviya prestupnosti nesovershennoletnikh // Aktual'nyye voprosy teorii i praktiki operativno-rozysknoy deyatelnosti: Sbornik nauchnykh trudov mezhdudomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.: MosU MVD Rossii im. V.Ya. Kikotya, 2024. S. 41-44.

14. Gerasimov A.V., Polyakov A.V. Psikhologicheskiye osobennosti operativno-rozysknogo obespecheniya provedeniya otdel'nykh sledstvennykh deystviy // VIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2020. S. 144-146.

15. Kutuyev E.K., Glubokovskikh R.V. Zaklyucheniye pod strazhu kak mera presecheniya: osobennosti i vozmozhnosti pravovogo primeneniya v rozysknoy rabote // Rossiyskiy sledovatel'. 2022. № 9. S. 48-52.

© Попов С.В., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Попов С.В. Негласное содействие адвокатов оперативным подразделениям органов внутренних дел // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (83). С. 88-95.

Игорь Андреевич КРАВЦУН,

ORCID 0009-0007-1818-7888

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург)

адъюнкт

kravia52@gmail.com

Научный руководитель:

Наталья Фёдоровна ГЕЙЖАН,

доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики

и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России

Научная статья

УДК 37.018.46:351.74

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБУЧЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЙ РАБОТЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В РАМКАХ СЛУЖЕБНОЙ И МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Информационно-пропагандистская работа, органы внутренних дел, профессиональная служебная подготовка, оценка эффективности, информационное противоборство, контрпропаганда.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В условиях цифровой трансформации и усиления гибридных угроз подготовка сотрудников органов внутренних дел для ведения информационно-пропагандистской работы приобретает особую важность. Существующая система служебной подготовки не демонстрирует потенциала формирования у них соответствующих практико-ориентированных компетенций на достаточно высоком уровне. *Методы.* Для оценки эффективности формирования таких компетенций разработана и апробирована 40-часовая программа обучения. Она была интегрирована в систему служебной подготовки. Изучены результаты ее освоения 57 сотрудниками органов внутренних дел. В ходе проведения исследования оказался востребован комплекс методов: входное и выходное тестирование, цветное маркирование вербальной активности, проективная методика «Неоконченные предложения», оценка решения практических кейсов. При статистической обработке данных использовались критерий знаков Уилкоксона, критерий Фридмана и коэффициент корреляции Пирсона (IBM SPSS Statistics 27). *Результаты.* Выявлена статистически значимая положительная динамика по всем оцениваемым параметрам. Средний балл, полученный по итогам тестирования, вырос с 9,5 до 13 из 15 возможных ($Z = 6,12, p < 0,001$) с величиной эффекта $r = 0,81$. Индекс качества вовлеченности увеличился с 0,40 до 0,88 ($\chi^2(4) = 48,72, p < 0,001$). Существенно улучшились результаты решения сотрудниками органов внутренних дел практических кейсов. Доля позитивных ассоциаций с пропагандой возросла с 53% до 89%. Итоги исследования подтверждают высокую эффективность разработанной автором программы. Ее использование в системе профессиональной служебной подготовки обеспечивает формирование комплекса компетенций, необходимых для эффективной информационно-пропагандистской работы.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в условиях ускоряющейся цифровизации общества в правоохранительных органах сформировался устойчивый запрос на подготовку и переподготовку специалистов в области информационно-пропагандистской работы (далее – ИПР) с личным составом. Трансформация медийного ландшафта, характеризующаяся ростом влияния социальных сетей, распространенностью фейков и усилением деструктивного новостного воздействия [1, 2], требует от сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) владения современными технологиями информационного противоборства [3, 4, 5].

Особую актуальность проблема приобретает в контексте геополитических вызовов нашего времени. Сегодня информационное противоборство становится неотъемлемой составляющей обеспечения национальной безопасности. Силы, стремящиеся дестабилизировать общество, активно используют цифровые платформы для распространения ложных сведений. Целью осуществляемого ими манипулирования общественным сознанием является подрыв доверия к государству в целом и правоохранительным органам в частности [6, 7]. В связи с этим способность сотрудников ОВД эффективно проводить контрпропагандистскую работу, своевременно выявлять и нейтрализовать

Igor A. KRAVTSUN,

ORCID 0009-0007-1818-7888

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Adjunct

kravia52@gmail.com

Scientific supervisor:

Natalia F. GEIZHAN,

Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and

Psychology of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

THE EFFECTIVENESS OF TRAINING IN ORGANIZING INFORMATION AND PROPAGANDA WORK IN THE INTERNAL AFFAIRS AGENCIES WITHIN THE FRAMEWORK OF SERVICE AND MORAL-PSYCHOLOGICAL TRAINING

KEYWORDS. Information and propaganda work, internal affairs agencies, professional in-service training, effectiveness assessment, information warfare, counter-propaganda.

ANNOTATION. *Introduction.* In the context of digital transformation and increasing hybrid threats, training law enforcement officers capable of effectively conducting information and propaganda work is particularly important. The existing system of professional training demonstrates insufficient effectiveness in developing relevant practice-oriented competencies. *Methods.* To assess the effectiveness of developing such competencies, a 40-hour training program was developed and tested, it was integrated into the professional training system. The results of its mastery by 57 law enforcement officers were analyzed. The study demonstrated the use of a combination of methods: entrance and exit testing, color coding of verbal activity, the projective technique «Unfinished Sentences», and assessment of practical case studies. For statistical data processing, the Wilcoxon signed-rank test, the Friedman test, and the Pearson correlation coefficient (IBM SPSS Statistics 27) were used. *Results.* Statistically significant positive dynamics were revealed for all assessed parameters. The average test score increased from 9,5 to 13 out of 15 possible ($Z = 6,12, p < 0,001$), with an effect size of $r = 0,81$. The quality of engagement index increased from 0,40 to 0,88 ($\chi^2(4) = 48,72, p < 0,001$). The results of law enforcement officers' solution of practical cases significantly improved. The proportion of positive associations with propaganda increased from 53% to 89%. The results of the study confirm the high effectiveness of the program developed by the author. Its use in the system of professional service training ensures the development of a set of competencies necessary for effective information and propaganda work.

фейки [8; 9 с. 98] становится критически важной для сохранения морально-психологической устойчивости личного состава и обеспечения оперативной готовности подразделений.

Проведенный нами анализ системы профессиональной служебной подготовки в органах внутренних дел позволил выявить недостатки в области формирования компетенций, необходимых для ИПР. В соответствии с приказом МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44¹ служебная подготовка является основным и наиболее ресурсоэффективным механизмом совершенствования профессиональных знаний и навыков сотрудников ОВД по месту их службы. Однако, как показывают результаты входного тестирования, более 70% слушателей испытывают затруднения в дифференциации базовых понятий ИПР, не владеют современными методами верификации информации и технологиями контрпропаганды.

Решение задачи по исправлению ситуации осложняется динамичным характером технического прогресса. Это обстоятельство требует постоянного обновления содержания подготовки и внедрения инновационных образовательных методик. Традиционные формы обучения оказываются недостаточно эффективными для формирования практических умений [10, 11], связанных с организацией противодействия современным

угрозам информационной безопасности [12, 13]. Поэтому разработка и апробация специализированной программы занятий по ИПР представляет своевременной и научно обоснованной [14].

Целью нашего исследования была оценка результативности подготовки сотрудников ОВД в условиях реализации в системе профессиональной служебной подготовки программ занятий по информационно-пропагандистской работе. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: разработка программы занятий с учетом современных угроз информационной безопасности [15]; апробация разработанной программы в рамках служебной подготовки; оценка динамики формирования у слушателей профессиональных компетенций с использованием комплекса диагностических методик; проведение статистического анализа эффективности предлагаемой модели подготовки.

МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования составил комплексный подход. Был проведен анализ нормативной правовой базы, регламентирующей ИПР и организацию профессиональной служебной подготовки в ОВД (в первую очередь это приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения дея-

¹ Приказ МВД России от 02.02.2024 № 44 «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации».

СИСТЕМА КРИТЕРИЕВ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБУЧЕНИЯ

Критерий	Краткое описание	Ключевые показатели (для оценки)
1. Когнитивный Усвоение понятийного аппарата, нормативной базы, теоретических основ.	Оценивает уровень теоретической подготовки.	1.1. Понимание и различение ключевых понятий ИПР. 1.2. Знание нормативной базы, регулирующей ИПР в ОВД. 1.3. Понимание социально-психологических условий эффективности пропаганды.
2. Ценностно-ориентационный Сформированность интереса, осознание значимости, готовность к деятельности.	Оценивает мотивационно-ценностное отношение к ИПР.	2.1. Осознание личной и профессиональной значимости ИПР. 2.2. Готовность применять полученные знания на практике. 2.3. Интерес к дальнейшему самообразованию в сфере ИПР.
3. Деятельностный Умение применять знания в дискуссиях, анализировать информацию.	Оценивает сформированность практических умений.	3.1. Умение применять понятийный аппарат в дискуссии и анализе. 3.2. Способность к аргументированному выступлению и ведению дискуссии. 3.3. Навык анализа информации из СМИ и соцсетей на предмет манипуляций.

тельности органов внутренних дел Российской Федерации» и от 2 февраля 2024 года № 44 «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации»). Ключевым из использованных эмпирических методов стало опытно-экспериментальное обучение в формате служебной подготовки. Его неотъемлемой и методологически значимой составляющей являются математические методы обработки статистических данных педагогического эксперимента.

Эмпирическая часть исследования предусматривала проведение анкетирования, тестирования, групповых бесед, применение проективных методик и апробацию программы занятий. В педагогическом эксперименте приняли участие 57 сотрудников подразделений по работе с личным составом (30 представляли Главное управление МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, 27 – Управление на транспорте МВД России по Северо-Западному федеральному округу). Оценка эффективности подготовки осуществлялась с помощью комплекса диагностических методов:

- входное и выходное тестирование – для оценки уровня теоретической подготовки (15 тестовых заданий);
- цветное маркирование вербальной активности с использованием стикеров трех цветов (синие – за точные ответы; зеленые – за ответы, требующие корректировки; оранжевые – за отсутствие активности);
- проективная методика «Неоконченные предложения» – для анализа изменений профессионального сознания;
- оценка решения практических кейсов по трем критериям: глубина анализа (0-2 балла), практи-

ческая применимость (0-2 балла) и креативность решения (0-1 балл);

- критерий знаковых рангов Уилкоксона (Wilcoxon signed-rank test) – для оценки статистической значимости различий между парными замерами (входной и выходной контроль) по одним и тем же показателям;

- коэффициент корреляции Пирсона – для оценки силы и направления линейной связи между различными показателями эффективности обучения (например между баллами, полученными по итогам теста и за решение кейсов);

- критерий Фридмана – для сравнения нескольких связанных выборок (динамики индекса вовлеченности по пяти занятиям).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Далее представлены итоги апробации программы специального курса подготовки к ИПР. Для объективной оценки вовлеченности слушателей в ходе апробации применялась система цветного маркирования. Каждый из слушателей на занятиях мог получить стикеры трех цветов, фиксирующие качество вербальной активности:

- синие – за точные и полные ответы;
- зеленые – за ответы, требующие незначительной корректировки;
- оранжевые – за отсутствие вербальной активности.

Методика расчета показателей вовлеченности

Для количественной оценки динамики вовлеченности были использованы две расчетные формулы:

1) общий показатель активности – (Синие стикеры + Зеленые стикеры); *отражает общее количество продуктивных вербальных реакций слушателей за занятие.* Пример расчета для занятия 1: $38+45=83$;

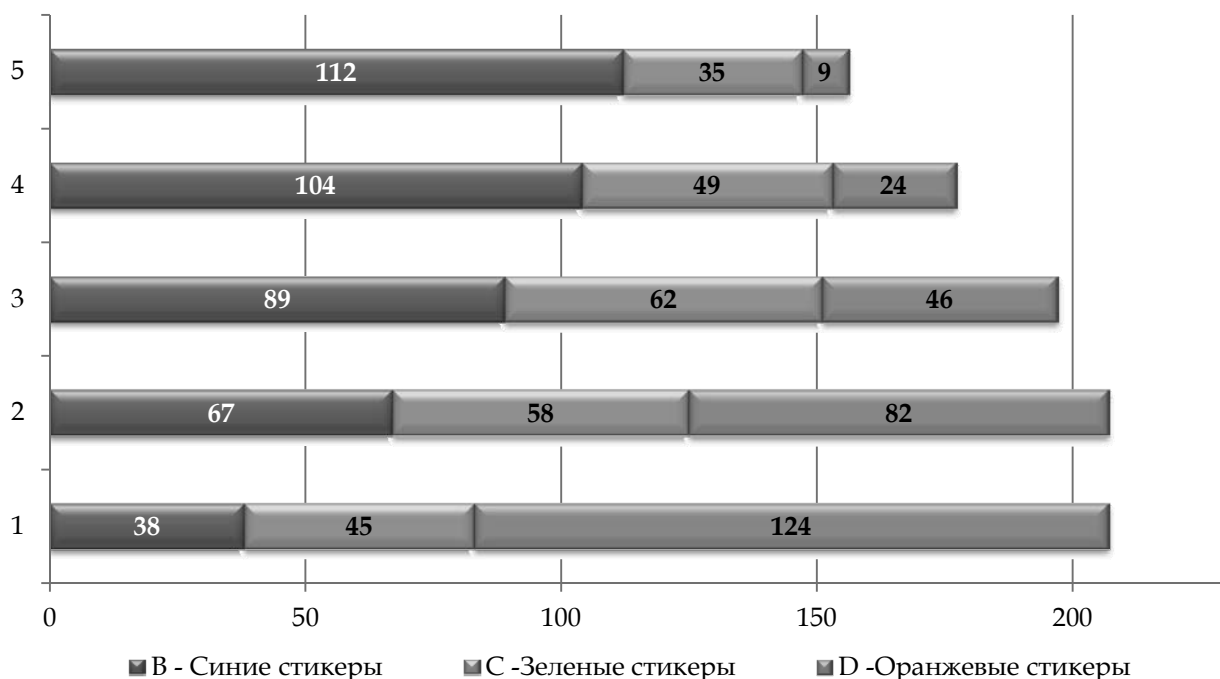
Таблица 2.

**ДИНАМИКА ВЕРБАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СЛУШАТЕЛЕЙ
(количество стикеров, полученных за занятие)**

	Синие стикеры	Зеленые стикеры	Оранжевые стикеры	Общий показатель активности*
Занятие 1	38	45	124	83
Занятие 2	67	58	82	125
Занятие 3	89	62	46	151
Занятие 4	104	49	24	153
Занятие 5	112	35	9	147

* Рассчитывается как сумма синих и зеленых стикеров по формуле: (Синие стикеры × 1 + Зеленые стикеры × 0,5) / Общее количество слушателей.

Диаграмма 1. Динамика вербальной активности слушателей.

2) индекс качества вовлеченности – (Синие стикеры × 1 + Зеленые стикеры × 0,5) / N, где N = 57 (общее количество слушателей); позволяет оценить не только количественную, но и качественную составляющую вовлеченности, присваивая больший вес точным и полным ответам (синие стикеры). Пример расчета для занятия 1: $(38 \times 1 + 45 \times 0,5) / 57 = 0,40$.

Результаты анализа данных демонстрируют положительную динамику вовлеченности слушателей на протяжении всего курса обучения (диаграмма 1). Если на первом занятии преобладали слушатели с отсутствием вербальной активности (124 оранжевых стикера), то к пятому занятию их стало гораздо меньше (9 оранжевых стикеров). Параллельно наблюдался рост числа качественных ответов: количество синих стикеров увеличилось с 38 до 112. Это свидетельствует не только о повышении активности, но и об углублении понимания материала.

Статистическая значимость динамики вовлеченности

Для проверки статистической значимости изменений уровня вовлеченности был применен критерий Фридмана для нескольких связанных выборок: нами анализировалась динамика одного и того же показателя (индекса качества вовлеченности) на пяти последовательных занятиях.

Результаты анализа: $\chi^2(4) = 48,72, p < 0,001$.

Это свидетельствует о наличии статистически значимых различий между занятиями по уровню вовлеченности. Post-hoc анализ с применением критерия Уилкоксона с поправкой Бонферрони подтвердил, что значимые улучшения происходили между занятием 1 и всеми последующими занятиями ($p < 0,01$), а также между занятием 2 и занятиями 4-5 ($p < 0,05$).

Результаты эмпирического исследования продемонстрировали высокую эффективность программы спецкурса подготовки сотрудников

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ВХОДНОГО И ВЫХОДНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ

Показатель	Входной контроль	Выходной контроль
Средний балл (из 15)	9,5	13
Низкий уровень (0-5 баллов)	8	0
Средний уровень (6-10 баллов)	32	9
Высокий уровень (11-15 баллов)	17	48

ОВД к ИПР. Исходная диагностика выявила существенные пробелы в знаниях: средний балл входного тестирования составил лишь 9,5 из 15, при этом 8 из 57 слушателей показали низкий уровень подготовленности. Наибольшие затруднения отмечались в идентификации манипулятивных методов (39% правильных ответов), понимании когнитивных искажений (42%) и сущности контрпропаганды (47%).

Динамика по когнитивному критерию (усвоение знаний)

После окончания обучения наблюдался значительный прогресс: средний балл вырос до 13 из 15 (таблица 2). При этом с 17 до 48 (из 57 человек) увеличилась число слушателей с высоким уровнем подготовленности, с низким не осталось никого. Наибольшая динамика зафиксирована в следующих областях: идентификация фейковой информации (количество правильных ответов возросло с 39% до 97%), методы верификации контента (с 42% до 94%), алгоритмы контрпропагандистской деятельности (с 47% до 96%).

Статистический анализ с использованием критерия знаковых рангов Уилкоксона подтвердил высокую значимость полученных результатов. Поскольку результаты анализа распределения тестовых баллов показали его отклонение от нормального, для оценки достоверности сдвига был применен непараметрический метод для связанных выборок. Выявлен статистически значимый сдвиг в сторону увеличения баллов после прохождения обучения ($Z = 6,12$, $p < 0,001$). Для определения практической значимости эффекта его величина вычислена по формуле: $r = Z / \sqrt{N}$, где N – количество парных наблюдений (57). В нашем случае: $r = 6,12 / \sqrt{57} = 0,81$. Согласно общепринятой интерпретации, в рамках которой показатель $|r| \geq 0,5$ свидетельствует о крупном эффекте, полученное значение $r = 0,81$ подтверждает не только статистическую, но и высокую практическую значимость проведенного обучения.

Важно отметить, что данная величина эффекта (r) рассчитана на основе статистики Z критерия Уилкоксона и не является коэффициентом корреляции Пирсона, который был использован нами отдельно для оценки связи между различными показателями эффективности обучения (например теоретическими знаниями и практическими умениями).

Динамика по деятельностному критерию (формирование умений)

Развитие практических умений (деятельностный компонент) оценивалось по двум показате-

лям: вовлеченность в учебную дискуссию и качество решения кейсов.

Детализация расчетов по анализу практических кейсов и качественных показателей

Методика оценки: каждый кейс оценивался по трем критериям с последующим суммированием баллов (глубина анализа – 0-2 балла, практическая применимость – 0-2 балла, креативность решения – 0-1 балл); *максимальный балл за кейс – 5.*

Формула расчета среднего балла: *Средний балл = $\Sigma(\text{баллы всех слушателей}) / N$, где $N = 57$ (количество слушателей).*

Пример расчета для кейса «Специальная военная операция» на выходном контроле: $(1,3 + 1,1 + 0,3) = 2,7$ балла.

Объяснение. Индивидуальный балл за кейс у одного слушателя может составлять: 1 (глубина) + 2 (применимость) + 1 (креативность) = 4 балла из 5. Средний балл по группе считается так: складываем все баллы за глубину анализа всех 57 слушателей и делим сумму на 57. Получаем средний балл по критерию – 1,3. Именно эти средние значения по критериям и приведены в таблице. Поэтому они дробные и меньше максимальных (2, 2, 1). Итоговый средний балл за кейс (2,7) – это сумма средних баллов по трем критериям $(1,3 + 1,1 + 0,3)$.

Динамика по ценностно-ориентационному критерию (мотивация и установки)

Качественные изменения в мотивационно-ценностной сфере (ценностно-ориентационный компонент) были зафиксированы с помощью проективной методики. Сильная корреляция между теоретическими знаниями и успешностью решения кейсов ($r = 0,82$, $p < 0,001$), установленная с помощью коэффициента корреляции Пирсона, подтверждает комплексный характер сформированных компетенций.

Особое значение имеет выявленная динамика по ключевым компетенциям: системное понимание пропагандистских технологий (31 слушатель с высоким уровнем), практические компетенции верификации информации (33 слушателя) и критический анализ медиаконтента (30 слушателей). Эти данные свидетельствуют о том, что программа занятий не только обеспечивает усвоение теоретических знаний, но и формирует практико-ориентированные компетенции, необходимые для эффективной профессиональной деятельности.

Проведенные нами расчеты подтверждают статистически значимый прогресс по всем оцениваемым параметрам, что демонстрирует эффективность программы обучения.

Таблица 4.

ДЕТАЛИЗАЦИЯ РАСЧЕТОВ ПО ПРАКТИЧЕСКИМ КЕЙСАМ

Кейс	Период	Глубина анализа	Практическая применимость	Креативность	Сумм. балл	Средний балл
СВО	Входной	0,6	0,4	0,2	1,2	1,2
	Выходной	1,3	1,1	0,3	2,7	2,7
Позитивная пропаганда России	Входной	0,4	0,3	0,1	0,8	0,8
	Выходной	1,2	0,9	0,3	2,4	2,4
Имидж ОВД	Входной	0,2	0,2	0,1	0,5	0,5
	Выходной	1,0	0,8	0,3	2,1	2,1

Таблица 5.

РАСЧЕТ ИЗМЕНЕНИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

Показатель	Входной контроль	Расчет	Выходной контроль	Расчет
Негативные ассоциации с пропагандой	47%	$(27/57) \times 100$	11%	$(6/57) \times 100$
Позитивные ассоциации с пропагандой	53%	$(30/57) \times 100$	89%	$(51/57) \times 100$
Понимание контрпропаганды	22 чел.	$22/57 = 39\%$	52 чел.	$52/57 = 91\%$
Готовность к реализации знаний	14 чел.	$14/57 = 25\%$	44 чел.	$44/57 = 77\%$

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты согласуются с выводами других исследователей. Они указывают на ограниченную эффективность традиционных, преимущественно лекционных форм обучения в формировании практических компетенций для противодействия современным информационным угрозам [10, 11, 12, 13]. В свою очередь, апробированная нами программа продемонстрировала высокую результативность за счет своей практико-ориентированной конструкции.

Перечислим ключевые факторы успешности ее реализации:

- опора на синтез субъектно-деятельностного, герменевтического и личностно-развивающего подходов позволяет перевести обучение из плоскости пассивного усвоения информации на уровень активного анализа, интерпретации и решения задач, связанных с профессиональной деятельностью;

- системное использование интерактивных методов (кейсы, моделирующие затруднения, возникающие в профессиональной деятельности; групповые дискуссии; «дерево решений») обеспечило не только передачу знаний, но и формирование умений применять их в условиях, приближенных к тем, которые складываются при выполнении служебных обязанностей.

Эти педагогические условия обеспечили преодоление выявленного на диагностическом этапе исследования разрыва между обладанием теоре-

тическими знаниями и способностью применять их. Основным результатом проделанной нами работы следует считать подтверждение возможности успешно формировать комплексные компетенции в области ИПР в рамках краткосрочного курса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам исследования была доказана высокая эффективность программы занятий по ИПР, интегрированной в систему профессиональной служебной подготовки сотрудников ОВД. Комплексный анализ результатов обучения продемонстрировал статистически значимый прогресс по всем оцениваемым параметрам, что свидетельствует о достижении поставленной цели. Полученные научные данные позволили сформулировать ряд выводов:

1. Подтверждено эффективное формирование в рамках рассматриваемой программы обучения теоретических знаний (когнитивный критерий). Статистический анализ выявил значимый рост уровня теоретической подготовки ($Z = 6,12$, $p < 0,001$) с крупным эффектом ($r = 0,81$). Наибольшая положительная динамика отмечена в умении идентифицировать фейковую информацию и понимании алгоритмов контрпропаганды.

2. Зафиксировано существенное развитие практико-ориентированных умений (деятельностный критерий). Значимое улучшение результатов решения кейсов (например по кейсу «СВО» – с 1,2 до 2,7 балла) и статистически значимый рост индекса качества вовлеченности в дискуссии (с 0,40 до 0,88;

$\chi^2(4) = 48,72$, $p < 0,001$) свидетельствуют о сформированности навыков анализа, аргументации и применения знаний в условиях, моделирующих ситуации, возникающие в профессиональной деятельности.

3. Данные, полученные с использованием проективной методики, выявили позитивную трансформацию мотивационно-ценностного отношения слушателей к ИПР (ценностно-ориентационный критерий). Доля позитивных ассоциаций, связанных с пропагандой, возросла с 53% до 89%. Это свидетельствует о преодолении скептического отношения к ней и формировании осознанной профессиональной позиции.

4. Установлена сильная корреляция между результатами тестирования (когнитивный компонент) и успешностью решения кейсов (деятельностный компонент): $r = 0,82$, $p < 0,001$. Это подтверждает комплексный и сбалансированный ха-

рактер сформированных компетенций, что является ключевым показателем эффективности примененных педагогических подходов.

Таким образом, экспериментально доказано, что рассматриваемая программа занятий по ИПР при внедрении в систему профессиональной служебной подготовки сотрудников ОВД обеспечит формирование комплекса компетенций, необходимых для осуществления информационно-пропагандистской работы. Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с адаптацией программы к занятиям с сотрудниками ОВД различных категорий, дополнением ее материалами о противодействии новым формам информационных угроз, а также анализом долгосрочных эффектов обучения, проявляющихся в профессиональной деятельности выпускников образовательных организаций МВД России. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Друкер М.М. Способы трансляции деструктивных смысловых компонентов контента социальных медиа // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. Т. 39. № 2. С. 144-150.
2. Караяни А.Г., Караяни Ю.М., Дерешко Б.Ю. [и др.] Технологии защиты сотрудников органов внутренних дел от негативного информационно-психологического воздействия. СПб: СПбУ МВД России, 2021. 152 с.
3. Поздняков В.М., Петров В.Е., Кокурин А.В. Информационно-психологическая безопасность сотрудников силовых структур и правоохранительных органов: состояние и перспективы исследований // Современная зарубежная психология. 2024. Т. 13. № 3. С. 143-150.
4. Марченко Г.В. Нарративы и идеологемы современных информационных войн // Профессиональное юридическое образование и наука. 2024. № 2 (14). С. 57-60.
5. Касюк А.Я. Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 1 (842). С. 22-34.
6. Нежжина Л.Ю., Душкин А.С. Распространение фейков как способ манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве // Российский девиантологический журнал. 2024. № 2. С. 237-249.
7. Каменева Т.Н., Кульчитцкий А.В., Котляров С.А. [и др.] Анализ проблемы распространения фейковой информации в интернет-пространстве // Цифровая социология. 2023. Т. 6. № 3. С. 73-78.
8. Май Е.С. Методы выявления фейковой информации в СМИ // Коммуникология. 2023. Т. 11. № 2. С. 41-52.
9. Красовская Н.Р., Гуляев А.А. К вопросу о контроле фейков, дипфейков, фейковых аккаунтов в интернете // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. Т. 5. № 1. С. 96-99.
10. Миронкина О.Н. Комплексный подход к формированию антикоррупционного поведения сотрудников ОВД в системе повышения квалификации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87). С. 210-217.
11. Марченко Е.М. Содержание профессионально-педагогической подготовки руководителей факультетов (курсов) по работе с личным составом и методические условия ее реализации // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62-3. С. 146-150.
12. Караяни А.Г. Оценка эффективности информационно-психологического воздействия // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 4 (25). С. 88-97.
13. Сагидова М.Л. Исследование методов оценки рисков информационной безопасности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 8-2 (95). С. 167-170.
14. Гейжан Н.Ф., Кравцун И.А. Информационно-пропагандистская работа в органах внутренних дел: направления и методы совершенствовании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 231-240.
15. Душкина М.Р. Применение технологий контрпропаганды в антикризисной PR-коммуникации // Система ценностей современного общества. 2010. № 10-2. С. 119-124.

REFERENCES

1. Druker M.M. Sposoby translyatsii destruktivnykh smyslovykh komponentov kontenta sotsial'nykh media // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaneya. 2020. T. 39. № 2. S. 144-150.

2. Karayani A.G., Karayani Yu.M., Dereshko B.Yu. [i dr.] Tekhnologii zashchity sotrudnikov organov vnutrennikh del ot negativnogo informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya. SPb: SPbU MVD Rossii, 2021. 152 s.
3. Pozdnyakov V.M., Petrov V.Ye., Kokurin A.V. Informatsionno-psikhologicheskaya bezopasnost' sotrudnikov silovykh struktur i pravookhranitel'nykh organov: sostoyaniye i perspektivy issledovaniy // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. 2024. T. 13. № 3. S. 143-150.
4. Marchenko G.V. Narrativy i ideologemy sovremennykh informatsionnykh voyn // Professional'noye yuridicheskoye obrazovaniye i nauka. 2024. № 2 (14). S. 57-60.
5. Kasyuk A.Ya. Informatsionno-psikhologicheskoye vozdeystviye v informatsionnom protivoborstve // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennyye nauki. 2021. № 1 (842). S. 22-34.
6. Nezhkina L.Yu., Dushkin A.S. Rasprostraneniye feykov kak sposob manipulirovaniya obshchestvennym soznaniyem v internet-prostranstve // Rossiyskiy deviantologicheskii zhurnal. 2024. № 2. S. 237-249.
7. Kameneva T.N., Kul'chitskiy A.V., Kotlyarov S.A. [i dr.] Analiz problemy rasprostraneniya feykovoy informatsii v internet-prostranstve // Tsifrovaya sotsiologiya. 2023. T. 6. № 3. S. 73-78.
8. May Ye.S. Metody vyyavleniya feykovoy informatsii v SMI // Kommunikologiya. 2023. T. 11. № 2. S. 41-52.
9. Krasovskaya N.R., Gulyayev A.A. K voprosu o kontrole feykov, dipfeykov, feykovykh akkauntov v internete // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. 2021. T. 5. № 1. S. 96-99.
10. Mironkina O.N. Kompleksnyy podkhod k formirovaniyu antikorrupsionnogo povedeniya sotrudnikov OVD v sisteme povysheniya kvalifikatsii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 3 (87). S. 210-217.
11. Marchenko Ye.M. Soderzhaniye professional'no-pedagogicheskoy podgotovki rukovoditeley fakul'tetov (kursov) po rabote s lichnym sostavom i metodicheskoye usloviya yeye realizatsii // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2019. № 62-3. S. 146-150.
12. Karayani A.G. Otsenka effektivnosti informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voyennogo instituta voysk natsional'noy gvardii. 2023. № 4 (25). S. 88-97.
13. Sagidova M.L. Issledovaniye metodov otsenki riskov informatsionnoy bezopasnosti // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk. 2024. № 8-2 (95). S. 167-170.
14. Geyzhan N.F., Kravtsun I.A. Informatsionno-propagandistskaya rabota v organakh vnutrennikh del: napravleniya i metody sovershenstvovaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2025. № 1 (105). S. 231-240.
15. Dushkina M.R. Primeneniye tekhnologiy kontrpropagandy v antikrizisnoy PR-kommunikatsii // Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva. 2010. № 10-2. S. 119-124.

© Кравцун И.А., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кравцун И.А. Эффективность обучения организации информационно-пропагандистской работы в органах внутренних дел в рамках служебной и морально-психологической подготовки // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (83). С. 96-103.

Владислав Иванович МАКАРОВ,
Ростовский юридический институт МВД России (Ростов-на-Дону)
заместитель начальника факультета очного обучения
rui@mod.ru

Научная статья
УДК 351.74:331.108.2

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СЛУЖЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОДВИЖЕНИЯ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Органы внутренних дел, карьерный рост, профессиональное развитие, нормативное регулирование, кадровая политика, модернизация государственной службы.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В МВД России в настоящее время сложилась непростая кадровая ситуация. Недостаток специалистов негативно сказывается на способности системы оперативно и грамотно реагировать на вызовы, связанные с обеспечением правопорядка в стране. В связи с этим требуется проведение более эффективной кадровой политики и разработка комплексных мер по привлечению в органы внутренних дел высококвалифицированных кадров и закреплению их в правоохранительной сфере. Целью исследования, результаты которого представлены в статье, стал комплексный анализ правовых и организационных основ профессионального продвижения сотрудников МВД России. Его проведение позволило выявить проблемы задействованных в органах внутренних дел механизмов кадрового обеспечения и сформулировать рекомендации по совершенствованию управления их карьерным ростом. **Методы.** Исследование проводилось с использованием анализа и синтеза, сравнительно-правового и системного методов, а также контент-анализа и моделирования. Его эмпирической базой стали нормативно-правовые акты Российской Федерации, регулирующие различные аспекты служебной деятельности сотрудников МВД России. **Результаты.** Для проведения эффективной кадровой политики необходим системный подход. Основными направлениями этой работы являются: грамотное формирование штатного расписания органов внутренних дел, оптимальное распределение функциональных обязанностей; организация воспитательной работы с личным составом с акцентом на формирование позитивных морально-этических качеств; своевременное обучение и повышение квалификации сотрудников; повышение уровня их социального обеспечения. В рамках оптимизации деятельности по подготовке и формированию резерва руководящих кадров органов внутренних дел разработана и внедрена система замещения вакантных должностей руководителей разных уровней, основанная на современных научных достижениях отечественных психологов и экономистов. Она призвана способствовать развитию кадровой политики МВД России в качестве стратегически значимого механизма, обеспечивающего внутреннюю стабильность государства и защиту прав и свобод граждан.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях современной социально-экономической ситуации проблема дефицита квалифицированных кадров в правоохранительных органах приобретает особую актуальность. По состоянию на конец 2024 года в МВД России был зафиксирован некомплект в размере 174 тысяч человек, что составляло 18,9% от штатной численности¹. Недостаток специалистов негативно сказывается на способности системы оперативно и грамотно реагировать на вызовы, связанные с обеспечением правопорядка и защитой прав граждан [1, 2]. Вместе с тем эффективность функци-

онирования правоохранительных органов, как и любых других институциональных структур, непосредственно связана с качеством кадрового состава. Квалифицированные сотрудники, обладающие необходимыми профессиональными компетенциями и опытом, являются важным активом любой организации. Их вклад в обеспечение безопасности граждан и поддержание общественного порядка невозможно переоценить [3, с. 107].

Сегодня кадровая политика МВД России сталкивается с необходимостью адаптации к быстро меняющимся социально-экономическим условиям, усилению требований к квалификации со-

¹ Надеждин И. «Криминалу нужны свои люди в органах». В российской полиции остро не хватает сотрудников. Чем это угрожает стране и гражданам? // Лента.ру: сайт. 22.01.2025 // URL: <https://lenta.ru/articles/2025/01/22/police/>.

Vladislav I. MAKAROV,

Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Rostov-on-Don, Russia)

Deputy Head of the Faculty of Full-time Education

rui@mvd.ru

LEGAL AND ORGANIZATIONAL FRAMEWORK FOR CAREER ADVANCEMENT IN THE INTERNAL AFFAIRS AGENCIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

KEYWORDS. Internal affairs agencies, career advancement, professional development, regulatory framework, human resources policy, civil service modernization.

ANNOTATION. *Introduction.* The Russian Ministry of Internal Affairs currently faces a challenging personnel situation. A shortage of specialists negatively impacts the system's ability to promptly and competently respond to challenges related to maintaining law and order in the country. This necessitates a more effective personnel policy and the development of comprehensive measures to attract highly qualified personnel to the internal affairs agencies and retain them in law enforcement. The aim of the study, the results of which are presented in the article, was to comprehensively analyze the legal and organizational foundations for the professional advancement of employees of the Russian Ministry of Internal Affairs. This study identified problems with the personnel provision mechanisms used in the internal affairs agencies and formulated recommendations for improving career management. *Methods.* The study was conducted using analysis and synthesis, comparative legal and systems methods, as well as content analysis and modeling. Its empirical basis was formed by the regulatory legal acts of the Russian Federation governing various aspects of the official activities of employees of the Russian Ministry of Internal Affairs. *Results.* A systems approach is necessary for the implementation of an effective personnel policy. The main areas of focus in this work include: the competent development of staffing tables for internal affairs agencies, the optimal distribution of functional responsibilities; the organization of personnel development with an emphasis on developing positive moral and ethical qualities; timely training and professional development for employees; and improving their social security. As part of the optimization of the development and formation of a leadership reserve for internal affairs agencies, a system for filling vacant positions at various levels has been developed and implemented, based on the latest scientific advances of Russian psychologists and economists. This system is intended to facilitate the development of the Russian Ministry of Internal Affairs' personnel policy as a strategically significant mechanism for ensuring the internal stability of the state and the protection of citizens' rights and freedoms.

трудников и повышению прозрачности карьерных процессов. Поэтому совершенствование правовых и организационных механизмов служебно-профессионального продвижения сотрудников становится критически важным для поддержания конкурентоспособности и устойчивого развития кадровой политики МВД России. При этом внимание уделяется не только нормативному регулированию, но и внедрению современных управленческих технологий, обеспечивающих мотивацию, развитие и объективную оценку профессионального потенциала кадров. Все эти обстоятельства требуют детального анализа в целях разработки комплексных мер по привлечению и удержанию высококвалифицированных кадров в правоохранительной сфере, что предполагает использование системного подхода и организацию работы на научной основе.

М.А. Благовещенская следующим образом формулирует представление о кадровой политике МВД России: это «определение методического инструментария в области управления персоналом, обязательного для применения в процессе осуществления управленческой деятельности руководителями ОВД различного уровня и кадровыми подразделениями в отношении личного состава, при использовании которого наилучшим образом достигаются цели и решаются стратегические задачи, стоящие перед органами внутренних дел» [4, с. 64]. Она полагает, что кадровой политике МВД России необходимо ориентироваться на стратегическое привлечение высококвалифицированных

специалистов и создание слаженных профессиональных коллективов, которые должны быть способны эффективно функционировать в условиях сложной современной геополитической, экономической и демографической ситуации, а также соответствовать высоким стандартам профессиональной компетентности и моральной устойчивости.

Правовую базу кадровой работы в органах внутренних дел (далее – ОВД) составляют федеральные законы, указы Президента Российской Федерации и нормативные акты, регламентирующие прохождение службы сотрудников полиции, их аттестацию, порядок назначения на должности и освобождения от них. Это прежде всего Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»; Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»; Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; приказ МВД России от 19 мая 2009 г. № 386 «О порядке отбора граждан на службу (работу) в органы внутренних дел Российской Федерации».

Основные принципы кадровой политики МВД России отражены в ст. 75 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В соответствии с этим

законом в ОВД следует осуществлять строгий профессиональный отбор, обеспечивающий равный доступ к поступлению на службу для всех граждан. Это предполагает внедрение объективных критериев оценки кандидатов, в связи с чем закон требует учитывать уровень профессионализма кандидата, его достижения, а также личные и деловые качества. Развитие в дальнейшем профессиональных компетенций и создание условий для непрерывного профессионального роста сотрудников ОВД являются ключевыми факторами, влияющими на эффективность реализации государственной политики [5]. В связи с этим необходимы разработка и реализация эффективных программ профессионального развития. Важно также соблюдать последовательность продвижения по службе и присвоения званий, что обеспечивает стабильность и предсказуемость карьерного роста сотрудников ОВД.

Всё это в совокупности должно способствовать формированию высокопрофессионального кадрового состава, готового к качественному выполнению обязанностей. Поэтому полагаем, что комплексный подход к профессиональному отбору, повышению квалификации и карьерному продвижению является ключевым фактором в обеспечении эффективности деятельности ОВД.

В ходе исследования, результаты которого представлены в статье, был осуществлен комплексный анализ правовых и организационных основ профессионального продвижения сотрудников МВД России. Он способствовал выявлению проблем, препятствующих нормальному функционированию механизмов кадровой политики министерства и системы управления карьерным ростом сотрудников органов внутренних дел. Это стало основой для выработки рекомендаций по исправлению ситуации. Проведение исследования ориентировалось на поиск путей формирования в ОВД устойчивой, мотивационной и конкурентоспособной кадровой среды. Только в таких условиях возможно профессиональное развитие, повышение квалификации и объективная оценка деятельности сотрудников, а также оптимальное использование кадрового потенциала.

МЕТОДЫ

Методологический фундамент исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов, в том числе выработанных в науке управления. На первом этапе работы был выполнен анализ правовой базы, использовались сравнительно-правовой и системный методы. На втором этапе оказались востребованы контент-анализ, моделирование и индуктивный метод.

Эмпирической базой исследования служат нормативно-правовые акты Российской Федерации, регулирующие различные аспекты служебной деятельности сотрудников МВД России и их служебно-профессиональное продвижение (включая федеральные законы, указы Президента, постановления правительства), а также научные публикации, посвященные данной тематике.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Административно-правовое обеспечение управления представляет собой комплексный механизм правового регулирования общественных

отношений в сфере государственного и муниципального администрирования. Этот механизм реализуется посредством норм административного права, которые формируют правовую основу для функционирования исполнительной власти. В рамках поиска путей оптимизации работы этого механизма исследуются структура и система органов государственной и муниципальной власти, а также правовые статусы граждан и организаций в контексте их взаимодействия с данными органами. Особое внимание уделяется правовым аспектам государственной и муниципальной службы, методам и формам управленческой деятельности. Важнейшими элементами административно-правового обеспечения управления являются процедуры предоставления государственных услуг, административная ответственность за нарушение норм и правил, административные процессуальные нормы и судопроизводство [6, с. 86].

Обеспечение законности управления на государственном и муниципальном уровнях является ключевой задачей административно-правового регулирования. Анализ особенностей управления в различных сферах жизнедеятельности, таких как экономика, социальная сфера, культура, оборона и охрана общественного порядка, позволяет выявить специфику правового регулирования в каждой из них. Комплексный подход к изучению административно-правового обеспечения управления способствует формированию целостного представления о правовом механизме государственного и муниципального администрирования, его роли и значении в системе публичного управления [7]. Применение этого общего подхода к практике органов внутренних дел позволяет говорить о возможностях формирования эффективной кадровой политики, направленной на совершенствование деятельности МВД России.

Кадровая политика как многогранное явление может быть рассмотрена в широком и узком контекстах. В широком понимании она представляет собой комплексную систему принципов и нормативных установок, которые регулируют управление человеческими ресурсами в соответствии с общей стратегией организации. Этот подход охватывает весь спектр мероприятий, связанных с человеческими ресурсами, включая стратегическое планирование, разработку штатного расписания, проведение аттестаций, организацию обучения и карьерное продвижение сотрудников [8]. В более узком смысле кадровая политика рассматривается как совокупность конкретных правил, установок и ограничений, которые (хотя это и не всегда осознается субъектами) формируют основу для взаимодействия между сотрудниками и организацией. Например, утверждение «кадровая политика нашей компании ориентирована на прием специалистов с высшим образованием» может служить важным критерием при принятии решений по конкретным вопросам управления персоналом [9].

Кадровая политика МВД России строится на основании системного подхода к оптимизации профессиональных компетенций сотрудников органов внутренних дел. Она должна базировать-

ся на стратегически выверенных методологиях управления персоналом. Ее ключевыми долгосрочными целями являются: определение оптимальной численности и структурной конфигурации кадрового состава на перспективу; организация и совершенствование системы профессионального обучения и подготовки кадров; модернизация институциональной структуры ОВД для повышения эффективности выполнения их функций; развитие нормативно-правовой базы, регламентирующей кадровые процессы; проведение научных исследований в области управления персоналом [3, с. 105].

Тактика кадровой политики в ОВД предусматривает решение оперативных задач, связанных с непосредственной деятельностью подразделений по работе с личным составом. К числу основных ее целей относятся:

1) формирование штатного расписания ОВД (предполагает оптимальное распределение функциональных обязанностей и компетенций среди сотрудников);

2) организация воспитательной и административно-штатной работы, направленной на формирование необходимых профессиональных и морально-этических качеств сотрудников;

3) создание системы профессионального обучения и повышения квалификации сотрудников ОВД (разработка и внедрение программ профессиональной подготовки и переподготовки), а также формирование резерва руководящего состава, что обеспечивает преемственность управленческих кадров и их профессиональный рост;

4) улучшение социальных условий жизни сотрудников ОВД (это один из наиболее важных факторов их профессиональной мотивации и лояльности);

5) оптимизация организационно-штатной структуры, направленная на повышение эффективности деятельности кадровых подразделений;

6) проведение аттестации сотрудников ОВД (позволяет объективно оценивать их профессиональные достижения и выявлять перспективы карьерного роста);

7) анализ кадрового состава и разработка комплекса мер по повышению его профессиональной компетентности (включая мониторинг квалификационных характеристик и внедрение программ профессионального развития);

8) обучение руководителей методам и техникам управления коллективом (способствует повышению эффективности управленческой деятельности и улучшению микроклимата в коллективе);

9) контроль за соблюдением нормативных требований, регулирующих службу личного состава (обеспечивает соблюдение законодательных норм и внутренних регламентов, регулирующих деятельность ОВД).

Современная кадровая политика МВД России нацелена на создание прозрачной и конкурентной среды, в которой продвижение по службе происходит на основе объективной оценки профессионализма, компетенций и результатов деятельности. Важным инструментом в этой работе является мониторинг эффективности сотрудников, кото-

рый позволяет более точно управлять карьерными траекториями.

В последние годы в рамках федеральных программ по реформированию государственной службы внедряются управленческие технологии, направленные на автоматизацию и информатизацию кадровых процессов, развитие системы дистанционного обучения и профессионального развития. Это создает условия для обеспечения преемственности кадров, передачи опыта, а также повышения мобильности и адаптивности сотрудников МВД России в быстро меняющейся социальной среде. Вместе с тем сохраняется необходимость унификации методов кадровой работы и совершенствования нормативно-методического обеспечения кадровой политики.

Организационные модели управления кадровым потенциалом в МВД России базируются на принципах открытости, конкуренции и прозрачности. Это обстоятельство обусловлено требованиями нормативных документов. Перечисленные принципы реализуются посредством механизмов конкурсного отбора, аттестации и формирования кадрового резерва. В рамках федеральной программы сформирована единая система управления кадровыми ресурсами, предусматривающая применение научно обоснованных методик объективной оценки профессиональных знаний и навыков сотрудников. Внедряются современные управленческие технологии и методы кадровой работы, направленные на повышение профессиональной компетентности и мотивации личного состава, включая организацию дополнительного профессионального образования и дистанционного обучения.

Еще в 2018 году в целях оптимизации системы подготовки и формирования резерва руководящих кадров ОВД было предложено внедрение адаптированной версии общероссийской концепции проекта «Лидеры России». Данная инициатива ориентирована на обеспечение замещения руководящих должностей в территориальных подразделениях МВД России высококвалифицированными сотрудниками, обладающими лидерскими качествами и значительным потенциалом для дальнейшего профессионального роста [10]. В контексте подготовки к реализации проекта Санкт-Петербургскими учеными было проведено исследование путей совершенствования методологии отбора кандидатов на замещение должностей руководящего состава МВД России. Его результаты позволили выработать научно обоснованные рекомендации по повышению эффективности такого отбора.

Анализ научных работ, посвященных вопросам лидерства, показывает сходство мнений их авторов по поводу качеств, которые необходимы успешному руководителю в системе МВД России. Среди этих качеств можно выделить три группы.

Первую составляют некоторые природные свойства характера человека. Эти качества можно развивать и тренировать, однако следует учитывать, что они, как правило, имеют в своей основе особенности личности, заложенные от природы или сформировавшиеся в детстве. Так, например,

В.В. Белов и его соавторы по монографии, в которой феномен лидерства в системе МВД России рассмотрен в контексте новой государственной кадровой политики «Лидеры России», указывают на то, что хороший руководитель должен обладать определенным «уровнем развития организационной одаренности». Об этом свидетельствует тот факт, что «даже при высоком уровне внутренней мотивации и при наличии высококвалифицированных тренеров не все проходящие подготовку руководители овладевают технологиями эффективного руководства» [10, с. 48]. К числу качеств, входящих в данную группу, относятся: сильная воля, предполагающая самодисциплину [11], высокая работоспособность, эмоционально-волевая устойчивость, способность к системному мышлению [12, 13], харизматичность, выражающаяся в способности воздействовать на людей [14, 15].

Ко второй группе относятся качества, выработанные в течение жизни правильным воспитанием в семье и образовательных учреждениях. Это в первую очередь полноценно развитые нравственные качества: честность в отношениях с людьми, неспособность к фальсификации результатов работы, конфликтоустойчивость, гуманистическая направленность личности, приверженность своему делу [16, 17, 18, 19].

Наконец, в третью группу включаются качества, приобретаемые в процессе овладения профессией: глубокое знание принципов и особенностей своей работы, ориентация на конечный результат, коммуникативная компетентность, способность к анализу перспектив и результатов совместной деятельности, способность к освоению новых приемов и методов работы [20, 21, 22].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, результаты анализа нормативных и организационных основ служебно-профессионального продвижения кадров показывают, что в системе государственной службы Российской Федерации сформирована достаточно развитая правовая база, регулирующая порядок прохождения службы, аттестации, кадрового резервирования и повышения квалификации. Основные нормативные документы обеспечивают правовые гарантии и прозрачность карьерных процедур. В целях реализации установленных ими требований функционируют различные организаци-

онные модели системного управления развитием кадрового потенциала, включая автоматизацию процессов, касающихся работы с личным составом, создание кадровых резервов, проведение аттестаций и обучение сотрудников.

Кадровая политика МВД России представляет собой стратегически значимый механизм, обеспечивающий внутреннюю стабильность государства и защиту прав и свобод граждан. Ее фундаментальная цель заключается в эффективной организации охраны основ конституционного порядка, социального, национального и экономического равноправия, а также противодействия угрозам общественной безопасности. Под кадровой политикой понимается совокупность мер и действий, предпринимаемых государством для определения квалификационных требований к руководителям и сотрудникам подразделений МВД России, отбора кандидатов для поступления на службу и замещение вакантных должностей, их профессиональной подготовки и эффективного использования в рамках служебной деятельности.

Итоги анализа данных научных исследований и материалов правоохранительной практики свидетельствуют о том, что кадровая политика в области охраны общественного порядка является отражением государственной стратегии, направленной на совершенствование профессиональных компетенций сотрудников органов внутренних дел и обеспечение их конкурентоспособности в системе МВД России.

Тем не менее по-прежнему остаются актуальными проблемы, связанные с недостаточной унификацией практик управления карьерой в разных государственных органах, низкой мотивацией сотрудников и дефицитом современных управленческих технологий. Перспективы развития института служебно-профессионального продвижения связаны с дальнейшим совершенствованием нормативной базы, внедрением информационных технологий и развитием методологий профессиональной оценки и мотивации сотрудников. Обеспечение эффективных механизмов и инновационных подходов к управлению карьерой сотрудников ОВД является важнейшей задачей, решение которой необходимо для повышения результативности их деятельности в современных социально-политических условиях. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Железкин Н.В. Содержание и концептуальные основы кадрового менеджмента в органах внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (79). С. 158-164.
2. Лозовицкая Г.П. Теоретические аспекты формирования и реализации кадровой политики в органах внутренних дел Российской Федерации // Юридическая мысль. 2022. № 2 (126). С. 101-119.
3. Ашунина К.С. К вопросу о подборе кадров в органах внутренних дел // Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: Сборник трудов межвузовской научно-практической конференции. СПб, 2023. С. 105-108.
4. Благовещенская М.А. Теоретические аспекты реализации кадровой политики МВД России в современный период // История и перспективы исследований проблем работы с личным составом. М.: Академия управления МВД России, 2023. С. 62-67.
5. Примбетова С.Ч., Байбусинов Г.Б. Профессиональное развитие государственных служащих – одно из ключевых направлений модернизации института государственной службы // Актуальные исследования. 2022. № 7 (86). С. 66-68.

6. Кононов А.М. Актуальные проблемы и перспективы совершенствования административно-правового обеспечения механизма управления органами внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). С. 85-92.

7. Грищенко Л.Л. Тенденции в развитии управления // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 2 (74). С. 33-42.

8. Брунер Р.А. Кадровая политика Министерства внутренних дел как инструмент управления сотрудниками полиции // Государственная служба и кадры. 2021. № 5. С. 27-30.

9. Кофтина Ю.Н. Формирование профессионального кадрового состава как условие эффективности обеспечения кадровой политики МВД России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11 (239). С. 181-184.

10. Белов В.В., Шаповал В.А., Косолапов А.Д., Бажукова Ю.В. Эффективное лидерство в системе МВД России (в контексте новой государственной кадровой политики «Лидеры России»): психологические, кадрово-воспитательные и организационно-правовые аспекты: Монография. СПб: СПбУ МВД России, 2020. 220 с.

11. Капустина Н.Г. Взаимосвязь психологического здоровья и этического мировоззрения // Психологическое здоровье подрастающего поколения: проблемы и пути решения: Материалы международной научно-практической конференции. Астрахань: Астраханский университет, 2009. С. 51-53.

12. Белов В.В. Акмеологические основы оценки организационной одаренности у студентов // Вестник Ленинградского университета им. А.С. Пушкина. № 4-1. 2016. С. 168-182.

13. Анисимова Т.В. Специфика PR-жанров в Интернете // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. № 4 (28). С. 129-137.

14. Анисимова Т.В. К вопросу о необходимости интенсификации работы по формированию имиджа полиции // Человек в информационном пространстве: Межвузовский сборник научных трудов: в 2 т. Вып. 10. Т. 1. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2011. С. 210-213.

15. Евтихов О.В. Психология управления персоналом: теория и практика. СПб: Речь, 2010. С. 85-96.

16. Желудков М.А., Алексеева А.П. Общественный контроль в деятельности по противодействию коррупции в России: проблемы и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (102). С. 146-154.

17. Сердобинцев К.С. Роль философии в образовательно-воспитательном процессе // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 93-94.

18. Ульяновская Е.В. Информационные технологии и информационная безопасность в ходе преподавания гуманитарных дисциплин (из опыта Западного филиала РАНХиГС) // Гуманитарные технологии в современном мире: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Калининград: Западный филиал РАНХиГС, 2019. С. 310-312.

19. Алексеева А.П. Киберпреступность: насколько реальна угроза // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № Т31. С. 76-80.

20. Анисимова Т.В. Коммуникативная компетенция специалиста: жанровый аспект // Неофилология. 2025. Т. 11. № 3. С. 553-564.

21. Пригарина Н.К. Место риторики в процессе формирования коммуникативной компетенции специалиста // Филологический аспект. Серия: Методика преподавания языка и литературы. 2024. № S4 (27). С. 23-29.

22. Сердобинцев К.С. Проблема модернизации и развития гражданского общества в России: диалектика «Я» и «Мы» // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 3. С. 110-119.

REFERENCES

1. Zhelezkin N.V. Soderzhaniye i kontseptual'nyye osnovy kadrovogo menedzhmenta v organakh vnutrennikh del // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 3 (79). S. 158-164.

2. Lozovitskaya G.P. Teoreticheskiye aspekty formirovaniya i realizatsii kadrovoy politiki v organakh vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii // Yuridicheskaya mysl'. 2022. № 2 (126). S. 101-119.

3. Ashunina K.S. K voprosu o podbore kadrov v organakh vnutrennikh del // Administrativno-pravovoye regulirovaniye okhrany obshchestvennogo poryadka i obespecheniya obshchestvennoy bezopasnosti: Sbornik trudov mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb, 2023. S. 105-108.

4. Blagoveshchenskaya M.A. Teoreticheskiye aspekty realizatsii kadrovoy politiki MVD Rossii v sovremennyy period // Istoriya i perspektivy issledovaniy problem raboty s lichnym sostavom. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2023. S. 62-67.

5. Primbetova S.Ch., Baybusinov G.B. Professional'noye razvitiye gosudarstvennykh sluzhashchikh – odno iz klyuchevykh napravleniy modernizatsii instituta gosudarstvennoy sluzhby // Aktual'nyye issledovaniya. 2022. № 7 (86). S. 66-68.

6. Kononov A.M. Aktual'nyye problemy i perspektivy sovershenstvovaniya administrativno-pravovogo obespecheniya mekhanizma upravleniya organami vnutrennikh del // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2025. № 3 (75). S. 85-92.

7. Grishchenko L.L. Tendentsii v razvitiu upravleniya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2025. № 2 (74). S. 33-42.
8. Bruner R.A. Kadrovaya politika Ministerstva vnutrennikh del kak instrument upravleniya sotrudnikami politsii // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2021. № 5. S. 27-30.
9. Koftina Yu.N. Formirovaniye professional'nogo kadrovogo sostava kak usloviye effektivnosti obespecheniya kadrovoy politiki MVD Rossii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 11 (239). S. 181-184.
10. Belov V.V., Shapoval V.A., Kosolapov A.D., Bazhukova Yu.V. Effektivnoye liderstvo v sisteme MVD Rossii (v kontekste novoy gosudarstvennoy kadrovoy politiki «Lidery Rossii»): psikhologicheskiye, kadrovovospitatel'nyye i organizatsionno-pravovyye aspekty: Monografiya. SPb: SPbU MVD Rossii, 2020. 220 s.
11. Kapustina N.G. Vzaimosvyaz' psikhologicheskogo zdorov'ya i eticheskogo mirovozzreniya // Psikhologicheskoye zdorov'ye podrastayushchego pokoleniya: problemy i puti resheniya: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Astrakhan': Astrakhanskiy universitet, 2009. S. 51-53.
12. Belov V.V. Akmeologicheskiye osnovy otsenki organizatsionnoy odarennosti u studentov // Vestnik Leningradskogo universiteta im. A.S. Pushkina. № 4-1. 2016. S. 168-182.
13. Anisimova T.V. Spetsifika PR-zhanrov v Internetе // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2015. № 4 (28). S. 129-137.
14. Anisimova T.V. K voprosu o neobkhodimosti intensivatsii raboty po formirovaniyu imidzha politsii // Chelovek v informatsionnom prostranstve: Mezhevuzovskiy sbornik nauchnykh trudov: v 2 t. Vyp. 10. T. 1. Yaroslavl': Yaroslavskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. K.D. Ushinskogo, 2011. S. 210-213.
15. Yevtikhov O.V. Psikhologiya upravleniya personalom: teoriya i praktika. SPb: Rech', 2010. S. 85-96.
16. Zheludkov M.A., Alekseyeva A.P. Obshchestvennyy kontrol' v deyatelnosti po protivodeystviyu korruptsii v Rossii: problemy i perspektivy // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 2 (102). S. 146-154.
17. Serdobintsev K.S. Rol' filosofii v obrazovatel'no-vospitatel'nom protsesse // X Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2022. S. 93-94.
18. Ul'yanovskaya Ye.V. Informatsionnyye tekhnologii i informatsionnaya bezopasnost' v khode prepodavaniya gumanitarnykh distsiplin (iz opyta Zapadnogo filiala RANKhiGS) // Gumanitarnyye tekhnologii v sovremennom mire: Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: Zapadnyy filial RANKhiGS, 2019. S. 310-312.
19. Alekseyeva A.P. Kiberprestupnost': naskol'ko real'na ugroza // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept». 2017. № T31. S. 76-80.
20. Anisimova T.V. Kommunikativnaya kompetentsiya spetsialista: zhanrovyy aspekt // Neofilologiya. 2025. T. 11. № 3. S. 553-564.
21. Prigarina N.K. Mesto ritoriki v protsesse formirovaniya kommunikativnoy kompetentsii spetsialista // Filologicheskyy aspekt. Seriya: Metodika prepodavaniya yazyka i literatury. 2024. № S4 (27). S. 23-29.
22. Serdobintsev K.S. Problema modernizatsii i razvitiya grazhdanskogo obshchestva v Rossii: dialektika «Ya» i «My» // Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya. 2011. № 3. S. 110-119.

© Макаров В.И., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Макаров В.И. Правовые и организационные основы служебно-профессионального продвижения в органах внутренних дел Российской Федерации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (83). С. 104-110.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Андрей Иванович ТАМБОВЦЕВ,

доктор юридических наук, доцент, ORCID 0009-0004-9418-7060
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург)
доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности
в органах внутренних дел
bestcopat@mail.ru

Николай Владимирович ПАВЛИЧЕНКО,

доктор юридических наук, профессор, ORCID 0000-0001-7889-4743
Научно-исследовательский институт Федеральной
службы исполнения наказаний (г. Москва)
главный научный сотрудник
Заслуженный юрист Российской Федерации
pavlichenko.pro@mail.ru

Научная статья
УДК 343.985:343.102

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ: ОТ ПРОТО-ОРМ ДО СОВРЕМЕННЫХ СПОСОБОВ ПОЛУЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, прото-ОРМ, свод (оперативная проверка), гонение по следу (преследование), обеспечение безопасности.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье излагаются результаты анализа эволюции оперативно-разыскных мероприятий как инструментов оперативно-разыскной деятельности в России. Рассмотрено их развитие от древних прото-ОРМ (свода и гонения по следу), сведения о которых имеются в «Русской Правде», до современного института, закрепленного в законодательстве. Внимание обращено на ключевые этапы этого развития: общинный сыск – до XVI века, формирование приказов при Иване Грозном и фискалов Петра I, расцвет в Российской империи (наружное и внутреннее наблюдение, агентура, перлюстрация), советский период и влияние технического прогресса. Подчеркнута преемственность прототипов оперативно-разыскных мероприятий (например: свод – оперативная проверка, гонение по следу – преследование), сделаны акценты на их адаптации к специфике возникающих угроз безопасности и нормативной эволюции от обычного права к строгой правовой регламентации. **Методы.** В ходе исследования применялись: диалектический метод познания, историко-правовой, нормативно-правовой, логический и системный методы, сравнительный анализ. **Результаты.** Сделан вывод о том, что современные оперативно-разыскные мероприятия являются закономерным ответом на постоянно обновляющиеся вызовы внутренней и внешней безопасности Российского государства, который обусловлен как социальной необходимостью, так и самой природой человека. Данное обстоятельство объясняет их универсальность и живучесть при различных политических режимах. Закрепленный в законодательстве перечень современных оперативно-разыскных мероприятий – это во многом продиктованный и отредактированный временем каталог исторически апробированных оперативно-разыскных практик, заключенных в строгие правовые рамки.

ВВЕДЕНИЕ

Методы уголовного и политического сыска, являющегося прообразом нынешней оперативно-разыскной деятельности, не возникли одновременно и из ниоткуда. Они представляют собой закономерный итог развития наиболее общих методов и способов познания человеком окружающей действительности (бытия как такового), постепенно адаптированных под задачи и условия сыскной работы. Современные оперативно-разыскные мероприятия (далее – ОРМ) – это результат длительной исторической эволюции, в рамках которой под воздействием объективных вызовов (внешних и внутренних угроз государству и обществу) и перманентного технологического прогресса происходила постоянная адаптация и формализация базовых, укорененных в человеческой природе способов открытого и тайного (негласного) получения информации о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, а также лицах, причастных к противоправной деятельности.

Необходимо отметить, что эволюция ОРМ связана не только с историей сыскных подразделений, но и, конечно, с историей государства в целом. Оно в процессе своего становления и развития неоднократно сталкивалось с внешними врагами, покушавшимися на территориальную целостность нашей страны, а также с внутренними, которые, используя социальные потрясения (восстания, раскол, голод, усиление неравенства и т.п.), посягали на общепризнанные и защищаемые государством права человека на жизнь, имущество, свободу, неприкосновенность, честь и свободу. Для противодействия этим угрозам государство неизбежно должно было применять в прошлом и применяет в настоящее время адекватные ответные (превентивные или реакционные) меры, позволяющие избегать негативных последствий для него самого и для граждан, проживающих на его территории.

МЕТОДЫ

Исследование, результаты которого представлены в статье, проводилось с опорой на диалектический метод познания, ставший его общей методологической основой, позволившей рассматривать трансформацию ОРМ во времени. С помощью историко-правового метода эволюция ОРМ была изучена посредством обращения к ретроспективным источникам. Сравнительный анализ применялся для сопоставления прото-ОРМ с современными мероприятиями, перечисленными в ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – ФЗ Об ОРД). Нормативно-правовой метод оказался востребован при анализе текстов законов и инструкций. Логический и системный методы дали возможность сделать выводы о принципах возникновения ОРМ, а также установить

причинно-следственные связи появления новых форм их реализации.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Истоки эволюции ОРМ как одного из инструментов оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) восходят ко времени появления первоначальных сыскных методов. Назовем их условно прото¹-ОРМ). Они были основаны на естественных для человека базовых способах получения информации из окружающей объективной действительности (чувственных и коммуникативных) и, как представляется, соответствовали в самом общем виде содержанию современных ОРМ [1, с. 243]. Их суть заключалась в получении (добывании) информации, выявлении скрытых (скрываемых) преступлений, признаков и фактов преступной деятельности, их субъектов, розыске скрывшихся лиц².

В первой редакции «Русской правды» есть упоминания о таких формах розыска, как свод и гонение по следу, которые, по мнению М.А. Чельцова-Бебутова, представляли собой способ коллективной самопомощи соседских общин³. В качестве ранних форм сыска свод и гонение по следу были не просто приемами, а фундаментальными правовыми и тактическими процедурами, основанными на обычном праве и общинном укладе. В то время (до создания полицейской системы государства), по верному замечанию В.И. Елинского, защита граждан от преступных посягательств ложилась на плечи самих граждан⁴.

В самом общем виде гонение по следу – это прообраз оперативного преследования и розыскной работы, связанной с поиском преступника на определенной территории. Формально это была погоня, организованная по выявленным следам преступления, как информационным (свидетельства очевидцев), так и физическим (след на земле, капли крови, сломанная дверь и т.д.). То есть в сопоставлении с ОРД гонение по следу охватывает собой не какое-то одно, а целый ряд оперативно-разыскных мероприятий [2]. И действительно, очевидна аналогия этого старинного термина с устойчивым в профессиональной оперативной среде выражением «преследование по горячим следам», которое описывает не просто погоню, а проведение комплекса ОРМ.

В свою очередь, свод – это прообраз оперативной проверки, установления преступных и иных связей. В современном понимании это цепочка очных ставок между владельцем украденной вещи и ее продавцом, организуемых с целью установления источника ее приобретения, вплоть до того, кто не может объяснить, откуда он взял похищенное. Данное лицо признавалось преступником (таблица 1).

Таким образом, свод и гонение по следу – это не просто архаичные обычаи, а первичные прото-ОРМ, закрепленные в законодательстве своего

¹ Прото... [от гр. *protos* – первый] – первая составная часть сложных слов, обозначающая: первоначальный, первичный (Современный словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1993. С. 497).

² Теория оперативно-разыскной деятельности / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М.: Норма, 2006. С. 114.

³ Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. М., 1956. Т. 1. С. 636.

⁴ Елинский В.И. История уголовного сыска в России (X - начало XX века). М., 2004. С. 4.

Andrey I. TAMBOVTSEV,

Doctor of Law, Associate Professor, ORCID 0009-0004-9418-7060

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities in Internal Affairs Agencies

bestcopat@mail.ru

Nikolay V. PAVLICHENKO,

Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0001-7889-4743

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russia)

Chief Researcher

Honored Lawyer of the Russian Federation

pavlichenko.pro@mail.ru

**THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE MEASURES:
FROM PROTO-OIM TO MODERN WAYS OF OBTAINING OPERATIONAL INFORMATION**

KEYWORDS. Operational investigative activities, investigative operations, proto- OIM, operational investigation measures, «svod» (operational check), «goneniye» (pursuit), ensuring security.

ANNOTATION. Introduction. The article presents the results of an analysis of the evolution of operational-investigative measures as tools of operational-investigative activity in Russia. Their development is considered from the ancient proto-OIM («svod» and «goneniye»), information about which is available in the «Russkaya Pravda», to the modern institution enshrined in legislation. Attention is paid to the key stages of this development: communal detective work until the 16th century, the formation of Prikaz under Ivan the Terrible and the Fiscals of Peter the Great, the heyday in the Russian Empire (external and internal surveillance, agents, censorship), the Soviet period and the influence of technological progress. The continuity of operational-investigative measures prototypes is emphasized (for example: «svod» – operational check, «goneniye» – pursuit), emphasis is placed on their adaptation to the specifics of emerging security threats and the normative evolution from common law to strict legal regulation. **Methods.** The study utilized the dialectical method of cognition, historical-legal, normative-legal, logical, and systemic methods, as well as comparative analysis. **Results.** It is concluded that modern operational investigative measures are a logical response to the constantly evolving challenges to the internal and external security of the Russian state. This is driven by both social necessity and human nature itself. This circumstance explains their versatility and persistence under various political regimes. The list of modern operational investigative measures enshrined in legislation is largely a catalog of historically proven operational investigative practices, dictated and revised over time, within a strict legal framework.

времени алгоритмы сыскной деятельности, в которых проявляются ключевые принципы современной ОРД. Постепенно на последующих этапах развития нашего государства эти алгоритмы развивались, их потенциал обогащался агентурным и иными методами и возможностями использования технических средств.

Дальнейший ход эволюции сыскных (оперативно-разыскных) механизмов борьбы с преступностью оказался связан с формированием государственных органов и появлением должностных лиц, занимающихся борьбой с преступностью (в разных ее проявлениях) на профессиональной основе. В первую очередь речь идет о создании

Иваном Грозным в XVI веке центральных органов управления государством, называвшихся приказами. Следующим этапом стали реформы Петра I, в рамках которых в 1711 году появилась фискальная служба для борьбы с казнокрадством, мздоимством и лихоимством. Ее задача состояла в том, чтобы «над всеми делами тайно надсматривать».

Оперативно-разыскная деятельность – это ответ общества и государства на внешние и внутренние угрозы. Именно поэтому начало следующей активной фазы развития в Российской империи прото-ОРМ приходится на XVIII век. Тогда сложился полноценный арсенал тайных оперативных методов, которые стали прямыми прототипами

Таблица 1

Сравнительный анализ прото-ОРМ и современных оперативно-разыскных мероприятий (статья 6 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности»)

ПРОТО-ОРМ	СОВРЕМЕННЫЕ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ (ст. 6 ФЗ Об ОРД)
Свод (оперативная проверка, установление преступных и иных связей)	Наведение справок, опрос, отождествление личности, проверочная закупка, контролируемая поставка
Гонение по следу (оперативное преследование и осмотр места происшествия)	Наблюдение, опрос, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств

(прообразами) оперативно-разыскных мероприятий. Они развивались в рамках политического сыска и, конечно же, уголовного розыска.

Необходимо отметить, что нормативная правовая регламентация сыскной деятельности, в современном понимании, была очень скудной. Понять и систематизировать сыскные действия той поры можно лишь по отдельным положениям небольшого количества правовых предписаний. При этом необходимо констатировать, что фиксированного перечня сыскных действий в нормативных правовых документах того периода не имелось. Так, в Уставе уголовного судопроизводства (далее – Устав) в очень обобщенной форме определены методы дознания: «...полиция все нужные ей сведения собирает посредством **розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением**, не производя ни обысков, ни выемок в домах» (ст. 254), а также путем «негласного полицейского разведывания» (ст. 312 Устава)¹. Это в целом соответствует именно непроцессуальным формам и методам современной ОРД. В Инструкции чинам сыскных отделений от 9 августа 1910 года (далее – Инструкция)² определена цель деятельности сыскной полиции: негласное расследование и производство дознаний в видах предупреждения, устранения, разоблачения и преследования преступных деяний общеуголовного характера путем использования **агентуры и наружного наблюдения** (§ 1 и § 2). Далее было указано, что непосредственной задачей деятельности сыскной полиции при расследовании преступления является «собираение сведений исключительно **негласным наблюдением, расспросами, справками**, без допросов в официальном тоне, и дописыванием необходимых сведений не на виду у посторонних» (§ 58).

К сожалению, списка конкретных мер, которые могли быть использованы для проведения «негласного расследования», в нормативных правовых актах не обнаруживается. Как справедливо отмечал И.Я. Фойницкий: «Порядок и образ действий полиции по производству дознания закон избегал регламентировать с точностью, ограничиваясь указанием высших мер, власти ее предоставленных, – для того именно, чтобы не стеснять полицию в этой деятельности, по существу своему требующей быстроты и целесообразности соответственно изменяющимся обстоятельствам»³. Подобный подход, по мнению профессора В.Ф. Луговика, соответствовал идее дознания как института полицейского права, активно разрабатывавшегося в XIX веке [3, с. 85].

В нормативных документах того периода **негласное наблюдение** определено как основной способ получения информации в рамках борьбы

с внешними и внутренними врагами государства [4, с. 28; 5, с. 62]. Были установлены правила его организации, в частности в положениях «О негласном полицейском надзоре» 1882 года и «Об охранной агентуре» 1883 года. В соответствии с положением «О начальниках розыскных отделений» 1902 года политический розыск должен был осуществляться посредством **внутреннего и наружного наблюдения**⁴. Дальнейшее нормативное закрепление эти методы получения оперативной информации обрели в положении «Об охранных отделениях» 1906 года, Инструкции филёрам летучего отряда и филёрам розыскных и охранных отделений 1902 года, инструкции «Начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения» 1907 года, инструкции «По организации наружного (филёрского) наблюдения» того же года и некоторых других документах.

Включение содействия в число основных способов негласного получения оперативной информации подкреплялось рядом документов открытого и закрытого характера, среди которых особое значение имеет Инструкция по организации и ведению внутренней агентуры 1914 года [6, с. 740]. В ней сказано, что внутренняя агентура является единственным вполне надежным средством, обеспечивающим осведомленность розыскного органа. В инструкции описаны основные для того времени и не потерявшие своей актуальности сегодня организационные и тактические аспекты работы с внутренней агентурой. Особое внимание уделено конспирации и защите сведений о задействованных конфидентах.

Эффективность использовавшегося уже в то время **оперативного внедрения** подтверждается яркими примерами из истории российского сыска, начиная с Ваньки Каина (Ивана Осипова), который противостоял общеуголовной преступности, и заканчивая Евно Азефом, вошедшим в «Боевую организацию» эсеров⁵, и Романом Малиновским, внедренным в ЦК РСДРП(б) [7], получившими стратегическую информацию, необходимую для противодействия революционному движению. Численность агентуры полиции по всей России тогда доходила до 40 тысяч человек⁶, что безоговорочно свидетельствует об эффективности и распространенности вышеназванного метода ОРД.

Наряду с уже представленными способами получения оперативной информации можно также выделить **перлюстрацию корреспонденции**, которая являлась прообразом и аналогом такого современного ОРМ, как контроль почтовых отправок, телеграфных и иных сообщений. Сбор сведений посредством вскрытия и прочтения частной корреспонденции был одним из ключевых

¹ Российское законодательство X-XX веков. Судебная реформа. М.: Юридическая литература, 1991. Т. 8. С. 145.

² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Департамент полиции. Оп. 261. Дело 241. Л. 3-17.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2-х т. СПб, 1996. Т. 2. С. 379-380.

⁴ Под внутренним подразумевалось наблюдение, осуществляемое посредством внедренных в организацию или в окружение лица, представляющего интерес, сотрудников полиции или конфиденгов (шпионов), то есть фактически это было использованием агентурного метода в его современном понимании. Смысл и содержание наружного наблюдения с тех времен не изменились.

⁵ Письма Азефа: 1893-1917 / сост. Д.Б. Павлов, З.И. Перегудова. М.: Терра, 1994.

⁶ Халиков А.Н. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: Курс лекций. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 42.

Сравнительный анализ прото-ОРМ и современных оперативно-разыскных мероприятий (статья 6 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности»)

ПРОТО-ОРМ	СОВРЕМЕННЫЕ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ (ст. 6 ФЗ Об ОРД)
Наружное наблюдение	Наблюдение
Внутреннее наблюдение (использование агентов и осведомителей)	Оперативное внедрение
Провокация	Оперативное внедрение, оперативный эксперимент, проверочная закупка, контролируемая поставка
Негласный обыск	Обследование зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств
Перлюстрация (черные кабинеты)	Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации

механизмов противодействия криминалу в Российской империи XVIII-XX веков, Советской России и СССР [8, с. 51]. Первоначально перлюстрация предназначалась исключительно для решения вопросов внутренней политики и дипломатии, но в дальнейшем стала эффективным инструментом борьбы с преступностью [9, с. 60]. Принято считать, что постоянная служба перлюстрации была учреждена в России в 1779 году. Это связывают с повелением императрицы Екатерины II секретно доставлять ей в Санкт-Петербург вскрытую корреспонденцию [10, с. 13]. Позднее система «черных кабинетов» в царской России стала представлять собой сложный, хорошо оснащенный технически и глубоко законспирированный государственный институт, оказывавший значительное влияние на противодействие политической и общеуголовной преступности.

Следует отметить, что в Российской империи формировались обусловленные целями борьбы с криминалом предпосылки внедрения в этот общегосударственный процесс передовых методик, основанных на систематизации криминальной информации и регистрации преступников [11, с. 49]. В начале XX века в полицейских учреждениях уже использовалась дактилоскопия, была разработана таблица, классифицирующая преступников по видам криминальной активности: гастролеры, карманные воры, магазинные воры, квартирные воры, мошенники и аферисты, грабители, разбойники и т.д.¹

Наличие массива данных о преступниках и преступлениях позволяет говорить не только о зарождении и развитии социально-правовых институтов криминалистической регистрации и оперативных учетов, но и об использовании в розыскных целях этой информации аналогично тому, как это делается в рамках ряда современных ОРМ: наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, исследование предметов и

документов, отождествление личности. Подтверждением данного вывода являются воспоминания одного из основоположников российского сыска А.Ф. Кошко, который приводит яркие примеры эффективной оперативно-разыскной работы с использованием рассматриваемых нами сыскных методов получения информации².

Таким образом, прото-ОРМ (прототипы современных оперативно-разыскных мероприятий) в Российской империи были сформированы в ответ на конкретные вызовы (декабризм, народничество, революционное движение, рост уровня общеуголовной преступности и т.п.) и представляли собой профессионально выработанный и устоявшийся, хотя и во многом нормативно (законодательно) неопределенный и оттого недостаточно эффективный и юридически спорный, инструментарий тайного контроля и пресечения противоправной деятельности. Именно они стали основой для последующей советской и современной оперативно-разыскной практики (таблица 2).

К сожалению, реформирование оперативно-разыскных функций полиции и развитие негласных методов борьбы с преступностью были прерваны в нашей стране революционными процессами первой половины XX века. Их следствием оказались упразднение Временным правительством 11 марта 1917 года Департамента полиции и роспуск 19 марта того же года отдельного корпуса жандармов. Однако жизнь показала ошибочность и даже социальную опасность этих популистских решений, и потребовались решительные действия новой власти по нивелированию многочисленных негативных последствий отказа от негласных оперативно-разыскных методов. Критическое осложнение криминогенной ситуации предопределило создание в 1918 году подразделений уголовного розыска³. 16 марта 1937 года приказом Народного комиссара внутренних дел СССР Н.И. Ежова были созданы подразделения по борьбе с эконо-

¹ Халиков А.Н. Указ соч. С. 43.

² Кошко А.Ф. Очерки уголовного мира царской России. М: Захаров, 2001.

³ 5 октября 1918 года коллегией Народного комиссариата внутренних дел РСФСР было принято положение «Об организации Отдела уголовного розыска».

мическими преступлениями (ОБХСС), которые **использовали и совершенствовали** описанные нами выше оперативно-разыскные (сыскные) методы, позволявшие эффективно противодействовать общеуголовной преступности в советском государстве. Развитие ОРД активно шло и в недрах органов государственной безопасности.

В ведомственных нормативных актах, закрытых для ознакомления неограниченного круга лиц, устанавливались тактические и организационные основы оперативной деятельности, определялись розыскные мероприятия, которые следовало использовать для решения задач по противодействию криминалу.

В 1958 году были приняты Основы уголовного судопроизводства¹. Здесь впервые на законодательном уровне заявлялось, что в борьбе с преступностью могут и должны применяться оперативно-разыскные меры. Дальнейшие нормативные предписания, включая законодательство и ведомственные нормативные акты, формировали не только близкую к современной системе ОРМ, но и легитимизировали процедуру использования их результатов в уголовном процессе.

Технический прогресс также внес значительный вклад в эволюцию способов получения информации о противоправной деятельности лиц, подозреваемых в совершении преступлений [12, с. 211]. Достижения науки и техники усилили когнитивные и чувственные возможности человека (должностного лица оперативного подразделения или конфиденнта). С их помощью он стал видеть дальше, слышать лучше, точнее распознавать запахи. Они оказались востребованы для проведения исследований, фиксирования информации и т.п. В арсенале сыщиков появились фото- и видеокамеры, тестеры, запаховые анализаторы, усилители звука, направленные микрофоны, диктофоны, тепловизоры и т.д. [13, с. 46; 14, с. 74]. При этом необходимо подчеркнуть, что внедрение в ОРД достижений науки и техники – это ответ государства и его компетентных органов на использование таких же новаций представителями криминального мира в преступных целях [15, с. 166].

Потенциал появляющихся технических средств позволил активизировать деятельность по совершенствованию уже применяемых ОРМ и разра-

ботке новых. Например, прослушивание телефонных переговоров стало возможным и необходимым лишь потому, что преступники стали пользоваться телефоном для подготовки, организации и совершения преступлений. Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений – это реакция на использование в преступных целях корреспонденции различных видов. То же самое происходит в настоящее время. В противоправной деятельности применяются технические каналы связи и передачи данных: телексные, факсимильные, селекторные, радиорелейные, системы персонального радиовызова, линии абонентского телеграфирования, IP-телефония, электронная почта и т.п. Государство в лице должностных лиц оперативных подразделений субъектов ОРД в ответ на это получает, преобразовывает и фиксирует с помощью специальных технических средств текстовую, графическую и иную информацию, передаваемую преступниками по данным каналам связи.

Если же сведения о противоправном деянии оказываются в памяти компьютера, на машинных или иных носителях в форме, доступной восприятию ЭВМ², государство дает симметричный ответ посредством получения компьютерной информации с применением специализированных программ, обеспечивающих негласный доступ к данным, хранящимся в компьютерных устройствах (системах) или передаваемым по информационно-телекоммуникационным сетям³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оперативно-разыскные мероприятия – это предусмотренные законом действия, служащие ответом на экзистенциальные угрозы внутренней и внешней безопасности государства. Их корни уходят как в социальную необходимость, так и в саму природу человека, что объясняет универсальность этих мер и их устойчивость при смене политических режимов. Легальный перечень современных ОРМ представляет собой во многом продиктованный и отредактированный временем каталог исторически апробированных оперативно-разыскных практик, заключенных в строгие правовые рамки, в первую очередь в рамках Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мелихов А.И., Працко Г.С., Михайлов М.Я. Безопасность и защищенность как стратегии выживания и правовые ценности // Правовой порядок и юридическая деятельность: Сборник научных статей Всероссийской национальной конференции. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2024. С. 243-246.
2. Мелихов А.И., Харченко А.В. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел как институт двойного назначения в обеспечении национальной безопасности // Государственное управление в правоохранительной сфере: Сборник статей. М.: Академия управления МВД России, 2025. С. 204-209.
3. Луговик В.Ф. Проблемы процедурно-процессуального обеспечения оперативно-розыскной деятельности // Полицейское право. 2005. № 3 (3). С. 84-88.

¹ Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

² Соглашение о сотрудничестве государств - участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (Минск, 01.06.2001).

³ Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / под ред. проф. А.Е. Четина. Барнаул: Барнаулский ЮИ МВД России, 2022. С. 146.

4. Мелихов А.И. Негласное познание в системе национальной безопасности // Российское общество и социально-правовые аспекты его безопасности: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М.: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 27-35.
5. Попов С.В. О некоторых вопросах развития оперативно-разыскной науки // XI Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2023. С. 62-63.
6. Попов С.В. Конфиденциальное содействие: проблемы реализации и перспективы трансформации // Санкт-Петербургские встречи молодых ученых: Материалы всероссийского конгресса. СПб: СПбУ МВД России, 2024. С. 740-745.
7. Дело провокатора Малиновского // сост. Б.И. Каптелов, И.С. Розенталь, В.В. Шелохаев. М.: Республика, 1992.
8. Самodelкин А.С., Мелихов А.И. Институциональные различия между оперативно-розыскной, разведывательной и контрразведывательной деятельностью в свете теории национальной безопасности // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). С. 46-57.
9. Герасимов А.В., Поляков А.В. К вопросу информационного воздействия на объекты оперативной заинтересованности // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 60-61.
10. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. М.: Норма, 2015.
11. Мелихов А.И., Працко Г.С. Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс: институциональное размежевание // Онтология и аксиология права: Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Омск: Омская академия МВД России, 2025. С. 48-52.
12. Поляков А.В., Гринева Д.А. О возможностях использования информационных технологий в решении задач оперативно-розыскной деятельности // Межведомственный научно-практический Петербургский оперативно-розыскной форум: Материалы конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 211-215.
13. Попов С.В. Формы содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Актуальные проблемы современного российского государства и права: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 45-48.
14. Мелихов А.И. Оперативно-розыскная деятельность в современной системе разделения полномочий между федеральной и региональной властями Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление: вчера, сегодня, завтра: Материалы научно-практической конференции. Луганск, 2024. С. 73-78.
15. Тамбовцев А.И., Павличенко Н.В. Содействие граждан правоохранительным органам как правовой институт: постановка проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 166-175.

REFERENCES

1. Melikhov A.I., Pratsko G.S., Mikhaylov M.YA. Bezopasnost' i zashchishchennost' kak strategii vyzhivaniya i pravovyye tsennosti // Pravovoy poryadok i yuridicheskaya deyatelnost': Sbornik nauchnykh statey Vserossiyskoy natsional'noy konferentsii. Rostov-na-Donu: Rostovskiy gosudarstvennyy universitet putey soobshcheniya, 2024. S. 243-246.
2. Melikhov A.I., Kharchenko A.V. Operativno-rozysknaya deyatelnost' organov vnutrennikh del kak institut dvoynogo naznacheniya v obespechenii natsional'noy bezopasnosti // Gosudarstvennoye upravleniye v pravookhranitel'noy sfere: Sbornik statey. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2025. S. 204-209.
3. Lugovik V.F. Problemy protsedurno-protsessual'nogo obespecheniya operativno-rozysknoy deyatelnosti // Politseyskoye pravo. 2005. № 3 (3). S. 84-88.
4. Melikhov A.I. Neglasnoye poznaniye v sisteme natsional'noy bezopasnosti // Rossiyskoye obshchestvo i sotsial'no-pravovyye aspekty yego bezopasnosti: Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. M.: Universitet prokuratury Rossiyskoy Federatsii, 2024. S. 27-35.
5. Popov S.V. O nekotorykh voprosakh razvitiya operativno-rozysknoy nauki // XI Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2023. S. 62-63.
6. Popov S.V. Konfidentsial'noye sodeystviye: problemy realizatsii i perspektivy transformatsii // Sankt-Peterburgskie vstrechi molodykh uchenykh: Materialy vsereiyskogo kongressa. SPb: SPbU MVD Rossii, 2024. S. 740-745.
7. Delo provokatora Malinovskogo // sost. B.I. Kaptelov, I.S. Rozental', V.V. Shelokhayev. M.: Respublika, 1992.
8. Samodelkin A.S., Melikhov A.I. Institutsional'nyye razlichiya mezhdru operativno-rozysknoy, razvedyvatel'noy i kontrrazvedyvatel'noy deyatelnost'yu v svete teorii natsional'noy bezopasnosti // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2025. № 3 (75). S. 46-57.
9. Gerasimov A.V., Polyakov A.V. K voprosu informatsionnogo vozdeystviya na ob'yekty operativnoy zainteresovannosti // KH Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»:

Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2022. S. 60-61.

10. Zakhartsev S.I., Ignashchenkov YU.YU., Sal'nikov V.P. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v XXI veke: Monografiya. M.: Norma, 2015.

11. Melikhov A.I., Pratsko G.S. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' i ugovolnyy protsess: institutsional'noye razmezhevaniye // Ontologiya i aksiologiya prava: Tezisy dokladov i soobshcheniy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2025. S. 48-52.

12. Polyakov A.V., Grineva D.A. O vozmozhnostyakh ispol'zovaniya informatsionnykh tekhnologiy v reshenii zadach operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Mezhvedomstvennyy nauchno-prakticheskiy Peterburgskiy operativno-rozysknoy forum: Materialy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 211-215.

13. Popov S.V. Formy sodeystviya grazhdan organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost' // Aktual'nyye problemy sovremennogo rossiyskogo gosudarstva i prava: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 45-48.

14. Melikhov A.I. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v sovremennoy sisteme razdeleniya polnomochiy mezhdru federal'noy i regional'noy vlastyami Rossiyskoy Federatsii // Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye: vchera, segodnya, zavtra: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Lugansk, 2024. S. 73-78.

15. Tambovtsev A.I., Pavlichenko N.V. Sodeystviye grazhdan pravookhranitel'nym organam kak pravovoy institut: postanovka problemy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2022. № 3 (62). S. 166-175.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Тамбовцев А.И., Павличенко Н.В., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Тамбовцев А.И., Павличенко Н.В. Происхождение и развития оперативно-розыскных мероприятий: от прото-ОРМ до современных способов получения оперативной информации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (83). С. 111-118.

Анатолий Яковлевич РЫЖЕНКОВ,
доктор юридических наук, профессор, ORCID 0000-0002-2015-1709
Калмыцкий государственный университет (г. Элиста)
профессор кафедры гражданского права и процесса
Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия
4077778@list.ru

Научная статья
УДК 340.114

ПРИНЦИП ОБЩЕЙ, НО ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРАВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Принцип права, государство, декларация, конвенция, дифференцированная ответственность, обязательство, окружающая среда, развитие, равенство.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Принципы права – это основополагающие начала, отражающие наиболее общие и устойчивые закономерности правового регулирования. В теории права принципы рассматриваются как основная идея: они отражают характерные черты правовой системы и выполняют направляющую и регулятивную функции. На национальном уровне принципы права закрепляются в конституциях и отраслевом законодательстве, выступая руководящими идеями при разработке законов и их применении. В международном праве общепризнанные принципы помогают согласовывать поведение государств и восполнять пробелы, существующие в международных конвенциях и договорах. Некоторые принципы закреплены непосредственно в источниках международного права. В специальных областях, включая международное экологическое право, сформулированы отраслевые принципы, они направляют работу по совершенствованию договоров и практику деятельности государств. Принципы международного права могут обладать различной юридической силой. Общепризнанные принципы международного права обладают значительным авторитетом в международном сообществе, хотя и не являются юридически обязательными. **Методы.** В ходе проведения исследования, результаты которого представлены в статье, были использованы различные методы научного познания: диалектический, метод системного анализа, сравнительно-правовой метод. Материалом исследования выступили положения научной доктрины и международные акты, посвященные различным аспектам реализации принципов международного права, и их влияние на российское право. **Результаты.** Принцип общей, но дифференцированной ответственности является сегодня в международном экологическом праве одним из краеугольных. Его главная идея – объединить все государства в решении общих экологических проблем, одновременно справедливым образом распределив нагрузку между ними, – оказалась востребованной и жизнеспособной. За десятилетия этот принцип прошел путь от политической декларации до конкретных юридических механизмов, нашел отражение в ключевых международных договорах и эволюционировал в соответствии с меняющимися реалиями. Практика показала, что без него нельзя добиться участия всех стран в решении экологических проблем: он стал компромиссом между глобальным Севером и глобальным Югом, без этого принципа все современные природоохранные соглашения обречены на провал.

ВВЕДЕНИЕ

Принципы права играют фундаментальную роль как в национальных правовых системах, так и в международном праве. Принципы права – это основополагающие начала, отражающие наиболее общие и устойчивые закономерности правового регулирования. В теории права принципы рассматриваются как основные идеи: они отражают характерные черты правовой системы и выполняют направляющую и регулятивную функции. На национальном уровне принципы права закрепляются в конституциях и отраслевом законодательстве, выступая руководящими идеями при разработке законов и правоприменении [1]. Например, в экологическом законодательстве многих стран прямо провозглашаются принципы предупреждения экологического вреда [2], устойчивого развития [3], принцип «загрязнитель платит» [4] и др., которые определяют вектор развития законодательства и применяются судами при выявлении пробелов в праве.

В международном праве принципы имеют не меньшую значимость. В условиях отсутствия единого наднационального законодательства общепризнанные принципы помогают согласовывать поведение государств и восполнять пробелы, существующие в международных конвенциях и договорах. Некоторые принципы закреплены непосредственно в источниках международного права. Например, основные принципы международного права зафиксированы в Уставе Организации Объединенных Наций¹, Декларации о принципах международного права 1970 года² и обязательны для всех государств. В специальных областях, включая международное экологическое право, сформулированы отраслевые принципы. Они влияют на заключение договоров, практику государств. Принципы международного права могут обладать различной юридической силой: одни имеют статус императивных норм (например принцип неприменения силы), другие выступают в качестве руководящих начал, учитываемых при заключении соглашений и вынесении решений судами. При этом даже в отсутствие четкого механизма принудительного исполнения общепризнанные принципы международного права обладают значительным авторитетом и моральной силой глобального масштаба. Таким образом, принципы права – это связующее звено между абстрактными ценностями и конкретными нормами. Они обеспечивают преемственность и согласованность международно-правового регулирования. Если национальные принципы обеспечивают единство правовой системы государства, то международные принципы формируют общую основу для выстраивания сотрудничества между государствами и согласования их интересов, что особенно важно для таких сфер деятельности, как охрана окружающей среды.

МЕТОДЫ

Для познания принципа общей, но дифференцированной ответственности в международном экологическом праве в ходе проведения исследования, результаты которого представлены в статье, применялись диалектический метод, метод системного анализа и сравнительно-правовой метод. Они позволили раскрыть эволюцию рассматриваемого принципа и его влияние на российское право. Диалектический метод использовался для анализа развития принципа в исторической перспективе, включая переход от общих деклараций к конкретным обязательствам, зафиксированным в Киотском протоколе и Парижском соглашении. Он помог выявить динамику взаимодействия развитых и развивающихся стран в решении глобальных экологических проблем. Метод системного анализа применялся для изучения принципа общей, но дифференцированной ответственности как элемента целостной системы международного экологического права, включая его связь с другими принципами, такими как устойчивое развитие и равенство. Это было необходимо, в частности, для оценки влияния международных актов на национальное законодательство России. Сравнительно-правовой метод оказался задействован для сопоставления норм международных документов (Рамочная конвенция ООН об изменении климата, Парижское соглашение) с доктриной и практикой разных государств, включая Россию, Германию и Францию. Благодаря его применению удалось подчеркнуть дифференциацию ответственности между глобальным Севером и глобальным Югом. Материалом для исследования послужили положения научной доктрины, международные акты (Устав ООН, Стокгольмская декларация, Рамочная конвенция ООН об изменении климата) и судебная практика (Международного трибунала по морскому праву и Международного суда ООН). Анализ охватывал период с 1970-х по 2025 год.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Международное экологическое право как отрасль отличается наличием принципов, отражающих баланс между суверенитетом государств и коллективными интересами всего человечества. К числу общепризнанных принципов международного экологического права относятся: принцип суверенного права государств разрабатывать свои природные ресурсы (при этом они несут ответственность за состояние окружающей среды и не должны причинять вреда окружающей среде за пределами своей юрисдикции); принцип предосторожности (недостаточно полная научная определенность не должна быть поводом для откладывания осуществления мер по предотвращению серьезного и необратимого ущерба окружающей среде); принцип «загрязнитель платит» (расходы по устранению загрязнения и возмещению вреда

¹ Устав Организации Объединенных Наций (вступил в силу 24.10.1945) // ООН: сайт // URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>.

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24.10.1970 // ООН: сайт // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml.

Anatoly Ya. RYZHENKOV,
Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0002-2015-1709
Kalmyk State University (Elista, Russia)
Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Honored Scientist of the Republic of Kalmykia
4077778@list.ru

THE PRINCIPLE OF COMMON BUT DIFFERENTIATED RESPONSIBILITY IN INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

KEYWORDS. Legal principle, state, declaration, convention, differentiated responsibility, obligation, environment, development, equality.

ANNOTATION. Introduction. Principles of law are fundamental principles reflecting the most general and stable patterns of legal regulation. In legal theory, principles are considered as the main idea: they reflect the characteristic features of the legal system and perform guiding and regulatory functions. At the national level, principles of law are enshrined in constitutions and sectoral legislation, serving as guiding ideas in the development of laws and their application. In international law, generally recognized principles help coordinate the behavior of states and fill the gaps that exist in international conventions and treaties. Some principles are enshrined directly in the sources of international law. In specialized areas, including international environmental law, sectoral principles have been formulated that guide the development of treaties and the practice of state actions. Principles of international law may have varying legal force. Generally recognized principles of international law enjoy significant authority in the international community, although they are not legally binding. **Methods.** In the course of the study, the results of which are presented in the article, various methods of scientific knowledge were used: dialectical, systems analysis, and comparative legal methods. The study's material included provisions of scientific doctrine and international instruments devoted to various aspects of the implementation of international law principles, and their impact on Russian law. **Results.** The principle of common but differentiated responsibility is a cornerstone of international environmental law today. Its core idea – to unite all states in addressing common environmental challenges while equitably distributing the burden – has proven to be both relevant and viable. Over the decades, this principle has evolved from a political declaration to specific legal mechanisms, found expression in key international treaties, and evolved in line with changing realities. Experience has shown that without it, it is impossible to achieve the participation of all countries in addressing environmental issues: it has become a compromise between the global North and the global South, and without this principle, all modern environmental agreements are doomed to failure.

несет тот, кто вызвал это загрязнение); принцип устойчивого развития (предполагает поиск баланса экономических, экологических и социальных интересов; удовлетворение потребностей нынешнего поколения не должно ставить под угрозу возможности будущих поколений реализовывать свои потребности); принцип общего наследия человечества (применяется для Антарктики, Мирового океана, в сфере охраны атмосферного воздуха и климата; означает, что некоторые природные объекты принадлежат всему человечеству, а их охрана – общее дело всех стран мира). Данный перечень не является исчерпывающим. Среди подобного рода фундаментальных начал особое место занимает принцип общей, но дифференцированной ответственности. Он отражает стремление международного экологического права обеспечить справедливое распределение обязанностей по защите глобальной окружающей среды между всеми государствами, учитывая при этом существенные различия между ними экономического, технологического и исторического характера. Если принципы предосторожности и «загрязнитель платит» акцентируют внимание на ответственности за конкретный ущерб (реальный или потенциальный), то принцип общей, но диф-

ференцированной ответственности фокусируется на коллективной обязанности всех стран гарантировать качество биосферы Земли, на необходимости учитывать различия в масштабах вклада каждой из них в мировые экологические проблемы, на том, какими возможностями по решению этих проблем они располагают.

Исследуемый нами принцип сформировался на стыке международного экологического права и права на развитие¹. Возникнув в конце XX века, он стал ответом на ситуацию, когда промышленно развитые страны всё больше загрязняли окружающую среду, в то время как развивающиеся вносили гораздо меньший вклад в глобальные проблемы и обладали весьма ограниченными ресурсами для их решения. Этот дисбаланс обусловил осознание того, что предъявлять одинаковые требования к неравным по уровню развития странам неправильно. Соответственно, было признано справедливым возлагать более значительные нагрузки и лидерские обязательства на богатые развитые государства, предоставляя бедным щадящие условия и помощь. Таким образом, сегодня система принципов международного экологического права включает в себя как универсальные, так и специальные принципы, сформированные

¹ Декларация о праве на развитие. Принята резолюцией 41/128 Генеральной Ассамблеи ООН 04.12.1986 // ООН: сайт // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml.

под влиянием экологических вызовов. Принцип общей, но дифференцированной ответственности – один из таких специальных принципов, он декларирует необходимость справедливого распределения природоохранных обязательств. Этот принцип впервые был официально сформулирован в ходе Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 году. В принятой тогда декларации был включен принцип, согласно которому государствам необходимо сотрудничать в духе партнерства для защиты экосистемы Земли, и в связи с различием в объемах их вклада в глобальное ухудшение окружающей среды они должны нести общую, но дифференцированную ответственность. Далее было отмечено, что развитые страны признают свою ответственность в рамках международных усилий по достижению устойчивого развития (учитывая давление на мировую окружающую среду, вызванное осуществляемым ими загрязнением), предоставляют технологии и финансовые ресурсы, которыми они располагают. Таким образом, в этом рамочном программном документе, не имеющем обязательной силы, но обладающем значительным политико-правовым авторитетом, было закреплено, что все страны несут ответственность за глобальную экологическую безопасность, но в разной степени, и признано особое бремя, лежащее на развитых государствах.

Практически одновременно с декларативным провозглашением исследуемого нами принципа в Рио-де-Жанейро он был конкретизирован в юридически обязывающем договоре – Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 года (далее – РКИК). Эта конвенция, ставшая первым глобальным соглашением по проблеме изменения климата, закрепила данный принцип в качестве одного из краеугольных [5, с. 2058]. Здесь в ст. 3 «Принципы» указано, что стороны действуют в деле защиты климатической системы на основе справедливости и в соответствии со своей общей, но дифференцированной ответственностью и имеющимися возможностями. В развитие этого тезиса далее подчеркнуто, что развитые страны должны играть ведущую роль в борьбе с изменением климата и его неблагоприятными последствиями. Данное положение юридически закрепило обязанность более развитых государств брать на себя более строгие обязательства и лидирующую роль в противодействии глобальному потеплению. Рассматриваемый принцип нашел отражение и в ст. 4 РКИК, где сформулированы обязательства сторон. С учетом своей общей, но дифференцированной ответственности, стороны приняли на себя ряд обязательств, причем для развитых стран и стран с переходной экономикой были установлены специальные (дополнительные) обязательства, касающиеся предоставления финансовой и технологической помощи развивающимся странам с целью достичь стабилизации выбросов на определенном уровне. Впрочем, несмотря на наличие подобного рода формулировок, все же следует заметить, что у развивающихся стран нет права требовать от развитых совершения каких-то конкретных действий. Разви-

тые страны сами определяют размер и формат своей помощи [6, с. 139].

Следующим шагом в конкретизации исследуемого нами принципа общей, но дифференцированной ответственности стал Киотский протокол к РКИК 1997 года, который полностью основывается на нем. Здесь было проведено беспрецедентное на тот момент разделение стран на две группы с существенно различающимися обязательствами. Развитые государства и государства с переходной экономикой (включены в Приложение I) приняли на себя юридически обязательные количественные ограничения по сокращению выбросов парниковых газов, тогда как для развивающихся стран не было установлено количественных целей по сокращению выбросов. Тем самым фактически признавалось, что промышленно развитые экономики внесли наибольший вклад в накопление в атмосфере парниковых газов, они обладают наибольшими ресурсами для улучшения ситуации, и потому именно им надлежит сделать первый шаг. Другими словами, Киотский протокол констатировал, что страны обладают разным уровнем экономического развития и вносят разный вклад в обострение климатических проблем, поэтому сокращение текущих выбросов должно быть возложено прежде всего на развитые страны (а также государства с переходной экономикой), исходя из того, что именно они несут историческую ответственность за нынешний высокий уровень концентрации парниковых газов.

Итак, подавляющее большинство развивающихся стран (Азия, Африка, Латинская Америка) было освобождено от квот на выбросы, в то время как промышленно развитые государства (Западная и Восточная Европа, Россия, Япония, Канада и др.) приняли на себя ряд ограничений. Такая архитектура соглашения полностью соответствовала принципу общей, но дифференцированной ответственности, однако она дала повод для дискуссий. Например, Соединенные Штаты, на которые приходилась (и приходится в настоящее время) значительная доля выбросов парниковых газов, так и не ратифицировали Киотский протокол, не согласившись с тем, что крупные развивающиеся экономики (Китай, Индия и др.) не взяли на себя ограничительных обязательств. Канада, выполнив первоначальные предусмотренные протоколом задачи, впоследствии (в 2011 году) объявила о выходе из него. Тем не менее можно с уверенностью говорить о том, что Киотский протокол стал практическим воплощением рассматриваемого нами принципа: он юридически закрепил неравенство обязанностей в целях достижения общего блага – сохранения стабильного климата.

Помимо климатического сотрудничества, идея общей, но дифференцированной ответственности была воспринята и другими международными экологическими соглашениями конца XX - начала XXI века. Так, еще до Рио-92 Монреальский протокол 1987 года о веществах, разрушающих озоновый слой, предусмотрел особый порядок для развивающихся стран (они получили отсрочку от выполнения ограничений по производству озоноразрушающих веществ), а развитые страны взяли

на себя обязательство финансировать многосторонний фонд, созданный для выполнения запланированных мероприятий. И хотя в Монреальском протоколе принцип общей, но дифференцированной ответственности не сформулирован, его механизм «двойных стандартов» де-факто реализовал этот принцип. Аналогичным образом в других соглашениях (например в Конвенции ООН по борьбе с опустыниванием 1994 года, ряде договоров по химическим веществам и опасным отходам¹) прослеживается подход, в рамках которого всем государствам вменяется в обязанность сотрудничать для решения глобальной проблемы, но одновременно признается, что у развивающихся стран должны быть особые условия (больше финансовой и технической поддержки, более мягкие сроки исполнения обязательств и т.д.). Таким образом, к началу XXI века рассматриваемый нами принцип прочно вошел в договорное международное экологическое право.

Ключевым событием в эволюции данного принципа стало заключение Парижского соглашения по климату от 12 декабря 2015 года. Оно пришло на смену Киотскому протоколу и отразило изменения в балансе общего и дифференцированного подходов. В тексте Парижского соглашения принцип общей, но дифференцированной ответственности прямо упомянут и подтвержден. В п. 2 ст. 2 закреплено положение о том, что достигнутые договоренности реализуются с учетом справедливости и принципа общей, но дифференцированной ответственности, исходя из различия в национальных условиях. Однако формат дифференциации обязанностей был изменен. В отличие от Киото-97 Парижское соглашение не проводит жесткого деления стран на группы с заранее определенными объемами сокращений выбросов парниковых газов. Вместо этого введен механизм определяемых на национальном уровне вкладов, согласно которому каждое государство – и развитое, и развивающееся – само формулирует количественные или качественные цели по сокращению выбросов и адаптации к изменениям климата, исходя из своих возможностей. Тем не менее принцип дифференцированной ответственности проявляется и здесь, ведь страны декларируют вклады, несопоставимые по масштабам: ожидалось, что развитые государства установят для себя более амбициозные цели, тогда как менее развитые, а потому достаточно уязвимые страны будут брать на себя меньше обязательств и смогут рассчитывать на поддержку. В Парижском соглашении закреплена обязанность развитых стран продолжать оказывать финансовую помощь развивающимся и содействовать передаче им технологий. Кроме того, предусмотрено, что для развивающихся стран допустимо двигаться к цели ограничения выбросов медленнее по сравнению с развитыми. Именно в этом находит воплощение принцип дифференцированной ответственности в своем новом понимании.

Парижское соглашение состоялось во многом благодаря более гибкому подходу к дифференциации. К 2015 году расстановка сил в мире изменилась: некоторые развивающиеся страны (прежде всего Китай, Индия, Бразилия) сами превратились в крупнейших эмитентов парниковых газов. Строгое деление «развитые страны против развивающихся», характерное для 1990-х годов, стало менее эффективным и вызвало критику со стороны развитых стран. Насущной задачей стала выработка универсального соглашения с участием всех крупных экономик, и жесткий принцип общей, но дифференцированной ответственности в его киотском воплощении фактически превратился в анахронизм [7, с. 78-79]. Парижское соглашение предложило компромисс: все страны принимают участие, но его масштабы различаются, их каждое государство определяет для себя само, а рассматриваемый принцип служит общим руководящим началом, чтобы напоминать развитым странам об их особой ответственности. В итоге принцип не исчез, но приобрел новую форму, проявившись в *динамической дифференциации*, учитывающей меняющиеся реалии (поскольку категории «развитые» страны и «развивающиеся» вовсе не статичны).

Таким образом, можно проследить четкую последовательность закрепления принципа общей, но дифференцированной ответственности: от декларативного провозглашения в Рио-де-Жанейро (1992 год) – юридических норм РКИК (1992 год) – конкретных квот Киото (1997 год) – к обновленному пониманию в рамках Парижского соглашения (2015 год). Однако на каждом этапе отражалась одна и та же идея: все страны должны участвовать в решении глобальных экологических проблем (изменение климата, разрушение озонового слоя, утрата биоразнообразия), но масштабы и формы их участия могут и должны различаться на справедливой основе.

А как сейчас в международном экологическом праве представляется *содержание* исследуемого принципа? Оно раскрывается через две его составные части: «общая ответственность» и «дифференцированная ответственность». «Общая» означает, что глобальные экологические проблемы являются вызовом всему человечеству, и ни одно государство не освобождается от обязанности вносить посильный вклад в их решение [8, с. 600].

Климатическая система Земли названа в РКИК предметом «общей озабоченности человечества», а ее сохранение – общим делом всех стран. Каждое государство, независимо от уровня развития, расположения, географии, политического строя, несет ответственность за то, чтобы деятельность в пределах его юрисдикции не причиняла ущерба глобальной окружающей среде. Этот фундаментальный принцип ранее был закреплён в Стокгольмской декларации 1972 года² и подтвержден в Рио-де-Жанейро (1992 год). Однако такого общего подхода оказалось недостаточно, так как страны мира различаются по своему историческому

¹ См., например, преамбулу и ст. 11 Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (Базель, 22.03.1989).

² Декларация Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды. Принята в 1972 году в г. Стокгольме // ООН: сайт // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml.

вкладу в возникновение экологических кризисов и по возможностям справиться с ними. Поэтому ответственность должна быть дифференцирована. Это значит, что при определении объема и характера обязательств необходимо учитывать конкретные условия существования того или иного государства: уровень его социально-экономического развития, наличие технологических и финансовых ресурсов, вклад в возникновение конкретной экологической проблемы. Принцип «загрязнитель платит» здесь перекликается с исследуемым нами принципом [9, с. 194]. Другими словами, ответственность того, кто внес больший вклад в возникновение проблемы и располагает большими возможностями по ее решению, должна быть большей.

В случае с проблемой изменения климата данная идея выражается, в частности, через концепцию исторической ответственности за выбросы парниковых газов, которая впервые была сформулирована в Киотском протоколе. Страны, прошедшие через индустриализацию в XIX–XX веках, выбрасывали в атмосферу огромные объемы диоксида углерода и других газов. Это постепенно накапливавшееся загрязнение вызвало усиление парникового эффекта. Именно развитые государства причинили наибольший вред климату: считается, что до середины XX века на них приходилось до 95% глобальных выбросов углекислого газа. Развивающиеся же страны до недавнего времени создавали минимальный «углеродный след». Поэтому справедливо, что развитые экономики несут ответственность за практические шаги по сокращению выбросов и должны помогать остальным. В то же время «общая» составляющая рассматриваемого нами принципа означает, что и развивающиеся страны не могут уклоняться от действий по защите климата: им следует по возможности переходить на более чистые траектории развития, не повторяя ошибок индустриализации, допущенных государствами с развитой экономикой. Таким образом, принцип общей, но дифференцированной ответственности обеспечивает, кроме прочего, баланс между недопустимостью освобождения каких-либо стран от участия в деятельности в рамках современной климатической повестки и недопустимостью предъявления равных требований ко всем без исключения странам.

Реализация данного принципа прослеживается в нескольких измерениях:

1. Различия в видах обязательств. В международных соглашениях определяются категории стран с разными объемами обязанностей. Как уже отмечалось выше, Киотский протокол разделил страны на те, для которых установлены количественные цели по сокращению выбросов загрязняющих атмосферу газов, и те, у которых таких целей нет. Монреальский протокол позволил развивающимся странам временно продолжать производство озоноразрушающих веществ, пока развитые страны в ускоренном порядке его сокращали. В Конвенции по борьбе с опустыниванием 1994 года особое внимание уделялось странам Африки. Именно они в большей степени пострадали от процессов деградации земель. Развитые государства

приняли на себя обязанность финансово поддерживать меры борьбы с опустыниванием. То есть во всех случаях все страны признают проблему и участвуют в ее решении, но на разных условиях.

2. Финансовая и технологическая поддержка. Воплощением дифференцированного подхода является механизм помощи бедным странам. Рассматриваемый нами принцип обязывает развитые государства предоставлять дополнительные ресурсы (деньги, технологии и др.) для того, чтобы развивающиеся страны могли выполнять свои обязательства экологического характера. Так, ст. 4 РКИК требует от развитых стран финансировать затраты развивающихся, связанные с выполнением закрепленных в конвенции положений, и содействовать передаче экологически чистых технологий. В рамках исполнения Киотского протокола и Парижского соглашения создан Зеленый климатический фонд, в который развитые страны обязались предоставлять по 100 млрд долларов США ежегодно (с реализацией этого плана есть проблемы, например, в 2021 году собрали только 89,6 млрд [10, с. 82]). Данные средства предназначены для адаптации наименее развитых государств к изменению климата и для перехода на низкоуглеродное развитие. Итак, на практике дифференциация реализуется не только путем ослабления требований к одним странам, но и посредством усиления обязанностей других стран в части предоставления помощи. Это важный компонент исследуемого нами принципа: общая ответственность означает, что богатые должны помогать бедным участвовать в борьбе с глобальными экологическими проблемами.

3. Гибкость сроков и условий. Часто международные акты устанавливают для разных групп стран различные сроки достижения экологических целей. Так, Киотский протокол предоставлял развивающимся странам отсрочку от присоединения к мероприятиям по охране климата. Монреальский протокол давал таким странам десять лет отсрочки от участия в запланированных программах. Такая дифференциация позволяет выравнивать условия: страны с ограниченными возможностями получают больше времени для мобилизации ресурсов и перехода на новые технологии.

4. Отчетность и контроль с учетом дифференциации. В некоторых соглашениях (например в Парижском) предусмотрены специальные режимы отчетности: развитые страны предоставляют более подробную информацию о своих выбросах и мерах по их уменьшению и чаще, тогда как для наименее развитых стран отчетность упрощена. Это послабление можно рассматривать в качестве элемента обеспечения справедливости: требования транспарентности соразмерны возможностям государств.

Важно подчеркнуть, что принцип общей, но дифференцированной ответственности не статичен. Его конкретное наполнение обсуждается и развивается. Дискуссии вокруг него не утихают уже несколько десятилетий [11]. Некоторые развитые страны высказывались за пересмотр этого принципа и даже за отказ от него, мотивируя свою позицию тем, что основными источниками

вредных выбросов стали крупные развивающиеся экономики и потому различия в уровне ответственности следует сгладить¹. В то же время развивающиеся страны категорически настаивают на сохранении данного принципа, видя в нем гарантию климатической и экологической справедливости. Результатом достижения компромисса стало уточнение применения принципа: признано, что все крупные экономики теперь должны вносить свой вклад в решение мировых экологических проблем, но по-прежнему дифференцировано. Здесь реализуется идея «соответствия возможностям». В современном понимании принцип фактически дополнен требованием учитывать в каждом конкретном случае имеющийся у государства потенциал. Например, в Парижском соглашении оговорено, что мерам по борьбе с изменением климата должны соответствовать национальные условия и возможности страны [12]. Это открывает путь к более динамичному толкованию: страна, улучшившая свое экономическое состояние, со временем должна увеличивать размер своего вклада в охрану климата. Таким образом, содержание принципа общей, но дифференцированной ответственности сводится к сочетанию двух элементов: равенства и справедливости. В прикладном плане он мотивирует более развитые и богатые страны больше помогать бедным, а последние – не отставать, но и не брать на себя чрезмерно обременительных обязательств. Рассматриваемый принцип стал нравственно-политическим обоснованием для закрепления множества норм – от выделения квот до создания фондов помощи. И, несмотря на изменение международной обстановки, он сохраняет свое значение как центральная идея глобальной экологической политики.

Между тем возникает вопрос: признается ли принцип общей, но дифференцированной ответственности только в договорах и политических заявлениях, или же на уровне практики международных судов он реализуется тоже?

Поскольку данный принцип – сравнительно новое правовое явление (его история насчитывает всего около трех десятилетий), еще совсем недавно он не находил широкого применения в деятельности международных судов. Однако события последнего времени показывают, что ситуация меняется: это принцип становится предметом внимания международных судебных органов, прежде всего в контексте противодействия изменению климата. Так, в 2024-2025 годах сразу две юрисдикции – Международный Суд ООН и Международный трибунал по морскому праву – в своих консультативных заключениях прямо сослались на принцип общей, но дифференцированной ответственности, разъяснив его значение в современном международном праве.

Так, Международный трибунал в мае 2024 года вынес консультативное заключение по вопросу об обязанностях государств в отношении борьбы с изменением климата и охраны морской среды. Было указано, что все государства – участники Конвенции ООН по морскому праву обязаны проявлять должную осмотрительность для предотвращения загрязнения моря, вызванного выбросами парниковых газов. При этом стандарт должной осмотрительности не является одинаковым для всех, а может варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств, включая возможности государства и имеющиеся у него ресурсы. Иными словами, трибунал признал, что при реализации обязанности по предотвращению климатического вреда следует учитывать различия в возможностях (дифференциация): государство с большими ресурсами должно сделать больше, чем бедное, чтобы предотвратить ущерб. В то же время трибунал оговорил, что применяемый принцип не извывает ни одну страну от осуществления минимально необходимой деятельности: он не должен использоваться как предлог для того, чтобы уйти от ответственности, лежащей на всех государствах – как по отдельности, так и коллективно (общая ответственность). Это уточнение чрезвычайно важно. Международный судебный орган подчеркнул значимость баланса между дифференциацией и общей обязанностью, чтобы предотвратить возможность злоупотреблений².

Международный Суд Организации Объединенных Наций (высший судебный орган ООН) в своем консультативном заключении по вопросам изменения климата и международного права, обнародованном в 2025 году, также уделит внимание принципу общей, но дифференцированной ответственности. Он подтвердил, что наряду с конкретными договорными обязательствами в рамках климатической повестки (РКИК, Парижское соглашение) государства связаны общими нормами международного права, включая обязанности предотвращать причинение значительного ущерба окружающей среде и действовать добросовестно. Суд подчеркнул, что выполнение данных обязанностей должно происходить с учетом принципа общей, но дифференцированной ответственности и возможностей, которыми государства располагают. Было отмечено, что этот принцип неоднократно подтверждался в климатических соглашениях. Сформулированная Международным Судом ООН позиция фактически придала исследуемому нами принципу авторитет общепризнанной идеи, направляющей все страны мира в реализации их международно-правовых обязательств в области охраны климата³.

Обратим внимание на то, что, хотя представленные выше консультативные заключения фор-

¹ Гарафова Д.И. Сохранение климата Земли: международно-правовое регулирование и особенности имплементации в национальном законодательстве отдельных государств: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2018. С. 127-128.

² Dugal M. The ITLOS Advisory Opinion Is a Stringent Call for Due-Diligence for Climate Impacts on Oceans // URL: <https://earth.org/the-recent-itlos-advisory-opinion-is-a-stringent-call-for-due-diligence-for-climate-impacts-on-oceans/#:~:text=Simultaneously%2C%20it%20lends%20credence%20to,%E2%80%9D>.

³ Dunne D., Gabbatiss J., Lempriere M. ICJ: What the World Court's Landmark Opinion Means for Climate Change // URL: <https://www.carbonbrief.org/icj-what-the-world-courts-landmark-opinion-means-for-climate-change/#:~:text=match%20at%20L1047%20the%20principle,%E2%80%9D>.

мально не являются решениями, обязательными для исполнения, а носят рекомендательный характер, их значение трудно переоценить. Впервые принцип общей, но дифференцированной ответственности был признан в столь высоких судебных инстанциях, да еще и в контексте международного права в целом, а не только конкретного договора. Это может свидетельствовать о движении в сторону обретения данным принципом статуса обычая международного права или по крайней мере общепризнанного руководящего начала.

Поскольку исследуемый принцип затрагивает все страны мира, будет интересно рассмотреть его значение для нашей страны. Российская Федерация, будучи одной из крупнейших стран мира и постоянным участником международного экологического сотрудничества, вовлечена в реализацию принципа общей, но дифференцированной ответственности. Его значение для России проявляется в нескольких аспектах – как на уровне международных обязательств, так и в рамках стратегии внутренней экологической и климатической политики.

Во-первых, Россия является стороной всех основных соглашений, в которых закреплен исследуемый нами принцип. В 1992 году Россия подписала и ратифицировала Рамочную конвенцию ООН об изменении климата, признав тем самым общую, но дифференцированную ответственность в сфере климата. В Киотском протоколе 1997 года Россия фигурировала как страна с переходной экономикой, а ее количественные обязательства были сформулированы с учетом принципа дифференциации: Россия обязалась в период 2008-2012 годов не превышать уровень выбросов, достигнутый в 1990 году. Такой «нулевой рост» квоты для России отражал признание особых обстоятельств – резкого снижения эмиссии загрязняющих газов в 1990-е и необходимости экономического восстановления. Другими словами, международные договоры дали России «пространство маневра» в рамках общей цели сокращения глобальных выбросов, что было практическим применением принципа дифференцированной ответственности. Впоследствии Россия добровольно присоединилась к Парижскому соглашению 2015 года (ратификация состоялась в 2019 году). Как и все другие стороны, она взяла на себя обязательства, определенные на национальном уровне, – снизить к 2030 году выбросы на 30% по сравнению с уровнем 1990 года. Эта цель учитывает условия, в которых развивается экономика страны и ее потенциал (включая роль российских лесов как поглотителей углекислого газа). Для обеспечения выполнения обязательств был издан Указ Президента Российской Федерации от 6 августа 2025 года № 547 «О сокращении выбросов парниковых газов». Он предписывает необходимость сокращения к 2035 году выбросов до 65-67% относительно уровня 1990 года.

Во-вторых, рассматриваемый нами принцип нашел отражение в ряде внутренних актов стратегического планирования России в области экологии и климата. В 2009 году была утверждена Климатическая доктрина Российской Федерации

– рамочный документ, определявший основы национальной климатической политики. В новой редакции этой доктрины, утвержденной Указом Президента от 26 октября 2023 года, закреплено, что международное сотрудничество России по вопросам климата строится в соответствии с принципами РКИК и Парижского соглашения – то есть и на основе принципа общей, но дифференцированной ответственности.

В-третьих, исследуемый нами принцип имеет для России практическое значение в контексте международных переговоров и инициатив [13]. Российская дипломатия традиционно поддерживает фундаментальную роль Рамочной конвенции ООН об изменении климата и ее принципов. На конференциях участников РКИК представители России всегда подчеркивали значение принципа общей, но дифференцированной ответственности. Такое мнение разделяют в странах с развивающимися и переходными экономиками, заинтересованных в том, чтобы их вклад был справедливым, а не равным вкладу более богатых государств. Россия входит в группу стран (вместе с Китаем, Индией, Бразилией и др.), для которых принцип общей, но дифференцированной ответственности является гарантией того, что новые экологические соглашения не будут требовать односторонних обязательств, ущемляющих их развитие [14].

Наконец, отметим, что данный принцип напрямую не упоминается в нормативных актах российского экологического законодательства (поскольку он касается прежде всего отношений между государствами). Однако его влияние косвенно прослеживается. Отечественное экологическое право закрепляет приоритет международных договоров: в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» сказано, что Россия соблюдает свои международные экологические обязательства. Следовательно, принципы, применяемые в рамках ратифицированных Российской Федерацией соглашений, де-факто являются ориентирами для правоприменения внутри страны. В практике органов власти России принципы РКИК учитываются при разработке национальных природоохранных мер, например при подготовке стратегий снижения уровня выбросов парниковых газов, планов адаптации к изменению климата и др. [15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Принцип общей, но дифференцированной ответственности относится сегодня в международном экологическом праве к числу краеугольных. Его главная идея – объединить все государства в решении общих экологических проблем, одновременно распределив нагрузку между ними справедливым образом – оказалась востребованной и жизнеспособной. За несколько десятилетий он проделал путь от политической декларации до конкретных юридических механизмов, нашел отражение в ключевых международных договорах (от Рамочной конвенции об изменении климата до Парижского соглашения), постепенно эволюционируя в соответствии с меняющимися реалиями. Практика показала, что без дифференциации

нельзя добиться участия всех стран. Исследуемый нами принцип стал компромиссом между глобальным Севером и глобальным Югом, без него наиболее масштабные международные договоры

были обречены на провал: он позволяет выстраивать конструктивный диалог между странами разного уровня развития, признавая необходимость совместных действий в сфере охраны природы. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Голоскоков Л.В. Формирование принципов права при переходе к информационному обществу // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 3. С. 35-42.
2. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25-30.
3. Абанина Е.Н., Алексеева А.П., Анисимов А.П. [и др.]. Актуальные проблемы теории экологического права. М.: Юрлитинформ, 2019. 520 с.
4. Алексеева А.П., Анисимов А.П. «Экологический терроризм» и «экологический радикализм» в доктрине и законодательстве России: разграничение понятий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2 (65). С. 54-58.
5. Соколова Н.А. Эволюция международно-правового сотрудничества в борьбе с изменением климата // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9. С. 2057-2065.
6. Сидорова Т.Ю. Реализация идеи дифференцированной ответственности от Киотского протокола до Парижского соглашения // Сибирский юридический вестник. 2018. № 1. С. 138-142.
7. Макаров И.А., Степанов И.А. Парижское соглашение по климату: влияние на мировую энергетику и вызовы для России // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 1. С. 77-100.
8. Nagle J.C. How Much Should China Pollute? // Vermont Journal of Environmental Law. 2011. Vol. 12. P. 591-632.
9. Никонов Р.В. Принципы в законодательствах России, Германии и Франции в сфере предупреждения изменения климата // Аграрное и земельное право. 2019. № 12. С. 194-196.
10. Dell'Amico A., Brauch M.D., Wallis L., Meise A.A.K. Global Guidance for Just Transition Policy: The Extent to Which the ILO Guidelines Address Energy Transition Challenges Facing Developing Countries and a Comparative Analysis of Their Application in South Africa and Germany. New York: Columbia Center on Sustainable Investment (CCSI), 2024. 98 p.
11. Лима Л.К., Дал Ри А. Создание Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата как основы международного правового режима в области климата (1985-1992 гг.) // Московский журнал международного права. 2025. № 2. С. 99-112.
12. Schneider H. «Common but Differentiated Responsibilities» in the Paris Agreement // FIU Law Review. 2024. Vol. 18. P. 327-345.
13. Алексеева А.П., Анисимов А.П. О понятии и классификации видов экологического терроризма // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 2А. С. 199-211.
14. Ковалев Ю.Ю., Поршнева О.С. Страны БРИКС в международной климатической политике // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2021. Т. 21. № 1. С. 64-78.
15. Случевская Ю.А. Вопросы теории и практики ответственности государств за противоправные деяния в экологической сфере // Международное уголовное право и международная юстиция. 2022. № 5. С. 2-6.

REFERENCES

1. Goloskokov L.V. Formirovaniye printsipov prava pri perekhode k informatsionnomu obshchestvu // «Chernyye dyry» v rossiyskom zakonodatel'stve. 2003. № 3. S. 35-42.
2. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov Yu.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyev sootnosheniya terminov, vklyuchennykh v ponyatiynyy apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 3 (66). S. 25-30.
3. Abanina Ye.N., Alekseyeva A.P., Anisimov A.P. [i dr.]. Aktual'nyye problemy teorii ekologicheskogo prava. M.: Yurlitinform, 2019. 520 s.
4. Alekseyeva A.P., Anisimov A.P. «Ekologicheskyy terrorizm» i «ekologicheskyy radikalizm» v doktrine i zakonodatel'stve Rossii: razgranicheniye ponyatiy // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. 2017. № 2 (65). S. 54-58.
5. Sokolova N.A. Evolyutsiya mezhdunarodno-pravovogo sotrudnichestva v bor'be s izmeneniyem klimata // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2014. № 9. S. 2057-2065.
6. Sidorova T.Yu. Realizatsiya idei differentsirovannoy otvetstvennosti ot Kiotskogo protokola do Parizhskogo soglasheniya // Sibirskiy yuridicheskyy vestnik. 2018. № 1. S. 138-142.
7. Makarov I.A., Stepanov I.A. Parizhskoye soglasheniye po klimatu: vliyaniye na mirovuyu energetiku i vyzovy dlya Rossii // Aktual'nyye problemy Yevropy. 2018. № 1. S. 77-100.
8. Nagle J.C. How Much Should China Pollute? // Vermont Journal of Environmental Law. 2011. Vol. 12. P. 591-632.
9. Nikonov R.V. Printsipy v zakonodatel'stvakh Rossii, Germanii i Frantsii v sfere preduprezhdeniya izmeneniya klimata // Agrarnoye i zemel'noye pravo. 2019. № 12. S. 194-196.

10. Dell'Amico A., Brauch M.D., Wallis L., Meisea A.A.K. Global Guidance for Just Transition Policy: The Extent to Which the ILO Guidelines Address Energy Transition Challenges Facing Developing Countries and a Comparative Analysis of Their Application in South Africa and Germany. New York: Columbia Center on Sustainable Investment (CCSI), 2024. 98 p.

11. Lima L.K., Dal Ri A. Sozdaniye Ramochnoy konventsii Organizatsii Ob"yedinennykh Natsiy ob izmenenii klimata kak osnovy mezhdunarodnogo pravovogo rezhima v oblasti klimata (1985-1992 gg.) // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2025. № 2. С. 99-112.

12. Schneider H. «Common but Differentiated Responsibilities» in the Paris Agreement // FIU Law Review. 2024. Vol. 18. P. 327-345.

13. Alekseyeva A.P., Anisimov A.P. O ponyatii i klassifikatsii vidov ekologicheskogo terrorizma // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. 2017. T. 7. № 2A. S. 199-211.

14. Kovalev Yu.Yu., Porshneva O.S. Strany BRIKS v mezhdunarodnoy klimaticheskoy politike // Vestnik RUDN. Seriya «Mezhdunarodnyye otnosheniya». 2021. T. 21. № 1. S. 64-78.

15. Sluchevskaya Yu.A. Voprosy teorii i praktiki otvetstvennosti gosudarstv za protivopravnyye deyaniya v ekologicheskoy sfere // Mezhdunarodnoye ugolovnoye pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya. 2022. № 5. S. 2-6.

© Рыженков А.Я., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Рыженков А.Я. Принцип общей, но дифференцированной ответственности в международном экологическом праве: теоретико-правовой аспект // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (83). С. 119-128.

Александр Иванович МЕЛИХОВ,

доктор юридических наук, доцент, ORCID 0000-0001-8987-713X
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (г. Москва)
профессор кафедры государственного и муниципального управления
M-13913@mail.com

Сергей Семёнович БОСХОЛОВ,

доктор юридических наук, профессор, ORCID 0000-0002-5092-8187
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)
профессор кафедры уголовного права и криминологии института
юстиции, главный научный сотрудник института правовых исследований
Заслуженный юрист Российской Федерации
sboskholov@yandex.ru

Научная статья
УДК 342.9

БЕЗОПАСНОСТЬ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО НАРОДА РОССИИ КАК ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Общенациональная идея, общенациональная безопасность, многонациональное государство, социальная энтропия, традиционные ценности, развитие человеческого потенциала, правоохранительные органы.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Актуальность исследования, результаты которого представлены в статье, обусловлена трансформацией системы международной и внутренней безопасности, кризисом модели общемировой стабильности, усилением геополитической конфронтации, санкционного давления и попыток дестабилизации многонациональных государств через межэтнические и ценностные противоречия. В этих условиях возрастает потребность в теоретическом осмыслении общенациональной идеи как консолидирующего основания государственной политики. Задача исследования заключалась в выявлении аксиологической и системообразующей роли общенациональной безопасности в формировании и эволюции общенациональной идеи Российской Федерации. **Методы.** В ходе проведения исследования были применены философско-правовой и организационно-правовой методы анализа. Оказались востребованы положения авторской теории национальной безопасности, а также системный и историко-эволюционный подходы. **Результаты.** Определены три этапа эволюции национальной идеи: этап выживания; этап внутренней консолидации через преодоление социальной энтропии; этап развитого общества, ориентированного на раскрытие человеческого потенциала и цивилизационное процветание. На каждом из этапов общенациональная безопасность является системообразующим фактором общенациональной идеи и определяет приоритеты государственной политики. Безопасность представляет собой аксиологическую основу общенациональной идеи в контексте многонациональности Российского государства и не может быть сведена к интересам одного этноса, поскольку носит надэтнический характер. Доказано, что безопасность многонационального народа России выступает в качестве ценностно-мировоззренческого фундамента общенациональной идеи, так как обеспечивает самосохранение, самоподдержание, самовоспроизводство и единство общества в условиях современных внешних и внутренних вызовов. Общенациональная идея совместного выживания, развития и процветания рассматривается как стратегический ресурс государства. Синтетическая модель, объединяющая задачи самосохранения, внутренней стабильности и развития, обеспечивает устойчивость общества и долгосрочное развитие России.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о национальной идее и национальной безопасности в контексте Российской Федерации требует особого подхода по одной фундаментальной причине: Россия – это многонациональное государство, исторически и цивилизационно сформировавшееся как общность различных этносов, культур и вероисповеданий, объединенных на едином пространстве. В таких условиях неправомерно и методологически ограничено

сводить национальную идею и безопасность лишь к интересам одного этноса или мононационального субъекта. Вместо этого необходимо говорить именно об общенациональной идее и общенациональной безопасности, являющихся концептами, охватывающими весь многообразный народ России как единую политико-историческую и ценностную общность.

Российская Конституция (ст.ст. 1, 5 и 68) закрепляет федеративное устройство и равноправие

Alexander I. MELIKHOV,

Doctor of Law, Associate Professor, ORCID 0000-0001-8987-713X
Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
Professor of the Department of Public and Municipal Administration
M-13913@mail.com

Sergey S. BOSKHOLOV,

Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0002-5092-8187
Baikal State University (Irkutsk, Russia)
Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the
Institute of Justice, Chief Researcher of the Institute of Legal Research
Honored Lawyer of the Russian Federation
sboskholov@yandex.ru

**SECURITY OF THE MULTINATIONAL PEOPLE
OF RUSSIA AS A PAN-NATIONAL IDEA**

KEYWORDS. National idea, national security, multinational state, social
entropy, traditional values, human development, law enforcement agencies.

ANNOTATION. *Introduction.* The relevance of the study, the results of which are presented in the article, is due to the transformation of the international and internal security system, the crisis of the global stability model, the intensification of geopolitical confrontation, sanctions pressure and attempts to destabilize multinational states through interethnic and value contradictions. In these conditions, there is a growing need for theoretical understanding of the national idea as a consolidating foundation of state policy. The objective of the study was to identify the axiological and system-forming role of national security in the formation and evolution of the national idea of the Russian Federation. **Methods.** In the course of the study, philosophical-legal and organizational-legal methods of analysis were applied. The provisions of the author's theory of national security, as well as the systemic and historical-evolutionary approaches, turned out to be in demand. **Results.** Three stages of the evolution of the national idea are defined: the stage of survival; the stage of internal consolidation through overcoming social entropy; the stage of a developed society focused on unlocking human potential and civilizational prosperity. At each stage, national security is a system-forming factor of the national idea and determines the priorities of state policy. Security represents the axiological foundation of the national idea in the context of the multinational nature of the Russian state and cannot be reduced to the interests of a single ethnic group, as it is supra-ethnic in nature. It has been proven that the security of the multinational people of Russia serves as the value-based and ideological foundation of the national idea, as it ensures self-preservation, self-sustainment, self-reproduction, and the unity of society in the face of modern external and internal challenges. The national idea of shared survival, development, and prosperity is viewed as a strategic resource for the state, and a synthetic model that integrates the goals of self-preservation, internal stability, and development ensures the sustainability of society and the long-term development of Russia.

всех субъектов федерации, а также признает многонациональный характер государства. Согласно ст. 3, «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Это означает, что и цели государства, и его система безопасности должны быть ориентированы не на этническую исключительность, а на общее благо и защиту жизненных интересов всего народа как целого. Именно многонациональный характер российского народа требует инклюзивной национальной идеи, способной выступать объединяющим мировоззренческим каркасом для всех граждан страны, независимо от их этнической, религиозной или региональной принадлежности.

Вместе с тем многонациональность России является не только культурной ценностью, но и фактором потенциальной уязвимости, особенно в условиях внешнего давления и попыток дестабилизации через межэтнические и межконфессиональные конфликты. В таких условиях безопасность не может быть фрагментарной или ограниченной интересами отдельных групп. Она должна быть общенациональной по охвату, содержанию и це-

лям – то есть направленной на укрепление целостности всего российского социума, защиту общего исторического и культурного пространства, формирование надэтнической идентичности (например гражданской или государственно-цивилизационной). Только при наличии единой, общепринятой и всеми разделяемой общенациональной идеи можно обеспечить устойчивую общенациональную безопасность как защищенность многообразия в единстве.

Таким образом, обращение именно к общенациональной идее и общенациональной безопасности в российском контексте – это не идеологический выбор, а объективная необходимость, вытекающая из самого характера и сущности российского государственности как исторически сложившегося многонационального сообщества.

Вопрос о национальной идее и ее связи с национальной безопасностью приобретает особую актуальность в условиях современных вызовов. Национальную идею можно понимать как систему базовых ценностей, целей и идеалов, объединяющих общество и направляющих государственную политику. В российской традиции

поиск национальной идеи – это поиск смыслового стержня, вокруг которого консолидируется многонациональный народ страны. Национальная безопасность, в свою очередь, представляет собой состояние защищенности личности, общества и государства от угроз, при котором обеспечиваются выживание и прогрессивное развитие нации. В официальных документах России национальная безопасность определяется через защиту национальных интересов и обеспечение условий для реализации конституционных прав граждан. К числу стратегических целей безопасности сегодня относятся сохранение народа, развитие человеческого потенциала, рост качества жизни и благосостояния. Таким образом, уже на концептуальном уровне прослеживается неразрывная связь национальной идеи (в виде ценностей и целей развития) с задачами обеспечения безопасности.

В ходе проведения исследования использовались положения авторской теории общенациональной безопасности¹ [1], были проанализированы нормы и принципы государственной политики Российской Федерации в сфере безопасности. Это позволило показать, как национальная идея служит фундаментом для обеспечения и укрепления национальной безопасности на различных исторических этапах и в современных условиях.

МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования составили положения философско-правового и организационно-правового анализа, ориентированные на выявление аксиологической природы общенациональной безопасности и ее системообразующей роли в формировании общенациональной идеи. Философско-правовой подход предоставил возможность рассмотреть безопасность как ценностную категорию, связанную с проблемами самосохранения, самоподдержания и самовоспроизводства социального целого, а также выявить эволюцию смыслового содержания национальной идеи в зависимости от исторических условий. В рамках данного подхода использовались элементы аксиологического и цивилизационного анализа.

Организационно-правовой метод применялся для изучения институциональных механизмов обеспечения национальной безопасности, включая деятельность органов государственной власти и правоохранительных структур. Особое внимание было уделено анализу функциональной роли институтов обеспечения безопасности в поддержании внутренней стабильности и предотвращении деструктивных (энтропийных) процессов.

Системный подход позволил рассмотреть общенациональную безопасность как сложную многоуровневую систему, включающую в себя военные, политические, социальные, информационные и культурно-ценностные компоненты, а также установить взаимосвязь между национальной идеей и стратегическими приоритетами государственной политики. Историко-эволюционный метод использован для реконструкции трех этапов развития национальной идеи (выживание, консолида-

ция, развитие) и выявления закономерностей трансформации ее содержания.

Нормативную основу исследования составили положения Конституции Российской Федерации, федерального законодательства в сфере безопасности, а также актов государственного стратегического планирования.

Для соотнесения авторской теории национальной безопасности с существующими научными подходами были использованы элементы сравнительного и концептуального анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Логика развития национальной идеи во многом соответствует этапам эволюции самого общества и характера угроз, с которыми оно сталкивается. В рамках научных подходов – философско-правового (раскрывающего ценностно-мировоззренческие основания права и государства) и организационно-правового (анализирующего институты и механизмы обеспечения безопасности) – выделяются три ключевых этапа этой эволюции. Первый соотносится с ранними стадиями развития общества, когда доминирует идея выживания-самосохранения, а обеспечение безопасности является главной общенациональной целью. Далее – и это второй этап – по мере устранения внешних угроз на передний план выходит задача самоподдержания: внутренняя консолидация и внутренняя безопасность [2] обеспечиваются посредством преодоления внутренней «энтропии» общества [3, 4] через воспитание и социальное программирование новых поколений. И, наконец, на этапе более высокого уровня развития, когда базовые внешние и внутренние угрозы по большей части нейтрализованы, национальная идея трансформируется в идею развития личности и процветания цивилизации, под чем подразумевается создание условий для максимальной реализации потенциала каждого члена общества и устойчивого культурно-цивилизационного развития страны с целью бесконечного воспроизводства основных цивилизационных субъектов – человека, общества и государства во времени и пространстве.

Каждый из этих этапов рассмотрен ниже более подробно с опорой на положения философско-правовых концепций и официальных доктрин безопасности Российской Федерации.

1 этап. Национальная идея выживания: безопасность как условие самосохранения. Начальный этап развития общества характеризуется преобладанием экзистенциальных угроз: природных, внешнеполитических, военных. В этих условиях национальная идея фактически отождествляется с идеей выживания сообщества людей. Обеспечение коллективной безопасности становится перво-степенной ценностью, так как от этого напрямую зависят физическое существование народа, его самосохранение, самоподдержание и самовоспроизводство. Иными словами, безопасность выступает базисом, без которого невозможно дальнейшее бытие социальной системы. В сформулированной нами ранее научной дефиниции безопасность описывается через цель выживания: «Выживание –

¹ Основы теории национальной безопасности / Е.А. Матвиенко, А.И. Мелихов, И.А. Мингес [и др.]. Волгоград: ВА МВД России, 2015. 408 с.

результат безопасности как самостоятельного осуществления витальных потребностей в самосохранении, самовоспроизводстве и самоподдержании» [1]. Таким образом, выживание можно считать главной «национальной» идеей первичного этапа развития общества, при этом «национальная» безопасность является способом его обеспечения.

Исторические примеры подтверждают правильность такой логики. Когда бы Русь ни сталкивалась с угрозами внешнего завоевания, объединяющим идеалом народа становилась именно защита Родины любой ценой. В эпоху Куликовской битвы (1380 год) духовно-патриотическое единство русского общества – своего рода национальная идея того времени – сыграло решающую роль в противостоянии врагу. В Московском государстве до раскола церкви все слои общества были сплочены единым мировоззрением, сочетавшим религиозные и светские начала. Гегель называл такое цельное мировоззрение духом народа [5, с. 157]. Этот общенациональный дух, опирающийся на православную веру и соборность, выполнял функцию идеологического фундамента безопасности российского государства. Он обеспечивал мотивацию к коллективному выживанию в череде исторических вызовов, мобилизуя народ против иноземных угроз. Проще говоря, национальная идея выживания выражалась через патриотизм, веру и солидарность перед лицом опасности, что укрепляло обороноспособность страны.

С философско-правовой точки зрения на данном этапе мир воспринимается сквозь призму дилеммы «свой – чужой, безопасное – опасное». Всё внешнее рассматривается либо как прямая угроза, либо как средство обеспечения собственного выживания. Такое мировоззрение можно назвать «оборонительным прагматизмом»¹ [6, 7]: оно диктует максимальную мобилизацию ресурсов общества на самосохранение. Государство и зарождающиеся правовые институты формируются прежде всего для защиты базовых жизненных интересов общины. В праве доминируют нормы, прямо связанные с обороной, физической защитой, наказанием внешних агрессоров и внутренних врагов (предателей). Организационно-правовой механизм безопасности на этом этапе – это преимущественно военная сила и примитивные правоохранительные практики, находящиеся еще в зачаточном состоянии. Таким образом, даже самые ранние механизмы безопасности основывались на общей идее защиты существования сообщества.

Важно подчеркнуть, что коллективное выживание народа является не только утилитарной задачей, но и ценностной категорией – первичной национальной идеей. В российском государстве эта идея впоследствии была отражена в формуле защиты «государствообразующего народа и всех народов России». Согласно одной из доктриналь-

ных позиций, «цель государства – коллективное выживание российского народа, обеспечение защищенности как гарантии сохранения, существования, воспроизводства, благополучия, а в идеале – процветания нации». Здесь уже намечается переход к следующему этапу: от выживания – к благополучию и процветанию. Но на начальном этапе именно физическое выживание и суверенное сохранение народа было краеугольным камнем национальной идеи, вокруг которого консолидировались все силы общества.

На данном этапе коллективная безопасность носит всеобщий характер: каждый член общины вовлечен в ее обеспечение, будь то воин, труженик тыла или хранитель традиций, укрепляющих моральный дух. Такое единство цели – выжить в качестве народа – является, по сути, и «общей» идеей, и главным ресурсом «общей» безопасности.

Итак, на этапе выживания национальная идея и национальная безопасность практически сливаются в единое целое. Национальная идея = безопасность народа. При этом безопасность понимается предельно конкретно – как защита жизни и базовых условий существования. Достижение состояния безопасности равнозначно сохранению народа как такового. Без этого фундаментального пласта ни о каком дальнейшем развитии и речи быть не может. Поэтому обеспечение общенациональной безопасности как гарантия выживания – это исторически первая и главнейшая общая идея, опирающаяся на примат коллективного самосохранения.

2 этап. Национальная идея внутренней консолидации: преодоление социальной энтропии через воспитание как условие самоподдержания. По мере того как острая фаза внешних угроз ослабевает, общество сталкивается с новым вызовом – с необходимостью обеспечения внутренней стабильности и преемственности развития. Если на предыдущем этапе главную опасность представляли враги извне, то теперь в фокусе внимания оказывается внутренняя энтропия – распад единства, рост хаоса внутри социальной системы. Источником такой энтропии оказываются прежде всего новые поколения, усваивание которыми ценностей предшественников не происходит автоматически. Каждый новый жизненный цикл общества порождает риск утраты обретенных ценностных ориентиров, сложившихся норм и традиций, что чревато разложением социального порядка. Поэтому национальная идея на данном этапе становится более сложной, чем простая физическая защита. Она трансформируется в идею сохранения единства и порядка через воспитание и идеологию.

Российский опыт конца XX – начала XXI века наглядно демонстрирует последствия утраты объединяющей идеологии. После распада СССР го-

¹ Понятие «оборонительный прагматизм» не является термином, закрепленным в классической науке, однако сама идея оборонительного, ориентированного на выживание и безопасность прагматического мышления разрабатывалась и описывалась рядом ученых в рамках философии, политической теории, социологии и теории международных отношений. Так, А.С. Панарин разрабатывал идеи цивилизационной самозащиты России, противопоставляя универсализму Запада оборонительную стратегию культурного выживания. А.Г. Дугин, ведя речь о геополитике, подчеркивал необходимость оборонительного суверенитета и прагматической мобилизации ресурсов перед лицом внешнего давления.

сударство более двух десятилетий жило без четко оформленной системы национальных ценностей: положениям о государственных идеалах не нашлось места в Конституции 1993 года, государственная идеология как таковая была запрещена. По этой причине в 1990-е годы общество оказалось лишено единого ценностного ориентира, что породило всплеск социальной и криминальной энтропии. Пагубное восприятие свободы как неограниченной энтропии, отказ от идеологии и воспитания как основных способов социального самовоспроизводства привели к тому, что общество перестало ощущать ответственность за состояние преступности и ее профилактику. Иными словами, без объединяющей национальной идеи люди стали рассматривать свободу как полное отсутствие обязанностей перед обществом, что обернулось ростом уровня преступности, расцветом коррупции, наркотизацией. Всё перечисленное можно рассматривать в качестве проявлений внутренней энтропии.

Отсюда следует вывод: для обеспечения внутренней безопасности и порядка необходима позитивная национальная идеология, ориентированная на социальное программирование поведения граждан, особенно молодежи. Воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма, законопослушания, трудолюбия, уважения к традициям – не частное дело, а стратегическая задача государства, прямо связанная с национальной безопасностью. Как уже отмечалось ранее, «воспитание как социопрограммирование людей осуществляется с взаимовыгодной целью достижения их личного жизненного успеха и процветания государства посредством оптимального выполнения определенных общих функций, где альтруистичные и эгоистичные начала взаимно дополняют друг друга». Иначе говоря, государственная идеология и система образования должны так формировать личность, чтобы ее собственные устремления (личный успех) гармонично сочетались с интересами страны (процветанием государства). Когда молодежь разделяет базовые ценности старшего поколения – любовь к Родине, уважение к закону, стремление к созданию – уровень социальной энтропии снижается, благодаря чему национальная безопасность укрепляется изнутри.

Философско-правовой подход на данном этапе акцентирует внимание на ценностях и мировоззренческом единстве как гарантиях устойчивости общества. Национальная идея обретает форму системы ценностей, поддерживаемой на государственном уровне. Для России такой системой стали концепты патриотизма, духовности, общественной солидарности, которые в 2000-е - 2020-е годы постепенно были закреплены в официальных документах. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 (Стратегия национальной безопасности - 2015) впервые четко сформулировал национальные ценности и интересы, заполнив идеологический вакуум предыдущих лет. А Указ от 9 ноября 2022 г. № 809 утвердил Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Эти шаги озна-

чали институционализацию национальной идеи: ценности официально признаны объектом защиты государства. Недаром в Стратегии национальной безопасности 2021 года защита традиционных ценностей, культуры и исторической памяти отнесена к числу стратегических приоритетов наряду с обороной и общественной безопасностью. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что духовно-нравственное единство нации рассматривается властью как неотъемлемый элемент национальной безопасности.

На организационно-правовом уровне в период внутренней консолидации ключевую роль начинают играть правоохранительные органы и специальные службы, отвечающие за правопорядок, профилактику правонарушений и нейтрализацию внутренних угроз. Правоохранительные органы становятся своего рода «санитарами» общественного организма, нацеленными на устранение проявлений внутренней энтропии. Однако их эффективность напрямую зависит от наличия в обществе профилактических механизмов – воспитания, саморегуляции общин, гражданской ответственности. Когда общество начинает рассматривать борьбу с преступностью только как работу, порученную полиции, а не как общенациональное дело, правоохранительная система оказывается перегруженной и вынуждена действовать в режиме пожаротушения. Именно так случилось в 1990-е годы. В тот период рост уровня преступности при дефиците кадров в МВД России привел к смещению акцентов на формальное выполнение органами внутренних дел плановых показателей. Тогда как профилактика и предупреждение преступлений – сущностная основа обеспечения безопасности – отошли на второй план. Это привело к возникновению неприемлемой ситуации, когда корпоративные интересы ставились выше интересов национальной безопасности. Урок этого опыта заключается в том, что стало очевидно: без опоры на общество, без идеологической работы с населением одними силовыми методами устойчивого порядка не добиться.

Национальная идея внутренней безопасности предполагает восстановление баланса: правоохранительные органы действуют не изолированно, а в партнерстве с обществом, опираясь на разделяемые всеми ценности. Если на этапе выживания народ был един перед лицом врага, то теперь он должен объединяться вокруг общих принципов мирной жизни. Это предусматривает, в частности, возрождение уважения к закону и справедливости, повышение авторитета государства в глазах граждан. В связи с этим важна идеологическая переориентация самих силовых структур: необходимо, чтобы сотрудники полиции осознавали в качестве своей миссии служение народу, а не просто выполнение узковедомственных задач. В научной литературе речь ведется о том, что «парадигма обеспечения национальной безопасности должна стать основной методологической платформой для всех уголовно-правовых наук». Проще говоря, деятельность органов правопорядка следует оценивать исходя из вклада в национальную безопасность (то есть в благополучие и сохранение на-

рода), а не только по количеству раскрытых преступлений. Такая ценностная переориентация уже заложена в принципах российского законодательства. Например, Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (ст. 2) провозглашает приоритет превентивных мер в деятельности по обеспечению безопасности. Это соответствует идее о том, что лучше воспитать человека и предупредить правонарушение, чем потом наказывать нарушителя.

Следует подчеркнуть особую значимость феномена «внутренней энтропийной преступности», на который мы уже обращали ранее внимание в своих исследованиях. Часть преступности трактуется нами как естественная деструктивная энергия (энтропия), выделяемая людьми индивидуально или коллективно. Не встречая противодействия общества и государства, она перерастает в угрозу национальной безопасности. По нашему мнению, «криминальная угроза – это внутренняя деструктивная энтропия на индивидуальном, коллективном и государственном уровнях, запрещенная социальными нормами», требующая реагирования в виде предупреждения со стороны субъектов безопасности. Такой подход снова подводит нас к необходимости превентивной идеологии: снижать энтропию следует путем воздействия на ее причины – аморальность, правовой нигилизм, отчуждение молодежи – посредством воспитательного влияния и социальной поддержки, а не только силовым подавлением.

Таким образом, на рассматриваемом нами этапе национальная идея формулируется как идея внутренней консолидации и саморазвития нации. Главной целью становится сохранение социального порядка и идентичности через преемственность ценностей. Национальная идея проявляется в стремлении общества передать следующим поколениям традиции, историческую правду, культуру служения Отечеству – всё то, что скрепляет нацию в единое целое. Оперативные подразделения правоохранительных органов играют важную роль в этом процессе: они не только раскрывают и расследуют конкретные преступления, но и «удерживают в правовых рамках естественные энтропийные процессы в обществе, обеспечивают общественную, миграционную, информационную, экономическую безопасность, выявляют латентные преступления и информируют руководство страны о новых угрозах, сохраняют прошлое, борясь с искажением исторической правды, и передают традиции служения будущим поколениям». Эта емкая характеристика отражает сложный комплекс задач: от контроля криминогенной обстановки до защиты культурно-исторических основ общества. Всё это – разные грани одной стратегической миссии: укрепления нации изнутри, создания сплоченного и устойчивого общества как фундамента национальной безопасности.

В современных условиях национальная идея внутренней консолидации выражается в государственной политике по воспитанию патриотизма, сохранению исторической памяти, укреплению семейных ценностей, повышению качества образования. Российское руководство открыто заявля-

ет о том, что духовно-нравственное воспитание молодежи – приоритет национальной безопасности. Конкуренция держав идет теперь и в сфере ценностей и социальных моделей, а потому культура и идеология становятся полем противоборства с внешними оппонентами. Недружественные силы стремятся посредством информационных атак, пропаганды разврата, культивирования экстремизма посеять внутренний разлад – по сути, инициировать энтропийные процессы в нашем обществе. Ответом на это может быть только сильная национальная идея, разделяемая большинством граждан и пронизывающая все институты – от школы и средств массовой информации до армии и полиции. В этом плане национальная идея является вакциной против внешних манипуляций, помогающей нации вырабатывать иммунитет к деструктивным воздействиям.

Итак, на втором этапе эволюции национальной идеи она обретает форму ценностно-идеологического ядра, обеспечивающего внутреннюю устойчивость общества и преемственность поколений. Ее главные функции теперь – снижение внутренней энтропии, поддержание порядка и развитие общества на базе единых ценностей. Это фундамент для ее дальнейшего развития на этапе, когда безопасность уже воспринимается не только как отсутствие угроз, но и как наличие условий для позитивного созидания.

3 этап. Национальная идея развитого общества: раскрытие человеческого потенциала и цивилизационное процветание как условие самовоспроизводства. Когда общество достигает относительно высокого уровня развития и добивается освоения эффективных способов противодействия как внешним, так и внутренним угрозам, возникает качественно новый горизонт национальной идеи. Безопасность перестает быть лишь вопросом выживания или удержания порядка. Она становится условием процветания нации и максимальной реализации возможностей каждого человека в обстановке мировой конкуренции между государствами, транснациональными хозяйствующими субъектами и продвигаемыми ими моделями развития. Суть содержания национальной идеи на этом этапе заключается в созидательной эволюции: необходимо обеспечить такие условия, при которых каждый гражданин сможет полностью раскрыть свой потенциал, а общество в целом выйдет на устойчивую траекторию прогресса, поддерживая высокий уровень цивилизованности.

В философско-мировоззренческом аспекте мы наблюдаем переход от стратегии выживания (обороны) к парадигме совершенствования. В терминах, заимствованных из теории Дугласа Норта, речь идет о движении от «естественного (ограниченного) порядка» к «обществу открытого доступа», то есть к наиболее зрелой стадии общественно-государственного развития. Общество открытого доступа – это такая социальная система, которая обладает способностью к бесконечному самовоспроизводству во времени и пространстве благодаря активной адаптации к изменениям и постоянному совершенствованию [8, с. 69]. По

сути, это и есть цивилизационный уровень развития (в терминологии А. Тойнби – государство-цивилизация [9]), достижение которого нашей страной закреплено в Концепции внешней политики Российской Федерации¹. Применительно к национальной безопасности этот уровень характеризуется максимальной устойчивостью государственного и общественного порядка к внешним и внутренним переменам и угрозам, что достигается посредством обеспечения высокого потенциала саморегуляции и инновационности системы. Иначе говоря, действительно развитое, цивилизованное общество способно не только защищаться от угроз, но и предвосхищать их, постоянно укрепляя свой иммунитет, при этом оно непрерывно создает новые возможности для роста благосостояния и расцвета культуры [10, 11].

В общенациональной идее развитого общества акцент смещается на человека как высшую ценность. Государство и общественные институты призваны служить раскрытию творческих, интеллектуальных и духовных сил личности. Это обстоятельство находит отражение в современных доктринальных документах Российской Федерации. Стратегия национальной безопасности 2021 года², обновившая понимание приоритетов, на первое место среди стратегических национальных интересов поставила «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан». Тем самым официально признано, что центральной целью обеспечения безопасности является развитие человека. Безопасность трактуется не только как защита от угроз в реальном времени, но и как обеспечение условий для достойной и созидательной жизни, включая необходимость победы в навязанной нам геополитической борьбе за выживание и цивилизационном соперничестве. В этом контексте общенациональная идея приобретает гуманистическое звучание: она охватывает стремление государства обеспечить каждому гражданину возможности для образования, самореализации, участия в управлении, пользования плодами прогресса – при одновременном сохранении общественной стабильности и суверенитета страны.

Следует обратить внимание на то, что развитое общество не отказывается от прежних ценностей (выживание, порядок), но надстраивает над ними новую вершину – процветание и лидерство в цивилизационном развитии. Российская научная мысль подчеркивает, что идеал национальной безопасности в высшем своем выражении – это не просто отсутствие войны или преступности, а такое состояние, когда нация способна бесконечно воспроизводить себя в историческом времени, не деградируя, а только наращивая потенциал. Проще говоря, устойчивое развитие превращается в элемент безопасности. Именно поэтому национальная идея включает в себя и экономический рост, и научно-технический прогресс, и культурное возрождение.

На данном этапе внешние и внутренние аспекты безопасности интегрируются. Если страна достигает цивилизационного уровня, она становится субъектом глобальной конкуренции, обеспечивая себе лидерство не только силой оружия, но и привлекательностью своей культуры и своей социально-экономической модели. Общенациональная идея процветания предполагает, что страна своим примером предлагает миру уникальный путь развития, то есть исполняет цивилизационную миссию [12, 13]. Если говорить о России, то речь идет о сохранении статуса великой державы, носителя уникальных ценностей (например справедливости, коллективизма, духовности), о вкладе в глобальную стабильность. Эта идеология прослеживается в актуальных государственных концепциях: так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации подчеркивается необходимость укрепления международной стабильности и мирного сотрудничества. Это означает, что национальная безопасность включает в себя ответственность за поддержание мировой цивилизации, предотвращение глобальных катастроф, участие в решении планетарных проблем. Национальная идея в таком понимании приобретает общечеловеческое измерение (сохраняя при этом опору на национальную самобытность).

Однако фундаментом всего остается национальная консолидация. Именно система национальных ценностей, отраженная в культуре, служит стержнем, без которого невозможны ни раскрытие потенциала личности, ни устойчивости государства. В России сейчас уделяется повышенное внимание формированию как раз такой аксиологической системы, которая бы обеспечила гармоничное развитие общества. Исследователи указывают на то, что традиционные ценности – это своего рода «алгоритм счастливой жизни» [14], оптимальный набор целей, позволяющих полностью удовлетворять и витальные, и духовные потребности человека. В предлагаемой концепции, когда эти ценности реализуются, борьба людей за самоутверждение или лидерство происходит не посредством войн или преступлений (опасных форм), а на полях науки, спорта, труда, творчества – то есть в безопасных и созидательных формах соревнования. Такой идеал фактически описывает общество высокой цивилизованности, где социальная энергия направлена в конструктивное русло. Общенациональной идеей здесь является создание условий для самореализации каждого без ущерба для других и для общества, превращение потенциального конфликта интересов в двигатель прогресса, а не в источник разрушения.

Итак, общенациональная идея процветания и развития формирует позитивную повестку для общества. Она включает в себя:

1) цивилизационную идентичность – понимание своего места в истории и мире, гордость за свою культуру, стремление сделать вклад в общечеловеческое развитие – как **целеполагание**;

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229.

² Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

2) человекоцентризм как **энергию цивилизации** – приоритет отдается раскрытию человеческого потенциала, но не конкретной атомизированной личности, а в качестве устойчивого явления в настоящем и будущем;

3) инновационность и образование – ставка на науку, технологии, культуру делается не только как на драйверы прогресса, это **средства самоорганизации** и преодоления вечной внутренней угрозы – естественной энтропии;

4) устойчивость институтов, определяющих **структуру цивилизации**, – государственные механизмы и общественные нормы настолько зрелы, что не дают обществу отклониться от пути развития даже в условиях внешних или внутренних потрясений. Безусловно, такой идеал труднодостижим и предполагает длительную эволюцию. Опыт XX века (например судьба СССР) показал, что резкий скачок к «обществу будущего» без полноценной подготовки длиной в несколько поколений может привести к распаду системы, если не удастся воспроизвести традиционные ценности и уклад в сознании новых поколений [15]. Поэтому нынешняя Россия уделяет внимание тому, чтобы двигаясь к целям развития, не теряя наследие прошлого и не ослабляя внутренние скрепы.

Вместе с тем стоит отметить, что национальная идея процветания не отменяет актуальности вопросов безопасности – они в полной мере охватываются ею. Безопасность становится многомерной: это и военная защита суверенитета, и экономическая стабильность (обеспечивающая независимое развитие), и противодействие информационным угрозам (охрана ментального пространства), и экологическое благополучие, и многое другое. Все эти аспекты перечислены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, все они так или иначе соотносятся со способностью государства обеспечить высокое качество жизни населения. Именно поэтому категории «безопасность» и «развитие» сближаются: в наиболее эффективной своей форме национальная безопасность означает не просто отсутствие угроз, а наличие возможностей для поступательного развития без потрясений. Национальная идея формирует ориентиры для осуществления такого развития. Если эти ориентиры определены достаточно четко и принимаются обществом, то и система безопасности работает слаженно, предотвращая отклонения от курса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итоги исследования эволюции общенациональной идеи в контексте необходимости обеспечения безопасности позволяют сделать ряд важных выводов. Первое: на всех этапах развития общества безопасность является идеей, его консолидирующей, хотя содержание этой идеи меняется. Когда общество оказывается на краю пропасти в результате внешней агрессии или природного бедствия, общая идея естественно фокусируется на выживании. И эта ценность сплачивает народ, оправдывает любые мобилизационные меры, легитимизирует защитные усилия государства. Второе: по мере укрепления внешней защищенности на первый план выходит внутренняя безопасность. Для ее

обеспечения требуются уже иные средства – воспитание, идеология, право. Национальная идея приобретает форму комплекса ценностей и норм, которые способствуют сохранению целостности нации, снижению внутренней энтропии, преемственности курса развития. Посредством этого общество оберегает себя изнутри, что столь же важно, как и отражение нападений извне. Третье: общенациональная идея в обществе, достигшем зрелого состояния, устремлена в будущее. Она связывает безопасность с развитием, закрепляя раскрытие потенциала каждого человека и процветание в качестве приоритетных целей. Здесь безопасность государства достигается не столько за счет силы или жесткого контроля, сколько благодаря устойчивости и гибкости общественного уклада, способности нации к самообновлению и инновациям при сохранении своих базовых ценностей.

Все эти аспекты имеют непосредственное отношение к Российской Федерации. История страны изобилует периодами, когда вопрос выживания становился главенствующим. И именно тогда происходили мощные патриотические подъемы (Куликовская битва, Отечественная война 1812 года, Великая Отечественная война 1941-1945 годов), фактически реализующие национальную идею выживания через единство народа. В послевоенные и послереволюционные времена на передний план выходили задачи внутреннего восстановления и поддержания порядка – требовалось воспитать новое поколение, интегрировать в национальное единство разнообразные социальные элементы, не допустить распада общества. В такие периоды проявляется общенациональная идея консолидации, например, в форме коммунистической идеологии советской эпохи или представлений о державности и патриотизме современности. Наконец, сегодня, в XXI веке, Россия декларирует курс на прорывное развитие, на улучшение жизни граждан, на сохранение своей культурной суверенности в условиях глобализации. Всё это – элементы национальной идеи процветания и цивилизационного развития. В новейших документах, прежде всего в Стратегии национальной безопасности 2021 года, в качестве приоритетов названы сохранение народа, раскрытие человеческого потенциала, защита культуры и духовности, внедрение инноваций, повышение качества жизни. Это свидетельствует о том, что общенациональная идея России эволюционирует в русле представленной в исследовании логики.

При этом нельзя сказать, что этапы сменяют друг друга мгновенно или полностью. Все три их фундаментальных аспекта сосуществуют, в том числе сейчас: военная безопасность как условие выживания (особенно актуальна в контексте геополитической напряженности), внутренняя стабильность, достигаемая благодаря традиционным ценностям (противодействие экстремизму, расшатыванию устоев общества, криминалу), создание возможностей для развития (национальные проекты в экономике, образовании, демографии). Общенациональная идея сегодня стремится синтезировать эти аспекты. Идеальной была бы такая

ее формула: **Россия – безопасный дом для всех народов, где сохраняется уникальное наследие и каждый гражданин реализует свой потенциал**

на благо себе и обществу. Сформулированная таким образом она действительно стала бы мощным фундаментом общенациональной безопасности. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мелихов А.И. Национальная безопасность в свете органической теории государства // Вопросы безопасности. 2022. № 3. С. 79-92.
2. Важенина И.В. Проблемы использования термина «внутренняя безопасность» государства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 7. С. 38-41.
3. Головинский А.А. Энтропийная концепция морально-политического и психологического состояния воинского коллектива: Монография. СПб: Военный институт (военно-морской) ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», 2021. 264 с.
4. Овчинский А.С. Энтропия сознания в информационно-психологических воздействиях // Вопросы кибербезопасности. 2017. № S2 (20). С. 65-71.
5. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб: Наука, 1993 480 с.
6. Панарин А. Цивилизация и варварство. Будущее России в глобальной перспективе // Россия и мусульманский мир. 2016. № 12 (294). С. 5-13.
7. Дугин А.Г. Вестернология: в направлении суверенной русской науки // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 7-21.
8. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. 480 с.
9. Измайлова З.З. А. Тойнби и этапы развития цивилизации // Вестник науки. 2025. № 2 (83). С. 431-436.
10. Грачев Н.И. Государство-цивилизация как политическая форма существования многополярного мира // Legal Concept = Правовая парадигма. 2024. Т. 23. № 4. С. 6-17.
11. Грачев Н.И. Сущность Конституции и государство-цивилизация как концептуальная парадигма конституционного развития России в XXI веке // Власть Закона. 2024. № 3 (59). С. 40-60.
12. Бабурин С.Н. Цивилизационная миссия России «Москва - третий Рим» как политико-правовая и геополитическая задача современной Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 10-16.
13. Шестаков С.А. Цивилизационная миссия России в Евразии: исторический опыт культурного строительства в национальных регионах СССР и в Монголии // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 129-140.
14. Румянцова Е.Е., Шеремет А.Н. Индекс счастья как альтернатива ВВП // Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24). С. 92-100.
15. Бабурин С.Н., Багдасарян В.Э., Ивашов Л.Г. [и др.]. Гибель СССР: факторные основания цивилизационной катастрофы. К 30-летию трагических событий распада Союза Советских Социалистических Республик // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 6-41.

REFERENCES

1. Melikhov A.I. Natsional'naya bezopasnost' v svete organicheskoy teorii gosudarstva // Voprosy bezopasnosti. 2022. № 3. S. 79-92.
2. Vazhenina I.V. Problemy ispol'zovaniya termina «vnutrennyaya bezopasnost'» gosudarstva // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025. № 7. S. 38-41.
3. Golovinskiy A.A. Entropiynaya kontseptsiya moral'no-politicheskogo i psikhologicheskogo sostoyaniya voinskogo kollektiva: Monografiya. SPb: Voyennyu institut (voyenno-morskoy) VUNTs VMF «Voyenno-morskaya akademiya», 2021. 264 s.
4. Ovchinskiy A.S. Entropiya soznaniya v informatsionno-psikhologicheskikh vozdeystviyakh // Voprosy kiberbezopasnosti. 2017. № S2 (20). S. 65-71.
5. Gegel' G.V.F. Leksii po filosofii istorii. SPb: Nauka, 1993 480 s.
6. Panarin A. Tsivilizatsiya i varvarstvo. Budushcheye Rossii v global'noy perspektive // Rossiya i musul'manskiy mir. 2016. № 12 (294). S. 5-13.
7. Dugin A.G. Vesternologiya: v napravlenii suverennoy russkoy nauki // Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki. 2024. № 3. S. 7-21.
8. Nort D., Uollis D., Vayngast B. Nasiliye i sotsial'nyye poryadki. Kontseptual'nyye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva. M., 2011. 480 s.
9. Izmaylova Z.Z. A. Toynbi i etapy razvitiya tsivilizatsii // Vestnik nauki. 2025. № 2 (83). S. 431-436.
10. Grachev N.I. Gosudarstvo-tsvivilizatsiya kak politicheskaya forma sushchestvovaniya mnogopolyarnogo mira // Legal Concept = Pravovaya paradigma. 2024. T. 23. № 4. S. 6-17.
11. Grachev N.I. Sushchnost' Konstitutsii i gosudarstvo-tsvivilizatsiya kak kontseptual'naya paradigma konstitutsionnogo razvitiya Rossii v XXI veke // Vlast' Zakona. 2024. № 3 (59). S. 40-60.

12. Baburin S.N. Tsivilizatsionnaya missiya Rossii «Moskva - tretiy Rim» kak politiko-pravovaya i geopoliticheskaya zadacha sovremennoy Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki. 2019. № 3. S. 10-16.

13. Shestakov S.A. Tsivilizatsionnaya missiya Rossii v Yevrazii: istoricheskiy opyt kul'turnogo stroitel'stva v natsional'nykh regionakh SSSR i v Mongolii // Voprosy istorii. 2020. № 1. S. 129-140.

14. Rumyantseva Ye.Ye., Sheremet A.N. Indeks schast'ya kak al'ternativa VVP // Vestnik MIRBIS. 2020. № 4 (24). S. 92-100.

15. Baburin S.N., Bagdasaryan V.E., Ivashov L.G. [i dr.]. Gibel' SSSR: faktornyye osnovaniya tsivilizatsionnoy katastrofy. K 30-letiyu tragicheskikh sobytiy raspada Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki. 2021. № 4. S. 6-41.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Мелихов А.И., Босхолов С.С., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Мелихов А.И., Босхолов С.С. Безопасность многонационального народа России как общенациональная идея // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (83). С. 129-138.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Кирилл Станиславович СЕРДОБИНЦЕВ,
доктор философских наук, доцент, ORCID 0009-0009-7364-3000
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
начальник кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин Калининградского филиала
valamo07@mail.ru

Научная статья
УДК 378.147:808.5

ФИЛОСОФИЯ – ФУНДАМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ, ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Методика преподавания философии, мировоззрение, патриотизм, философская культура, профессиональное становление, образовательная организация, МВД России, курсант, воспитание, служебный долг.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В ходе проведения исследования, результаты которого представлены в статье, были рассмотрены актуальные вопросы формирования целостного философского и патриотического мировоззрения у курсантов образовательных организаций МВД России. Проанализированы сущность и специфика мировоззрения будущего сотрудника территориальных органов внутренних дел. Обоснована необходимость синтеза философской культуры и патриотизма как основы профессиональной идентичности и осознания служебного долга. Определены и охарактеризованы ключевые институциональные, содержательные и методические пути реализации данного процесса, включая роль учебных дисциплин, воспитательной работы и личного примера наставников. Особое внимание уделено преодолению современных мировоззренческих вызовов и интеграции традиционных ценностей российского офицерства в образовательную среду. **Методы.** В исследовательском процессе был востребован комплекс теоретических и эмпирических методов познания: систематизация и интерпретация полученной информации; системный анализ, контент-анализ, сопоставительный анализ; абстрагирование и др. **Результаты.** Итоги исследования позволили подтвердить, что изучение учебной дисциплины «Философия» является системообразующим фундаментом рационального мировоззрения и патриотического воспитания курсантов образовательных организаций МВД России. Оно обеспечивает не просто информирование, а целостное ценностно-смысловое и методологическое единство этого процесса: интеграция философского знания (этики, аксиологии, социальной философии) в образовательную и воспитательную практику способствует формированию у будущих офицеров способности к критическому осмыслению действительности, рациональной аргументации своей позиции и осознанного восприятия патриотизма не как навязанной идеологии, а как лично принятой ценности, опирающейся на понимание исторической миссии, правовых принципов и нравственного долга защитника правопорядка, что в конечном итоге закладывает прочную основу для устойчивой профессиональной идентичности, гражданской зрелости и готовности к ответственному служению Отечеству. Результаты исследования убеждают в важности изучения истории философии, особенно русской философской мысли, для формирования у обучающихся перечисленных качеств.

ВВЕДЕНИЕ

Современная наука проявляет заметный интерес к вопросам формирования мировоззрения посредством изучения философии [1]. В частности, отмечается, что ее преподавание должно решать как минимум две задачи. Прежде всего, разумеется, необходимо, чтобы обучающиеся освоили данную учебную дисциплину в объеме, определенном государственным стандартом: получили представление о структуре предмета, категориях, основных школах, направлениях, тенденциях развития, специфике русской философской мысли. Вторая же задача, являющаяся, по нашему мнению, основной, состоит в том, чтобы научить обучающихся искусству философствовать [2], то есть видеть неоднородность действительности, понимать реальность не только мира вещей, но и мира идей, и через эту «двухэтажность» овладели диалектическим не только рассуждением, но и мировоззрением.

Актуальность темы проведенного нами исследования продиктована спецификой сложившейся в настоящее время оперативно-служебной обстановки, характеризующейся высокой степенью неопределенности, динамизмом и комплексностью вызовов безопасности [3], что обуславливает особые требования к личности сотрудника органов внутренних дел [4]. Эффективное выполнение им профессиональных задач невозможно без зрелой, внутренне непротиворечивой системы взглядов, ценностей и убеждений [5], то есть без сформированного мировоззрения [6]. Поэтому столь важна в образовательном процессе роль преподавателя философии: не только его профессиональные знания, но и владение им педагогическими компетенциями [7]. Задачи философии заключаются в исследовании и анализе всеобщего: 1) наиболее общих проблем бытия; 2) наиболее общих вопросов познания; 3) наиболее общих и существенных проблем функционирования и развития общества; 4) наиболее общих и существенных проблем человека [8]. Философия способствует формированию в сознании образованной личности интегративного (неодностороннего) образа действительности, учит человека мыслить системно, глобально, а действовать конкретно, локально [9].

Предметом нашего исследования стали приемы, методики, методы и методологии формирования у курсантов образовательных организаций МВД России рационального мировоззрения и их патриотического воспитания в процессе преподавания философии. Целью являлась проверка эффективности педагогических средств, применяемых для осуществления патриотического воспитания на фундаменте формирования рационального мировоззрения.

В самом общем виде в структуре мировоззрения выделяются два уровня: 1) образный и 2) понятийный. Это уровни духовного освоения мира и отношения человека к нему: 1) образный, чувственный и 2) понятийный, рациональный. Мировоззрение первого уровня может выражаться и в несловесных формах, например в образах живописи, музыки, скульптуры и т.д. Мировоззрение же второго уровня обязательно выражается посредством язы-

ка – в словесных формах. Для курсанта, будущего офицера полиции, мировоззрение должно органично сочетать в себе *глубину философского понимания* социальных процессов, природы права и морали с *конкретно-чувственным, деятельным патриотизмом*, выражающимся в готовности к защите Отечества, правопорядка, конституционных ценностей [10].

Мировоззрение составляют познавательная, ценностная, поведенческая подсистемы. Образовательные организации МВД России являются не только центрами передачи знаний и навыков, но и ключевой средой для целенаправленного становления личности офицера-профессионала, гражданина и патриота. В связи с этим перед ними стоит задача скорректировать тип мировоззрения обучающихся, так чтобы они перешли от мировоззрения преимущественно стихийного к мировоззрению преимущественно научному [11]. Необходимо минимизировать мифологические и религиозные компоненты, качественно усилить философскую составляющую мировоззрения, на которой базируется и нравственное, и художественное, и научное. Поэтому выявление эффективных путей формирования философско-патриотического мировоззрения представляет собой значимую научно-практическую задачу, от решения которой зависит качество кадрового потенциала органов внутренних дел и в конечном счете их авторитет в обществе [12].

МЕТОДЫ

В ходе исследования был востребован комплекс теоретических и эмпирических методов познания. На первом этапе применен метод анализа научных источников, представленных в литературе подходов к оценке степени эффективности использования интернет-ресурсов в качестве материала для освоения предмета. Далее возникла необходимость подвергнуть выявленные позиций ученых сопоставительному анализу. На втором этапе оказались актуальны методы систематизации и интерпретации полученной информации; системный анализ, контент-анализ, сопоставительный анализ; абстрагирование и др. С их помощью установленные факты систематизировались и сопоставлялись для последующего их толкования и обобщения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Дисциплина «Философия» (Б.1.О.1) входит в обязательную часть (Б.1.О.) Блока 1. (Дисциплины (модули)) основной профессиональной образовательной программы высшего образования по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» и в обязательную часть (Б.1.О.) Блока 1. (Дисциплины (модули)) основной профессиональной образовательной программы высшего образования по направлению подготовки 40.03.02 «Обеспечение законности и правопорядка». То есть всех специальностей и направлений, по которым осуществляет подготовку специалистов высшего профессионального образования Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России. Это делает актуальным анализ значимости преподавания философии в процессе обучения полицейских в специализиро-

Kirill S. SERDOBINTSEV,

Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, ORCID 0009-0009-7364-3000

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)

Head of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines of the Kaliningrad Branch
valamo07@mail.ru

PHILOSOPHY – THE FOUNDATION FOR DEVELOPING A RATIONAL WORLDVIEW AND PATRIOTIC EDUCATION IN CADETS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

KEYWORDS. Philosophy teaching methods, worldview, patriotism, philosophical culture, professional development, educational institutions, Ministry of the Interior of Russia, cadet, upbringing, official duty.

ANNOTATION. *Abstract. Introduction. The article presents the study's findings, which address pressing issues related to developing a holistic philosophical and patriotic worldview among cadets of educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia. The article analyzes the essence and specifics of the worldview of future employees of territorial internal affairs bodies. The article substantiates the need to synthesize philosophical culture and patriotism as the basis for professional identity and awareness of official duty. The article identifies and describes key institutional, substantive, and methodological ways of implementing this process, including the role of academic disciplines, educational work, and the personal example of mentors. Special attention is paid to overcoming contemporary ideological challenges and integrating traditional values of the Russian officer corps into the educational environment. Methods. The research utilized a combination of theoretical and empirical methods: systematization and interpretation of the information obtained; systems analysis, content analysis, comparative analysis; abstraction, etc. Results. The study's findings confirmed that the study of the academic discipline «Philosophy» is a fundamental foundation for developing a rational worldview and patriotic education among cadets of educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia. It provides not just information but a holistic value-semantic and methodological unity for this process: the integration of philosophical knowledge (ethics, axiology, social philosophy) into educational and training practices fosters in future officers the ability to critically understand reality, rationally argue their position, and consciously perceive patriotism not as an imposed ideology, but as a personally accepted value based on an understanding of the historical mission, legal principles, and moral duty of defending law and order. This ultimately lays a solid foundation for a stable professional identity, civic maturity, and a readiness for responsible service to the Fatherland. The study's findings underscore the importance of studying the history of philosophy, particularly Russian philosophical thought, for developing these qualities in cadets.*

ванном вузе. Иными словами – анализ того, что может дать философская подготовка будущим высококвалифицированным сотрудникам органов внутренних дел, чего не обеспечивают в полной мере другие учебные дисциплины.

Почему человек обращается к философии? Во-первых, по причине сомнения, являющегося способом поиска истины. Философствование часто начинается именно с сомнений по поводу самых привычных и обыденных явлений, причем оно может привести не к разрушению, а к заострению этих сомнений. В связи с этим Б. Рассел весьма рационально размышлял о том, что если философия и не может ответить на все те вопросы, на какие мы хотели бы получить ответ, то она в состоянии ставить вопросы, которые открывают новое и неизвестное, скрытое в привычном окружении повседневной жизни [13].

Философское мировоззрение обладает рядом особенностей. Оно относится к рациональной и научной сфере сознания людей, внутри которой имеет специфический понятийно-категориальный аппарат. Он в своем развитии опирается как на данные науки, ее категории, так и на достижения искусства, поэзии, художественной литературы, исторические исследования и жизненный, житейский опыт людей.

Поэтому верно говорить о том, что в основе философии лежит опыт всего человечества. Она имеет компоненты и признаки, которые свойст-

венны естественнонаучному, социально-гуманитарному, художественному, а также религиозному и обыденному знанию. Таким образом, философия представляет собой интегральный вид знания, ядро которого образует рациональность. Связь философии как с научным, так и с обыденным, житейским сознанием и опытом людей выражается в особенностях ее языка, который ближе к живому, естественному, чем язык специальных наук. Философия использует пословицы, поговорки и иную жизненную мудрость народа, накопленную в течение тысячелетий. Синтез философской рефлексии и патриотической ориентации формирует устойчивое ядро профессиональной идентичности курсанта, позволяя ему осознанно и ответственно выполнять свой долг в любой, в том числе и критической, ситуации.

I. Теоретико-мировоззренческие основы: синтез философии и патриотизма в профессиональной идентичности

Мировоззрение курсанта как субъекта предстоящей ему правоохранительной деятельности является сложным, многоуровневым образованием. Его *философский компонент* обеспечивает методологическую основу для критического анализа действительности, понимания сущности государства, права, свободы, ответственности и справедливости. Изучение философии, истории философской и правовой мысли позволяет будущему офицеру выйти за рамки узкопрофессионального

технизма, осмыслить историческую миссию и этические границы своей службы в контексте общественного развития.

Через контекст формируемой изучением философии широты взглядов становятся ясными локальные задачи и проблемы. Даже простое освещение основного вопроса философии дает возможность по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо известные вещи. В основном вопросе философии выражены онтологическая и гносеологическая стороны соотношения материи и сознания. В зависимости от ответа на его онтологическую часть образуются две различные ориентации человека в мире: материализм или идеализм. От ответа на гносеологическую часть (познаваем ли мир?) зависит формирование основных философских ориентаций. Их также две: одна признаёт познаваемость мира, другая является агностицистской.

То или иное решение этого вопроса имеет своим следствием: 1) получение определенной системы знаний о сущности мира, 2) определение способа ориентации человека в мире и 3) образование духовной основы для самоопределения человека в мире. Поэтому изучение философии формирует основу общекультурной, общетеоретической и социально-гуманитарной подготовки специалиста любого профиля. Философия – это школа разумного мышления, которая учит цивилизованного человека оперировать научными понятиями и категориями. Она способствует адекватному пониманию человеком самого себя и мира, в котором он существует.

Философия показывает сложность, многоаспектность мира и различные координаты существования в нем. Например, французский философ А. Камю в эссе «Миф о Сизифе» утверждает, что основным для философии является вопрос о смысле жизни [14].

Патриотический компонент мировоззрения наполняет профессиональную деятельность личностным смыслом и нравственной энергией. В условиях образовательной организации МВД России патриотизм трансформируется из абстрактного чувства в **конкретную мировоззренческую установку и принцип служения**. Он интегрирует в себе любовь к Родине, верность присяге, уважение к закону, корпоративную солидарность и ответственность за безопасность сограждан [15, с. 21]. Патриотизм оказывается здесь не лозунгом, а внутренним императивом, мотивирующим к самосовершенствованию, дисциплине и готовности к самопожертвованию.

Главная ценность философии – формирование целостного рационального (основанного на разуме) мировоззрения. Она является своего рода платформой, на которой можно построить здание любого образования. Мировоззрение в целом есть система представлений людей о мире, происходящих в нем природных, социальных и духовных процессах, об отношении человека к миру и самому себе. В него входят определяемые этими представлениями жизненные позиции, ориентации, идеалы и принципы. По своей сути мировоззрение – это способ духовно-практического освоения

человеком мира. В его структуру входят: знания (эмпирические, теоретические, профессиональные), мироощущение, мировосприятие, миропонимание, жизненная позиция, убеждения, вера, ценности (добро, зло, красота, уродство и т.д.), сомнения. Основные компоненты мировоззрения: познавательный, ценностный, эмоционально-волевой, моральный, духовно-практический (переход жизненной установки в реальное действие).

Существенный аспект связи научного, познавательного и ценностного компонентов философии проявляется в идеологии. С идеологией тесно связана ее социально-гуманитарная, обществоведческая сторона. Философия стремится как к объективному, научному познанию мира, так и к выражению в знаниях интересов субъекта. Идеологические конструкции могут создаваться по указу или в соответствии с социальным и политическим заказом [16]. В отличие от идеологических процессов действительное философствование не творится по указу или согласно заказу. Если же философия полностью превращается в идеологию, она по самой своей сущности перестает быть философией.

С этимологической точки зрения слово «идеология» означает «учение об идеях». Данный термин в начале XIX века ввел в оборот французский экономист Дестют де Траси, разработавший вместе с врачом Пьером Жаном Жоржем Кабанисом учение об идеологии. Она рассматривалась ими как наука о происхождении идей, в том числе общественно-политических, из чувственного опыта и рассматривалась как основа политики. Буквально под идеологией понимается мысль, выраженная в слове (из греческого: «идея» – мысль, «логос» – слово).

Феномен идеологии большинство его исследователей связывают с выражением интересов социальных групп, которые, как правило, противостоят друг другу [17]. Идеология – это теоретическая конструкция, содержащая в себе определенное миропонимание, обусловленное соответствующим социально-групповым интересом. В ее содержание включаются лозунги, верования, директивы деятельности людей, связанные с их целями и практическими установками. И ценностный, оценочный компонент превалирует над познавательным, аналитическим.

Итак, идеология есть концептуальное выражение социально-группового интереса. В ней присутствуют лозунги, верования и оценки. Вместе с тем определенная идеологическая конструкция может носить научный характер при условии адекватного познания мира, стремление к которому вызвано таким интересом социальной группы именно к объективному пониманию последнего, который совпадает с общественным прогрессом и исключает стремление завуалировать этот интерес.

Закономерным в существовании идеологии является представление социальной группой своего интереса в качестве интереса всего общества. Идеология не носит массового характера, то есть не является частью массового сознания, но базируется на этом сознании, тесно связана с социальной

психологией. Завуалированный характер идеологических конструкций проявляется в том, что их содержание не всегда совпадает с тем, что идеология провозглашает в своих лозунгах.

II. Институционально-содержательные пути формирования мировоззрения

Формирование мировоззрения курсантов представляет собой целенаправленный, многоаспектный процесс, реализуемый в рамках системы взаимодополняющих направлений деятельности (путей).

1. Академический путь: интеграция мировоззренческих аспектов в учебный процесс. Ключевая роль здесь принадлежит гуманитарным и социально-правовым дисциплинам. *Философия, социология, политология* должны преподаваться не как отвлеченные теории, а в контексте осмысления роли правоохранительных институтов в обществе, этических дилемм оперативно-служебной деятельности, феномена государственного суверенитета.

При изучении философии курсанты не должны забывать, что человек – существо не только рациональное. В структуре современного сознания, особенно политического, есть место различного рода мифотворчеству. Его почвой является массовое сознание. Зачастую оно оказывается нерасчлененным, непосредственно выражающимся в феномене персонификации общественных отношений и человеческих качеств в социальных и политических фантазиях, далеких от реальности. Но корни мифотворчества уходят в психологию личности. Миф существует в субъекте на уровне психической потребности, так как дает ему ощущение защищенности.

Основная цель философии заключается во всестороннем познании смысла существования человека, общества и мира в целом, смысла человеческой жизни, а также в том, чтобы помочь человеку понять самого себя. Смысл философии – в мудрости, формировании личностного и всеобщего интеллекта, культуры мышления и поведения. Предназначение философии состоит в том, что она является средством ориентации человека в мире, противоречивом и несовершенном, формирует у него способность жить в таком мире, не утрачивая своего «Я». Она способствует формированию индивидуальной самодостаточности.

Отечественная история и история органов внутренних дел призваны сформировать чувство сопричастности к традициям российского офицерства и ведомства, на конкретных примерах героизма и служения показать преемственность патриотического долга. И здесь также важна роль идеологии, она должна быть «вплетена» в нарратив этих учебных дисциплин. Главная ее функция – быть руководителем к действию, средством для укрепления существующего социально-политического строя. Идеология дает людям рекомендации, указания и предписания. С целью реализации ее предназначения в массовом сознании используется образ оппонента. Этот прием

эффективен, так как намерения не поддаются наглядному восприятию.

Но кто такой оппонент, или, в радикальной трактовке, враг? Адекватную характеристику его образа дал немецкий юрист и философ Карл Шмитт (1888-1985 гг.). По его мнению, враг – не есть носитель зла или лжи; не есть воплощение уродства; он не инакомыслящий собеседник. Враг – это существо, процветание которого несовместимо с благополучием моей жизни и который должен быть обезврежен; если нет других средств – уничтожен, убит¹. Говоря проще, враг – это существо, которое по каким-либо причинам мешает тебе жить благополучно. Во многих современных обществах идеологические постулаты распространяются не на понятийно-рациональном уровне в процессе просветительской деятельности, а на эмоционально-психическом через систему массовой информации и культуры: с помощью рекламы, кино, шоу и др.

Профессиональная этика и психология закладывают основы для осознания моральной ответственности, формирования стрессоустойчивости и эмпатии как качеств, необходимых для служения обществу [18]. Сила и массовое влияние любой идеологии непосредственно зависят от степени учета общеклассовых, общенациональных, общечеловеческих интересов и ценностей. Поэтому, являясь социально-групповым феноменом, любая идеология обращается к таким идеалам и ценностям, которые относятся ко всему человеческому роду, и имеет в своем содержании общие моральные принципы. Объективно идеология внутренне противоречива, в ней есть противоположные начала: классовое, групповое и общечеловеческое, объективное и субъективное, теоретическое и эмпирическое, реалистическое и утопическое, постоянное и временное и т.д. Это позволяет ей быть гибкой и оказывать влияние на широкие слои населения.

2. Воспитательно-деятельностный путь: от теории к практике. Мировоззрение кристаллизуется в практическом опыте и эмоционально значимых событиях. Здесь речь идет, в частности, о *военно-патриотических ритуалах и традициях*, среди которых принятие присяги, торжественные построения у мемориалов, посвящение в курсанты, празднование Дня Победы и Дня сотрудника органов внутренних дел. Эти ритуалы обладают мощным символическим и консолидирующим потенциалом. Не менее важны *встречи с ветеранами МВД и героями современной службы*, которые являются носителями корпоративных ценностей и патриотического мировоззрения. Оптимальная идеология, основанная на объединяющих людей идеях, не может быть заменена суррогатами, догмами или идеологемами, которые сводятся к примитивным пропагандистским клише, не способствующим материальному и духовному развитию общества, формированию человеческой личности. Создание оптимальной идеологии как системы идей – процесс длительный и противо-

¹ См.: Степун Ф.А. Учение о первородном грехе как основа христианской политики // Степун Ф.А. «Письма из Германии» и другие тексты о фашизме // Предание.ru: сайт // URL: <https://predanie.ru/book/220795-pisma-iz-germanii-i-drugie-teksty-o-fashizme/> (дата обращения: 15.01.2026).

речивый, имеющий корни в прошлом, учитывающий настоящее положение вещей, опирающийся на духовные традиции и потребности народа.

Непосредственному прикосновению к истории и формированию личной ответственности за ее сохранение способствует участие в исторических реконструкциях, вахтах памяти, поисковой работе. Не только государства, но и общества в целом испытывают потребность в такой идеологии, которая ориентирует не на ирреальные, утопические перспективы, а на создание рациональных экономических, политических, правовых и иных отношений, культуры и образа жизни. Оптимистическая идеология нужна людям, чтобы объединить их для решения общих целей. В этом контексте большое значение имеет культурно-досуговая деятельность: посещение музеев, театров, просмотр и обсуждение фильмов, литературные вечера, развивающие эстетический вкус и гражданскую позицию.

3. Средовой и личностно-ориентированный путь: роль коллектива и наставника.

Формирование корпоративного духа в учебных подразделениях (взводах, группах) должно основываться на взаимовыручке, чести и коллективной ответственности. Поддержание благоприятного микроклимата в коллективе является ежедневной школой мировоззренческого становления. И здесь офицер-воспитатель, преподаватель, командир играют ключевую роль, подавая личный пример. Их авторитет, убежденность, профессиональная компетентность и человеческие качества оказывают решающее влияние на ценностные ориентации курсантов [19]. А потому не подлежащим сомнению требованием становится мировоззренческая и нравственная состоятельность самого педагогического состава.

III. Вызовы и современные акценты в мировоззренческой работе

Процесс формирования мировоззрения протекает сегодня в условиях обострения информационного противоборства, релятивизации традиционных ценностей и попыток дискредитации патриотизма и служения. В связи с этим необходимо развивать у курсантов критическое мышление и повышать уровень их медиаграмотности, чтобы они могли самостоятельно анализировать происходящее и уверенно противостоять манипулятивному информационному воздействию. Изучение философии помогает человеку всесторонне осмысливать жизнь, свое место среди других людей, адекватно оценивать самого себя, окружающих и реальную действительность.

По отношению к науке философия выполняет функцию методологии познания и мировоззренческой интерпретации результатов познавательной деятельности. Философия есть методология фундаментального научного знания. Она воздействует на развитие прикладных наук через фундаментальные науки. Кроме того, существует специфическая философская дисциплина – философия науки, изучающая структуру научного знания, способы его обоснования и развития, средства и методы научного познания.

Обратим также внимание на необходимость актуализации героического наследия не только прош-

лого, но и современности, с акцентом на примеры профессионального мужества и гуманизма сотрудников МВД России наших дней [20]. Гармоничное сочетание государственного патриотизма с гражданской позицией предполагает уважение к разнообразию культур и народов нашей страны, понимание служения как защиты прав и свобод конкретного человека. В обществах, в которых есть государства, идеология выступает в качестве доктрины государственной власти. Здесь философия играет значительную роль как система знаний и форма мировоззрения. Она предлагает систему идей и ценностей, способных быть основой для выработки идеологических концепций. В этом реализуется часть ее функций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование философского и патриотического мировоззрения у курсантов образовательных организаций МВД России – это стратегическая, комплексная задача, решение которой предопределяет нравственный облик будущего офицерского корпуса. Эта задача решается посредством системной интеграции содержательного потенциала учебных дисциплин, воспитательного ресурса корпоративных традиций и практик, а также влияния педагогической среды.

Нами установлено, что эффективные механизмы такого формирования предполагают переход от формального информирования к диалогу, рефлексии и личностному вовлечению курсанта. В результате воспитывается не просто специалист с набором компетенций, а мыслящий, ответственный гражданин и патриот, чья профессиональная деятельность осознанно подчинена высшим целям защиты национальных интересов, правопорядка и достоинства личности. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку конкретных педагогических технологий и диагностического инструментария, необходимого для оценки уровня сформированности мировоззренческих установок у курсантов на разных этапах обучения.

По итогам проведенного исследования нами сформулирован ряд выводов. Прежде всего следует констатировать, что изучение учебной дисциплины «Философия» является системообразующим фундаментом для формирования у курсантов образовательных организаций МВД России рационального мировоззрения и их патриотического воспитания. Она обеспечивает не просто информирование, а целостное ценностно-смысловое и методологическое единство этих процессов. Интеграция философского знания (этики, аксиологии, социальной философии) в образовательную и воспитательную практику способствует выработке у будущих офицеров способности к критическому осмыслению действительности, рациональной аргументации своей позиции и осознанного восприятия патриотизма не как навязанной идеологии, а как личностно-принятой ценности, основанной на понимании исторической миссии, правовых принципов и нравственного долга защитника правопорядка. И это закладывает прочную основу для их устойчивой профессиональной идентичности, гражданской зрелости и готовности к ответственному служению Отечеству. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабенко Б.И. Особенности преподавания философии в высших учебных заведениях России // Вопросы педагогики. 2025. № 8-2. С. 10-12.
2. Харламов А.В. Влияние эвристического обучения философии на внутреннюю мотивацию студентов вуза // Сибирский педагогический журнал. 2025. № 5. С. 66-76.
3. Кожина Ю.Г. Подготовка полицейских к участию в обеспечении мер безопасности при проведении международных мероприятий (из опыта работы) // Язык. Культура. Общение: Материалы всероссийской научно-практической конференции. СПб: СПб МВД России, 2024. С. 62-66.
4. Тарасова С.А. Формирование способности к саморегуляции у курсантов ведомственного вуза ФСИН России // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 3 (54). С. 92-99.
5. Печерский Ю.И. Профессиональное мировоззрение курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации: концепция, сущность и структура // Психология и психотехника. 2025. № 1. С. 146-159.
6. Печерский Ю.И. Технология формирования профессионального мировоззрения курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации // Педагогика и просвещение. 2025. № 2. С. 15-35.
7. Ахтян А.Г., Егорычев А.М. Социальная направленность личности преподавателя вуза // Педагогическое образование и наука. 2024. № 2. С. 41-47.
8. Горбачева Д.А., Ахтямов Р.Р. Теоретические предпосылки моделирования процесса формирования профессионального мировоззрения у будущих юристов // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 84-3. С. 130-134.
9. Шевкопляс И.В. Влияние антропологического подхода на процесс формирования и развития профессионального мировоззрения студентов юридических вузов // Вестник педагогических наук. 2024. № 5. С. 138-144.
10. Дрогавцева Е.А. Традиционные духовно-нравственные ценности как основа формирования мировоззрения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития: Материалы всероссийской научно-практической конференции. СПб: СПб МВД России, 2024. С. 97-100.
11. Гайнуллин Д.Е., Барина О.Ю., Шавалеев А.Ф. Педагогические технологии и методы формирования профессионального мировоззрения сотрудника полиции в образовательных организациях МВД России // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 83-3. С. 120-123.
12. Чернышев С.Г. Духовно-нравственное и патриотическое воспитание в процессе обучения курсантов в ведомственных вузах МВД России // Наука-2020. 2024. № 6 (73). С. 143-148.
13. Рассел Б. Проблемы философии. Новосибирск, 2001. 111 с.
14. Камю А. Бунтующий человек. Миф о Сизифе. М., 2024. 512 с.
15. Беркут В.П. Военно-философский взгляд на методологические проблемы формирования государственного патриотизма и усвоения курса «Основы российской государственности» (на опыте вузов РВСН) // Общество. Право. Современность: материалы научно-представительских мероприятий. Ч. 1. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2024. С. 19-22.
16. Марченко Г.В. Нарративы и идеологемы современных информационных войн // Профессиональное юридическое образование и наука. 2024. № 2 (14). С. 57-60.
17. Рассел Б. История западной философии. М., 2010. 831 с.
18. Михоненко О.И. Инновационная педагогическая деятельность в условиях цивилизационного преобразования общества: сущностная характеристика и социокультурные детерминанты эффективности // Концепт. 2025. № 8. С. 1-16; URL: <http://e-koncept.ru/2025/251148.htm>.
19. Еникеева И.И., Бенин В.Л., Абдрахманова Ф.Р. Философский анализ теории практики как основы междисциплинарных педагогических исследований // Концепт. 2025. № 4. С. 265-277; URL: <http://e-koncept.ru/2025/251071.htm>.
20. Ярмач К.В. Опыт патриотического воспитания курсантов в системе морально-психологического обеспечения деятельности МВД России // Традиции и инновации в педагогическом образовании: Сборник научных трудов. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2025. С. 178-184.

REFERENCES

1. Babenko B.I. Osobennosti prepodavaniya filosofii v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh Rossii // Voprosy pedagogiki. 2025. № 8-2. S. 10-12.
2. Kharlamov A.V. Vliyaniye evristicheskogo obucheniya filosofii na vnutrennyuyu motivatsiyu studentov vuza // Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal. 2025. № 5. S. 66-76.
3. Kozhina Yu.G. Podgotovka politseyskikh k uchastiyu v obespechenii mer bezopasnosti pri provedenii mezhdnarodnykh meropriyatiy (iz opyta raboty) // YAzyk. Kul'tura. Obshcheniye: Materialy vsereossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPb MVD Rossii, 2024. S. 62-66.
4. Tarasova S.A. Formirovaniye sposobnosti k samoregulyatsii u kursantov vedomstvennogo vuza FSIN Rossii // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2023. № 3 (54). S. 92-99.

5. Pecherskiy Yu.I. Professional'noye mirovozzreniye kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii: kontseptsiya, sushchnost' i struktura // *Psikhologiya i psihotekhnika*. 2025. № 1. S. 146-159.
6. Pecherskiy Yu.I. Tekhnologiya formirovaniya professional'nogo mirovozzreniya kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii // *Pedagogika i prosveshcheniye*. 2025. № 2. S. 15-35.
7. Akhtyan A.G., Yegorychev A.M. Sotsial'naya napravlennost' lichnosti prepodavatelya vuza // *Pedagogicheskoye obrazovaniye i nauka*. 2024. № 2. S. 41-47.
8. Gorbacheva D.A., Akhtyamov R.R. Teoreticheskiye predposylki modelirovaniya protsessa formirovaniya professional'nogo mirovozzreniya u budushchikh yuristov // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2024. № 84-3. S. 130-134.
9. Shevkoplyas I.V. Vliyaniye antropologicheskogo podkhoda na protsess formirovaniya i razvitiya professional'nogo mirovozzreniya studentov yuridicheskikh vuzov // *Vestnik pedagogicheskikh nauk*. 2024. № 5. S. 138-144.
10. Drogavtseva Ye.A. Traditsionnyye dukhovno-nravstvennyye tsennosti kak osnova formirovaniya mirovozzreniya sotrudnikov organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii // *Moral'no-psikhologicheskoye obespecheniye deyatel'nosti organov vnutrennikh del: sovremennyye podkhody i perspektivy razvitiya: Materialy vs Rossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. SPb: SPb MVD Rossii, 2024. S. 97-100.
11. Gaynullin D.Ye., Barinova O.Yu., Shavaleyev A.F. Pedagogicheskiye tekhnologii i metody formirovaniya professional'nogo mirovozzreniya sotrudnika politzii v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2024. № 83-3. S. 120-123.
12. Chernyshev S.G. Dukhovno-nravstvennoye i patrioticheskoye vospitaniye v protsesse obucheniya kursantov v vedomstvennykh vuzakh MVD Rossii // *Nauka-2020*. 2024. № 6 (73). S. 143-148.
13. Rassel B. *Problemy filosofii*. Novosibirsk, 2001. 111 s.
14. Kamyu A. *Buntuyushchiy chelovek. Mif o Sizife*. M., 2024. 512 s.
15. Berkut V.P. Voyenno-filosofskiy vzglyad na metodologicheskiye problemy formirovaniya gosudarstvennogo patriotizma i usvoyeniya kursa «Osnovy rossiyskoy gosudarstvennosti» (na opyte vuzov RVSN) // *Obshchestvo. Pravo. Sovremennost': materialy nauchno-predstavitel'skikh meropriyatiy*. Ch. 1. Krasnoyarsk: SibYuI MVD Rossii, 2024. S. 19-22.
16. Marchenko G.V. Narrativy i ideologemy sovremennykh informatsionnykh voyn // *Professional'noye yuridicheskoye obrazovaniye i nauka*. 2024. № 2 (14). S. 57-60.
17. Rassel B. *Istoriya zapadnoy filosofii*. M., 2010. 831 s.
18. Mikhonenko O.I. Innovatsionnaya pedagogicheskaya deyatel'nost' v usloviyakh tsivilizatsionnogo preobrazovaniya obshchestva: sushchnostnaya kharakteristika i sotsiokul'turnyye determinanty effektivnosti // *Kontsept*. 2025. № 8. S. 1-16; URL: <http://e-koncept.ru/2025/251148.htm>.
19. Yenikeyeva I.I., Benin V.L., Abdrakhmanova F.R. Filosofskiy analiz teorii praktiki kak osnovy mezhdistsiplinarnykh pedagogicheskikh issledovaniy // *Kontsept*. 2025. № 4. S. 265-277; URL: <http://e-koncept.ru/2025/251071.htm>.
20. Yarmak K.V. Opyt patrioticheskogo vospitaniya kursantov v sisteme moral'no-psikhologicheskogo obespecheniya deyatel'nosti MVD Rossii // *Traditsii i innovatsii v pedagogicheskoy obrazovaniy: Sbornik nauchnykh trudov*. Yekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2025. S. 178-184.

© Сердобинцев К.С., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сердобинцев К.С. *Философия – фундамент формирования рационального мировоззрения, патриотического воспитания курсантов образовательных организаций МВД России* // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2026. № 1 (83). С. 139-146.

Татьяна Валентиновна АНИСИМОВА,
доктор филологических наук, профессор, ORCID 0000-0002-6386-2041
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
профессор кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин Калининградского филиала
atoritor@yandex.ru

Научная статья
УДК 378.147:808.5

МЕСТО ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Реформа образования, специалитет, практико-ориентированный подход, педагогическая концепция, методика преподавания риторики.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В связи с переходом в 2027 году на новую модель образования актуальным становится обсуждение ее содержания и перспектив внедрения. Одним из наиболее острых в разворачивающихся в научном сообществе дискуссиях является вопрос о границах практико-ориентированного подхода к обучению. В связи с этим целью исследования, результаты которого представлены в статье, стало определение места практической составляющей в новой программе высшего образования, а также форм, которые необходимы для ее реализации. **Методы.** Используются общенаучные (синтез, абстрагирование, классифицирование и др.) и педагогические (сопоставительный анализ педагогических концепций, обобщение педагогического опыта, оценка эффективности применяемых методов обучения и др.) методы исследования. **Результаты.** Высшее образование прежде всего предполагает формирование прочной теоретической и методологической базы обучения. Во многих случаях внедрение практико-ориентированного подхода не требует увеличения объема производственной практики или переноса учебного процесса непосредственно на производство. Необходимо практически ориентировать содержание преподаваемого предмета и для этого пересмотреть его содержание в пользу тем, которые описывают важные для будущей деятельности специалиста реалии. В качестве примера рассмотрен новый вариант программы по дисциплине «Риторика». Автор полагает, что темы, посвященные описанию общего назначения языка и качеств речи, следует заменить темами, связанными с изучением специфики риторических жанров, востребованных в профессиональной деятельности. Отбор таких жанров должен быть максимально ориентирован на потребности речевого взаимодействия подготавливаемых специалистов. В статье сформулированы общие принципы, определяющие место практики в образовательном процессе.

ВВЕДЕНИЕ

Ослабление культурных и экономических связей с Западом, имеющее место в последние годы, напрямую коснулось и высшей школы. Министерство образования наконец отказалось от насильственного и некритичного внедрения в обучение российских студентов Болонской системы, с помощью которой разрушалась традиционная отечественная педагогическая концепция. Неспособность двухуровневой системы обеспечить повышение качества знаний студентов, о чем весь период ее продвижения писали и ученые, и преподаватели вузов¹ теперь признана и служащими. Было подтверждено, что основным назначением этой новации являлось обеспечение

беспрепятственной эмиграции талантливой и хорошо подготовленной молодежи из России в западные страны. При этом дипломы выпускников наших вузов за редким исключением так и не стали конвертируемыми на международном уровне.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 г. № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 9 августа 2023 г. № 1302 «О реализации пилотного проекта, направленного на изменение уровней профессионального образования» с 2027 года начнется переход на новую модель образования². Официальная педагогика ответила на эти документы восторженными

¹ См., например: Евсюкова И. Ректор МГУ: «Мы заменили фундаментальное образование «компетенциями» // Аргументы и факты: сайт. 07.03.2018 // URL: https://chr.aif.ru/voronezh/people/ректор_mgu_my_zamenili_fundamentalnoe_obrazovanie_kompetenciyami.

² В России вузы могут перейти на новую модель образования в 2027 году // ТАСС: сайт. 06.11.2025 // URL: <https://tass.ru/obschestvo/25551673>.

Tatyana V. ANISIMOVA,

Doctor of Philology, Professor, ORCID 0000-0002-6386-2041

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)

Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines of the Kaliningrad Branch
atvritor@yandex.ru

THE PLACE OF A PRACTICE-ORIENTED APPROACH IN THE NEW EDUCATION CONCEPT

KEYWORDS. Education reform, specialization, practice-oriented approach, pedagogical concept, methodology of teaching rhetoric.

ANNOTATION. Introduction. With the transition to a new education model scheduled for 2027, discussion of its content and implementation prospects is becoming increasingly important. One of the most pressing debates within the scientific community is the boundaries of a practice-oriented approach to learning. Therefore, the aim of the study, the results of which are presented in this article, was to determine the place of the practical component in the new higher education program, as well as the forms necessary for its implementation. **Methods.** General scientific (synthesis, abstraction, classification, etc.) and pedagogical (comparative analysis of pedagogical concepts, generalization of teaching experience, evaluation of the effectiveness of the teaching methods used, etc.) research methods were used. **Results.** Higher education primarily presupposes the formation of a solid theoretical and methodological foundation for training. In many cases, the implementation of a practice-oriented approach does not require an increase in the volume of industrial practice or the transfer of the educational process directly to the workplace. It is necessary to focus the content of the taught subject on practical matters and, to this end, revise it in favor of topics that describe realities important for the future work of specialists. As an example, a new version of the curriculum for the discipline «Rhetoric» is considered. The author believes that topics devoted to describing the general purpose of language and the qualities of speech should be replaced with topics related to the study of the specific rhetorical genres in demand in professional work. The selection of such genres should be as closely aligned with the verbal interaction needs of the specialists being trained. The article formulates general principles defining the place of practical training in the educational process.

откликами. Во многих публикациях представлены самые позитивные мнения о грядущих переменах: пишут об «эпохе судьбоносных реформ», о «создании суверенной системы высшего образования», об «учете лучшего опыта отечественных вузов и востребованного мирового опыта» и т.п. Однако не стоит забывать, что и переход на Болонскую систему сопровождался в свое время подобными же надеждами и высокой степенью оптимизма. Впрочем, постепенно отзывы становились всё более сдержанными, и в конце концов эта реформа получила заслуженную негативную оценку, поскольку ее итогом стали «снижение уровня высшего образования из-за ориентации на узких специалистов в ущерб фундаментальной подготовке, развивающей аналитическое и критическое мышление» [1] и «выраженный рост бюрократизации сферы высшего образования» [2, с. 47]. Более того, некоторые исследователи указывают и на другие деструктивные последствия внедрения Болонской системы, которая, по их мнению, «была направлена на решение проблемы излишней образованности людей в мире» [3, с. 59].

Печальный опыт показывает, что для одобрения внедряемой системы недостаточно не только ее позитивной теоретической оценки со стороны назначенных министерством экспертов, но и апробации ее в нескольких вузах. Последнее связано со спецификой финансирования образовательных организаций в нашей стране: ведущие вузы, получающие разнообразные субсидии и преференции, способны создать такие условия обучения, которые совершенно недоступны рядовым учебным заведениям, влачащим нищенское существование. В связи с этим авторы научных

исследований указывают на низкий уровень доверия преподавателей высшей школы к иницируемым изменениям и предполагают, что именно недооценка этой проблемы является причиной неэффективности реформирования системы образования [4, с. 242]. Основой сложившегося недоверия стало то обстоятельство, что правильные лозунги провозглашались и раньше, однако это никак не отражалось на жизни рядовых учебных заведений и не касалось «неэлитных» специальностей. В национальной доктрине образования Российской Федерации до 2025 года среди основных задач провозглашались «развитие вузов как центров образования, культуры, науки и новых технологий» и «интеграция образования, науки и производства, включая интеграцию научных исследований с образовательным процессом, научных организаций с образовательными учреждениями, науки и образования с производством»¹. Ничего подобного сделано не было.

Предлагаемая ныне новая реформа и ее перспективы вызвали оживленное обсуждение в научном сообществе. В целом все согласны с тем, что следует вернуться к национальным принципам построения системы образования, уменьшить бюрократическое давление на вузы, усилить воспитательную составляющую обучения, увеличить вариативность специальностей (специализаций). Вместе с тем многие аспекты вызывают разногласия. Так, одни ученые требуют полной отмены компетентностного подхода, указывая на свойственную ему крайнюю формализацию знаний [2, 5], в то время как другие полагают, что бороться следует именно с формализацией, а не с самими компетенциями [6, 7]. С одной стороны, указывается на

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 04.10.2000 № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации».

важность гуманизации и гуманитаризации образования, меры крайне важной для формирования мировоззрения, нравственных и гражданских принципов обучающихся [8, 9], а также для обеспечения «социально-культурной преемственности, стабилизации коммуникационных процессов, сохранения и трансляции социального опыта» [10, с. 154]. С другой стороны, звучат и предложения о полной профилизации образования, его ориентации на потребности рынка труда, для чего предлагается узаконить постоянное внесение изменений в рабочие программы дисциплин в соответствии с запросами региональных представителей бизнеса и требованиями работодателей, предъявляемыми к выпускнику [11, с. 126].

Наиболее оживленные дискуссии вызывает провозглашение курса на усиление практической направленности обучения. Одни полагают, что нынешнее образование у нас слишком научное, и видят необходимость в том, чтобы сделать «акцент на практику, а не теорию, как это было раньше»¹. В то же время другие считают, что наше образование слишком поверхностное, поэтому следует существенно усилить его фундаментальность: «Если новое поколение не превосходит предыдущее по своим интеллектуальным способностям и умению распоряжаться расширяющимися знаниями, исчезает повод говорить об общественном прогрессе, поскольку качество и профессионализм следующих поколений будут не возрастать, а уменьшаться» [12, с. 97-98]. Очевидно, что рациональное зерно есть в обеих позициях. Их следует разумно сочетать, а не противопоставлять. У нас же проблема, как правило, состоит в том, что победа одной из сторон ведет к полному вытеснению другой.

Таким образом, актуальность исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, обусловлена необходимостью поиска таких форм внедрения практико-ориентированного подхода, которые бы гарантировали разумное сочетание теории с практикой, обеспечивали как учет потребностей производства, так и фундаментальность образования.

МЕТОДЫ

Цель и задачи, поставленные в рамках исследования, а также специфика анализируемого материала обусловили выбор комплекса дополняющих друг друга общенаучных и специальных методов. Теоретическую основу исследования составили работы педагогов, лингвистов, социологов и философов, посвященные проблемам реформирования высшего образования в России, внедрения компетентностного подхода, а также вопросам гуманизации и профилизации обучения.

Метод теоретического анализа использовался для изучения и критического осмысления научной литературы, а также для выявления эволю-

ции взглядов ученых и практиков на последствия внедрения Болонской реформы и перспективы перехода к новой модели образования.

Метод системного анализа применялся для рассмотрения высшего образования как целостной системы, включающей теоретическую, практическую и воспитательную составляющие. Он позволил обосновать тезис о необходимости сбалансированного сочетания фундаментальности и профилизации, а также сформулировать принципы внедрения практико-ориентированного подхода без разрушения традиционной структуры вузовской подготовки.

Конкретно-методический анализ, примененный на примере дисциплины «Риторика», был востребован для иллюстрации общетеоретических положений, касающихся профилизации образования. Он обеспечил переход от общих рассуждений к разработке предложений по пересмотру содержания учебных программ и созданию специализированных учебников, которые учитывали бы виды профессиональной деятельности выпускников.

Вместе с тем в ходе проведения исследования использовались сравнительно-сопоставительный метод, метод анализа нормативно-правовой базы, метод проблемно-тематического анализа публицистических и интернет-источников. В основу формулировки выводов и практических рекомендаций, представленных в заключительной части статьи, был положен метод индуктивного обобщения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Общие принципы практико-ориентированного подхода

Несмотря на то, что пилотный вариант реформы уже реализуется в шести ведущих вузах страны, полноценная научная концепция новой стратегии развития образования всё еще не сформирована. Не внесло ясности и обсуждение ее проекта в Государственной Думе, состоявшееся 11 февраля 2026 года. Интернет переполнен высказываниями блогеров и экспертов, критикующих этот проект «за отсутствие конкретной цели, оторванность от реальных школьных проблем и общую надуманность»². Многие из них отмечают, что вся реформа пока сводится к отмене бакалавриата и возвращению специалитета: «Бакалавриат подразумевал отказ от глубокой специализации и профессионализации выпускника. Вместо основательного погружения в будущую специальность бакалавр должен был владеть широкими «компетенциями», которые требовали гораздо более продолжительной доводки до настоящей профессии»³. Все остальные меры либо слишком мелки и конкретны для стратегии (улучшение системы повышения квалификации учителей, введение новых специальностей и т.п.), либо имеют крайне

¹ Образовательная реформа в России: что изменится и чем обернется // Дзен: сайт. 12.11.2024 // URL: https://dzen.ru/a/ZzRgUIhLUH_b0mEI.

² Широкова А. «Зачем мы врем? И кому врем?» Как в Думе обсуждали новую Стратегию развития образования. И что теперь будет со школой // Мел: сайт. 11.02.2025 // URL: <https://mel.fm/zhizn/povestka/9268135-zachemu-vrem-i-komu-vrem-kakiye-problemy-khotyat-reshit-s-pomoshchyu-novoy-strategii-obrazovaniya>.

³ Антоненко А. Реформа высшего образования в России в 2026 году // Я знаю: сайт // URL: <https://www.kp.ru/edu/vuzy/reforma-vysshego-obrazovaniya-v-rossii/>.

абстрактный и декларативный характер (сохранение традиционных ценностей, возрождение сильных математических школ и т.п.). Большинство участников дискуссии сходятся во мнении, что новая система образования должна опираться на практико-ориентированный подход, предусматривающий обязательное тесное сотрудничество вузов со всеми работодателями и адаптацию программ обучения к потребностям производства.

Для того чтобы научно обосновать потребность в реализации этой идеи, необходимо сначала четко сформулировать общую цель образования и определить последовательность решения задач для ее достижения. Понимание общего назначения образования должно помочь выявить разумное соотношение всех частей реформируемой системы и избежать перегибов, ростки которых заметны уже сейчас. Так, некоторые авторы научных работ предлагают перманентно анализировать требования работодателей и на основе результатов этой деятельности больше внимания уделять тем аспектам программы обучения студентов, на которые указывает практика [13]. Однако вуз, как правило, готовит специалистов достаточно широкого профиля и не может менять программу в угоду каждому работодателю. Кроме того, очень сложно предугадать, какие требования будут предъявляться к специалисту через 5-10 лет, и, следовательно, вуз никогда не сможет угнаться за изменениями, происходящими на рынке труда. Еще более опасно предложение перейти на так называемое дуальное обучение (когда аудиторские занятия в вузе проводятся 2-3 раза в неделю, а большая часть учебного времени отводится на производственную практику). Как представляется, реализация этого предложения грозит полным разрушением принципов и традиций высшего образования и превращением вуза в аналог профтехучилища.

Здесь важно напомнить, что для выработки многих профессиональных умений и навыков требуется формирование не только теоретической, но и методологической базы. Поэтому из вузовского образования, например, филологов нельзя убрать такие предметы, как историческая грамматика, теория коммуникации и общее языкознание, а из образования юристов – социологию права, историю и теорию государства и права. Все дисциплины такого рода закладывают фундаментальную теоретическую основу профессиональной подготовки специалиста, определяют его теоретический кругозор, позволяющий более осознанно относиться к изучению практико-ориентированных профильных дисциплин. Более того, из программ обучения всех без исключения студентов нельзя убрать курсы философии, культурологии и логики, поскольку выпускник вуза должен быть интеллектуально развитым человеком со сформированным мировоззрением, способным к внятному осмыслению окружающей действительности. Требование отказаться от

изучения гуманитарных дисциплин под предлогом профессионализации обучения вызывает у педагогов-экспертов большие опасения, так как эта идея способна окончательно разрушить воспитательный потенциал высшего образования. По словам профессора В.И. Жельвиса, «без гуманитарного образования в России никогда не будет никаких экономических успехов. Это глупость – думать, что если научить человека строить дом (автомашину, космический аппарат, картофелечистку), он станет настоящим мастером и пойдет дальше своих учителей. Эту конкретную картофелечистку он, наверное, осилит, но для ее усовершенствования ему не хватит воображения, полета фантазии, которую может и должно дать гуманитарное образование»¹.

Именно поэтому для российской педагогической традиции всегда была свойственна ценностная ориентация образования на формирование культуры и патриотизма [14, 15]. В условиях сложной международной ситуации и необходимости патриотического воспитания в нашей стране все-таки вспомнили. Но для полноценного воспитания очень важен также культурно-ценностный компонент, особенно с учетом того, что старые (советские) ценности были полностью уничтожены, а новые за последние 35 лет так и не сформированы. Гуманитаризация образовательного процесса в настоящее время представляется крайне важной задачей. Она могла бы способствовать формированию фундаментальных моральных, культурных и этических норм, развитию эрудиции и гражданской ответственности [16, 17] – всего того, чего критически не хватает современной молодежи, которую средства массовой информации ориентируют на западные (причем преимущественно материальные) ценности. В связи с этим А.И. Столетов отмечает необходимость «дополнить экстенсивную креативность технической подготовки интенсивной креативностью гуманитарного образования, направленного на формирование мировоззрения, выращивание личности прежде всего, а не просто эффективного работника, с определенным набором компетенций» [18, с. 14]. Следует, однако, подчеркнуть, что интенсивность не должна пониматься формально. На практике она не всегда зависит от количественных показателей в учебных планах. Требуется реформировать преподавание на синергетической основе: постоянно искать формы комплексного и межпредметного подхода к преподаванию всех дисциплин (включая гуманитарные).

Обратим внимание и еще на один важный аспект. Во многих случаях предпочтение практико-ориентированного подхода не требует увеличения количества времени, выделяемого на производственную практику, и переноса учебного процесса на производство. Более важно критически оценить программу обучения студентов и дополнить ее спецкурсами, которые будут преподавать действующие специалисты соответствующего профиля. Например, советские вузы для чтения

¹ Савичева О. Профессор Владимир Жельвис: «Наступил период нового одичания» // Аргументы и Факты. Ярославль: сайт. 25.02.2016 // URL: https://yar.aif.ru/society/persona/professor_vladimir_zhelvis_nastupil_period_novogo_odichaniya.

курсов лекций приглашали не только ведущих инженеров, конструкторов, архитекторов и т.п., но и лучших экономистов, учителей, адвокатов. Они рассказывали о реальном положении дел в сфере их деятельности, делились передовым опытом работы. Общение обучающихся с такими специалистами, как правило, оказывалось более полезным для постижения тонкостей профессии, чем пребывание на производстве. И это понятно, ведь у работников, назначаемых руководителями практики, обычно нет ни времени, ни умения обучать студентов.

Развивая эту мысль, обратим внимание на то, что и традиционные предметы вполне могут быть переориентированы на практику, если пересмотреть их программы с учетом современных достижений соответствующих наук, во-первых, и характера той деятельности, которая предстоит выпускнику, во-вторых. Эту рекомендацию нам хотелось бы проиллюстрировать на примере дисциплины «Риторика».

Практико-ориентированный подход к пересмотру программы по дисциплине «Риторика»

Многие (особенно прикладные) дисциплины, изучаемые в вузе, давно нуждаются в переосмыслении и гораздо большей ориентации на специфику будущей профессиональной деятельности обучающихся, чем сейчас. К их числу относится и «Риторика» – дисциплина, освоение которой жизненно необходимо для всех специалистов, работающих в системе «человек - человек», однако исключенная уже почти из всех программ их обучения, не в последнюю очередь по причине крайне расплывчатого и неконкретного содержания преподаваемого курса. Филологи, пишущие учебники по риторике, традиционно включают в них много тем, весьма полезных для повышения общего культурного уровня студента, но не имеющих никакого отношения к предмету данной науки. В них есть, например, многочисленные параграфы, содержащие описание общего назначения языка («Понятие о речевой деятельности», «Формы существования национального языка», «Положение русского языка в современном мире» и т.п.), и обширные разделы, отведенные под анализ качеств речи (ее точности, логичности, чистоты, правильности, выразительности). При этом изучение профессиональной речи юриста сводится к получению представлений о судебной речи обвинителя и защитника в рамках уголовного судопроизводства. В то же время разделы, посвященные общим принципам риторики, формам и жанрам делового общения и собственно профессиональным речевым умениям юриста, весьма невелики по объему (а иногда таковых и вовсе нет). Однако абсолютное большинство выпускников юрфака гражданского университета никогда не столкнутся с необходимостью выступать в суде (а если и столкнутся, то это с большой долей вероятности окажется гражданское, а не уголовное судопроизводство). Еще более нелепо выглядит преподаваемый в аспирантуре курс риторики, ориентированный на изучение средств художественной выразительности. Всё это требует существенной *профилизации* риторики: пересмо-

тра не только содержания предмета, но и методов его преподавания.

Под профилизацией преподавания языковых дисциплин Т.В. Иванова и О.В. Никитина понимают «такую организацию и такое планирование их теоретического и практического усвоения, которые подчинены общим целям и задачам профессионального образования, учитывают функцию языка в той или иной профессиональной сфере, контекст преподаваемых профильных дисциплин, нацеливают на получение речеведческих сведений и приобретение коммуникативно-речевых умений, актуальных в данной профессиональной среде» [19, с. 117]. Применительно к риторике профилизация должна состоять в решительном развороте от общих рассуждений о лингвистических особенностях монолога и диалога, о механизмах речи к изучению необходимого конкретному специалисту набора риторических жанров, свойственных той профессиональной сфере, в которой этот выпускник будет работать.

Именно владение принципами построения речи в соответствующих ситуации жанрах является признаком современной коммуникативной культуры субъекта. Поэтому у каждого специалиста, работающего с людьми, должна быть сформирована четкая жанровая картина мира. Она предполагает понимание того, как и какими именно жанрами заполняется профессиональное коммуникативное пространство, в котором осуществляется его деятельность. Речевые жанры, функционируя в том или ином дискурсе, приобретают особенности, обусловленные сферой их бытования. Поэтому ключевой оказывается проблема адаптации описания общеупотребительных жанров к условиям, в которых в дальнейшем предстоит работать выпускнику. Соответственно, для популярных жанров потребуются описание нескольких вариантов, учитывающих специфику их функционирования в разных сферах общения.

Хотя все юристы работают в одной (юридической) сфере, необходимые для них умения и навыки весьма существенно разнятся в зависимости от того, каким именно видом деятельности им придется заниматься. В связи с этим риторическая компетенция юриста не может быть универсальной. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» выделяет несколько видов профессиональной деятельности юриста: правотворческая, правоприменительная, правоохранительная, экспертно-консультационная, организационно-управленческая, педагогическая, научно-исследовательская. Каждый вид требует своего набора речевых умений и навыков, освоения набора свойственных ему риторических жанров.

В связи с этим в идеале должно быть создано как минимум три разных учебника по риторике для юристов. Один – для курсантов образовательных организаций МВД России. Здесь необходим акцент на риторических формах, актуальных в процессе правоохранительной деятельности, и в первую очередь следует рассматривать ритори-

ческие формы добывания юридически значимой информации. Другой учебник будет востребован студентами гражданских университетов. Основное внимание в нем должно быть сосредоточено на свойственных консультационной, организационно-управленческой и педагогической деятельности риторических формах, ориентированных на распространение юридически значимой информации. Третий учебник предназначался бы для вузов, которые готовят специалистов для работы в суде. В данном случае акцент целесообразно сделать на риторических формах, функционирующих в рамках судебных процессов, и в первую очередь тех, которые используются для интерпретации юридически значимой информации. Разумеется, во всех таких учебниках должны быть и общее описание процедуры создания риторического произведения, и обзор всех необходимых для любого юриста риторических жанров. Особенно важно включать в такие издания описание новых для специалиста ситуаций, требующих правильного речевого поведения [20, 21].

Материал всех учебников должен быть максимально приближен к содержанию и условиям практической деятельности, предстоящей выпускникам. В них требуется описывать те речевые события, которые наиболее важны для их будущей работы. Например, в учебник по риторике для PR-сотрудника следует включить общее описание специфики таких мероприятий, как презентация, день открытых дверей, встреча руководителя с сотрудниками, пресс-конференция, имиджевое интервью и т.п., а также всех жанров, которые актуальны в рамках подобного рода мероприятий [22]. Таким профессионально значимым речевым событиям посвящают сегодня свои работы многие ученые [23, 24, 25].

Однако даже если учебники, коротко описанные выше, будут созданы, внедрить их в обучение окажется весьма затруднительно, поскольку действующая программа не допускает этого. С ее помощью продвигается модель риторики, почерпнутая из учебников по «Советскому ораторскому искусству» 70-х годов прошлого века, не учитывающая никаких достижений коммуникативной лингвистики. Обучение умению адресовать речь конкретной аудитории является одной из главных задач риторики, однако ее саму вгоняют в жесткие рамки давно устаревших стереотипов, лишая возможности не только варьировать содержание курса в соответствии с потребностями того или иного конкретного контингента обучающихся, но и выполнять свое основное назначение в целом. Возникает вопиющее противоречие: с одной стороны, федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования требует, чтобы у юриста вырабатывались разнообразные компетенции, включающие коммуникативную составляющую (способность вести полемику и дискуссию, способность предупреждать и конструктивно разрешать конфликтные ситуации, способность консультировать по вопросам права, способность осуществлять правовое воспитание и т.п.), но с другой стороны, среди дисциплин, ответственных за их формирование, риторика не

упомянута, хотя «коммуникативная подготовка студентов-юристов в системе вузовского обучения является базовой, основополагающей, потому что именно она обеспечивает качественную работу всех остальных сторон профессиональной деятельности юриста» [26, с. 9].

Необходимо добиться понимания очевидного факта: речь – это основной профессиональный инструмент многих специалистов, в связи с чем имеется потребность выработать у обучающихся умение им пользоваться. Профилизация образования предполагает не просто общее знакомство с коммуникативным пространством профессии, но и полноценное освоение тех риторических форм, которые используются в непосредственной деятельности специалиста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Никто не спорит с тем, что вузовская программа, идя в ногу со временем, должна быть ориентирована на потребности практики. Споры ведутся только по поводу методов реализации этого тезиса. Слишком рьяное и непродуманное внедрение практико-ориентированного подхода способно принести больше вреда для нашего образования, чем Болонская система.

Чтобы не пришлось вскоре в очередной раз констатировать, что «хотели как лучше, а получилось как всегда», следует точно определить место практики в плане обучения. Полагаем, что для этого целесообразно руководствоваться перечисленными далее принципами:

- поскольку фундамент любого образования составляют знания, первые 2-3 года обучения нужно закладывать научную базу, основательно изучать теорию, собирать всю информацию, необходимую для будущей профессиональной деятельности. Важной частью обучения на этом этапе должно быть стремление научить студентов самостоятельно добывать знания. Причем эту задачу правильнее решать не за счет простого увеличения времени, выделяемого на самостоятельную работу (что приводит только к профанации образования), а посредством введения в программу обучения соответствующих курсов (или хотя бы тем в уже имеющиеся дисциплины);

- на старших курсах на базе полученных знаний начинается формирование конкретных профессиональных компетенций, необходимых будущему специалисту. Они должны быть сформулированы гораздо более конкретно, чем сейчас, и профессионально ориентированы. Необходимо, применяя синергетический подход, привлекать к их формированию все дисциплины, способные внести свой вклад в общее дело;

- производственная практика (как и сейчас) остается только на старших курсах, когда основные знания уже получены. Руководить практикой на предприятии или в учреждении должны штатные сотрудники образовательной организации (так, как это сейчас делается в медицинских вузах), поскольку загруженные своей работой местные специалисты не в состоянии уделять достаточно времени обучению практикантов;

- для ознакомления студентов с реальными проблемами и достижениями, имеющими место

на практике, следует привлекать к чтению курсов лекций лучших (ведущих) специалистов соответствующей сферы деятельности;

- основное направление совершенствования практико-ориентированного подхода состоит в предоставлении вузам возможности постоянной корректировки программ дисциплин с учетом развития науки и потребностей практики. Кроме того, в программах дисциплин должно быть указано, какие именно практико-ориентированные навыки следует вырабатывать в их рамках. В связи с этим необходимо увеличить количество аудиторных часов, выделяемых на изучение этих дисциплин, а в нагрузку преподавателя предусмотреть достаточное количество часов, выделяемых на консультации и проверку письменных работ (творческих проектов, научных докладов, презентаций и т.п.).

В условиях усиливающейся экономической конкуренции многие государства стремятся затормозить социально-экономическое развитие соперников. Одним из важнейших факторов, влияющих на исход этой борьбы, является состояние высшего образования и науки, которые представляют собой ключевые драйверы экономического

роста. Низкий уровень квалификации специалистов и недостаточность контроля над развитием образования и науки могут привести к закреплению зависимого положения государства в глобальной экономике на длительный период. Особенно опасны попытки замены системообразующих институтов одной страны на аналогичные институты другой, что полностью доказало внедрение Болонской системы в российское образование.

Жизненную важность укрепления системы национального образования и придания ей цивилизованного вида можно аргументировать и с помощью тезиса, размещенного на сайте ведущего вуза ЮАР – Стелленбошского университета: «Уничтожение любой нации не требует атомных бомб или использования ракет дальнего радиуса действия. Требуется только снижение качества образования и разрешение обмана учащимися на экзаменах. Пациенты умирают от рук таких врачей. Здания разрушаются от рук таких инженеров. Деньги теряются от рук таких экономистов и бухгалтеров. Справедливость утрачивается в руках таких юристов и судей. Крах образования – это крах нации»¹. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Легачева А.Н., Зотин В.В., Мельничук А.А. Тенденции развития образования в Российской Федерации в условиях отказа от Болонской системы образования // Особенности социально-экономического развития региона: правовые, управленческие и социально-гуманитарные аспекты: Электронный сборник научных статей. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева, 2023. С. 419-423.
2. Бермус А.Г. Проблемы и перспективы постболонского реформирования системы высшего образования в России: теоретический обзор // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. № 1. С. 43-51.
3. Асриев С.А., Тимофеева И.Ю. Анализ основных смыслов Болонской системы образования и их последствий для российского образования // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2023. № 3 (17). С. 57-65.
4. Шахова Д.И. Основные проблемы реформирования российской системы высшего образования: нормативные акты и взгляд профессиональной среды // Russian Journal of Economics and Law. 2025. Т. 19. № 2. С. 239-256.
5. Желудков М.А., Алексеева А.П. Общественный контроль в деятельности по противодействию коррупции в России: проблемы и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (102). С. 146-154.
6. Ковшикова Е.В., Шиндряев С.О. Ценностное управление организационной культурой: возможности применения в системе государственной гражданской службы // ЦИТИСЭ. 2021. № 2 (28). С. 223-231.
7. Ульяновская Е.В. Дискуссия как один из элементов формирования компетенций (из опыта проведения практических занятий по истории и культурологии в Западном филиале РАНХиГС) // Гуманитарные технологии в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: Западный филиал РАНХиГС, 2018. С. 156-159.
8. Анисимова Т.В., Ковшикова Е.В. Место риторического компонента в структуре коммуникативной компетенции // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 5 (108). С. 8-12.
9. Сердобинцев К.С. Методологические подходы в социально-гуманитарных науках // XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 15-16.
10. Савруцкая Е.П., Устинкин С.В., Никитин А.В., Горюнова А.А. Развитие российской системы образования в условиях новой реальности: системный подход // Известия Российской академии образования. 2023. № 3 (63). С. 148-160.
11. Подулыбина О.И. Адаптация образовательных программ вузов к требованиям бизнеса // Образование в современном мире: эволюция смыслов и приоритетов педагогической деятельности:

¹ Университет в Южной Африке напомнил о важности образования // Рамблер / новости: сайт. 11.11.2018 // URL: https://news.rambler.ru/other/41252675/?utm_content=news.

Материалы всероссийской научно-методической конференции. Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 2025. С. 124-128.

12. Сухарев О.С. Информационная экономика. М.: Финансы и статистика, 2015. 288 с.
13. Разумова Т.О., Телешова И.Г. Трансформация системы высшего образования: вызовы и перспективы // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 3. С. 338-349.
14. Васильева З.В. Проблема духовно-нравственного развития в отечественной педагогической мысли // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 1. С. 140-144.
15. Лубский А.А. Педагогическая мысль и практика образования: история и современность. М.: АСОУ, 2023. 231 с.
16. Алексеева А.П. Профессиональный спортсмен как жертва преступных посягательств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2008. № 2 (7). С. 37-44.
17. Сердобинцев К.С. Роль философии в образовательно-воспитательном процессе // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 93-94.
18. Столетов А.И. Отрицательные последствия внедрения высоких технологий в сфере российского высшего образования // Дискурс. 2024. Т. 10. № 2. С. 5-17.
19. Иванова Т.В., Никитина О.В. Проблемы профилизации преподавания языковых дисциплин в юридическом вузе // Филология и человек. 2020. № 1. С. 117-126.
20. Алексеева А.П. Киберпреступность: насколько реальна угроза // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № Т 31. С. 76-80.
21. Гимпельсон Е.Г. Преподавание гуманитарных дисциплин в вузе: баланс нового и традиционного // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Материалы Международной научно-практической конференции. Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева (институт), 2025. С. 85-89.
22. Анисимова Т.В. Интервью сотрудника полиции как способ формирования имиджа полиции: риторический аспект // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2026. № 1 (60) С. 93-107.
23. Желудков М.А., Алексеева А.П. Общественный контроль в деятельности по противодействию коррупции в России: проблемы и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (102). С. 146-154.
24. Пригарина Н.К. Место риторики в процессе формирования коммуникативной компетенции специалиста // Филологический аспект. Серия: Методика преподавания языка и литературы. 2024. № 54 (27). С. 23-29.
25. Ульяновская Е.В. Информационные технологии и информационная безопасность в ходе преподавания гуманитарных дисциплин (из опыта Западного филиала РАНХиГС) // Гуманитарные технологии в современном мире: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Калининград: Западный филиал РАНХиГС, 2019. С. 310-312.
26. Косянова О.М. Коммуникативная компетентность как одна из основ качественного профессионального образования студентов правовых специальностей // Наука и школа. 2008. № 1. С. 8-11.

REFERENCES

1. Legacheva A.N., Zotin V.V., Mel'nichuk A.A. Tendentsii razvitiya obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh otkaza ot Bolonskoy sistemy obrazovaniya // Osobennosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona: pravovyye, upravlencheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye aspekty: Elektronnyy sbornik nauchnykh statey. Cheboksary: Chuvashskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet imeni I.Ya. Yakovleva, 2023. S. 419-423.
2. Bermus A.G. Problemy i perspektivy postbolonskogo reformirovaniya sistemy vysshego obrazovaniya v Rossii: teoreticheskiy obzor // Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki. 2025. Т. 10. № 1. S. 43-51.
3. Asriyev S.A., Timofeyeva I.Yu. Analiz osnovnykh smyslov Bolonskoy sistemy obrazovaniya i ikh posledstviy dlya rossiyskogo obrazovaniya // Voyenno-pravovyye i gumanitarnyye nauki Sibiri. 2023. № 3 (17). S. 57-65.
4. Shakhova D.I. Osnovnyye problemy reformirovaniya rossiyskoy sistemy vysshego obrazovaniya: normativnyye akty i vzglyad professional'noy sredy // Russian Journal of Economics and Law. 2025. Т. 19. № 2. S. 239-256.
5. Zheludkov M.A., Alekseyeva A.P. Obshchestvennyy kontrol' v deyatel'nosti po protivodeystviyu korrupsii v Rossii: problemy i perspektivy // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 2 (102). S. 146-154.
6. Kovshikova Ye.V., Shindryayev S.O. Tsennostnoye upravleniye organizatsionnoy kul'turoy: vozmozhnosti primeneniya v sisteme gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhby // TsITISE. 2021. № 2 (28). S. 223-231.
7. Ul'yanovskaya Ye.V. Diskussiya kak odin iz elementov formirovaniya kompetentsiy (iz opyta provedeniya prakticheskikh zanyatiy po istorii i kul'turologii v Zapadnom filiale RANKhiGS) // Gumanitarnyye tekhnologii v sovremennom mire: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: Zapadnyy filial RANKhiGS, 2018. S. 156-159.

8. Anisimova T.V., Kovshikova Ye.V. Mesto ritoricheskogo komponenta v strukture kommunikativnoy kompetentsii // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2024. № 5 (108). S. 8-12.
9. Serdobintsev K.S. Metodologicheskiye podkhody v sotsial'no-gumanitarnykh naukakh // XIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 15-16.
10. Savrutsкая Ye.P., Ustinkin S.V., Nikitin A.V., Goryunova A.A. Razvitiye rossiyskoy sistemy obrazovaniya v usloviyakh novoy real'nosti: sistemnyy podkhod // *Izvestiya Rossiyskoy akademii obrazovaniya*. 2023. № 3 (63). S. 148-160.
11. Podulybina O.I. Adaptatsiya obrazovatel'nykh programm vuzov k trebovaniyam biznesa // *Obrazovaniye v sovremennom mire: evolyutsiya smyslov i prioritetov pedagogicheskoy deyatel'nosti: Materialy vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii*. Samara: Samarskiy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet imeni akademika S.P. Koroleva, 2025. S. 124-128.
12. Sukharev O.S. *Informatsionnaya ekonomika. M.: Finansy i statistika*, 2015. 288 s.
13. Razumova T.O., Teleshova I.G. Transformatsiya sistemy vysshego obrazovaniya: vyzovy i perspektivy // *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. 2023. T. 19. № 3. S. 338-349.
14. Vasil'yeva Z.V. Problema dukhovno-nravstvennogo razvitiya v otechestvennoy pedagogicheskoy mysli // *Obrazovaniye. Nauka. Nauchnyye kadry*. 2020. № 1. S. 140-144.
15. Lubskiy A.A. *Pedagogicheskaya mysl' i praktika obrazovaniya: istoriya i sovremennost'*. M.: ASOU, 2023. 231 s.
16. Alekseyeva A.P. Professional'nyy sportsmen kak zhertva prestupnykh posyagatel'stv // *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*. 2008. № 2 (7). S. 37-44.
17. Serdobintsev K.S. Rol' filosofii v obrazovatel'no-vospitatel'nom protsesse // X Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2022. S. 93-94.
18. Stoletov A.I. Otritsatel'nyye posledstviya vnedreniya vysokikh tekhnologiy v sfere rossiyskogo vysshego obrazovaniya // *Diskurs*. 2024. T. 10. № 2. S. 5-17.
19. Ivanova T.V., Nikitina O.V. Problemy profilizatsii prepodavaniya yazykovykh distsiplin v yuridicheskom vuze // *Filologiya i chelovek*. 2020. № 1. S. 117-126.
20. Alekseyeva A.P. Kiberprestupnost': naskol'ko real'na ugroza // *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept»*. 2017. № T 31. S. 76-80.
21. Gimpel'son Ye.G. Prepodavaniye gumanitarnykh distsiplin v vuze: balans novogo i traditsionnogo // *Tatishchevskiy chteniya: aktual'nyye problemy nauki i praktiki: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Tol'yatti: Volzhskiy universitet imeni V.N. Tatishcheva (institut), 2025. S. 85-89.
22. Anisimova T.V. Interv'yu sotrudnika politsii kak sposob formirovaniya imidzha politsii: ritoricheskiy aspekt // *Uchenyye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2026. № 1 (60) S. 93-107.
23. Zheludkov M.A., Alekseyeva A.P. Obshchestvennyy kontrol' v deyatel'nosti po protivodeystviyu korrupszii v Rossii: problemy i perspektivy // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2024. № 2 (102). S. 146-154.
24. Prigarina N.K. Mesto ritoriki v protsesse formirovaniya kommunikativnoy kompetentsii spetsialista // *Filologicheskiiy aspekt. Seriya: Metodika prepodavaniya yazyka i literatury*. 2024. № S4 (27). S. 23-29.
25. Ul'yanovskaya Ye.V. Informatsionnyye tekhnologii i informatsionnaya bezopasnost' v khode prepodavaniya gumanitarnykh distsiplin (iz opyta Zapadnogo filiala RANKhiGS) // *Gumanitarnyye tekhnologii v sovremennom mire: Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Kaliningrad: Zapadnyy filial RANKhiGS, 2019. S. 310-312.
26. Kosyanova O.M. Kommunikativnaya kompetentnost' kak odna iz osnov kachestvennogo professional'nogo obrazovaniya studentov pravovykh spetsial'nostey // *Nauka i shkola*. 2008. № 1. S. 8-11.

© Анисимова Т.В., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Анисимова Т.В. Место практико-ориентированного подхода в новой концепции образования // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2026. № 1 (83). С. 147-155.

Ольга Борисовна ДРОНОВА,

доктор юридических наук, профессор, ORCID 0000-0003-4604-1644
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного
комплекса экспертно-криминалистической деятельности
nio-va@rambler.ru

Рецензия
УДК [343.985(043)](049.32)

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИЮ ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНЫ ИВАНОВОЙ «ПОЛУЧЕНИЕ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»¹

Актуальность диссертации Е.С. Ивановой обусловлена необходимостью коренной модернизации правовых, организационных и методических аспектов деятельности правоохранительных органов по получению образцов для сравнительного исследования при раскрытии и расследовании преступлений. Во многом это связано с существенной трансформацией способов, средств и орудий совершения преступлений, повышением уровня правовой грамотности и осведомленности преступников о своих правах, технической оснащенности правоохранительных органов и их возможностях, используемых для получения криминалистически значимой информации и доказательств. Кроме того, масштабная цифровизация общества стала причиной возникновения необходимости поиска и интеграции в криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений новых подходов к организационно-тактическому и научно-методическому сопровождению производства следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий; разработки эффективных технико-криминалистических средств, аппаратно-программных комплексов и программных продуктов, обеспечивающих использование современных технологий при получении образцов для сравнительного исследования.

Особую значимость имеет удовлетворение потребности правоохранительных органов в научном обеспечении работы с относительно новыми видами объектов экспертного исследования. В данном случае речь идет об объектах, сформированных с применением голосовых и аудиовизуальных технологий: необходим дифференцированный подход к получению сопоставимых с анализируемым материалом образцов для сравнительного исследования. При этом можно констатировать, что традиционные методы получения материалов для проведения сравнительного исследования зачастую оказываются недостаточно эффективными из-за отсутствия научно обоснованных подходов к познанию механизма формирования самого объекта исследования.

В таких условиях разработка теоретических и методических основ деятельности сотрудников следственных, оперативных и экспертных подразделений, направленной на получение образцов для сравнительного исследования, в целях обеспечения эффективной технико-криминалистической и судебно-экспертной деятельности приобретает особую значимость для совершенствования правоприменительной практики и противодействия преступности.

Соискатель обоснованно определил **предмет исследования**. Это образцы для сравнительного

¹ Диссертация представлена на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Olga B. DRONOVA,

Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0003-4604-1644

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)

Professor of the Department of Forensic Science of the Educational and Scientific

Complex for Forensic Science Activities

nio-va@rambler.ru

OFFICIAL OPPONENT'S REVIEW OF ELENA S. IVANOVA'S DISSERTATION «OBTAINING SAMPLES FOR COMPARATIVE RESEARCH IN CRIME SOLVING AND INVESTIGATION: THEORY AND PRACTICE»¹

исследования и закономерности практической деятельности сотрудников органов внутренних дел по получению образцов для сравнительного исследования при раскрытии и расследовании преступлений.

Автором правильно сформулирована и достигнута **цель исследования**, которая состоит в разработке комплекса теоретических положений и научно обоснованных практических рекомендаций, направленных на повышение эффективности деятельности следователей, дознавателей, сотрудников оперативных подразделений и судебных экспертов по получению образцов для сравнительного исследования при раскрытии и расследовании преступлений.

Этому во многом способствовало эффективное решение поставленных задач.

Несомненная **научная новизна** диссертационного исследования заключается в разработке и обосновании теоретических положений и практических рекомендаций, обеспечивающих повышение эффективности деятельности следователей, дознавателей, сотрудников оперативных подразделений и судебных экспертов по получению образцов для сравнительного исследования при раскрытии и расследовании преступлений.

Новизна работы отражена в шести положениях, выносимых на защиту (с. 13-16 диссертации).

Надлежащая **теоретическая значимость** проведенного исследования обусловлена тем, что полученные автором результаты вносят вклад в развитие отдельных теоретических положений криминалистики, судебной экспертологии, уголовно-процессуального права, теории оперативно-разыскной деятельности, отражающих ключевые стороны работы правоохранительных органов по получению образцов для сравнительного исследования при раскрытии и расследовании преступлений.

Выводы и предложения, сформулированные в диссертации, могут быть использованы для дальнейших научных изысканий по исследуемой теме.

Не вызывает сомнения **практическая значимость работы** (стр. 17 диссертации), которая состоит в том, что сформулированные выводы и рекомендации, а также предложенные организационно-тактические рекомендации для следователей, дознавателей и сотрудников оперативных подразделений, обеспечивающие алгоритмизированный подход к получению образцов для сравнительного исследования, востребованы в практической деятельности правоохранительных органов. Отдельные предложения, сформулиро-

ванные диссертантом, могут быть использованы для совершенствования уголовно-процессуального законодательства в вопросах получения образцов для сравнительного исследования.

Достоверность и научная новизна исследования подтверждаются репрезентативным эмпирическим материалом: проведен комплексный анализ 215 уголовных дел (по различным составам преступлений), находившихся в производстве следственных подразделений Следственного комитета Российской Федерации и органов внутренних дел по Республике Карелия, Ленинградской и Ярославской областям, Санкт-Петербургу в период с 2018 г. по 2024 г., в рамках которых были получены образцы для сравнительного исследования в порядке ст. 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, при производстве иных следственных действий и в рамках оперативно-разыскной деятельности; вступившие в законную силу приговоры судов, а также решения судей, вынесенные в ходе осуществления судебного контроля за законностью получения образцов для сравнительного исследования, за период с 2019 г. по 2024 г. (Республика Карелия, Республика Коми, Республика Крым, Ставропольский край, Белгородская, Владимирская, Курганская, Ленинградская, Тамбовская, Томская, Ярославская области, Санкт-Петербург). Важным компонентом эмпирической базы стали результаты анкетирования 153 экспертов экспертно-криминалистических подразделений МВД России из 16 субъектов Российской Федерации; 86 следователей Следственного комитета Российской Федерации и органов внутренних дел Российской Федерации, дознавателей органов внутренних дел Российской Федерации; 75 оперативных сотрудников из 9 субъектов Российской Федерации.

Полагаем, что изученные материалы судебно-следственной и экспертной практики, а также иные эмпирические данные обеспечили всестороннюю проверку выдвигаемых научных положений.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования проведены на разных уровнях (стр. 18 диссертации). Основные выводы и положения работы представлены в 17 научных статьях, 6 из которых опубликованы в научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации результатов диссертационных исследований.

Материалы исследования **внедрены в образовательный процесс** Сибирского юридического

¹ This dissertation is submitted for the degree of Cand. Sci. (Jurisprudence) in specialty 5.1.4. Criminal Law (Legal Sciences).

института МВД России (г. Красноярск), Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, Луганской академии Следственного комитета Российской Федерации, юридического института Южно-Уральского государственного университета (НИУ) (г. Челябинск), института права Уфимского университета науки и технологий, факультета судебных экспертиз и права в строительстве и на транспорте Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, а также **в практическую деятельность** Экспертно-криминалистического центра ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, следственного управления УМВД России по Кировскому району г. Санкт-Петербурга, оперативного отдела ОМВД России по Тосненскому району Ленинградской области, отделения дознания ОМВД России по Сланцевскому району Ленинградской области, оперативного отделения ОМВД России по Приозерскому району Ленинградской области.

Основные результаты исследования представлялись автором на семи научно-практических конференциях международного и всероссийского уровней по проблемам уголовного права, криминалистики и судебной экспертизы.

Структура и содержание диссертации и автореферата соответствуют друг другу. Публикации соискателя полностью подтверждают выводы диссертационного исследования. Диссертация выполнена с соблюдением требований юридической терминологии и стилистики, при этом отличается доступностью и увлекательностью изложения. Автор демонстрирует ярко выраженную исследовательскую позицию и глубокое понимание как теоретической, так и практической составляющей изучаемой проблематики. Работа характеризуется высоким уровнем осмысления и проработки представленного материала. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

Во **введении** (стр. 4-20 диссертации) отражена актуальность исследования, представлены формулировки объекта и предмета, указаны цели и задачи, теоретическая база и методология исследования, раскрыты теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы научная новизна и положения, выносимые на защиту, представлены сведения об апробации результатов исследования, обозначена структура диссертации.

Содержание первой главы **«Понятие и виды образцов для сравнительного исследования в обеспечении раскрытия и расследования преступлений»** излагается в трех параграфах. В ней определены критерии отнесения объектов к образцам для сравнительного исследования; дано авторское понятие и освещена правовая природа образцов для сравнительного исследования; обосновано новое видение критериев классификации образцов для сравнительного исследования, отражающих процессуальные и криминалистические аспекты их дифференциации. Особое внимание уделено систематизации теоретических знаний и эмпирических данных, касающихся видов образ-

цов для сравнительного исследования, используемых при обеспечении решения задач раскрытия и расследования преступлений.

В первом параграфе **«Понятие и правовая природа образцов для сравнительного исследования»** (стр. 21-43 диссертации) автором осуществлено изучение составляющих единое понятие терминов *«образец»* и *«сравнительное исследование»* с использованием предметного и лексического подходов. По мере их рассмотрения автором были затронуты дополнительные категории изучаемых терминов – *«проба»*, *«эталон»* – и их соотношение с главной дефиницией *«образец для сравнительного исследования»*. Выявленные признаки отнесения объектов к образцам для сравнительного исследования, анализ их правовой природы, а также криминалистические и процессуальные формы проявления позволили автору сформулировать определение изучаемого понятия. В его содержание включены как материальные, так и материализованные (опосредованно материализуемые) объекты, в том числе копии, модели, а также цифровые форматы данных объектов, получившие широкое распространение в практике раскрытия и расследования преступлений последних лет.

Второй параграф **«Образцы для сравнительного исследования в системе источников криминалистически значимой информации»** (стр. 43-61 диссертации) посвящен рассмотрению подходов к сущности криминалистически значимой информации, ее содержанию, характеристикам и источникам, что позволило автору описать модель обеспечения субъектов расследования доказательственной и иной информацией, представленной в непроцессуальной форме. Автор обоснованно утверждает, что образцы для сравнительного исследования получают в рамках процессуальной или оперативно-разыскной деятельности, субъекты которой целенаправленно ориентируются на раскрытие и расследование конкретного преступного деяния. Следует поддержать позицию автора в вопросе о возможности рассмотрения образцов для сравнительного исследования в качестве объектов, обладающих информацией с потенциально отложенным результатом, который приобретает конкретику и доказательственность только после проведения экспертизы, что позволяет как подтвердить, так и опровергнуть предполагаемую причинно-следственную связь между субъектом и событием преступления.

Особое внимание в параграфе уделено составным элементам системы криминалистически значимой информации, что способствовало определению места образцов для сравнительного исследования в системе ее источников. В свою очередь, это позволило сделать вывод о ситуативности использования рассматриваемых образцов в зависимости от обстоятельств раскрытия и расследования преступления, что обусловлено обладанием объектами данной категории свойствами актуальной (доказательственной процессуальной) либо потенциальной (оперативной непроцессуальной) информации.

Третий параграф **«Виды образцов для сравнительного исследования, используемых в обеспе-**

чений задач раскрытия и расследования преступлений» (стр. 61-87 диссертации) описывает ретроспективную специфику развития подходов к построению классификации образцов для сравнительного исследования по значимым для науки и практики основаниям.

Особое внимание в данном параграфе уделено рассмотрению авторской классификации образцов для сравнительного исследования, основания которой разграничены по процессуальным и криминалистическим аспектам. К процессуальным основаниям дифференциации изучаемых объектов диссертантом *относятся*: тактические условия получения; субъекты предоставления (хранения); цели использования образцов для сравнительного исследования; процессуальная стадия и субъекты получения; процессуальное положение лиц, у которых отбираются образцы; вид процессуального действия, в рамках которого отбираются образцы; вид процессуального действия, в ходе которого могут быть получены образцы; условия добровольности предоставления; принадлежность образца; способ его получения при проведении оперативно-разыскных мероприятий. В качестве криминалистических оснований соискателем *выделены*: виды отображаемых свойств; задачи предстоящего исследования; виды экспертиз; форма и способ предоставления.

Вторая глава «Получение образцов для сравнительного исследования в рамках следственных, процессуальных действий и оперативно-разыскных мероприятий» включает в себя три параграфа, последовательно раскрывающих организационно-тактические особенности получения образцов для сравнительного исследования в процессуальной и непроцессуальной формах.

В первом параграфе «Получение образцов для сравнительного исследования при производстве следственных действий» (стр. 88-115 диссертации) автор исследует сущность, содержание, процессуальные и тактические особенности проведения следственных действий, в процессе которых предусмотрено решение задач, связанных с получением образцов для сравнительного исследования. Особое внимание уделено процедуре принудительного получения объектов рассматриваемой категории. Соискателем констатируется целесообразность отказа от данного следственного действия до возбуждения уголовного дела в случае, когда имеется информация об отсутствии добровольного согласия фигуранта предоставить образцы, и переноса его проведения на время после преодоления конфликтной ситуации или на период предварительного расследования, когда будут четко обозначены процессуальные статусы и появится возможность применять методы принуждения.

Соискателем на основании результатов изучения эмпирического материала сформулированы предложения по дополнению ряда статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих изучаемую сферу общественных отношений.

Следует отметить потенциально положительный результат внедрения в деятельность право-

охранительных органов предлагаемых автором алгоритмизированных организационно-тактических рекомендаций, призванных обеспечить получение образцов для сравнительного исследования, необходимых для производства судебных экспертиз.

Во втором параграфе «Получение образцов для сравнительного исследования в рамках оперативно-разыскной деятельности» (стр. 115-134 диссертации) анализируются возможности интеграции результатов оперативно-разыскной деятельности, обеспечивающих получение исковой информации, в уголовное судопроизводство. Автор настаивает на утверждении, что только единообразная правоприменительная практика способствует формированию типового суждения судебных органов о легальности использования образцов для сравнительного исследования, добытых оперативно-разыскным путем. Вместе с тем соискатель указывает на то, что получение образцов для сравнительного исследования оперативно-разыскными методами, реализуемыми по поручению органа дознания, является целесообразным лишь при условии, когда все иные уголовно-процессуальные методы не принесли желаемого результата.

В качестве наиболее значимого результата исследования можно выделить предложенные диссертантом *алгоритмизированные организационно-тактические рекомендации*, содержащие порядок и механизмы получения образцов для сравнительного исследования в ходе реализации оперативно-разыскных мероприятий, позволяющие минимизировать вероятность получения недоброкачественных образцов, в том числе тех, использование которых повлечет за собой признание результатов экспертного исследования недопустимыми доказательствами.

В третьем параграфе «Получение образцов для сравнительного исследования при решении задач судебных экспертиз» (стр. 135-151 диссертации) автором раскрыты особенности прямого и опосредованного участия субъекта судебно-экспертной деятельности в получении рассматриваемых объектов. Большое внимание уделено видам, задачам и особенностям проведения экспертного эксперимента, результаты которого обеспечивают как выдвижение экспертных гипотез, постановку задач для решения проблемы, так и определение методических составляющих оценки полученного в процессе эксперимента сравнительного материала.

Автор отмечает, что получение образцов для сравнительного исследования при проведении судебных экспертиз обладает своими процессуальными, организационными и методическими особенностями.

В рамках разработки методической и инструментальной базы проведения рассматриваемой стадии судебной экспертизы соискателем предложены различные технико-криминалистические средства и технологии их применения, обеспечивающие эффективность получения сопоставимых образцов (манекены, устройство «Мишень» с имитацией структуры тела человека, материал

«Zhermack Elite HD+», автотренажер «Захват-01М» и т.д.).

Третью главу «**Совершенствование информационного и технологического обеспечения получения образцов для сравнительного исследования в процессе раскрытия и расследования преступлений**» составляют два параграфа. В ней рассмотрены информационные процессы, способствующие получению образцов для сравнительного исследования, а также возможности использования современных технологий получения образцов для сравнительного исследования в информационном обеспечении раскрытия и расследования преступлений.

В первом параграфе «**Информационные процессы и их роль в совершенствовании получения образцов для сравнительного исследования**» (стр. 152-176 диссертации) проанализировано влияние информационных процессов на деятельность правоохранительных органов по получению образцов для сравнительного исследования.

Автором детально изучены правовые, организационные и методические аспекты корреляции информационных процессов и процедуры получения образцов для сравнительного исследования. Соискатель справедливо отмечает, что организационные особенности информатизации *обуславливают необходимость* координации действий различных специалистов при использовании технических средств; создания логистики для транспортировки и хранения образцов; организации эффективного взаимодействия субъектов раскрытия и расследования преступлений с экспертными учреждениями. Это, в свою очередь, требует наличия специализированного оборудования, отлаженной системы учета и контроля, а также своевременного обучения персонала. Обращается внимание на то, что методическая сторона вопроса *определяет* необходимость правильного выбора методов получения образцов в зависимости от их вида и целей исследования, использования специализированных информационных ресурсов (например федеральных баз данных геномной и дактилоскопической информации), а также постоянного совершенствования методов и технологий. В данном контексте следует поддержать мнение диссертанта о том, что информационные процессы, обеспечивающие сбор, обработку и формирование рассматриваемых объектов, расширяют перечень источников информации о свойствах и признаках различных видов образцов для сравнительного исследования. Кроме того, изучаемые процессы совершенствуют прикладные формы получения и операционное поле применения содержащейся в образцах информации, необходимой для установления тождества объектов и определения механизма и обстоятельств формирования проверяемого объекта.

Во втором параграфе «**Современные технологии получения образцов для сравнительного исследования в обеспечении раскрытия и расследования преступлений**» (стр. 176-197 диссертации) обсуждаются вопросы интеграции технологий различных видов в процессы получения образцов для сравнительного исследования.

Автором достаточно подробно рассмотрены технологии, используемые в процессе сопоставления объектов традиционных криминалистических экспертиз, ведения экспертно-криминалистических учетов, имеющих идентификационное целевое предназначение, а также для проведения сравнений объектов современных информационных платформ на внедряемых в практику модулях АПК «Безопасный город», подсистемы автоматической регистрации сценариев индексирования видеоинформации (ПАРСИВ). Особенно следует отметить указание автором категории образцов для сравнительного исследования, получаемых при расследовании преступлений, совершенных с использованием голосовых и аудиовизуальных технологий дипфейк, и обладающих определенной спецификой.

В **заключении** (стр. 198-205 диссертации) приводятся выводы и предложения, сформулированные по результатам работы, которые определяют ее новизну, а также теоретическую и практическую значимость.

В **приложениях** представлены материалы, иллюстрирующие результаты анкетирования сотрудников экспертно-криминалистических, следственных и оперативных подразделений органов внутренних дел.

Диссертация написана хорошим литературным языком, оформлена в соответствии с установленными требованиями, материал изложен логично.

Вместе с тем, несмотря на несомненные достоинства диссертационного исследования, следует отметить, что представленная работа, как и любой научный труд, содержит ряд дискуссионных положений, которые нуждаются в дополнительном пояснении:

1. На стр. 31-32 автор с учетом подходов к понятию «проба» указывает, что данный объект «как часть материала или вещества, взятая для анализа и отражающая основные свойства и признаки **исследуемого объекта** экспертного исследования», относится к разновидности «образца для сравнительного исследования». В данном контексте получается, что проба одновременно выступает и как исследуемый объект, предназначенный для выявления признаков, характеризующих состав и качество материала, и как образец для сопоставления. Полагаем, что в ходе публичной защиты автору необходимо пояснить двойственную суть своей позиции по данному вопросу, тем более что на стр. 37 справедливо утверждается, что «образцы всегда сравниваются с вещественными доказательствами», тогда как вещественные доказательства могут исследоваться в качестве самостоятельного объекта исследования.

2. Рассматривая процессуальную форму проявления соотношения образцов для сравнительного исследования и вещественных доказательств, автор на стр. 38 дифференцирует их по субъекту получения, между тем в двух предлагаемых формах субъект один – следователь (дознатель), который в первом случае «получает» образцы для сравнительного исследования, а в другом «добывает» вещественные доказательства. Хотелось бы

услышать мнение автора по различию терминов «получены» и «добыты» с учетом нетождественного понимания автором понятий «вещественные доказательства» и «образцы для сравнительного исследования».

3. На стр. 79 автор предлагает основания классификации образцов для сравнительных исследований по целям их использования: обеспечивающие производство экспертных исследований и обеспечивающие получение «оперативно-значимой информации о причастности к совершению преступлений конкретного лица». Полагаем, что вторая категория нуждается в дополнении и должна предусматривать обеспечение возможности установления и иных сведений (например установление конкретного экземпляра огнестрельного оружия, использованного при совершении преступления, и т.д.).

4. Вызывает вопросы целесообразность изложения материала на стр. 107-108, обзорно раскрывающего специфику обнаружения на местах происшествий некоторых видов материально-фиксированной следовой информации (следов обуви, одежды, «давних и угасших следов, следов, подвергшихся негативному воздействию среды или других объектов» и т.д.). Автор не комментирует, как это соотносится с основной темой первого параграфа второй главы, что, безусловно, предусматривает необходимость пояснений.

5. С учетом подробно описанного в третьем параграфе второй главы обеспечительного технико-криминалистического инструментария, используемого для получения образцов для сравнительного исследования в рамках экспертного эксперимента, а также изложенного методического подхода к непосредственному производству данной стадии судебной экспертизы автору следовало бы дополнить основания предлагаемой в третьем положении, выносимом на защиту, классификации образцов для сравнительного исследования так, чтобы принималось во внимание видовое разнообразие следовоспринимающих

поверхностей: полученные с использованием специально разработанных или приспособленных для обеспечения потребностей судебно-экспертной деятельности объектов, образцы для сравнительного исследования, предусматривающие и не предусматривающие в процессе своего формирования необходимость учета механизма слеодообразования идентифицируемого объекта.

Указанные замечания носят дискуссионный характер и не снижают научной ценности проведенного исследования. Они отражают естественный процесс развития научной мысли, могут стать основой для дальнейших изысканий в данной области и ни в коей мере не влияют на положительную оценку диссертации.

Диссертация Елены Сергеевны Ивановой «Получение образцов для сравнительного исследования при раскрытии и расследовании преступлений: теория и практика» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение научной задачи, имеющее значение для уголовно-правовой науки в целом, уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертологии в частности. Работа представляет собой актуальное самостоятельное завершённое научное исследование, основанное на репрезентативной эмпирической базе, что обеспечивает достоверность и обоснованность выводов и предложений, обладающих научной новизной, теоретической и практической значимостью. Содержание автореферата соответствует представленной диссертации.

Диссертация в полной мере соответствует критериям, установленным п.п. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в действующей редакции), а ее автор – Елена Сергеевна Иванова – заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки). ■

© Дронова О.Б., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Дронова О.Б. Отзыв официального оппонента на диссертацию Елены Сергеевны Ивановой «Получение образцов для сравнительного исследования при раскрытии и расследовании преступлений: теория и практика» // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (83). С. 156-161.

**Памяти профессора
Павла Викторовича
АНИСИМОВА
(28 марта 1950 г. - 19 февраля 2026 г.)**

19 февраля 2026 года ушел из жизни доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации Павел Викторович Анисимов. Он был не просто выдающимся ученым, а человеком, который создал целое направление в науке, основал собственную научную школу и навсегда изменил в юридическом образовании подход к правозащитной тематике.

Павел Викторович родился 28 марта 1950 года в поселке Петсамо Мурманской области в семье офицера-подводника Северного флота. В 1967 году с золотой медалью окончил среднюю образовательную школу и поступил в Волгоградский политехнический институт на автотракторный факультет.

Несколько лет спустя судьба связала его с Высшей следственной школой МВД СССР. После завершения обучения в 1980 году он остался работать в этом вузе, и юриспруденция стала главным делом его жизни. Здесь Павел Викторович прошел путь от заместителя начальника курса до заместителя начальника Волгоградской академии МВД России по научной работе.

В 1988 году вместе с профессором Феликсом Михайловичем Рудинским Павел Викторович Анисимов сделал то, что в советские годы было настоящим прорывом в юриспруденции: открыл в системе МВД СССР первую кафедру прав человека. С этого момента в юридическом образовании страны началась системная работа над правозащитной проблематикой. В 1993 году он защитил кандидатскую диссертацию «Соблюдение прав человека как элемент правовой культуры сотрудников органов внутренних дел», а в 2005 году – докторскую диссертацию «Теоретические проблемы правового регулирования защиты прав человека». Его труды легли в основу решения ряда научных проблем: он разработал понятия правозащитных отношений, методов, функций и критериев эффективности защиты личности, создал типологии и проанализировал механизмы реализации правозащитных полномочий.

В должности заместителя начальника Волгоградской академии МВД России по научной работе Павел Викторович проработал с 1997 по 2011 год. Именно тогда академия превратилась в один из главных научных центров системы МВД России: расширился спектр исследований по всем юридическим специальностям, окрепла подготовка научных кадров, заработали четыре диссертационных совета, вуз не раз побеждал в ведомственных и федеральных конкурсах, получал гранты и направлял их на развитие науки и обновление материальной базы. Под личным руководством Павла Викторовича были защищены 22 кандидатские диссертации, а при его участии в работе диссертационных советов – более четырехсот.

Коллеги знали его еще и как человека, который умел соединять теорию с живой практикой. С 2002 года он работал экспертом по правовому образованию при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, более десяти лет возглавлял Волгоградскую ассоциацию содействия правовой реформе, входил в экспертные советы при органах государственной власти, был членом Волгоградского областного избирательного комитета с правом решающего голоса. Результаты его законотворческой работы отражены в целом ряде документов: от федеральных законов «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» и «Об общественных объединениях» до уставов Волгоградской области и города Волгограда. Практическим воплощением научных знаний о правах человека в социальную жизнь стал опыт работы Павла Викторовича в судебных процессах. Он участвовал в защите прав вынужденных переселенцев в качестве представителя стороны, заявлявшей о нарушении прав человека.

Научное наследие Павла Викторовича составляют более двухсот работ: монографии, учебники, учебные пособия с грифом МВД России. Многие из них стали настольными книгами для нескольких поколений сотрудников правоохрани-

нительных органов и ориентиром для ученых, исследовательские интересы которых охватывают область теории государства и права и прав человека. Среди таких изданий: монографии «Правовое регулирование защиты прав человека» (2003 год), «Права человека и правозащитное регулирование. Проблемы теории и практики» (2004 год), «Метод правозащитного регулирования» (2005 год), «Теоретико-правовые и организационные основы правозащитной системы в Российской Федерации» (2007 год), «Институт защиты прав человека» (2009 год), «Судебное толкование права в механизме защиты прав и свобод человека (проблемы теории и практики)» (2010 год); учебники «Теория права и государства» (2002 год), «Административное право» (2003 год); учебные пособия «Принципы производства по делам об административных правонарушениях» (2000 год), «Сравнительный анализ законодательства об административных правонарушениях Российской Федерации и Республики Беларусь» (2001 год), «Административная ответственность в Российской Федерации» (2002 год).

После выхода на пенсию Павел Викторович продолжил передавать свой опыт обучающимся: он возглавлял кафедры в Волгоградском институте бизнеса, Волжском институте экономики и педагогики, а последние годы работал профессором в Калмыцком государственном университете имени Б.Б. Городовикова.

Его заслуги получили высокое признание. В 2004 году указом Президента Российской Федерации ему было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации». В 2008 году по представлению Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации В.П. Лукина за активную работу в качестве эксперта Организационно-аналитического управления

Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Патриарх Московский и всея Руси вручил ему орден Святого благоверного князя Даниила Московского III степени. Павел Викторович также награжден ведомственными медалями МВД России «За безупречную службу» трех степеней, знаками «За верность Отечеству», «За отличную службу в МВД» и другими.

Любовь к науке Павел Викторович передал своим детям. Сын, Алексей Павлович Анисимов, – профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин Донского государственного технического университета, доктор юридических наук, профессор. Дочь, Анна Павловна Алексеева – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Для тех, кто знал Павла Викторовича Анисимова, он навсегда останется в памяти человеком справедливым, принципиальным, отзывчивым, строгим в науке, глубоким и при этом удивительно живым – умевшим соединять теорию с реальностью жизни. Идеи Павла Викторовича находят развитие в работах его учеников и коллег, задавая направления и тон исследованиям на много лет вперед. Светлая память.

**главный редактор журнала
«Вестник Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета
МВД России», доктор юридических наук,
профессор, заместитель начальника
Санкт-Петербургского университета
МВД России (по научной работе)
Максим Викторович БАВСУН**

ВЕСТНИК

КАЛИНИНГРАДСКОГО ФИЛИАЛА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

№ 1 (83)
2026

Vestnik of the Kaliningrad Branch
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia

Главный редактор
М.В. Бавсун
Заместитель главного редактора
А.П. Алексеева

Над выпуском работал:
А.В. Стулов
(дизайн, редактирование,
компьютерный макет)

Сдано в набор - 02.03.2026. Подписано в печать - 30.03.2026. Дата выхода в свет - 31.03.2026.
Формат 60x90 1/8. Объем - 20,5 у.п.л. Заказ № 496. Тираж - 50 экз.
Информация о цене выпуска: свободная цена.

Отпечатано на полиграфической базе Калининградского филиала СПбУ МВД России
Адрес типографии: Россия, 236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.